

**Институт языкознания
Российской Академии наук
Московский исследовательский центр абхазоведения**

Г. Ф. Турчанинов

**ОТКРЫТИЕ И ДЕШИФРОВКА ДРЕВНЕЙШЕЙ
ПИСЬМЕННОСТИ КАВКАЗА**

**МОСКВА
1999**

УДК 930.27
ББК 63.2
Т 89

Г. Ф. Турчанинов

Открытие и дешифровка древнейшей письменности Кавказа
(Середина III тыс. до н.э. - IV-V вв. н. э.)

*МОНОГРАФИЯ ПУБЛИКУЕТСЯ ПО РЕКОМЕНДАЦИИ ОТДЕЛЕНИЯ
КАВКАЗСКИХ ЯЗЫКОВ ИНСТИТУТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН.*

Рецензенты: М. А. Коростовцев - академик АН СССР

А. Н. Кононов - академик АН СССР

Научный редактор - И. Б. Басариа-Анкваб

Московский исследовательский центр абхазоведения, институт языкознания РАН выражают глубокую благодарность **Виктору Абаза** и **Вахтангу Кецба** за инициативу и спонсорскую поддержку в издании этой книги.

ISBN - 5-06-003336-7

© И. Б. Басариа-Анкваб, 1998

В книге дешифруются и исследуются надписи, устанавливающие существование на Кавказе доселе неизвестной цивилизации и созданного в ее недрах силлабического письма, принадлежавшего предкам абхазов, абазин и убыхов, которые некогда называли себя ашуйцами, а страну свою Ашуйей. В III тысячелетии до н.э. эта страна простиралась от Черного моря на юге до нынешнего Майкопа на севере и выходила за пределы рек Кубани на северо-западе и Фазиса (Риона) на юго-востоке. Древнейшими археологическими реалиями ашуйской цивилизации были майкопская, куроаракская, дольменная и колхидская культуры. Публикуемые письменные памятники ашуйского языка охватывают период с середины III тысячелетия до н.э. по IV - V вв. н. э. В конце III—начале II тысячелетия до н.э. ашуйское письмо было занесено в древнюю Финикию продававшимися туда ашуйскими рабами и утвердилось в ней как протобиблское (псевдоиероглифическое) письмо. Этим объясняется однообразие в письменностях Ашуи (древней Абхазии) и Библа (Финикии). Ашуйское письмо в Библе явилось в дальнейшем основой к созданию собственного финикийского письма.

“Последний из могикан” ленинградской школы кавказоведения

Вклад российской лингвистической мысли в изучение кавказских языков весьма оцутим и охватывает продолжительный исторический период.

Первый букварь, первая грамматика, первый алфавит, первое научное описание языков, первый словарь, подготовка первых научных кадров, популяризация и распространение знаний о структуре кавказских языков в зарубежной лингвистике, лингвопедагогические теории об устройстве горских школ и обучение горцев, создание национальных местных кавказоведческих центров и становление лингвистических школ на местах – это не полный перечень задач и вопросов, стоявших перед российскими лингвистами – кавказоведами... “Исследования российских ученых-пионеров кавказоведения – явились фундаментом, на котором развивается современная западнокавказская лингвистика, так что представить историю данной отрасли науки без этого вклада практически невозможно»¹.

П.К. Услар, Н.Я. Марр, Л.Г. Лопатинский, А. Дирр, И.И. Мещанинов, Н.Ф. Яковлев, Н.С. Трубецкой, А.Н. Генко, Г.П. Сердюченко – вот имена тех, кто сыграл определенную роль в становлении и развитии западнокавказского языкознания.

И среди этих славных имен значится имя русского, советского ученого Георгия Федоровича Турчанинова, которого “представлять ученым-филологам нет необходимости, так как его имя в науке давно известно. Разве только следует напомнить, что Г.Ф. Турчанинов один из самых крупных советских кавказоведов-адыгovedов и уникальный специалист по дешифровке эпиграфических памятников письма”, – пишет доктор филологических наук, профессор, известный иранист М.И. Исаев.

Мне же – его ученице – представляется возможность сказать о своем учителе несколько слов для более широкого круга читателей.

“Коренной петербуржец” – говорил о себе Георгий Федорович, и явно было видно, что он этим гордился. Гордился Георгий Федорович не только своим происхождением (последние годы жизни занимался изучением своей родословной), но и тем, что учился у таких известных славистов и русистов – профессоров: С.П. Обнорского, Б.Н. Ляпунова, М.Г. Долобко, Н.С. Державина. “Это была хорошая подготовка” – рассказывал Георгий Федорович. Она пригодилась будущему ученому впоследствии, когда приехав в 1934 г. в Кабардино-Балкарию, он стал преподавать в пединституте русский и старославянский языки. Но самым большим авторитетом для Георгия Федоровича,

¹ З.М. Габуния. Научные портреты кавказоведов-лингвистов из истории лингвистических учений. Нальчик, 1991

по-моему, был академик Николай Яковлевич Марр, его учитель. Осенью 1928 г. познакомился Георгий Федорович со своим будущим учителем. И до конца своих дней сохранял глубокое уважение к личности Н.Я. Марра. Часто вспоминал его, много о нем рассказывал. Но самое главное – Георгий Федорович ни разу не предал его! Ни разу не отказался от него! За что и был наказан. “После дискуссии 1950 г. я оказался вне стен основанного моим учителем института, в котором проработал 20 лет кряду!... Да, было очень тяжело в ту пору жить. Я даже не снимал халата, работая библиотекарем АН (БАН), куда с большим трудом устроился”, – вспоминал Георгий Федорович. И только через восемь лет он был возвращен в стены института, который уже именовался Ленинградским отделением института языкознания АН СССР.

Свою первую научную статью Г.Ф. Турчанинов написал в 1930 г. Учитель, Николай Яковлевич Марр, весьма высоко оценил первую работу своего ученика. Он написал: “То, что делает Турчанинов, сделало бы честь рядовому аспиранту”. Георгий Федорович был настолько к себе взыскателен, что забраковал свою статью, и она не увидела света. Официальный отчет времени научной деятельности Георгия Федоровича начинается с 1932 г. с появления в свет статьи “Основные принципы развития слова”².

“Последний из могикан” – помню говорил о себе Георгий Федорович. Да, он действительно был “последним из могикан” Ленинградской школы кавказоведения, которая была основана в 1845 г. академиком М.Ф. Броссе и закрыта в 1952 г., просуществовав 107 лет. Георгий Федорович рассказывал, что эта кафедра не ограничивала своих интересов узким кругом одной какой-либо дисциплины.

Язык и литература, история, эпиграфика, история общественной мысли, источниковедение, история культуры – вот те аспекты и разделы кавказоведения, которым посвящали свои труды ее питомцы. Из этой кафедры вышли Патканов К.П., Цагарели А.А., Марр Н.Я. и его ученики.

В институте языка и мышления (ИЯМ) работа Георгия Федоровича протекала в кабинете кавказских языков. Рядом с ним трудились Мещанинов И.И. (урартский), Башинджагян Л.Г. (армянский), Быховская С.Л. (даргинский), Шаумян Р.М. (агульский и языки шахдакской группы), Дондуа К.Д. (грузинский и сванский). Позже, спустя 42 года Георгий Федорович совместно с академиком Пиотровским Б.Б. напишет статью к 80-летию со дня рождения Шаумяна Р.М. А в 1975 г. скажет в печати добрые слова о своем однокашнике Дондуа К.Д.

Кавказоведческая ученая деятельность Турчанинова делится на 4 этапа. Кабардино-черкесским языком стал заниматься по совету Н.Я. Марра. Они и определили весь ход научной исследовательской работы будущего

² Яфетический сборник, УП, Л., 1932. С.19-35

адыговеда. В ту пору молодые ученые интересовались теоретическими проблемами глоттогонии, субстрата и скрещения языков, а в плане практическом ими создавались алфавиты, учебники для школ, грамматики в помощь малым народам Кавказа. И Георгий Федорович в 1936 г. был приглашен областным отделом народного образования Кабардино-Балкарии написать научную грамматику кабардинского языка. Грамматика вышла в свет в 1940 г. и по сей день не потеряла своей значимости. В 1938 г. Георгий Федорович возглавляет первую кабардинскую диалектальную экспедицию. Огромный труд, большой, интересный и нужный материал, к сожалению, погиб вместе с архивом Кабардино-Балкарского НИИ в 1942 г. Остался лишь один осколок от этой экспедиции – очерк Георгия Федоровича “Язык моздокских кабардинцев”. В течение 7 лет (с 1939 по 1941 и с 1947 по 1950) Георгий Федорович читает курсы кабардинского языка и литературы на филологическом факультете Ленинградского университета. В 1987 г. в Нальчике изданы материалы архива Н.А. Цагова. Книга “Из адыгского народного эпоса” вышла под общей редакцией Георгия Федоровича Турчанинова. Составление и комментарии – А.М. Гутова и Г.Ф. Турчанинова. Следует отметить, что опубликованные в данной книге фольклорные тексты на кабардинском языке из “папки Н.А.Цагова” были сохранены благодаря Георгию Федоровичу. Известно, что фольклорные записи 20-х–30-х гг. погибли во время оккупации Нальчика гитлеровскими войсками. Участь архива Н.А. Цагова была такая же. Поэтому сохраненные Георгием Федоровичем материалы представляют для науки и культуры кабардинцев большую ценность.

В 1950-е годы Георгий Федорович работает в Майкопе. Настойчивый в делах, направленных на благо образования, он добивается разрешения от адыгских властей впервые ввести адыгский язык в учебную программу высшей школы в качестве обязательного предмета. Известный адыговед доктор филологических наук У.С. Зекох считает, что “этим существенным шагом было положено начало систематическому и планомерному изучению адыгского языка на уровне высшей школы”. Впоследствии в Адыгее, в Майкопском педагогическом институте было открыто отделение адыгейского языка и литературы. О Г.Ф. Турчанинове, как о ученом, можно говорить много и значительно. Кратко же скажу: кабардино-черкесский язык изучался им во всех его аспектах: грамматическом, лексическом, диалектальном и сравнительно-историческом.

Изучение духовной культуры кабардинского народа Георгий Федорович начинает в 1940 г. Это начало второго направления кавказоведческой ученой деятельности Г.Ф. Турчанинова. Просветитель кабардинского народа, филолог и поэт Шора Бекмурзович Ногмов, о котором тогда почти ниче-

го не знали, становится объектом исследований ученого. В результате выходит в свет двухтомник: “Ш.Б. Ногма. Филологические труды, тт. I и II”³. Исследование-публикация включает в себя никогда и нигде не печатавшиеся работы известного кабардинского ученого и общественного деятеля. Академик И.И. Мещанинов высоко оценил труд Г.Ф. Турчанинова, отметив, что объем двухтомного исследования публикации Георгия Федоровича “составляет 44 авторских листа. Из них на собственные произведения Ш.Б. Ногма приходится 14 листов, т.е. 1/3. ”Насколько нам известно, – продолжает академик И.И. Мещанинов, - ”работа Г.Ф. Турчанинова над исследованием и подготовкой к печати ученых филологических трудов Ш.Б. Ногма заняла у него 12 лет труда и еще 7 лет - на печатание”. Кстати, Вера Александровна, супруга Георгия Федоровича, как-то в разговоре сказала, что очки она носить стала после напечатания трудоемкого исследования.

Академик И.И. Мещанинов признавал “обнародование кавказоведом Г.Ф. Турчаниновым филологических трудов просветителя кабардинского народа, ученого и поэта Шоры Бекмурзовича Ногма в нашей отечественной науке явлением незаурядным”.

Приведу *in extenso* И.И. Мещанинова для полноты характеристики исторического значения научно-общественной деятельности не только Ш.Б. Ногма, но и самого Г.Ф. Турчанинова:

“Написанные более 120 лет назад труды кабардинского филолога имеют для нас двойное значение.

С одной стороны, они являются фактом культурно-исторического порядка, с другой – научного.

Деятельность Ш.Б. Ногма как ученого представляется весьма целенаправленной. Как пишет Г.Ф. Турчанинов, перед Ш.Б. Ногма стояли “три основные задачи”. Исследователь определяет их так:

“Первой, самой важной задачей было правильное определение исторической перспективы будущего культурного развития Кабарды. Ногма нашел эту перспективу: содружество с Россией. История подтвердила ее правильность.

Второй, не менее важной задачей было создание для народа письменности, без которой невозможна никакая культура, никакой прогресс. Ногма создал эту письменность. Не его была вина, что он не смог закрепить ее.

Третьей задачей было распространение среди народа грамотности, знаний, борьба за открытие школ, за народное просвещение. Ногма приложил все усилия, чтобы создать школу, распространить грамоту, знания. И опять не его была вина, что он не смог реализовать задуманное.

---

³ Издан в г.Нальчике 1956-1958 г.г.

Но, поставив перед собой эти задачи, посильно решив их, Ногма добился одного, самого главного, самого нужного. Его идеи захватили собой передовых представителей кабардинского общества и, будучи высказаны и частично реализованы, разбудили это общество от многовековой спячки, для того чтобы никогда уже не умереть, для того чтобы восторжествовать через несколько десятилетий.

До Ш.Б. Ногма никто этого не сделал. В этом заключается его исключительная заслуга перед своим народом”⁴.

Литературовед З.М. Налоев считает, что труд Г.Ф. Турчанинова подготовлен на таком высоком эдиционном уровне, каких в Кабардино-Балкарии не был подготовлен еще ни один филологический труд. “Этот двухтомник вернул народу единственное дошедшее до нас стихотворение Ш.Б. Ногма “Хох” (“Здравнца”)”⁵, уникальные фольклорные записи, лексикографические и грамматические работы. Кроме того, вызывают добрую, белую зависть скупулезная, разносторонняя и мастерская текстологическая обоснованность каждой публикации и оснащенность издания глоссариями... Для кабардинской – и не только кабардинской фольклористики того времени ... этот труд Г.ф. Турчанинова был образцом для подражания”.

Эпиграфика – наука о языке надписей – “третье и последнее направление моей ученой деятельности”, – говорил Георгий Федорович.

Эпиграфом к своей книге “Древние и средневековые памятники осетинского письма и языка” Г.Ф. Турчанинов взял слова С.К. Дикшита: “Эпиграфика... помогает нам достигать точности в определениях и быть всегда настороже по отношению к целому ряду утверждений, лишь наполовину содержащих правду”. Этот эпиграф взят был ученым неслучайно, он характеризует самого Георгия Федоровича: точность в определениях и быть всегда настороже.

Эпиграфическая деятельность его началась в 1944 г., когда была опубликована кабардинская надпись греческого письма XVI в. (1581 г.). Тогда еще Георгий Федорович не знал, что ему предстоит открыть древнейшую письменность на Кавказе. Но он всегда был убежден в том, что “такие ныне малые народы Кавказа, как адыги (черкесы), абхазы, осетины и другие, должны были в отдаленном прошлом делать попытки создать свои письменности, если не на собственной оригинальной основе, то на основе чужой. Находясь в окружении народов с более высокой культурой, малые народы не могли оставаться к ней безучастными”.⁶

Здесь приходит на память такой эпизод. Георгий Федорович

---

⁴ И.И. Мещанинов. Филологические труды выдающегося просветителя кабардинского народа Ш.Б. Ногма. в кн.: Вопросы кавказской филологии и истории. Нальчик, 1982. С.12-16.

⁵ Поэтическое произведение Ш.Б. Ногма “Хох” было написано им в честь русской науки и ак. Шёгрена А.М.

⁶ Г.Ф. Турчанинов. Вопросы кавказской филологии и истории. Нальчик. 1982. С.9.

процитировал мне Лессинга: “Я вполне убежден, что ни один народ в мире не одарен какой-либо способностью перед другим”. Кстати, абхазы никогда не обнаруживали способности ставить себя выше других”, - отметил Георгий Федорович. Будучи знатоком этнографии абхазов он привел такой довод: абхазы, после заглавного тоста “Анцѳа улыпца хат” - “Нисношли, о, господи нам свою благодать” - поднимают тост “Ажѳлар Анцѳа иныхѳааит” - “Да благословит Бог народы!” (мира).

Эпиграфические разыскания ученого, объединенные им в книге “Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы”,⁷ привели к успешным результатам. Оказалось, что далекие предки современных осетин – скифо-сарматы – имели свою оригинальную письменность арамейского дукта. Самый ранний памятник датируется VIII в. до н.э., а самый поздний – II в. н.э. Георгий Федорович считает, что “непрерывная линия развития осетинской письменности была оборвана гуннским нашествием, после которого начинается письменность нового дукта – сиронесторианского.” По средневековой осетинской письменности этого дукта опубликовано свыше 20 надписей, в запаснике Георгия Федоровича имелось еще более десятка. Вообще запасник ученого был очень богат.

Осетинский ученый К.Е. Гагкаев посвятил статью “Об исследованиях Г.Ф. Турчанинова в области осетинской эпиграфики” 80-летию ученого, в которой пишет о том, что Турчанинов стал заниматься осетинскими древностями не без влияния своего коллеги по бывшему ИЯМу В.И. Абаева. Затрудняясь определить дату установления памятника по его загадочным буквам в виде символа ООСЛ и неудовлетворенный интерпретацией академика В.Ф. Миллера некоторых мест Зеленчукской надписи, В.И. Абаев обратился к Г.Ф. Турчанинову. Интерпретация символа Турчаниновым была безоговорочно принята В.И. Абаевым, признавшим ее “удачной и отвечающей как палеографическим, так и культурно-историческим данным”⁸.

Блестящее толкование Зеленчукской надписи и установленная им точная датировка “вполне отвечает также культурно-историческим соображениям, как признает В.И. Абаев, поскольку христианизация предков осетин-алан произошла в X в. (Гагкаев, 1982. С. 35).

В 1990 г. выходит еще одна монография Георгия Федоровича “Древние и средневековые памятники осетинского языка и письма” (Владикавказ). К сожалению, автор не увидел этой книги, так как Георгия Федоровича не стало в августе 1989 года. Книга посвящена осетинской эпиграфике – чтению и интерпретации древних и средневековых памятников осетинского письма

---

⁷ Монография издана в Ленинграде в 1971 г.

⁸ В.И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. Москва-Ленинград. 1948. С. 267-268

и языка. Они утверждают наличие у осетин в древнейший период своей истории оригинальной письменности, которая была утрачена. Однако памятники эти служат надежным вспомогательным материалом для ученых, изучающих историю и духовную культуру осетинского народа, неотъемлемой частью которой является письменность.

Четвертым направлением ученой деятельности Турчанинова по праву является абхазоведение. Оно начинается не с дешифровки древних письмен, а с написания статьи о своем учителе “Н.Я. Марр – абхазовед”⁹. С тех пор ученый посвятил немало интереснейших и ценных страниц истории языка абхазов, этнокультурной истории абхазов, этно- и топонимии Абхазии и древнейшей письменности абхазов. Его работы, посвященные истории и семантике этнонимов Восточного Причерноморья, не оставляют равнодушными не только абхазоведов, но и тех, кто интересуется вообще абхазскими древностями. Приведу лишь одну работу Георгия Федоровича “К истории семантики этнонимов Восточного Причерноморья: ’Αχαιο ι, Ζυγοι, ’Ηνιοχοι.

Этноним ’Αχαιοι писателей классической древности относится ко второй половине IV в. до н.э. Их помещают за торетами, южной границей земель которых была р. Пшад. Вслед за Скилаком Кариндским название ахаиев приводит Страбон (66 г. до н.э. - 23 г. н.э.). Он пишет: “за Синдикой и Горгиипией идет вдоль моря побережье ахаиев, зигов и гениохов”¹⁰.

Автор впервые делает попытку проанализировать поименованные Скилаком и Страбоном названия ’Αχαιοι, Ζυγοι, ’Ηνιοχοι как с историко-лингвистической точки зрения, так и с позиции самой абхазской речи. Здесь на помощь исследователю пришли уже дешифрованные памятники древнего ашуйского (абхазо-абазинско-убыкского) письма. В тексте бронзовой таблички Д и спатулы и, датируемые XIX в. до н.э., встречается название Аи – части горной Абхазии, жители которой именовали себя “аиевскими людьми”. Разложив слово Αχαιοι на компоненты ’αχ и αι, ученый рассматривает первый компонент ’αχ=абх. ах, сохранившемуся в современном абхазском языке в слове ахра – скала. Н.Я. Марр указывает, что это слово имеет также значение “ряд голых скал”. Освобожденная от аффикса собирательности -ра основа ах- со значением “скала” в этнониме ахаи, как комозите, является определением к имени аи и все слово-этноним воспринимается в значении “скальные (т.е. горные) аи” (Турчанинов).

Автор считает, что исчезнувший этноним ахаи сохранился в синонимическом ему названии аибга небольшого горного племени абхазов, обитавшего еще в конце XIX в. в верховье р. Псоу. Название это, буквально

⁹ Язык и мышление, VII, Л., 1937. С.147-163

¹⁰ В.В.Латышев “Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе”, т.1 СПб., 1890. С.133,

означая “аиевские скалы”, представляют этнонимизацию топонима, понимаемого как название аибговцы. “По-видимому аибга, – считает Турчанинов, – представляли собой тех “скальных Аи”, которых засвидетельствовали Скилак и Страбон. Существование термина Аи, как название горных абхазов поддерживается в наше время также топонимом Аишьха – “гора аиев” в районе Адлера и фамилией этнонимического происхождения Аиба, известной среди бзыбцев, т.е. северо-западных абхазов”.

Следуя этой же методике, автор раскрывает два древне-абхазских топонима-этнонима Κυταιός (Κυταιίος) и Αία , зафиксированные в “Аргонавтике” Аполлония Родосского (середина III в. до н.э.)

Эти два местных древне-абхазских топонима-этнонима относятся к юго-восточной части понтийского побережья.

Как бы мне не хотелось сделать свое предисловие более или менее кратким, но материал Георгия Федоровича настолько захватывает, что я не могу не поделиться с вами.

Итак, еще одно место вышеназванной статьи приведу *in extenso*.

“В абхазском языке не было долгих и кратких гласных, следовательно, акцентуацию названий в греческих текстах нужно относить за счет греков.

При таком положении, отбросив греческое падежное оформление $=\acute{\epsilon}\omicron\varsigma$ и $=\acute{\iota}\delta\omicron\varsigma$ в топониме Κυταιός (Κυταιίδος) мы будем читать его как Κυται , а это основа имени с позиций абхазской речи представляет собой, как и основа ’Αχαι , композиту, состоявшую из двух компонентов: Κυτ и $\alpha\iota$

Компонент Κυτ сопоставим ближайшим образом с абхазским корнем кут , что наличен в глаголе (а)кут(ра) *гесп.*(а)ку(и)т(=ра) – “господствовать”, “владеть”¹¹, а компонент $\alpha\iota$ сопоставим с названием той горной Абхазии из которой был родом владетель Κυται царь Айэт и которую греки называли то Κυταιός , то Αία Иначе говоря, Κυται это “владетельная, господская *гесп.* Царская Аи”¹². Следовательно, горная Абхазия (греч. ’Αχαια) делилась, по крайней мере, на две части – на “владетельную *гесп.* царскую Аи” и на “не царскую Аи”. Невольно при этом приходит на память параллель из геродотовского описания Скифии с ее царскими и не царскими скифами. Делать какой-либо вывод из этой параллели однако не следует.

Нельзя не обратить внимания и на такие факты, как наличие в древнем абхазском языке двух форм наименования горной Абхазии: Аи и Аиа, как

¹¹ МАСл,88,а. Русско-абхазский обратный словарь. По «абхазско-русскому словарю Н.Я.Марра», под ред. К. Довдуа. Л., 1928. С.14.

¹² И.В.Басария. Цит. соч. С.10.

они выявляются с одной стороны в таких словах как *Κυται* –έος, ἸΑχαί–οι, с другой – в словах *Αία*, *Αίατης*, (*Αίητης*)¹³, т.е. в наличии форм – одной с гласным исходом на *α*, а другой с нуль звуком, при полной редукции гласного в исходе слова. Явление это в греческой адаптации абхазских слов несомненно отражает диалектальные особенности древней абхазской речи, особенности аналогичные тем, какие мы наблюдаем до сего времени, например, в бзыбском диалекте в сравнении его с абжуйским.¹⁴

При таком положении личное имя колхского (древне-абхазского) царя Айэта хорошо раскрывает свое абхазское происхождение: *Αίατης* это Айа+ тэы – “Айи из” т.е. “Айатский”, происходящий “из Ай”, как уже мне приходилось об этом писать совсем недавно.¹⁵

Едва ли можно сомневаться в том, что термины *Аи* и *Ахаи* абхазские. Выступая то самостоятельно, то в композитах они отвечают фонетическим, лексическим и морфологическим нормам абхазской речи, сохраняющей поразительную устойчивость форм на протяжении многих веков и до настоящего времени.

Этноним *Ζυγοί* – зиги, в своей корневой основе *zyy* = сиг//дзиг автор признает убыхским вкладом. Термин означал “абхаз”, “абазин”. Этот этноним представлял собой греческую адаптацию убыхского названия абхазов и абазин – (а)зга// (а)дзыга, и уже в убыхском утратил свой композитный состав. После нового чтения Майкопской надписи XIII–XII вв. до н.э., после уточнения силлабария древней абхазо-абазино-убыхской письменности этот топоним имел уже форму (а)згъа// (а)зыгъа. Фонетически более древняя форма состоит из двух компонентов: (а)з и=гъа. Комп. гъа и поныне существует в абхазском языке и означает “всходы”. Как указывал Н.Л. Марр, абхазский этнограф Н.С. Джанашиа считал для слова гъа исходным значение “семья”. В древности при обозначении людских сообществ слово гъа употреблялось с семантикой не “семья”, а “племя”. Следовательно, этноним (а)згъа означал “аз(ов) племя”. Корень аз образовывал и другой аналогичного значения этноним. В XIX в. н.э. еще было известно название для абхазов – “азра”. Его приводит, в частности, английский резидент Джеймс Белл.

П.К. Услар, а вслед за ним и А.Н. Генко предполагал, что “азра” произошло из “адзыга” – убыхского названия абхазов. Турчанинов же считает, что между азра и азгъа (азыгъа), если и есть что общее, то это основа корня аз. Основа “аз” входит в состав этнонима а-зы-хуа//а-з-хуа

¹³ Г.Ф.Турчанинов. Памятники письма и языка .....С.27.

¹⁴ ББД. С.120.

¹⁵ Г.Ф.Турчанинов. Цит. соч. С.27. В данном случае уже с поправкой в отношении значения слова Абла

– “зих” – так абхазы и поныне называют черкесов - в греческих источниках бытует в форме Ζιχ-οι. Последнее смешивалось с Ζιγ-οι.

Георгий Федорович признается, что эта ошибка не миновала ни греческих авторов, ни его учителя Марра Н.Я., ни его самого. Ошибка возникла от того, что при совпадении в произношении в некий период времени греческих υ и ι, одинаково передающих местный кавказский звук ы, не учитывалось различие в консонантах γ и χ, друг друга не замещавших в каждом из этнонимов, наделенных своей семантикой, – объясняет автор.

Таким образом этноним азгъа//азыгъа (убых. азгá//адзыгá) в сопоставлении с этнонимом азра представлял собой “аз(ов) племя”, “аз(ров)ское племя”, а этноним азхуа//азыхуа – “зихи”, “черкесы” – означал “аз(ра) кривые”, “не настоящие аз(ра)”.

Ἡνιοχοι – “гениохи”, название, к которому обращались очень многие исследователи. Гениохи географически были раскиданы по всему юго-восточному побережью Понта. Они разбойничали почти на всем Понте. По сообщению Страбона в этом были заинтересованы даже местные правители. “Случается, – пишет Страбон, – что им способствуют и владетели Боспора, предоставляя стоянки, покупку провианта и продажу награбленного (SC, I, 134). Поэтому Турчанинова не удивляет появление гениохов на южном побережье Понта, где по свидетельству Флавия Арриана (II в. н.э.). Они вместе с макронами (μακρόνες) под властью царя Анхъала представляли некую грозную силу.

Слово “Ἡνιοχος”, – считает Георгий Федорович в устах приморского абхаза звучала ганыуахэ, что буквально означает “приморско-береговой земли соплеменников грабящие: где

- 1) га – “морской (приморский) берег”
- 2) ны – “земля”, “страна”
- 3) уа – “соплеменник” (совр. абх. и абаз. уа – сородич)
- 4) хэ – от глагола а=р=хэ=ра “грабить”.

По мнению исследователя термин ганыуахэ показывает род занятий некоторой части местного населения – пиратства. Но абхазский компонент уа “соплеменник” подчеркивает, что гениохи были абхазами.

Этно- и топонимы исторической Абхазии в передаче писателей классической древности в лингвистическом плане с привлечением исторического, этнографического, географического, археологического и др. материала с учетом отношения графики к фонетике и опираясь на другие методы исследования убеждаешься в том, что такие названия как Айя Колхидская, Киркейская равнина, Амарантские горы в Колхиде,

Кутайя (Кутаиси), река Фазис, этнонимы: кораксы, колы, тореты, керкеты, саниги, – Восточно-Причерноморский топоним Тома – место захоронения Апсырта; Кукунда, Алмиа, Азараба и Тирамба географа Птолемея и многие другие названия на поверку оказываются местными абхазскими.

С таким учителем как Георгий Федорович нельзя было не почувствовать вкус науки.

Дальнейший путь ученого в абхазоведение связан с открытием древнейшей письменности. Небезызвестная, нашумевшая Майкопская плита, датируемая XIII-XII вв. до н.э., была прочитана Турчаниновым. Затем Георгий Федорович читает надпись, сделанную на керамической плите, она была обнаружена археологом М.М. Трапш в 1952 г. при строительстве Сухумской набережной и названа Аквинской (Сухумской) первой надписью II в. до н.э. А в 1971 г. автором этих строк была случайно обнаружена еще одна надпись. Счастью моему не было предела! Я бежала с этой драгоценной ношей в 4 кг к Тамаре Платоновне Шакрыл! В подъезде ее дома я уже кричала: мама Тамара, я по-помоему нашла камень с надписью. Тамара Платоновна меня успокоила и сказала, что на днях Маргарита Глебовна Ладария летит в Ленинград и она отвезет камень известному эпиграфисту Г.Ф. Турчанинову и посмотрим, что он скажет!

Ответ из Ленинграда был таким: “Надпись прочтена, она транскрибируется как Акуаа. Она относится к рубежу – I в. н.э.”.

Кстати, своему будущему учителю я была представлена Т.П. Шакрыл. Георгий Федорович тогда уже заканчивал чтение тех надписей, которые вошли в предлежащую книгу. Он предложил мне поработать над одним из текстов. Мы долго беседовали, а потом он сказал Тамаре Платоновне, что возьмет меня в ученицы. Так в декабре 1975 г. я была зачислена в аспирантуру Ленинградского отделения Института языкознания, а Георгий Федорович стал моим научным руководителем.

На моих глазах происходило, можно сказать, создание этой книги, не говоря уже об ее издании. Сверхчеловеческая работоспособность Георгия Федоровича поражала меня! Иногда над одним словом можно было просидеть восемь часов подряд. Помню, Георгий Федорович долго бился над словом “Танап”, не найдя ничего, что могло бы объяснить это слово поначалу, он попросил меня написать в Турцию Омару Бейгуа. Два корифея никогда не виделись, но относились друг к другу с большим уважением и симпатией. Георгий Федорович говорил мне, что надо беречь Омара Бейгуа, писать ему и собирать драгоценнейший языковой материал. А Омар Бейгуа, в свою очередь, писал мне: “Х-хы Турчанинов анцџа дизылцхааит, пату икуцала, сысалам цхакуа сызит”.

То, что сделал Георгий Федорович для абхазоведения "хуы амам", как говорят абхазы, т.е. „не имеет цены". Вы держите в руках книгу-историю. Эта книга – сама история не только по своему содержанию, но все, что связано с выходом ее в свет – это тоже история. То, что она войдет в золотой фонд кавказоведения, как и ее автор Георгий Федорович Турчанинов, оставив в истории яркий и неповторимый след, не вызывает сомнений.

О Турчанинове, как о человеке, тоже можно сказать много интересного. В быту он был заботлив и внимателен к семье, любил гостей, любил, когда вокруг него собирались аспиранты, его ученики. К чаю он покупал нам всегда "чего-нибудь вкусенького". Шутник был неимоверный! Вера Александровна говорила мне: "Иарна, Г.Ф. серьезно можно слушать только за письменным столом". Пат он называл отходами "Красного треугольника", а принося домой купленные в магазине апельсины, говорил, что это ему прислал марокканский король. Георгий Федорович прекрасно рисовал. У него в кабинете висела картина небольшого формата, выполненная карандашом. На ней были изображены два кавказца в черкесках и папахах, кинжалы в руках, ну, вот-вот бросятся друг на друга. Спрашиваю Георгия Федоровича: "А кто это на картине?". Он мне так серьезно отвечает: "Это слева я, а это Василий Иванович Абаев". Я по наивности своей чуть было не поверила, а Георгий Федорович так хохотал!

То, что Георгий Федорович был не только кавказоведом, но и кавказцем душой, говорилось неоднократно. Свою небольшую двухкомнатную квартиру он называл "малой абхазской территорией".

Иногда он доставал бурку и башлык и набрасывал их на плечи. Затем брал в руки алабашу, становился в позу и, подняв гордо голову, спрашивал: "Ну как?". Это было великолепно!

Однажды ему было очень грустно. И как вы думаете, что он мне сказал? "Иарна, когда я умру, похороните меня, завернув в мою бурку в Лыхнах, под древней липой и не забудьте положить рядом башлык и алабашу". Они были подарены ему абхазами в его последний приезд в Абхазию в 1971 г., и потом Георгий Федорович много раз мечтал поехать в Апсны. Да у него и была такая возможность, но он каждый раз откладывал ее, говоря: "Вот выйдет моя книга, тогда и поеду!" Но увы, мечта его не сбылась.

Знаю, что мое фрагментарное описание жизни и творчества не дает полного представления о Турчанинове Г.Ф. Это всего лишь слово о моем учителе в рамках дозволенного мне предисловием. О Турчани-

нове еще не раз скажут, не раз обратятся к его трудам и отечественные, и зарубежные ученые.

И безусловно “Открытие и дешифровка древнейшей письменности Кавказа”, представленная сегодня Вам будет жить веками, как и те письма, на основе которых она создавалась.

P.S. Дорогие коллеги! Прошу извинить меня за многословие. Вы, я уверена, знаете обо всем этом не хуже меня. Я же, в большей степени, обращаюсь к нашей абхазской поросли! Дерзайте, дорогие мои соплеменники!

И.Б. Басариа-Анкваб - к.ф.н., доц. кафедры
языкознания и социолингвистики Московского
государственного социального университета,
научный сотрудник Института языкознания РАН.

*Потомкам древних ашуйцев, моим современникам абхазам,
абазинам и убыхам этот труд посвящаю*

Предисловие

В Postscriptum к моей книге «Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы»¹ я уведомил читателя о том, что мной, в некоторой мере неожиданно для себя, сделано открытие, о котором нельзя незамедлительно не сообщить.

Открытие заключалось в том, что письмо, которое я называл «колхидским» и которое толковал в упомянутой книге как письмо финикийского происхождения, оказалось местным, созданным на северо-западном Кавказе.

Творцами этого письма были далекие предки современных абхазов, абазин и убыхов, именовавшие себя в ту пору ашуйцами, а страну свою Ашуйей.

Тогда же в Postscriptum я выразил надежду, что мне удастся в ближайšie три-четыре года ознакомить читателя с моим новым открытием в очередной книге, которую я полагал назвать «Новые памятники письма и языка народов Кавказа и Европы».

Случилось однако так, что материалы по письму ашуйцев, этому древнейшему письму Кавказа, переросли в особую книгу и т. к. эти материалы действительно знаменуют собой в истории культуры и письменности Кавказа явление исключительное и неожиданное, я решил выдать в свет памятники этого письма отдельным изданием под заглавием: «Открытие и дешифровка древнейшей письменности Кавказа». Памятники охватывают по времени огромный период - с середины III тыс. до н. э. (энеолит) по IV-V вв. н.э. (время поздней античности).

Ни один из народов Кавказа не обладал в прошлом письменностью такой давности и в таком количестве столь древних памятников. Самые старые памятники государства Урарту датируются IX в. до н. э., самые ранние памятники армянской письменности восходят к IV в., а грузинской к V в. н. э.

Казалось бы уже по одному этому признаку памятники ашуйской письменности заслуживают особого внимания и незамедлительной публикации. Но скорейшая публикация их имеет значение не только по этому мотиву. Памятники приобретают первостепенное значение для науки о происхождении и развитии письменностей вообще, для решения этно- и лингво-исторической проблемы происхождения и развития самих абхазов, абазин и убыхов, где до сих пор оказывается больше вопросов и предположений, чем решений.

С точки зрения развития лингвистической и исторической наук из

публикуемых памятников письма особое значение имеют фонетизированные силлабо-пиктограммы на серебряных сосудах Майкопского кургана середины III тыс. до н. э. В истории письменной культуры нашего многоэтнического государства мы впервые сталкиваемся со столь древним памятником письма, заговорившим с нами на доступном нашему пониманию кавказском языке. Ведь памятнику 4500 лет.

Для теоретиков и историков письма майкопские фонетизированные силлабо-пиктограммы дают хорошую пищу для размышлений о путях развития идеографического письма, поскольку в этой области, когда речь идет о начальных периодах развития письменностей, у нас нет недостатка в общих рассуждениях, а в данном случае мы располагаем конкретным материалом, на конкретном языке, в конкретный период истории народа - создателя письма, народа уже обладавшего высокой степенью языкового абстрагирования.

Для лингвистов, работающих методом внутренней реконструкции над воссозданием древней структуры исследуемых ими абхазского, абазинского и убыхского языков, майкопские фонетизированные силлабо-пиктограммы, конкретно привязанные к культуре энеолита, дают богатую пищу для размышлений об этно-лингвистических процессах в ранний период истории северо-западного Кавказа, предостерегают лингвистов от поспешных выводов о генетических общностях в отношении языков и народов, обитавших на этой территории.

Археологам и историкам, после того, как благодаря фонетизированным силлабо-пиктограммам Майкопского кургана определилась этническая принадлежность погребенного в нем владыки, ныне можно направить свои усилия на изучение специальных сторон проявления, влияния и распространения не майкопской культуры вообще, а конкретной ашуйской культуры.

И, наконец, этнографам, благодаря конкретной племенной принадлежности Майкопского кургана, ныне можно связывать далекое этнографическое прошлое абхазов, абазин и убыхов с недавним прошлым и настоящим этих народов более уверенно, с меньшими колебаниями.

Вслед за фонетизированными силлабо-пиктограммами Майкопского кургана древнейшими письменными памятниками Ашуи оказываются, относящиеся уже к эпохе бронзы (XIX - XVI вв. до н. э.), целиком силлабические тексты бронзовых табличек, спатул и каменных стел из колонии ашуйских рабов в Библие, в древнейшей Финикии.

Ашуйцы были здесь совершенно новыми поселенцами. Они еще не испытали на своем языке воздействия инфильтрации финикийской речи, они жили еще событиями только что или недавно совершившимися, а по-

этому эти библейские документы для истории древней Ашуи и ашуйского языка, да и древнейшей Финикии, не имеют себе равных.

Далее, начиная с известной Майкопской надписи XIII - XII вв. до н. э. опять идут памятники преимущественно местные. Эти памятники, с теми или иными перерывами, охватывают историю Ашуи вплоть до времени поздней античности (IV - V вв. н. э.), когда письмо начинает быстро исчезать.

Причины деградации и исчезновения древней ашуйской письменной культуры пока неизвестны. Мы знаем в истории человечества немало разных цивилизаций, постепенно хиревших и, наконец исчезнувших вместе с присущей им письменной культурой. Древняя Ашуя - Абхазия в этом списке оказывается не первой и не последней. Вопрос потребует многих специальных исследований. Историкам и лингвистам будет над чем задуматься.

Не менее интересным историческим и лингвистическим явлением оказывается тот факт, что создатели древнейшей письменности Кавказа - ашуйцы, дожили до наших дней. Потомки их абхазы, абазины и убыхи до сих пор здравствуют. Первые два народа живут на территории нашего государства, третий народ - убыхи находится за рубежом, в Турции, куда стараниями царского правительства он был окончательно выселен в 1871 г.

Далеко не все читатели ясно представляют себе кто есть абхазы, абазины и убыхи, а по-этому я позволю себе привести ниже весьма краткие и весьма общие этно-демографические данные об этих генетически родственных народах.

Самый многочисленный из трех названных народов - абхазы населяют Абхазскую Автономную ССР, небольшую горную страну (8,7 тыс. кв. километров), расположенную на побережье Черного моря и в горах Кавказа между р. Псоу на северо-западе и р. Ингури на юго-востоке. Главный город Сухуми - Акуа. Абхазов по данным всесоюзной переписи 1970 г. насчитывалось 83.240 человек. Сами себя они называют ацсуаа, а страну свою Ацсны. Язык, на котором говорят абхазы, по своему типологическому строю принадлежит к северо-западным горским языкам Кавказа. Он делится на два больших диалекта: бзыбский (северный) и абжуйский (южный). Абхазы не родственны ни по происхождению, ни по языку с граничащими с ними с юго-востока грузинами и мегрелами, но исторически родственны абазинам, которых издавна называют ашеуаа - "ашуйцы".

Значительное количество абхазов живет кроме этого на территории Турции, куда они переселились во второй половине XIX в. под давлением администрации царской России и под влиянием пропаганды эмигрантов султанской Турции. Точных сведений о числе абхазов в Турции нет. Турецкая официальная статистика всех кавказцев, кроме грузин и лазов, числит чер-

кесами. По неофициальным сведениям, полученным абхазским историком Г. А. Дзидзария от историка, фольклориста и поэта турецких абхазов Омара Бейгуа (Бююка) в 1968 г. абхазов в Турции насчитывается свыше 100000 человек. Количество сельских населенных пунктов, где живут абхазы, достигает 200. Турецкие абхазы хорошо сохранили свой язык.²

Вторым по численности из трех названных выше народов являются абазины. Они живут в 16 аулах в бассейне рек Кубани и ее притоков Большого и Малого Зеленчуков и р. Кумы в Карачаево-Черкесской АО и вблизи г. Кисловодска. Абазин по данным Всесоюзной переписи 1970 г. насчитывалось 25448 человек. Сами себя они называют тапанта и шьхарауа. Абазинский язык по своему типологическому строю принадлежит к той же группе, что и абхазский. В абазинском языке два диалекта: тапантский и шхаровский (апшарский). На последнем говорят всего в четырех аулах: Старо-Кувинском, Ново-Кувинском, Апсуа и Абазакыт.

До XIV в. н. э. абазины жили на побережье Черного моря и в прилегающих горах Кавказа к юго-востоку от Туапсе до р. Бзыбь и в северной части Абхазии. В XIV - XVII вв. н. э. их предки несколькими волнами переселились на нынешние места. Абазины в прошлом называли родственников им абхазов - азыцъа, азыцъа.

Третьим и ныне самым малым по численности из названных выше народов являются убыхи. Этот народ, после того как царская Россия в 1864 г. захватила их земли, под влиянием пропаганды эmissаров турецкого правительства и под давлением царской администрации стал переселяться за море. В 1871 г. переселение завершилось, и на территории России убыхов не осталось.

До переселения в Турцию убыхи занимали земли на побережье Черного моря к западу от р. Хоста до р. Шахе и в горах до главного Кавказского хребта, отделявшего их от бассейна р. Белой. Сведения о их численности до переселения весьма противоречивы. В середине прошлого столетия их считалось 40000 человек, если не более.³ Л. И. Лавров полагает более правдоподобной численность убыхов в 25000 человек.⁴ Сколько бы их ни было в недавнем прошлом, на сегодня по неофициальным данным их осталось в Турции, из тех, которые сохранили язык, не более двух десятков человек, остальные ассимилировались.

В литературе указывается два самоназвания убыхов: пёх и туах'. Абхазов и абазин убыхи называли азыцъа. Абхазы убыхов - туаха. Название "убых" представляет собой черкесскую форму именованя этого народа. Язык убыхов, как показывают наши тексты, был в древности ближе языку родственников им абхазов и абазин, чем теперь. Современный убыхский

язык образовался в результате сильной инфильтрации со стороны черкесов. В науке убыхами заинтересовались уже тогда, когда они оказались все в Турции, оторванными от тех мест, которые взрастили их, отсюда много неясностей в их истории и взаимоотношении с народами и племенами, которые окружали их на Кавказе.

Предлежащая книга состоит из “Введения”, силлабария, 21 очерков, таблиц и рисунков.

Во “Введении” дается краткая история открытия и дешифровки письма, общая характеристика памятников и их значения для историко-лингвистических разысканий.

Предваряющий “Очерки” силлабарий состоит из пяти рубрик. Рубрика 1 содержит знаки письма, рубрика 2 - знаки счета, рубрика 3 - лигатуры, рубрика 4 - вертикали, представляющие собой бисиллабы, написанные сверху вниз. В рубрике 5 показано отношение фигур силлабов ашуйского письма к фигурам букв канаанского письма.

В «Очерках» сосредоточена конкретная характеристика памятников письма, интерпретация текста и комментарий к ним.

При публикации «Очерки» преподносятся в двух формах. В том случае, когда памятник публикуется впервые, в очерке дается, сколь возможно, подробная характеристика находки с археологической, историко-культурной и лингвистической ее сторон. В том случае, когда памятник уже публиковался, независимо мной или кем-либо другим, я даю в книге только краткую археологическую характеристику памятника, а затем привожу в моем чтении текст и комментарий к нему.

Памятники публикуются в порядке присвоенных им археологических дат. Археологическая датировка везде вещеведческая, без внесения в нее поправок, которые можно было бы дать применением радиоуглеродного метода в определении возраста. При публикации памятников, обнародованных проф. М. Дюнаном в его *Vyblia Grammata*⁵, в научных интересах сохранена его литература памятников, хотя они мной и перегруппированы. Перегруппировка связана не только с хронологией памятников, но и с их содержанием. Группа памятников - бронзовых табличек, стелы и спатул Библа, относящихся к трагической судьбе ашуйского царя Пту, дается в той временной их последовательности, которая, как мне представляется, соответствует истории их создания: табл. Д, спатула б, стела А. табл. Ц и спатула ф.

Тексты везде, за исключением силлабо-пиктограмм на сосудах Майкопского кургана и весьма коротких фраз и отдельных слов на мелких вещах и обломках сосудов, приводятся на отдельных листах в три строки. Пер-

вая строка являет собой данное в транскрипции оригинальное, невокализованное ашуйское письмо. Вторая строка преследует двоякую цель: с одной стороны, она лингвистически интерпретирует текст в записи его современным вокализованным абхазским и отчасти абазинским письмом, а с другой раскрывает силлабический строй речи. Третья строка содержит подстрочный перевод текста на русский язык. Во второй строке текста широко применяются скобки, задача которых состоит в том, чтобы сделать текст читабельным. Древние ашуйцы писали текст консонантно, а читали его вокализованными гласными а и ы. Как показывают тексты, первичный вокализованный силлаб имел форму согласный + гласный а. Силлабы типа гласный а + согласный + гласный а и гласный а + согласный, встречающиеся в текстах, являются вторичными. Редукция гласного д в ы, начавшаяся в тех или иных фонетических условиях очень рано, создавала в языке новые по форме и огласовке силлабы. Эти новые типы в «Силлабарии» мною не фиксируются. В рубрике 1, в графе 5 «Раскрытие силлабического значения знаков письма» дается только основная, первичная форма вокализованных силлабов по той причине, что на протяжении трех тысяч лет известного нам существования ашуйского письма оно в его памятниках всегда фиксировалось в конкретной форме, скрывающей от нас непрерывно происходившие в языке процессы развития силлабов и вокализацию их.

Скрытой во многих случаях остается для нас лабиализация и палатализация согласных. Специальных лабиализованных и палатализованных силлабов в текстах мало. Сколько их было в действительности, мы не знаем. В «Силлабарии» я показываю лабиализацию и палатализацию согласных звуков в транскрипции первую знаком ^o, вторую знаком ~, а в приближенной к практическому письму второй строке текстов, соответственно, литерами ә, у и ь, либо условно в скобках (ә), (у), и (ь).

Только скрупулезное изучение публикуемых текстов сможет пролить свет на эти стороны развития языка, и если такое изучение в будущем что-то изменит в моей интерпретации того или иного места текста во второй его строке, я не вижу в этом для себя ничего порочащего. Таков естественный ход развития науки.

За текстом следует историко-лингвистический комментарий, а затем переводы эпиграфического текста на несколько архаизированный современный абхазский язык и с абхазского на русский.

Перевод эпиграфического текста на современный абхазский язык предпринят исключительно с целью показать историческую преемственность между формами древней и современной абхазской речи. Было бы идеальным пере-

вести эпиграфический текст и на современный абазинский язык, но от такого перевода пришлось отказаться т. к. это задержало бы выход в свет книги. Абазинский язык весьма близок к абхазскому и, как я полагаю, абазины смогут в случае надобности подставить под эпиграфический текст свой современный живой абазинский язык.

Позволю себе выразить уверенность, что подлежащий труд не найдет равнодушных и направит интересы ученых на поиски новых памятников ашуйской культуры и письма.

Особенно я полагаюсь на отечественных археологов. Трудно себе представить, чтобы в том районе, где был вскрыт богатейший Майкопский курган, где было обнаружено интереснейшее поселение майкопской культуры Мешоко, где была найдена уникальная Майкопская плитка с надписью ашуйского письма, земля не хранила бы других, не менее важных для истории этого региона, реалий материальной и духовной культуры.

Раскопки здесь не были планомерны и даже не всегда доводились до конца, как это произошло на месте находки Майкопской плитки.

После ознакомления с древнейшими ашуйскими текстами трудно себе представить, что северо-западная Абхазия и прилегающие к ней земли в эпоху энеолита и бронзы не оставили нам следов трехтысячелетнего существования ашуйской цивилизации и ее письменной культуры. За последние годы в этом районе, особенно в горах, археологических разведок и раскопок проводилось очень мало, в то время когда именно горные, и среди них северо-западные места, представляют особый интерес для генезиса ашуйской (древней абхазо-абазино-убыхской) культуры.

Издавая книгу, нельзя не вспомнить о тех, кто так или иначе способствовал ее формированию.

Очень грустно, что в окончательной форме открытие и дешифровку древнейшей письменности Кавказа не увидят те из моих коллег, которые энергично поддерживали меня и своими советами много способствовали созданию этого труда. Вслед за В. В. Струве и И. И. Мещаниновым ушли И. М. Тронский и И. Н. Винников.

Из моих зарубежных коллег мне всегда приятно вспоминать заинтересованных и благожелательно настроенных в отношении моих разысканий М. Дюнана, А. Ирку, И. Кноблоха и И. Фридриха, а из моих коллег в СССР И. Б. Басария, З. М. Габуниа, Р. Н. Клычева, А. Н. Кононова, М. А. Коростовцева, В. С. Орелкина, К. С. и Т. П. Шакрыл.

Каждый из них вложил свою лепту в этот труд, то ли знакомством со всей работой, то ли ее частью.

Введение.

В 1965-1966 гг., при публикации первого памятника древнейшей письменности Кавказа - Майкопской надписи, датированной мной XIII - XII в. до н. э., я назвал письмо этого памятника «колхидским»⁶. Оно представилось мне тогда вариантом псевдоиероглифического библского письма, именуемого также протобиблским или гублским. Несколько позже, переиздавая Майкопскую надпись вместе с другим, вторым памятником этого же письма и языка, Сухумской надписью II в. до н. э., я принял в этом издании⁷ название «колх(ид)ское (древнеабхазское) письмо», а теперь, как может видеть читатель в «Очерках», составляющих данную книгу, употребляю название «ашуйское (древнее абхазо=абазино=убыхское) письмо.

Какими соображениями и фактами руководствовался я в этих изменениях?

Когда обнародовалась первый раз Майкопская надпись, для меня было еще не ясным, является ли письмо, которым она выполнена, самобытным явлением исключительно абхазского этноса или оно представляет собой какой-то извод письма общего нескольким разным народам древнейшей Колхиды. Других надписей, кроме Майкопской, у меня в ту пору не было. Термин «колхидское письмо» отвечал состоянию вопроса.

В 1968 г. в моих руках оказался второй памятник - Сухумская надпись II в. до н. э.⁸ Общность дукта письма этого памятника с Майкопской надписью, общность ряда слов и форм обоих памятников не оставляли сомнения в том, что на протяжении целого тысячелетия (с XIII по II в. до н. э.) на обширном пространстве от Аквы⁹ до Майкопа звучала одна и та же древняя речь и употреблялось одно и то же письмо. В том же 1968 г. и несколько позже мне были переданы археологами и местными любителями древностей и письма еще хорошие фотографии с нескольких полных и фрагментарных надписей такого же письма и речи, найденных в разных местах Абхазии, а затем осмотрены и сами объекты.

Стало совершенно очевидным, что письмо, называемое мною «колхидским», можно с достаточным основанием именовать и «древнеабхазским», а поскольку занимаемая предками абхазов территория составляла часть географической многоязычной Колхиды, мне представилось тогда разумным пользоваться термином «колхидское письмо» в двух значениях и как «колхидское» и как «колхское», т. е. собственно древнеабхазское. Так, у термина «колхидское» появились внутренние скобки.

Ныне письмо безоговорочно именуется ашуйским (древним абхазо=абазино=убыхским).

Впервые об этом я заявил в Postscriptum к моей книге 1971 г.¹⁰ с тем только различием, что в названии не был учтен убыхский.

Термин «ашуйское письмо» был извлечен мной из текста бронзовой табл. Д. XIX в. до н. э. Ныне он получил новое подтверждение. Обнаружен и прочтен древнейший памятник названной письменности - фонетизированные силлабо-пиктограммы на двух серебряных сосудах из всемирно известного Майкопского кургана середины III тыс. до н. э. «Письмена имеющая ашуйских людей страна» написано на том из серебряных сосудов, где на его поверхности выгравирована географическая карта¹¹. Эта страна занимала в ту пору обширное пространство. Она простиралась от Черного моря на юге до нынешнего Майкопа на севере, выходила за пределы реки Кубани на северо-западе и Фазиса (Риона) на юго-востоке.

Та форма термина «ашу», которую я принял в моем исследовании вместо древнего ас'эа, употребляется ныне ограниченно, но общепонятна. Кроме того, что абхазцы до сих пор называют своих исторических соплеменников абазин - ашэуаа, букв. «люди ашу», в устной традиции существует еще топоним Ашэы (бзыб. ас'эы), обозначающий некую, четко неопределяемую прибрежную причерноморскую территорию северо-западного Кавказа, место бывшей родины абазин.

Название страны, представленное в текстах в форме ас'эа, (а)с'эа, с местным аффиксом определенности а и без него, в своей семантике прозрачно. Ориентируясь на убыхский, являющийся одним из компонентов древнего ашуйского языка, топоним ас'эа = ашу легко сопоставим со словом шэа - «море». Ашуйцы именовали себя «поморами», а страну свою «Поморией».

Охотники, скотоводы и мореходы ашуйцы были народом оседлым. Не случайно страну свою в текстах они именуют тэ(ы)ны, букв. «сидения земля» или тэ(ы)ла - «сидение (внутри)». Последний термин до сих пор у абхазов обозначает страну вообще.

Лингвистически разъяснился и отпал используемый ранее в названии письма термин «колхи» (κόλχοι). Это лексическое произведение древней ашуйской языковой среды оказалось не этнонимом, а названием профессии, ремесла.

Лексический фонд современных абхазского, абазинского и убыхского языков с того времени, когда древние греки узнали восточное побережье Понта, существенно изменился. Многие коренные слова, употреблявшиеся ранее самостоятельно, перестали существовать, и если бы эти слова не входили в состав некоторых композит, мы навсегда утратили бы возможность их установить. Именно к такому типу слов относится зафиксированное греческими источниками слово κόλχος, κόλχοι.

Освободив термин от греческого грамматического аффикса -os, -oi, мы получаем корневую основу $\text{ко}\lambda\chi$, которая в ретроспективном плане, с позиций ашуйской речи, представляется сложной, состоящей из двух слов-компонентов: именного ко и глагольного $-\lambda\chi$.

Глагольный компонент $-\lambda\chi$, соответствуя абхазскому и абазинскому корню лх , дошел до нашего времени в обширной семантике действия, обозначающего “выделывание”, “переработку”, “обработку”, “извлечение (чего-либо из чего-либо)” и т.п. Именной компонент ко свою семантику утратил и звучание и значение его непосредственно представить уже невозможно, хотя глагольный компонент лх подсказывает, что предшествующий ему именной должен означать такой объект, который можно подвергать выделыванию, переработке, обработке, извлечению и т.п.

Сообразуясь с историей производства древних ашуйцев, насколько оно доступно и известно сегодня по данным археологии и этнографии, я предположил, что вероятнее всего именованным объектом в композите было название металла и стал искать слово соответствующего значения и формы. Односложного слова я опять-таки не нашел, но в другой композите в виде куа (= греч. ко) оно представилось мне в термине абх. куалзы , абаз. кIуалзы - “броня”, “кольчуга”, “панцирь”.

Слово куалзы , кIуалзы сложное. Во второй своей части, опять-таки глагольной, оно совершенно прозрачно: $-\text{лзы}$ означает - “закаленный” (срав. абаз. лазара - “закалка”, “закаленный”). Слово $-\text{лзы}$ образовано из корня зы , что представлен в глаголе а=з=ра - “калить”, “обжигать”, “жарить” и отягчен превербом л= со значением “движения внутрь”, откуда редкое а=л=з=ра - “закалять”, дословно: “вкалять”. Не подлежит сомнению, что “закалять” в прямом смысле слова можно только металл, следовательно куалзы , кIуалзы - “броня”, “кольчуга”, “панцирь” это: $\text{куа} \parallel \text{кIуа}$ - металл’, $-\text{лзы}$ - “закаленный”.

У абхазоязычных народов нам известны названия для меди и железа. Корневая основа этих металлов не совпадает с корнем $\text{куа} \parallel \text{кIуа}$. Действуя методом исключения, мы должны признать в корне $\text{куа} \parallel \text{кIуа}$ название третьего металла - “бронзы”. Совсем не случайно корень $\text{куа} \parallel \text{кIуа}$ входит в сложное слово абх. $(\text{а})\text{и=куага=а}$, абаз. кIуа=га - “топор”. Абх. $(\text{а})\text{и=куа=га}$ это не обычный, а специальный топор, так наз. абхазской формы с выемкой в лезвии для ношения на руке. Прототипом его является колхидский бронзовый топор¹². Отложим поиск самостоятельного слова $\text{куа} \parallel \text{кIуа}$ до лучших времен. То, чего мы достигли сейчас, нам вполне достаточно для того, чтобы слово $\text{куа} \parallel \text{кIуа}$ в значении “металла” resp. “бронзы” приставить к глагольному корню лх и получить термин, некогда обозначавший “металлообрабатывающий” или “бронзу обрабатывающий” (человек).

Древнее ашуйское сложное слово куалх || кIуалх греки восприняли в форме κολχ, передав дифтонг уа через о. Так появился «этноним» κόλχος, означавший здесь на месте “металлург”, букв. “бронзодел”. Термин куалх || кIуалх был создан древними ашуйцами, предками абхазо-абазино-убыхов, в ту пору их жизни, когда им была уже известна выплавка и горячее литье металла, т. е., по крайней мере, во второй половине III тыс. до н. э. Металлические вещи из Майкопского кургана уже говорят о хорошо освоённой технике металлургов ашуйцев.

Но почему же слово куалх || кIуалх, имевшее в ашуйском языке значение “бронзодел”, стало у греков этнонимом. Конечно по чистой случайности. Ашуйцы, с которыми впервые столкнулись греки, оказались металлургами. Они славились выработкой отменной бронзы и особенно топоров, известных далеко за пределами Ашуи - Абхазии.

Слава металлургов способствовала тому, что термин «колх» утвердился как этноним не только у греков. Урартские (халдские) источники с VIII в. до н. э. знают также страну Кулха¹³. Новое открытие обязывает меня также сказать, что для меня всегда был, а теперь стал особенно неприятным узко национальный или, точнее сказать, национально ограниченный подход к специальной языковедческой лингвистической терминологии, которую культивируют ученые тбилисской школы проф. А. С. Чикобава. Я имею в виду термин «иберийско-кавказские языки». Термин неприятен ни с исторической, ни с политической стороны так же, как в свое время оказался неприятным и был снят термин «индо-германские языки», употреблявшийся вместо языки «индо-европейские». Иберийские языки, (где упор взят на грузинский) и народы, по сравнению с другими коренными кавказскими языками и народами, не обладали и не обладают какими-либо особыми культурно-историческими преимуществами, дающими им право на приоритет и особую роль в создании термина. Я надеюсь, что будет излишним напоминать создателям и сторонникам термина «иберийско-кавказские языки», в каких политических условиях был преподнесен в свое время науке некоторыми немецкими учеными неудачный термин «индо-германские языки» вместо «индо-европейские». Едва ли следует повторять ошибки прошлого. Ныне, когда выявлена, обильно представлена и достаточно аргументирована археологическими памятниками, начиная с середины III тыс. до н. э. богатая ашуйская культура и самобытная ашуйская письменность, термин «иберийско-кавказские языки» становится совершенно неприятным. От него необходимо отказаться и пользоваться нейтральным, давно в науке принятым термином «кавказские языки», тем более, что генетическая общность

кавказских языков остается до сих пор недоказанной¹⁴. Не содержат древнейшие ашуйские тексты и следов иноязычного малоазийского влияния, следов, которые давали бы право развивать идею о каком-то переднеазиатском языке=победителе и культуре=победительнице, якобы поглотившими самобытный язык и культуру аборигенов Ашуи-Абхазии, как-то умозрительно, без конкретных речевых материалов, совсем недавно пытались утверждать некоторые археологи и историки¹⁵. Я сказал «пытались», т. к. последнее время в этих взглядах наметился перелом. Какую позицию занял бы теперь покойный археолог Л. Н. Соловьев, стоявший на точке зрения полного поглощения малоазийскими пришельцами аборигенов, - неизвестно, но другой сторонник этого взгляда историк З. В. Анчабадзе, как можно судить по недавно выпущенной им брошюре¹⁶ ныне уже не полностью разделяет его.

Очень мало достоверного в утверждении, что кашки - абешла ассирийских источников, XII-XI вв. до н. э. являются предками кашаков (каэсагов) и апсиллов средних веков¹⁷. Сопоставление историков и этнографов покоится на созвучии слов. Это сопоставление выглядит не более как народная этимология на научном поприще.

С гипотезой о малоазийских «варягах» в истории древней Ашуи - Абхазии следует расстаться. На протяжении трех тысяч лет, с середины III тыс. до н. э. по IV-V вв. н. э., т. е. с силлабо=пиктографических надписей на серебряных сосудах Майкопского кургана до надписей на сосудах гончарных мастеров Гагринского района Абхазии поздне=античного времени, абхазский и абазинский языки, входившие ранее в ашуйский, были полнокровными развивающимися языками.

А разве была низка и бедна культура ашуйцев (древнейших абхазов, абазин и убыхов) того времени, когда, по мнению приведенных выше авторов, началось поглощение аборигенов пришельцами? Свообразные сокровища Майкопского кургана середины III тыс. до н.э., которые основательно исследовал в свое время археолог Б. В. Фармаковский¹⁸, выявляют самобытную, а не принесенную извне культуру. Искусно гравированные рисунками серебряные сосуды кургана создал, как это явствует из росписи на одном из них, ашуйский мастер садз Гяч сын Хуа¹⁹. Влияние Ближнего Востока, конечно, было, но не столь сильным, чтобы поглотить местную культуру. Это влияние, напротив, способствовало ее более интенсивному развитию и утверждению. Если бы не было в Ашуе - Абхазии своего полнокровного языка и своей высокой самобытной культуры, ее потомки абхазы и абaziны не сохранили бы их в веках и не донесли бы и того и другого до наших дней.

Богатейшая культура Майкопского кургана, этнически определившаяся после прочтения силлабо=пиктограмм, ставит вопрос о социальном и государственном устройстве древней Ашуи - Абхазии.

Погребенный в кургане владыка именует себя царем садзов. Садзы (абх. (а)сазуаа || (а)с'азуаа) были в прошлом одним из значительных северо=западных племен ашуйской речи. В конце XIX в., до переселения в Турцию, мы застаем их на прибрежной причерноморской территории от р. Бзыбь (Бзып) до р. Хосты (Хэаста) и выше к главному Кавказскому хребту. На прибрежную территорию садзы спустились с гор. Не случайно этноним (а)сазуаа || (а)с'азуаа, этимологизируется как "снежной воды (снежных рек) люди", т. е. жители высокогорные.²⁰

Царь происходил из древнего рода Ачы (Ачбовых). Этот род, как и племя садзов, прошел через тысячелетия. В тексте бронзовой таблички Д, относимой М. Дюнаном к XIX в. до н. э., сказано, что в Ашуе «сидит Ачба Кривой» (строки 38-39)²¹. Устная абхазская и историческая традиция считает княжеский (в прошлом царский) род Ачба самым древним из знатных родов Абхазии. Абазинская ветвь этого рода известна под патронимальным именем Лау²². Публикуемые ашуйские тексты знают оба наименования этих родовых царственных фамилий, только последнюю Лау (абх. Лоу) в более древней форме Ла. Это делает ашуйские тексты, написанные местными «летописцами», драгоценными историческими документами, из которых можно извлечь сведения о государственном и социальном строе древнейшей Ашуи.

Тексты свидетельствуют о том, что общество Ашуи во второй половине III и начале II тыс. до н. э. было классовым обществом. Имущественная и классовая дифференциация в нем очевидна. Из ранних археологических памятников об этом убедительно говорит, с одной стороны, богатый Майкопский курган середины III тыс. до н. э., а с другой - почти современное ему, неподалеку от него существовавшее рядовое поселение Мешоко. Здесь на поселении жалкие следы металла и в изобилии каменные орудия труда, а ведь это они, труженики Мешоко и им подобные из других поселений создавали материальные ценности Майкопского кургана²³. Из более поздних памятников о том же говорит текст Майкопской плитки XIII- XII вв. до н. э. в новом ее чтении.²⁴ По памятникам ашуйской письменности, которыми мы располагаем, можно заключить, что древнейшая Ашуя находилась на той ступени общественно-экономического развития, которая именуется архаической формацией и которая характеризуется по Марксу-Энгельсу деспотиями и азиатским способом производства.

Деспотизм зиждился на рабском труде. Рабам всюду жилось неслад-

ко. Несладко жилось им и в Ашуе. Они восставали, их жестоко усмиряли, заковывали в цепи и толпами продавали в заморскую Финикию, в частности, в Библ, где образовалась в своем роде ашуйская невольничья колония.

Отзвук неудавшегося восстания рабов содержит текст спатулы и из Библа, датируемой М. Дюнаном, также как и табличка Д, XIX в. до н. э. Это молитва рабов. Рабы из племени Аи²⁵ молят бога Амза²⁶ о ниспослании успеха в борьбе с поработителями своим сородичам, оставшимися в Ашуе: «Амза! Непременно сплоти воедино тамошних рабов, подними их опять всех на восстание. Так поступая, ты послужишь именно правде» говорится в заключительных строках молитвы.

Бывали случаи, и, вероятно, нередко, когда, отчаявшись, рабы убивали владельца и спасались от кары бегством в Библ, к обитавшим здесь соплеменникам. В этом отношении характерен текст спатулы ф.

Самые значительные по объему ашуйские надписи из Библа (стела А, табл. Ц и Д) посвящены письменной культуре и трагической судьбе ее поборника, ашуйского царя Пту. Схваченный противниками на море у родных берегов, он был продан как раб, на невольничьем рынке в Анапе, в Финикию.

Царь Пту происходил из селения Лахья (совр. Лыхны) общины Гудау (ср. совр. р. Гудоу и сел. Гудоута). Он принадлежал к царственному роду Ла. Его брат сидел в старинном поселении Акуакыта (совр. Акуа).

Судя по текстам, царь Пту был личностью прогрессивной и популярной. С его именем связывается расцвет ашуйской письменности. В текстах он именуется то Солнце=богом, то Солнцем Ашуи (табл. Д), светочем (спатула б), ученым садзом (спатула ф). Реакционные царьки и племенные вожди жестоко расправились с Пту за его прогрессивную деятельность. Особенно пострадала родная ему община Гудау. Письменные памятники разбивались и ломались. Знающие письмо люди истреблялись и продавались в рабство. Рабы из Ашуи - это один из источников появления ашуйских писем в Библе.

Попав в Библ как раб, царь Пту написал оттуда в Ашую своему брату в общину Акуа два письма: стелу А и бронзовую табличку Ц в надежде на соболезнование и выкуп его из рабства. Письма не были отправлены. Брат Пту, как повествует спатула ф, был убит в Ашуе беглым рабом. Выкупа не последовало, и Пту, вероятно, окончил свою жизнь рабом.

У историков будет полная возможность детально изучить публикуемые мною документы древнейшего и древнего периода истории ашуйского государства.

На Кавказе открыта новая, доселе неизвестная науке цивилизация, которую по названию страны в текстах, я именую ашуйской цивилизацией. На протяжении 3 тысяч лет известного нам существования она представляла разные археологические культуры. Древнейшей, но безусловно не первой из них, была майкопская культура, выходящая за географические пределы создавшего ее этноса.

Тексты показывают, что в эпоху создания Майкопского кургана, т. е. в III тыс. до н. э. и позже, по крайней мере, во II тысячелетии, не существовало еще обособленных абхазского, абазинского и убыхского языков. Все они вместе, на положении в какой-то мере сложившихся племенных диалектов, составляли один всем понятный ашуйский язык - *κοινη*. Абхазы, абазины и убыхи были членами единой ашуйской народности, хотя внутри ее и различались племена.

Во «Введении» к книге я останавливаюсь только на общих чертах и общих вопросах развития ашуйского языка и ашуйской письменности. Вопросы конкретные и специальные сосредоточены отчасти в «Очерках», посвященных тому или иному памятнику, отчасти в комментариях к текстам памятников, но именно отчасти, т. к. всестороннее изучение вновь открытой культуры с ее письменностью и языком непосильно поднять одному исследователю.

Самыми ранними письменными памятниками ашуйского письма и языка следует ныне считать фонетизированные силлабо-пиктограммы на серебряных сосудах Майкопского кургана.

Значение этого памятника трудно переоценить. Могли ли мы думать десяток лет назад, что наша страна, конкретно северо-западный Кавказ, был той географической и этнической областью, где зародилась оригинальная, самобытная, доселе никому неизвестная письменность, внесшая свой вклад в созданное в Канаане финикийское линейное письмо²⁷. Могли ли мы думать, что майкопское курганное захоронение заговорит с нами на конкретном, доступном нашему пониманию кавказском языке. Нет, мы об этом никогда не думали и тем самым значительнее становится новое открытие.

Вдумайтесь, читатель, без предвзятости, в текст первого очерка данной книги, посвященного майкопским силлабо-пиктограммам, и вы поймете, сколь много они значат.

Силлабо-пиктограммы Майкопского кургана знаменуют далеко не начальный период ашуйской письменности и с позиций наших знаний истории письмен вообще прибавляют к этим знаниям довольно много нового. На примерах ашуйской письменности становится совершенно ясной тех-

ника построения фонетизированных силлабо-пиктограмм, посредством использования омонимии слов при моносиллабизме языка.

Составитель отбирает для пиктограмм такие рисунки животных и других объектов природы, которые визуальны могут быть восприняты только однозначно, как то, что они обозначают, а в контексте фразы, которую они образуют, напротив, могут быть поняты только в их переносном омонимическом значении. Это большое и тонкое искусство письма.

Силлабо-пиктограммы Майкопского кургана представляют в истории ашуйской письменности один из ранних ее памятников.

То, что в первой силлабо=пиктограмме, наряду с фонетизированными рисунками конкретных животных и реалий природы (лев, лошадь, вол, река=вода), оказались символы-силлабы, потерявшие свою конкретность (ствол дерева, хищная птица), следует видеть факт перехода письма к символическим фигурам, каким мы и застаем его в текстах - надписях, начиная с бронзовой таблички Д.

Мне представляется, что между Майкопским курганом и бронзовой табличкой Д из Библа должно было пройти значительно больше времени, чем это определено вещеведческой археологической датировкой. Майкопский курган относят к середине III тыс. до н. э., бронзовую табличку Д М. Дюнан датирует XIX в. до н. э. При естественном, эволюционном развитии письма промежуток в 600-700 лет слишком незначителен для того чтобы из силлабо=пиктограмм, какими они представлены на сосудах Майкопского кургана, образовалось силлабическое письмо в форме представленной в табл. Д, стеле А и др. памятниках XIX в. до н. э. Здесь либо нужно внести поправку в датировку М. Дюнана и «омолодить» древнейшие памятники, по крайней мере, лет на 400²⁸ либо признать, что ашуйское письмо памятников XIX в. до н. э., древнейших из силлабических этого хабита, было создано или, по крайней мере, реформировано чьей-то гениальной рукой по образу и подобию таких писмен, как египетское, хотя видимой связи ашуйское письмо с ним не имеет и здесь можно говорить только о диффузии идеи, возникшей в процессе культурных связей Ашуи с Ближним Востоком.

Не приложил ли здесь свой ум тот, кого ашуйские тексты по связи с письмом называют Солнце=богом, Светочем, ученым садзом – царь Пту, о трагической судьбе которого кратко сказано мной выше? Последнее мне представляется более вероятным, чем первое, лишь потому, что и 1000 лет в этом случае окажется едва ли достаточно.

Не отрицая прогрессивной деятельности царя Пту, высказываю и другое предположение. Обе формы ашуйской письменности - и фонетизированные силлабо-пиктограммы и «буквенное» слоговое письмо на ранних

этапах развития, вероятно, сосуществовали, притом первая, более древняя, использовалась при наличии второй в культовых целях, например, для надписей при погребении, как то мы видим в Майкопском курганном захоронении.

Найдется ли в дальнейшем этой мысли реальное подтверждение, сказать трудно, но она создает возможность искать и относить начало «буквенного» слогового ашуйского письма к более раннему времени, чем начало II тысячелетия или даже конец III тысячелетия до н. э.

В том, что силлабо=пиктографическое письмо на сосудах Майкопского кургана и все последующие памятники ашуйской письменности представляют собой одно и то же письмо на разных временных отрезках его развития, нет сомнений. Дешифруя надписи, везде ощущаешь один и тот же строй силлабо-семантического деления речевого потока, только в поздних надписях с большей графической свободой использования в письме, сохраняющих исконную рисунчатость параллельных по звучанию силлабов. Но и при этом с палеографической стороны ашуйское письмо оказывается на протяжении тысячелетий очень устойчивым, и, если в нем иногда обнаруживается разительное расхождение в фигурах, созданных для одного и того же силлаба, то это чаще всего есть явление «графической диалектальности» письма.

Письмо имело несколько центров и при существовании в ашуйском языке племенной речевой диалектальности отразило в силлабрии естественно графическое разнообразие фигур. Однако, кроме «графической диалектальности», связанной с несколькими центрами письма, здесь было то явление, которое знаменует спонтанное развитие фигуры, постепенно ее упрощающее. К таким фигурам вне сомнения относятся силлабы д и д₁ (№№ 21 и 22), где второй является упрощением первого или силлабы л и л₁, где второй представлен половиной первого (№№ 61, 62).

Когда и в каких условиях проходила эта «трансформация» фигуры, мы, вероятно, никогда не узнаем, т. к. для этого нужно иметь много памятников с минимальным временным разрывом. Только в этом случае можно было бы проследить последовательное изменение фигуры силлаба. Весьма характерно, что более простые по рисунку силлабы ашуйского письма оказываются представленными в линейном древнеканаанском письме в его финикийской и еврейской разновидностях. То, что одни и те же фигуры оказываются представленными и в ашуйском и в канаанском (см. Силлабрии, рубрика 5), говорит о том, что созданное на Кавказе ашуйское письмо стало на финикийской земле тем «растением», семена которого легли здесь в благодатную почву.

Чужое письмо никогда не заимствуется пассивно. Воспринимающий чужое письмо народ вкладывает в усвоение его свои творческие силы, свою этническую индивидуальность, почему чужое письмо приобретает некоторые свои, только ему свойственные, формы и значения, которых не было в письменности заимствования. Так было с древнегреческим письмом, созданным на основе линейного финикийского, так было с финикийским (канаанским) линейным письмом, созданным на основе силлабического ашуйского.

Линейное финикийское письмо возникло позже силлабического ашуйского. Самые ранние финикийские письменные памятники не идут дальше XIV в. до н. э. Достаточно всмотреться в приложенную к книге сопоставительную таблицу (силл. 5), чтобы убедиться в том, что ашуйское письмо на новой земле нашло плодотворную почву.

После того как был составлен ашуйский силлабарий и, с моей точки зрения, весьма удовлетворительно прочтены древнейшие тексты, оказалось, что в ашуйской устной исторической традиции закрепился момент наделения финикийцев ашуйскими письменами. Рассказ об этом звучит из уст ашуйца, осевшего на финикийской земле и, как можно думать, современника знаменательных событий, почему это сообщение следует воспринимать как вполне достоверное. В тексте бронзовой таблички Д. сообщается, что после того как в Ашуе, противником ученого садза царя Пту неким Азюабой, были разгромлены и переломаны письмена, “ашуйцы руками искусными письмен наврезали достаточно, а их они там создали слишком много когда, их увеличили слишком много когда, личную долю, принадлежащую рабу Амра (т. е. царю Пту)... переправили для превосходного избранника Баала” т.е. царя Библа. (строки 35-38).

Первым, кто высказал мысль о том, что «псевдоиероглифическое» письмо Финикии было письмом кавказского происхождения, оказался австрийский семитолог проф. Антон Ирку.

По изучении моего исследования, посвященного Майкопской надписи XIII-XII вв. до н. э. в ее первой публикации, профессор 5 января 1966 г. писал мне: «Я полагаю, что люди Майкопа, которые пользовались этим письмом, направились в 2000-1800 г.г. до н. э. с Кавказа в Сирию и в древнем городе Библе нашли новую родину. Здесь вавилонская клинопись в то время была еще не так распространена, как 500-ми годами позже, и они писали на своем, принесенном с Кавказа письме, но на языке тогдашнего Библа, что называют канаанским. Похожее странствие произошло, как мы теперь знаем, и с носителями Хербет=Риракской керамики (озеро Ти-вериадское), которые около 2400 г. до н. э. также направились с Кавказа

через Анатолию и Сирию в Палестину, по единственному сухопутному мосту из Азии в Африку. Наши представления о сношениях в те давние времена не так уж малы. Таков мой взгляд на вещи”²⁹. Мнение проф. А. Ирку, который хорошо знает Библию и который, как оказалось в дальнейшем, был прав, дало новый настрой моим мыслям. Подойдя к «протобиблискому» письму с позиций кавказского его происхождения, я вскоре, как об этом сказано в Postscriptum в моей книге,³⁰ прочел на древнем абхазском языке сначала текст спатулы б, а затем и другие тексты.

То, что нынешнее чтение этих текстов не совсем совпадает с ранее предложенным, не должно обескуражить читателя. Первое чтение я вел с позиций еще не вполне совершенного силлабария, во многом зависящего от прежнего взгляда на ашуйское письмо. Совершенство приходило постепенно, и главным фактором успеха здесь была сохраненная в тысячелетиях стабильность строя речи. О стабильности строя ашуйского (в прежней формулировке абхазского) языка в веках я высказал свое мнение при публикации Майкопской надписи XIII-XII вв. до н. э. Я писал: «В целом язык Майкопской надписи..., несмотря на значительную давность, не настолько отдален от современного, чтобы его при некотором усилии нельзя было понять. Эту исключительную сохранность форм языка мы относим за счет структуры абхазского языкового корня. В абхазском языке слово во многих случаях оказывается прозрачным по составу образующих его компонентов, а несколько тысячелетий тому назад это явление было несомненно более ощутимым. Слово и формообразующие компоненты языка упорно отстаивали себя и туго шли на стирание. Это явление обеспечивало стабильность в структуре речи»³¹. Высказанное положение оказалось верным для всех вновь публикуемых текстов, независимо от того, старше они или моложе Майкопской надписи.

Но мне как дешифровщику и исследователю помогало и помогает в работе не только исторически сложившаяся стабильность ашуйской, ныне абхазской, абазинской и отчасти убыхской речи. У меня оказалось в руках то редкое преимущество, которого не бывало в руках у дешифровщиков - я могу опереться на живые абхазский, абазинский и убыхский языки, пусть во времени изменившиеся, но живые. Они обеспечивают мне ту сторону проверки эпиграфического материала, какой не располагал ни один дешифровщик. Я, по сути дела, не графически интерпретирую тексты, а читаю их, находя опору в доселе живой речевой традиции.

Когда текст интерпретируется, но плохо или не везде читается, всегда приходится думать, что с дешифровкой обстоит не все благополучно. Отсутствие в публикуемых ашуйских текстах солецизмов и хорошо отвеча-

ющая диалектизму форм и звуков абхазо=абазино=убыхской речи предложенная мною таблица силлабария убеждает меня в том, что язык письменности определен верно. Дешифровка велась без билингв и была исключительно трудной. Когда же под конец обнаружилась своеобразная полубилингва - майкопские силлабо-пиктограммы, нечто вроде той билингвы, что преподнес Майклу Вентрису в 1953 г. американский археолог Карл У. Блеген³², ашуйское письмо было уже дешифровано и майкопские силлабо=пиктограммы, подтвердив ее, дали право определенно и уверенно рассуждать о строе ашуйского (древнего абхазо=абазино=убыхского) языка.

Древнейшей речевой единицей ашуйского языка был моносиллаб открытого слога. Древнейшей гласной моносиллаба была а. Совершенно ясно, что при моновокализме речи в ней должна была быть широко развита система консонантов и сонантов. Если просмотреть составленный мною силлабарий, то можно убедиться в том, что консонантов и сонантов было свыше 80, при этом нет уверенности в том, что публикуемые тексты отразили эту систему с абсолютной полнотой. Отношение графики к фонетике потребует еще многих разысканий.

В будущем следует обратить внимание и исследовать такие вопросы этой области, как то:

1. использование силлабов в определении функциональной роли, примером чего может служить употребление силлаба ѓа || → ѓы (силл. 1, № 6) на протяжении всей истории ашуйского письма только в значении местоимения и местоименного аффикса 2 л. ед. ч. класса мужчин: “ты”, “твой”;

2. привязанность рисунчатой формы силлаба к значению, например, использовании рисунка, обозначающего открытый рот с языком внутри него в значении силлаба ча - “рот”, переносно “внутри”, как это и ныне в абхазском, абазинском и убыхском языках;

3. символическое закрепление рисунчатой формы силлаба за определенным словом, например, фигуры хищной птицы за словом “царь”, когда речь идет о горном владыке и фигуры дельфина за этим же словом “царь”, когда речь идет о владыке приморском. Изучение этой стороны ашуйской письменности поможет понять многие специфические формы мышления древних ашуйцев, поскольку всякое рисунчатое письмо - это письмо образное.

Ашуйская письменность на протяжении своей истории имела 4 разных направления строки. Древнейшим направлением строки было письмо справа налево по горизонтали и справа налево сверху вниз. Справа налево по горизонтали написано подавляющее большинство памятников, хотя в

них иногда часть строки идет сверху вниз. Справа налево и сверху вниз написан только один памятник - стела Г, возраст которой, к сожалению, не определен. Очень рано начинает встречаться письмо, исполненное приемом бустрофедон («волочья борозда»), где одна строка написана справа налево, другая слева направо и т.д. Таким приемом исполнена из библских памятников спатула е (XVIII-XVI в. до н. э., из местных, кавказских, ашуйских, надпись на печатке из с. Синапли Гудаутского района Абхазии (рубеж - начало I тыс. до н. э.).

Самым поздним приемом письма было направление строки слева направо по горизонтали. Из библских памятников этим приемом выполнена надпись на реверсе спатулы Асдрубала (XI-X в. до н. э.), из местных, кавказских, ашуйских Аквинская (Сухумская) 2-я надпись (рубеж -I в н. э.).

До самого последнего времени существования письма прием справа налево по горизонтали оставался преобладающим. При исследовании новых надписей все четыре направления письма нужно всегда иметь в виду, особенно когда конец или начало строки, по которому можно определить направление письма, не очевиден. Следует иметь в виду и возможность применения в письме лигатур, которые появляются здесь начиная с XIX в. до н. э., т. е. с самых ранних известных нам памятников силлабического письма. Для удобства читателя я приложил в силлабарии также таблицу лигатурных написаний. Наличие в силлабарии нескольких б, п, т и других им подобных фонетических рядов не во всех случаях служило цели отразить «графическую диалектальность» письма. На месте современных рядов типа б=п=п или д=т=т не только могли, но существовали, вероятно, ряды более сложные.

С полной определенностью можно сказать, что ашуйский язык в своей консонантной системе являл древнюю форму примерно такого диалекта, как бзыбский, и те, кто думал или думает, что обилие консонантов в современном бзыбском диалекте есть явление вторичного порядка, глубоко в этом ошибаются. То, что мы ныне называем бзыбским (северным) диалектом абхазского языка, сохранило в себе очень древние фонетические нормы, а несколько тысячелетий тому назад эти нормы, как показывают публикуемые тексты, заходили много южнее его нынешнего ареала.

Многое из ашуйского языка сохранилось как реликт в абазинском, отчасти в убыхском языке в той его первоначальной ашуйской основе, от которой осталось очень немного, вследствие воздействия на убыхский язык языков черкесских. Абазинские и убыхские племена занимали тогда территории западной и северо=западной Ашуи.

Изучение текстов приводит к выводу, что в древнейший период существо-

вания ашуйского языка вокализирующая моносиллаб гласная **а** не писалась потому, что она была сначала единственной, а затем преобладающей гласной языка. Редукция **а** в **ы** конечно существовала уже в период древнейших текстов, но насколько широко она была распространена, судить трудно. Круглые скобки, которые я применяю при раскрытии силлабической структуры текста, носят условный характер, имеющий своей целью не столько представить читателю древнюю форму слова, сколько показать отношение современного языка к древнему его типу.

Строгий и придирчивый исследователь истории языка знает, что при восстановлении древней формы в изучении нуждается каждое слово, а это сделать на данном этапе дешифровки письма пока трудно, т. к. такая работа надолго задержала бы публикацию памятников письма. При наличии в языке двух гласных **а** и **ы** ошибок, как мне кажется, в интерпретируемых текстах допущено не так уж много.

Весьма любопытен тот факт, что грамматическая структура ашуйского языка, в сравнении с грамматической структурой абхазского и абазинского и отчасти убыхского языков, оказывается содержащей в себе те же элементы, которые нам знакомы в живой речи сейчас. Наличный в текстах арсенал грамматических форм ашуйского языка дает возможность сверить предполагаемую учеными историю образования форм с действительной их историей на очень ранних этапах развития языка. Из сферы предположений можно перейти в сферу действительности. Для истории языка немаловажным было бы знать, как долго существовал язык ашуйских поселенцев в Библи. Первые памятники этого языка датированы проф. М. Дюнаном XIX в. до н. э., последним памятником ашуйского языка в Библи ныне является надпись на реверсе спатулы Асдрубала, датируемая мной тем же временем, что и надпись на ее аверсе - XI-X вв. до н. э.³³. Если не брать в расчет тех поправок, которые может внести в датировку радиоуглеродный метод, то ашуйская колония в Библи окажется существовавшей 800-900 лет, если внести поправку в датировку, то колония существовала примерно 500 лет. Этого времени вполне достаточно для того, чтобы предполагать заметные изменения в структуре ашуйской речи поселенцев Библи. А тем не менее, когда сопоставляешь любой текст XIX в. до н. э. с текстом на реверсе спатулы Асдрубала XI-X вв. до н. э. разительных изменений не видно. Подтверждается еще раз мой тезис об устойчивости и стабильности строя речи древних ашуйцев, который был высказан мной при анализе языка Майкопской надписи XIII-XII в. до н. э.

Возникает другой вопрос, который не удастся выяснить из-за недостатка поздних памятников ашуйского письма и языка в Библи: существова-

ла ли непрерывная связь между ашуйцами на Кавказе и ашуйцами в Библие? Чем можно объяснить такой факт, что в поздних письменных памятниках Ашуи, например, в таком, как Аквинская (Сухумская) 1-я надпись II в. до н. э. налицо те же фигуры силлабов d_1 и $\ddot{u}_3$, которые свойственны финикийскому линейному письму, начиная с надписи Шафатбаала XIII-XII вв. до н. э., а здесь в Ашуде появляются только на подступах к новой эре? Вообще, когда письмо только что дешифровано, здесь естественно оказывается больше проблем, чем решений.

В заключение нельзя не сказать о значении тех разысканий, которые велись в области дешифровки письма, названного мною ашуйским.

Как я уже говорил при первой публикации Майкопской надписи XIII-XII вв. до н. э., единственную дешифровку найденных проф. М. Дюнаном при раскопках древнего Библа письменных памятников предложил французский ученый Эдуард Дорм (1881 - 1966)³⁴. Приступая к дешифровке библских надписей, письмо которых тогда было названо «псевдоиероглифическим», Э. Дорм исходил из того предположения, что на территории древнего Библа не могло быть никакого другого элемента, кроме семитического, и читал надписи как древнейшие финикийские. Об этом ему говорила достаточно хорошо изученная история Библа и, хотя в его чтении в финикийском языке оказывались некоторые не укладывавшиеся в нормативную грамматику явления, это не смущало исследователя. Отклонения он относил к тому, что перед ним очень ранний и архаичный ханаанский диалект. Этой же точки зрения придерживался и А. Ирку³⁵. Исследуя Майкопскую надпись, я с полным доверием отнесся к предложенному Э. Дормом силлабарии и полагал, как знает читатель из начальных строк «Введения», Майкопскую надпись надписью, исполненной заимствованными древними абхазами псевдоиероглифическим финикийским письмом.

Э. Дорм узнал о Майкопской надписи из письма к нему проф. А. Ирку и надеялся на то, что она поддержит его дешифровку библского псевдоиероглифического письма³⁶. Этого не случилось. Оказалось, что история древнего Библа далеко не так хорошо изучена, как предполагалось. Никто не думал о том, что на его территории существовала колония ашуйских поселенцев, состоявшая из рабов, сюда проданных, и из бывших рабов, сюда бежавших от своих владельцев из Ашуи. Э. Дорм допустил ошибку в определении языка. Такие явления в истории дешифровки письмен случаются и у лиц, занимающихся историей письменностей, не вызывают удивления. Э. Дорм приложил много знаний, виртуозности и исключительного трудолюбия в своем стремлении дешифровать тексты Библа и это трудолюбие было не тем, при котором, как писал один из моих критиков,

«можно ... получить осмысленную фразу на любом языке»³⁷. Это было трудолюбием большого ученого, стремившегося найти истину. И ошибки бывают гениальными. Во всяком случае, если бы не было дормовской интерпретации текстов Библи, не было бы и моего первичного чтения Майкопской надписи, а за ней и всего того, что изложено в этой книге. За Э. Дормом, не взирая на ошибку, навсегда останется в истории науки имя первого дешифровщика псевдоиероглифического библского письма.

Иную попытку подойти к интерпретации письменных памятников Библи предпринял открывший их археолог и историк письма проф. М. Дюнан. Он пошел по пути сопоставления фигур псевдоиероглифики Библи с фигурами египетского иероглифического письма. Попытка эта, создавая впечатление внешней схожести фигур, не разрешает самого важного - языковой и этнической принадлежности библского письма. Письмо остается немым³⁸. Относящийся весьма осторожно к дешифровке Э. Дорма и опыту М. Дюнана, оказывается прав И. Фридрих, когда о библском письме говорит, что «опираясь на опыт в других областях, следует остерегаться чисто комбинаторного подхода при внешней схожести различных письменных знаков»³⁹. Справедливость этой мысли при расшифровке псевдоиероглифического библского письма может быть проиллюстрирована таким примером: фигура, которой М. Дюнан пытался видеть аналог иероглифу «глаз»⁴⁰ означала, как это мной установлено в ашуйском письме, представляющем библское псевдоиероглифическое, фигуру открытого рта с языком внутри с звуковым силлабическим значением *ча* (см. силл. 1, № 37), что соответствует совр. абх., абаз. *чы*, убых., *ча* - «рот» с идущим от этого слова производным значением «внутри».

Предложенная мною дешифровка библского псевдоиероглифического письма, как ашуйского (древнего абхазо=абазино=убыхского), получила свое одобрение со стороны проф. Ф. Ирку, который, как читателю известно, первым высказал мысль о кавказском происхождении этого письма. Представилось это решение интересным и М. Дюнану. После ознакомления с моей книгой «Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы», он в одном из своих писем ко мне написал: «Сопоставление с моими иероглифами прямо-таки удивительно. Несколько смущает, что эти надписи разделены таким расстоянием во времени, но надо признать при этом, что связи Библи с Кавказом восходят по металлургии к началу второго тысячелетия, а наши псевдоиероглифы могли быть в ходу не менее полутысячелетия.

Хотел, чтобы Вы энергично продолжали Ваши исследования и чтобы Вы скорее сообщили нам точные данные об абхазских надписях».⁴¹

Заключая «Введение» этими словами моего коллеги, первооткрывателя и исследователя библского письма проф. М. Дюнана, я не без волнения представляю на суд науки мою книгу с памятниками древнейшей письменности Кавказа.

Силлабарий ашуйского (древнего абхазо-абазино-убыхского) языка

1. Знаки письма

№ п/п	Оригинальный хабит знаков письма		Транскрипция знаков письма	Раскрытие силлабического значения знаков письма (первичная форма)
	В текстах Библа	В текстах Ашуи		
1	2	3	4	5
1	Y Ω Y	Y	а	а
2	X X	X	аа	аа
3	◊		ай	ай
4	Ω Α Α	Ω Λ	ан, ам	ан, ам
5	Α Α Α Α	Α	й	йа
6	2 2 2	τ 2	ў	ўа
7	Π Π		ў	уа
8	>>		уу	уауа
9	^ v ^	^ v 7	ў ₁	уа
10	Y ↓ 7 f	Y	ў	уа
11		Y	у ₃	уа

1	2	3	4	5
12	у у у		б	ба
13	у у у	(у у у)	б ₁	б ₁ а
14	□ □	□ □ □	б ₂	б ₂ а
15	✕ ▲ ▲		в	ва
16	mm mm m m ш	mm ш	п ₁	п ₁ а
17	++	++	п ₂	п ₂ а
18	☉ ☉ ☉		м	ма
19	☉ ☉ ☉ ☉	☉	м ₁	м ₁ а
20	☉		м ₂	м ₂ а
21	☉ ☉ ☉ ☉	☉ ☉ ☉	д	да д(ə)а
22	☉	☉ ☉ ☉	д ₁	д ₁ а
23	☉		д ⁰	дəа
24	☉ ☉		т	та т(ə)а
25	☉ ☉ ☉	☉	т ₁ а	т ₁ (ə)а
26	☉ ☉ ☉ ☉	☉ ☉	т ₂	т ₂ а, т ₂ (ə)а
27	☉ ☉ ☉	☉ ☉	т ₃	т ₃ а, т ₃ (ə)а
28	☉ ☉ ☉	☉	т	та
29	☉ ☉ ☉ ☉	☉ ☉ ☉ ☉	щ	ща, щ(ə)
30	☉ ☉		щ'	щ'а

1	2	3	4	5
31	ц ц		ц	ца. ц(ə)а
32	ц'		ц'	ц' а
33	з ± ж	ж	з	за, з(ə)а
34	з з	з	з	з ₁ а
35	з'		з'	з'а
36	ц̄	ц̄	ц̄	ц̄а
37	ч	ч	ч	ча
38	ч ⁰		ч ⁰	чəа
39	ч		ч	ча
40	ч ₁	ч ₁	ч ₁	ч ₁ а
41	ч ₂		ч ₂	ч ₂ а
42	ч ⁰		ч ⁰	чəа
43	с	с	с	са
44	с'	с'	с'	с'а, с'(ə)а. с'(ь)а
45	с'о		с'о	с'əа
46	з	з	з	за
47	з ₁	з ₁	з ₁	з ₁ а
48	з'		з'	з'а, з'(ə)а
49	з' ₁	з' ₁	з' ₁	з'а, з' ₁ (ə)а

1	2	3	4	5
50			з'₂	з'₂(ə)а
51			ж	жа, ж(ə)а, ж(ь)а
52			ш	ша, ш(ə) ш(ь)а
53			ш⁰	шəа
54			ш₁	ш₁а, ш₁(ə)а, ш₁(ь)а
55			ш~	шъа
56			н	на
57			н₁	н₁а
58			н₂	н₂а
59			н₃	н₃а
60			н₄	н₄а
61			л	ла
62			л₁	л₁а
63			р	ра
64			р₁	р₁а
65			р₂	р₂а
66			г	га, г(ə)а
67			г₁	г₁(ə)а
68			г	га

1	2	3	4	5
69			Γ_1	$\Gamma_1 a$
70			$\Gamma \sim$	$\Gamma \text{ь} a, \Gamma \text{ь}(\theta) a$
71			$\Gamma_1 \sim$	$\Gamma_1 a, \Gamma_1 \text{ь}(\theta) a$
72			κ, κ	$\kappa a, \kappa(\theta) a; \kappa a \kappa(\theta) a$
73			κ_1	$\kappa_1 a$
74			k	$ka, k(\theta) a$
75			λ	$\lambda a, \lambda(\theta) a, \lambda \text{ь} a$
76			λ_1	$\lambda_1 a$
77			x	$xa, x(y) a$
78			$x \sim$	$x \text{ь} a$
79			$x_1 \sim$	$x \text{ь}_1 a$
80			x_2	$x \text{ь}_2 a$
81			x	$xa, x(\theta) a$
82			x_1	$x_1 a, x_1(\theta) a$
83			x_2	$x_2 a$
84			$\check{\gamma}^0$	$\check{\gamma} \theta a$
85			$\check{\gamma}_1^0$	$\check{\gamma}_1 \theta a$
86			λ	$\lambda a, \lambda(\theta) a$
87			$\check{\gamma}$	$a \check{\gamma} a, (a) \check{\gamma} a$

1	2	3	4	5
88	Т ↑ ↑	Т †	о	оа

2. Знаки счета

№№ п/п	Оригинальный хабит знаков счета		Транскрипция знаков счета	Значение и система зна- ков счета
	В текстах Библа	В текстах Ашуи		
1	2	3	4	5
89/1		1 1	1	1
89/2	11		2	2
91/3	11111		5	5
92/4	1111111		7	7
93/5		* →	10	10
94/6		3 3	20	10+10
95/7		13	21	10+10+1

Примечание к рубрикам 1 и 2. В некоторых ашуйских текстах Библа употребляются фразо- и словоразделители в виде коротких вертикальных черточек.

3. Лигатуры

№ п/п	Оригинальный хабит лигатур				Тран- скрип- ция и чте- ния лига- тур	Раскрытие силлабичес- кого состава лигатур в текстах (2-я строка)	Направление и место лигатур в текстах
	В текстах Библия		В текстах Ашум				
	Хабит	Состав	Хабит	Состав			
1	2	3	4	5	6	7	8
1					гб ₁	г(ы)б ₁ а	Справа налево 1-й сил- лаб 5-й строки спатулы б
2					б ₁ л ₁	б ₁ (ы)л ₁ (ы)	Справа налево сверху вниз 3-й силлаб 7-й строки спатулы б
3					жа ₁	ж(э)а ₁	Справа налево сверху вниз 3-й силлаб 9-й строки табл. Ц
4					б ₁ г ₁	б ₁ аг ₁ (э)	Справа налево 6-й силлаб 2-й строки спатулы и
5					г ₁ г	г ₁ (э)г(ы)	Справа налево 1-й силлаб 4-й строки спатулы и
6					б ₁ г	б ₁ ага	Слева направо 5-й силлаб 3-й строки спатулы Асдрубала
7					м ₁ р ₁ н	м ₁ ар ₁ аны	Справа налево 6-8-й сил- лабы 1-й строки Майкоп- ской надписи
8					п ₂ б ₁	п ₂ аб ₁	Справа налево 11-12-й сил- лабы 1-й строки Майкоп- ской надписи
9					а ₁ й	а ₁ йа	Справа налево сверху вниз 1-2-й силлабы 2-й строки Майкопской надписи
10					п ₁ г ₁ ~	п ₁ аг ₁ ~ья	Справа налево 1-2-й силлабы 3-й строки Майкопской надписи
11					г ₁ ц	г ₁ ац	Справа налево 5 и 6-й сил- лабы 3-й строки Майкоп- ской надписи
12					б ₂ г ₁	б ₂ аг ₁ а	Справа налево 2-3-й сил- лабы 5-й строки Майкоп- ской надписи
13					г ₃ кй	г ₃ акэ й(ы)	Сверху вниз справа налево 1-3-й силлабы Синапльской печатки

1	2	3	4	5	6	7	8
14					с'у ₃	с'ау ₃	Справа налево 8-9-й сллабы 1-й Аквинской надписи
15					х'у	х'е	Справа налево 11-12-й сллабы 1-й Аквинской надписи
16					х ₁ ~	х ₁ 'ь (ы)	Справа налево в «Монограмме» царя Саулаха
17					к'у ₁ ба	к'у ₁ аа	Слева направо в центре 2-й Аквинской надписи
18					п ₁ р ₁	п ₁ ар ₁ а	Справа налево на апианчском сосуде
19					ааб ₁	ааб ₁ а	Справа налево на ручке амфоры в «Клейма гончаров ...» 2
20					п ₁ г ₁ ~	п ₁ аг ₁ 'ья	Там же, 4
21					А ₁ ц~б ₁	А ₁ ц'ьб ₁ а	Там же, 5
22					н ₃ 'ц	н ₃ (и)'ца	Там же, 5

4. Вертикалы

№ п/п	Оригинальный хабит лигатур				Транскрипция и чтение лигатур	Раскрытие сллабического состава лигатур в текстах (2-я строка)	Направление и место лигатур в текстах	
	В текстах Библа		В текстах Ашуи					
	Хабит	Состав	Хабит	Состав				
1	2	3	4	5	6	7	8	
1		(1) 				з'а ₁ у ₁	з' (э)ау(ы) (1)	Справа налево сверху вниз 11 и 14 знаки 9-й строки табл. Ц
		(2) 					з' (ы)у(ы) (2)	
2						з'а	(а)з'а	Справа налево 2-й знак 32-й строки табл. Д
3						з'а	з'(н)а	Справа налево сверху вниз 1-й знак 13-й строки табл. Ц
4						н ₁ н ₄	н ₁ (ы)н ₄ (ы)	Справа налево сверху вниз 2-й знак 6-й строки Майкопской надписи

Комментарий к рубрике 1 силлабария.

Комментарий имеет целью осветить некоторые стороны графики оригинального письма в предложенной мною транскрипции звуков ашуйского языка в отношении к современным абхазским, абазинским и, отчасти, убыхским фонемам⁴² в тех же словах и формах языка, что и в текстах памятников без неперменной исторической их совместимости. Изложение преподносится в порядке № № знаков письма. В силлабарии при транскрибировании (графа 4) мною применяется русская графика с использованием некоторых фигур абхазского практического алфавита, а также дополнительных диакритических значков и цифр при омографах, передающих графические варианты одного и того же звука. Смычно-гортанность звука обозначена в транскрипции значком ν над графемой, этим же значком с «сидилем» (кроме ψ) обозначены ларингалы (гортанные), велярно-фарингальность и фарингальность - значком $\cdot$ под графемой, свистяще-шипящие звуки - значком $'$ вверху справа, лабиализация значком $\circ$ и палатализация значком $\sim$.

Если в 5-й графе при том или ином звуке используемые для обозначения лабиализации и палатализации буквы ϕ , ψ заключены в скобки, это означает, что в оригинальном письме для этих звуков нет самостоятельных графем.

Остальные условности объяснены в тексте.

1. - a_1 . Оригинальный знак, транскрибируемый как a_1 в ашуйских текстах обычно передает ныне утраченное указательное местоимение “этот”, “эта”, “это”. Чтобы не смешивать это a при транскрибировании с восстанавливаемым первичным a любого силлаба, графеме придана цифра 1. То, что графема a_1 , в отдельных случаях, используется в древнейших текстах в роли огласовки, говорит о том, что силлабическое ашуйское письмо иногда выходило за рамки присутствующего ему консонантного невокализованного типа. Графема a_1 выражала гортанное a .

2. - $\widehat{aa}$. В транскрипции обозначает бисиллаб, представляющий собой историческое развитие бисиллаба под № 87 aga с ларингалльным g . В оригинальном ашуйском письме бисиллаб изображался в обоих случаях одним знаком - косым крестом. В наше время графема $\widehat{aa}$ характеризует абхазскую языковую норму, а графема $ag\Gamma a$ - абазинскую.

В абазинском практическом письме последняя пишется $ag\Gamma a$. Абхазская языковая норма в ашуйских текстах проявляется довольно рано. Впервые она отчетливо выступила в Майкопской строительной надписи XIII-XII вв. до н. э. в новом ее чтении.

3. - ай̄. В транскрипции обозначает силлаб с полугласным и, который в ударном положении в текстах соответствует гласному и.

4. - ан̄, ам̄. В транскрипции обозначает силлаб, в котором звуки н и м не назализуют гласного, а выступают как самостоятельные сонанты.

5. - й. В транскрипции обозначает звук и, в дальнейшем в текстах в тех или иных условиях соответствующий звуку и.

6. - ў̄. В транскрипции обозначает губогубной сонант в силлабе ўа →ўы. В оригинальной графике на протяжении всей истории ашуйской письменности знак характеризует показатель класса мужчин и местоимение 2 л. ед. ч. мужского рода.

7. -ў̄. В транскрипции обозначает сонант, который в оригинальном письме использовался как знак преимущественно для графической передачи указательного местоимения 3 л. ед. ч. ўа “тот”, “та”, “то”. (Совр. абх. уи ← уый.) В редких случаях выступает в ашуйских текстах в роли гласного у, говоря о том, что консонантное ашуйское письмо искало путей его вокализации.

8. - уӯ. В транскрипции обозначает бисиллаб, который в оригинальном письме передавал стоящие рядом силлабы ўа ўа, ўа ўы и т. п. Даже в том случае, когда один из них должен был быть графически выражен знаком под № 6 (см. выше).

9. 10. -ў̄₁ и ў̄₂. В транскрипции обозначает билабиальные сонанты. Функциональная роль каждого из них в письме нуждается в изучении. Возможно, что они представляли собой диалектальные графические варианты одного и того же звука.

11. - ў̄₃. В транскрипции обозначает билабиальный сонант. В письме в оригинальной форме встретился только однажды в 1-й Аквинской (Сухумской) строительной надписи II в. до н. э. в силлабе у(а).

12. 13, 14. - б, б₁, б₂. Не исключено, что в текстах оригинального письма, кроме графической диалектальности, в тех или иных случаях мы имеем дело с фонологически различными губными звуками, как то наблюдается напр. в убыхском, где имеется фарингальный б (Vogt, 13). Вопрос требует специального изучения.

15, 16, 17. - й̄, п₁, п₂. Об этих звуках ашуйского языка можно сказать то же, что и о звуках б, б₁, б₂. Следует отметить, что ашуйское й̄ в личном имени «Пту» почти во всех случаях соответствует совр. абазинскому смычно=гортанному пІ. Абаз. ПтІу.

18, 19, 20. - м, м₁, м₂. Об этих звуках ашуйского языка можно сказать то же, что и о звуках б, б₁, б₂ и й̄, п₁, п₂. Вероятно, кроме графической диалектальности, какой-то из них мог обозначать фарингальное м, как то в убыхском (Vogt, 13).

21. - д, д(°). В оригинальном письме транскрибируемый знак характеризует собой более древнюю фигуру для передачи нелабиализованного звонкого звука д.

22. - д₁. В оригинальном письме представляет собой упростившуюся фигуру предыдущего знака. Обозначала только нелабиализованную форму звука.

23. - д°. В оригинальном письме транскрибируемый знак обозначал лабиализованный зубной звонкий звук д. Встретился только два раза в одном и том же слове в тексте табл. Д.

24. 25, 26, 27. - ǰ, ǰ°, ǰ₁, ǰ(°)₁, ǰ₂, ǰ(°)₂, ǰ₃, ǰ(°)₃. В оригинальном письме во всех случаях транскрибируемые знаки безразлично употребляются для обозначения нынешних зубных смычно-гортанных нелабиализованных и лабиализованных глухих звуков. В каких случаях в оригинальном письме мы имеем дело с графической диалектальностью знака, а в каких с какой-то особой фонетической характеристикой звука, может установить только дальнейшее детальное изучение текстов.

28. - т. В оригинальном письме транскрибируемый знак соответствует современному придыхательному зубному звуку т.

29. - ǰ̣, ǰ̣(°). В оригинальном письме означает смычно-гортанную нелабиализованную и лабиализованную глухую аффрикату.

30. - ǰ̣'. В оригинальном письме транскрибируемый знак обозначает свистяще-шипящую смычно-гортанную глухую аффрикату, представленную и ныне в бзыбском диалекте (ББД. 50-52; 86-89).

31. - ц, ц(°). В оригинальном письме транскрибируемый знак означает безразлично нелабиализованную и лабиализованную глухую придыхательную аффрикату.

32. - ц'. В оригинальном письме транскрибируемый знак обозначает свистяще-шипящую придыхательную глухую аффрикату, представленную и ныне в бзыбском диалекте (ББД. 43-46; 81-84).

33. - з, з(°). В оригинальном письме транскрибируемый знак безразлично означает нелабиализованную и лабиализованную зубную звонкую аффрикату дз.

34. - з₁. Аналогичная предыдущей аффриката, представлявшая в оригинальном письме вероятно ее диалектальную графическую или фонетическую разновидность. В тексте встретилась, в частности, в слове соответствующем убых. маза - "месяц" (как единица времени) при абх. маза в том же значении.

35. - з'. В оригинальном письме транскрибируемый знак означает свистяще=шипящую зубную звонкую аффрикату, представленную и ныне в бзыбском диалекте. (ББД. 46-49; 84-86).

36. - ц̣. В оригинальном письме транскрибируемый знак обозначает переднеязычную шипящую звонкую палатализованную аффрикату джь.

37. - џ. В оригинальном письме транскрибируемый знак обозначает смычно=гортанную шипящую глухую аффрикату в абхазском практическом письме обозначаемую фигурой е, в абазинском - тш.

38. - ч°. В оригинальном письме транскрибируемый знак обозначает такую же аффрикату, что под № 37, но лабиализованную, хотя лабиализация передана в тексте самостоятельно через знак .№ 7 (см. текст спатулы и, 1-я строка), Не исключено, что знак № 38 в нелабиализованной разновидности, будучи графически близок к знаку № 40 (см. ниже), отражал более древнюю норму звука, что представлен под № 40. Лабиализованная аффриката этого звучания известна в абазинском языке, где изображается фигурой чІв.

39. ч - . В оригинальном письме транскрибируемый знак встретился всего три раза. Один раз в табл. Д XIX в. до н. э., два раза на реверсе спатулы Асдрубала XI-X вв. до н. э. Обозначает придыхательную шипящую переднеязычную мягкую глухую аффрикату, в абхазском практическом письме передаваемую фигурой е. Ее графическим и, вероятно, фонетическим вариантом был знак и звук, что дан под № 41

40. - ч₁. В оригинальном письме транскрибируемый знак обозначает придыхательную шипящую переднеязычную твердую глухую аффрикату. См выше ч.

41. - ч₂. См. выше о нем под № 39.

42. - ч°. В оригинальном письме транскрибируемый знак обозначает переднеязычную лабиализованную глухую аффрикату. Наличие в абазинском языке, где в современной графике письма обозначается фигурой чв.

43. - с. В оригинальном письме транскрибируемый знак обозначает зубной глухой спирант. В оригинальной графике интересен тот вариант знака, который впервые встретился в первой силлабо-пиктограмме Майкопского кургана. См. его форму в силлабрии в графе 3, а в стилизованном, упорядоченном виде в графе 2, первый знак справа.

44. - с', с' (°), с' (~). В оригинальном письме транскрибируемый знак безразлично обозначает свистяще-шипящий альвеолярный глухой нелабиализованный, лабиализованный и палатализованный звук и ныне распространенный в бзыбском диалекте абхазского языка (ББД. 33-40; 71-79).

45. - с' °. В транскрипции обозначает графическую разновидность предыдущего звука в лабиализованной форме.

46. - з. В оригинальном письме транскрибируемый знак обозначает зубной звонкий спирант.

47. - з₁. В транскрипции так передана графическая разновидность предыдущего звука.

48. - з', з' (°). В оригинальном письме транскрибируемый знак безразлично означает свистяще-шипящий звонкий нелабиализованный и лабиализованный спирант и ныне распространенный в бзыбском диалекте (ББД. 40-42; 53-54; 74-75 и след.).

49. - з', з' (°)₁. В оригинальном письме транскрибируемый знак представляет собой графическую разновидность нелабиализованного и лабиализованного звука, описанного под № 48.

50. - з'₂, з' (~)₂. В оригинальном письме транскрибируемый знак обозначал графический вариант предыдущего, используемый кроме того для обозначения палатализованного свистяще-шипящего з'.

51. - ж, ж(°), ж(~). В оригинальном письме транскрибируемый знак безразлично обозначал три звука: альвеолярный звонкий нелабиализованный, такой же лабиализованный и такой же палатализованный спирант.

52. - ш, ш (°), ш(~). В оригинальном письме транскрибируемый знак безразлично обозначал три звука: альвеолярный глухой нелабиализованный, такой же лабиализованный и такой же палатализованный спирант.

53. - ш°. В оригинальном письме транскрибируемый знак обозначал лабиализованный альвеолярный глухой спирант. Встречается в текстах редко.

54. - ш₁, ш(°)₁. В оригинальном письме транскрибируемый знак представляет собой диалектальный вариант знака под № 52. В текстах встречается редко.

55. - ш~. В оригинальном письме транскрибируемый знак представлял собой диалектальный графический вариант знака под № 52. В текстах встречается редко.

56. 57, 58, 59, 60. - н, н₁, н₂, н₃, н₄. Не исключено, что в текстах оригинального письма, кроме графической диалектальности, в тех или иных случаях мы имеем дело с функциональными и фонологическими различными носовыми звуками. Вопрос требует исследования. Самым распространенным в текстах является знак транскрибируемый графемой н. Знак н₄ встретился только два раза в Майкопской строительной надписи XIII-XII вв. до н. э.

61, 62 - л, л₁. Знак под № 61 встречается в текстах оригинального письма реже чем знак под № 62. Последний, как я полагаю, представляет собой упрощенную графическую фигуру первого. В обоих случаях обозначал зубной плавный звук.

63, 64, 65. - р, р₁, р₂. Мне представляется, что знак под № 65 является графическим упрощением знака под № 64. Знаки р₁ и р₂ с фонологической

стороны обозначали альвеолярный плавный звук р, а знак р выражал увулярное р. Подлежит изучению вопрос функционально-графического использования в оригинальных текстах разных фигур знаков.

66, 67. - г, г(°), г(°)₁. В оригинальном письме транскрибируемые знаки обозначали переднемягконёбные смычные звонкие нелабиализованные и лабиализованные звуки. Различные формы знаков являлись их графической диалектальностью. Как и ныне в абхазском, абазинском и убыхском языках эти звуки в ашуйском языке встречались нечасто.

68, 69. - г, г₁. В оригинальном письме транскрибируемые знаки обозначали заднемягконёбные нелабиализованные звонкие спиранты, едва ли различающиеся только как графические варианты.

70, 71. - г~, г~(°), г~₁, г~(°)₁. В оригинальном письме транскрибируемые знаки обозначали заднемягконёбные палатализованные и палато-лабиализованные звонкие спиранты. В графическом отношении они едва ли являются вариантами одного и того же звука: в одном и том же тексте (напр. стела Г) оказываются рядом оба знака.

72, 73. - к, к(°), к, к(°)₁. В оригинальном письме, как можно видеть по транскрипции, графически не различались придыхательные и смычно-гортанные нелабиализованные и лабиализованные переднемягконёбные к. Вопрос требует исследования.

74. - к, к(°). В оригинальном письме знак обозначал фарингальный нелабиализованный и лабиализованный звук. На протяжении всей истории письма форма знака была однообразной.

75. - х̣, х̣(°), х̣(~). В оригинальном письме транскрибируемый знак безразлично обозначал велярно-фарингальные глухие, нелабиализованный, лабиализованный и палатализованный звуки. В первых двух формах представлен ныне в бзыбском диалекте (ББД. 59-67; 89-92) и в абазинском языке, где в практическом письме обозначается фигурой хъ, хъв.

76. - х̣₁. Вероятно графический вариант знака № 75. Встретился всего навсего в трех случаях: два раза в надписи на стеле А, и один раз в надписи на реверсе спатулы Асдрубала.

77. - х. Предполагаю, что транскрибируемый знак обозначал заднемягконёбный нелабиализованный спирант, хотя не исключено, что он мог представлять собой графическую разновидность знака № 75 в не- и в лабиализованной форме. Встретился два раза в Майкопской строительной надписи XIII-XII вв. до н. э.

78, 79, 80. - х~, х~₁, х̣₂. В оригинальном письме во всех случаях обозначал велярный палатализованный спирант, соответствующий убых. х'(Vogt, 13) и совр. абх. х (см. ниже № 82). В графическом отношении №№ 78 и 79

представляют варианты одного и того же знака, как то видно по Майкопской строительной надписи. Знак № 80 встречается в местных, кавказских надписях очень поздно (IV-V вв. н. э.).

81. - х, х(°). В оригинальном письме транскрибируемый знак обозначал фарингальный глухой нелабиализованный и лабиализованный спирант.

82. - х₁, х(°)₁. В оригинальном письме знак представлял графическую диалектальную разновидность знака под № 81. Впервые эта фигура встретила в первой силлабо-пиктограмме на серебряном сосуде Майкопского кургана. Она прошла через всю историю ашуйского письма. См. графу 3 силлабария, второй знак справа.

83. - х₂. Знак в тексте встретился один раз. Передавал тот же звук, что под № 81 и 82.

84. 85. ҃^о, г₁^о. В оригинальном письме транскрибируемые знаки обозначали звонкие ларингальные (гортанные) лабиализованные звуки, относящиеся друг к другу как графические варианты. Звук наличен в абазинском языке, где в практическом письме обозначается фигурой гІв.

86. - г̂, г̂ (°). В оригинальном письме транскрибируемый знак обозначал велярно-фарингальный звонкий нелабиализованный и лабиализованный звуки. В абазинском письме нелабиализованный г обозначается фигурой гъ.

87. ҃҃. В оригинальном письме транскрибируемый знак обозначал ларингальный звонкий спирант в слогафонеме а҃҃а, (а)҃҃а, исчезнувший в интервокальном положении в абхазском языке, где а҃҃а дало а̂а. См. здесь .№ 2. Наличен в абазинском языке, где в современном практическом письме обозначается фигурой гІ.

88. - а. В оригинальном письме транскрибируемый знак обозначал фарингальный звонкий лабиализованный звук, ныне известный в абхазском, где он по месту образования является среднефарингальным.

Силлабрий ашуйского (древнего абхазо-абазино-убыхского) письма

5. Фигуры сллабов ашуйского письма в их отношении к фигурам букв раннего канаанского письма
(Цифры, в скобках при фигурах сллабов и букв отсылают к комментарию)

№№ п/п	Фигуры сллабов ашуйского письма		Фигуры букв раннего канаанского письма				
			Финикийские		Древнееврейские		
	Хабит	Транскрипция	Звуковое значение (в современном соответствии)	Хабит	Звуковое значение (в современном соответствии)	Хабит	Звуковое значение
1	2	3	4	5	6	7	8
1	(1)	a ₁	а	(2)	(а)		
2	 (3)(4)	b ₂	б	 (5)(6)	б		
3	(7)	г ₁	г	(8)			
4	(9) (10) (11)	д ₁	д	(12) (13)	д		д
5	 (15) (16)	х [~] , х ₁ [~]	х ^б	(17)	х		х
6	(19)	ѣ ₃	ѣ	(20)	ѣ		
7	(21) (22)	з ₁	з	 Z(23)	з	 Z(24)	з
8				(25)	h		
9	(26)	д ⁰	д ⁰	(27)	t		t

1	2	3	4	5	6	7	8
10	ז ז (29)	ז ₁	з(дз)	ז (30)	j		
11	כ כ (31)	к	к			כ (32)	к
12	ל (33) ל (34)	ל ₁	л	ל (35)	l		
13	מ (36)	מ ₁	н м	מ (37)	m		
14	נ (38)	н	н	נ (39)	n		
15	ס (40)	с	с	ס (41)	s		
16	פ פ (42)	פ	פ	פ פ (43)	ğ		
17	צ (44)	צ ₁	б п(п)	צ (45)	p		
18	ק (46)	ц	ц	ק (47)	ç		
19	ר (48)	ר ₁	хъ			ר (49)	ḳ
20	ש (50)	ש ₁	р	ש ש (51)	r	ש (52)	r
21	ז (53)	ז ₁	ш	ז (54)	š		
22	ת (55)	т	т	ת (56)	t		

Комментарий к рубрике 5 силлабария

В рубрике 5 при сопоставлении фигур силлабов ашуйского письма с буквами письма канаанского основной в рубрике 5 является финикийская (графа 5). Древнееврейские буквы (графа 7) приводятся в рубрике 5 лишь в том случае, если их хабит отличен от финикийского, но сопоставим с ашуйским.

(1), (2). Фигура силлаба со значением а этого хабита встречается в самых ранних ашуйских текстах: табл. Д, Ц и др., относимых М. Дюнаном к XIX в. до н. э. Сопоставляется с одной из ранних «алеф» (2) финикийс-

кого линейного письма, которая засвидетельствована в надписи Абдо XIII-XII вв до н. э. По сравнению с ашуйским силлабом представляет собой его фигуру положенную на бок.

(3), (4), (5), (6). В хабите (3) в ашуйских надписях обозначает звук б (в транскрипции б₂). Силлаб впервые встречен в Майкопской надписи XIII-XII вв. до н. э. В хабите (4) в ней же в лигатуре с г₁ (см. в силлабрии рубр. 1, №№ 14 и 69). Сопоставляется с «бет» хабита (5), которую можно видеть в надписи Ахирама XIII-XII вв до н. э. и с «бет» хабита (6), что имеется в надписи Абдо того же времени.

(7), (8). Фигура силлаба (7) со значением г (в транскрипции г₁) в этом хабите встречается рано. Впервые засвидетельствована в тексте спатулы и, относимой М. Дюнаном к XIX в. до н. э. Сопоставляется с «гимел» (8), которая засвидетельствована в надписи Ахирама XIII-XII вв до н. э. и по отношению к ашуйскому силлабу г оказывается зеркальной.

(9), (14). Фигура силлаба (9) со значением д (в транскрипции д₁), встречена только в Майкопской надписи XIII-XII вв. до н. э. Сопоставляется в графике канаанского письма с «далет» (14) в хабите замкнутого треугольника с длинным стержнем, что налична в древнееврейском письме IX-V вв. до н. э.

(10), (11), (12), (13). Фигура силлаба д₁ в этом хабите (10) впервые встретилась в ашуйской надписи на реверсе спатулы Асдрубала XI-X вв. до н. э. и в Аквинской (Сухумской) 1-й надписи II в до н. э., а в хабите с «открытой головкой» (11) в надписи на аквинской амфоре II-IV вв. н. э. Сопоставляется с «далет» в виде треугольника (12), что засвидетельствована во многих финикийских надписях: Шафатбаала, Ахирама XIII-XII вв. до н. э. и др. и с «далет» с открытой головкой (13) что в надписи Абдо XIII-XII вв. до н. э.

(15), (16), (17), (18). Фигура силлаба х̃ (в транскрипции х̃) этого хабита встретилась в Майкопской надписи XIII-XII вв. до н. э. Количество отростков не имеет различительного значения. Позже, в хабите с тремя отростками силлаб налицо в «монограмме» на золотой монете ашуйского царя Саулаха (II в. до н.э.). Другой силлаб (16) (в транскрипции х₁~) встретился в поздних ашуйских надписях на двух обломках ручек амфор позднеантичного времени (IV-V вв. н. э.) Гагринского района Абхазии. Сопоставляется с буквой «хе» (17) финикийского письма, что засвидетельствована в надписи Абдо XIII-XII вв. до н. э. В ней три отростка. В «хе» хабита (18) с большим количеством отростков, также не имеющих различительного значения, как и в ашуйском силлабе х̃(15), буква встречается в древнееврейском письме.

(19), (20). Фигура силлаба (19) в значении $\ddot{y}$ (в транскрипции $\ddot{y}_3$) в ашуйском письме встрети́лась только одна́жды в Аквинской (Сухумской) 1-й надписи царя Саулаха. Сопоставляется с «вав» этого ха́бита засвидетельствованной в финикийской надписи Шафатбаала XIII-XII вв. до н. э. и др.

(21), (22), (23), (24). Фигура силлаба z (в транскрипции z_1) засвидетельствована в ашуйских памятниках дважды: в ха́бите (21) в тексте спатулы и XIX в. до н. э. и в ха́бите (22) в тексте стелы А того же времени. Сопоставляется с «зайин» (23), которая встречается в финикийском классическом письме конца II тысячелетия, первой половины первого тысячелетия, а из древнееврейских памятников сопоставляется с «зайин», (24) гезерского календаря X в. до н. э.

(25). «Хет» этого ха́бита в ашуйском письме не встречается. Полагаю, что в финикийском буква создана слиянием двух встречных «хе» идущих от силлаба $x\sim$ с тремя отростками. Это подтверждает, как мне кажется, классическое финикийское письмо конца II тысячелетия - первой половины I тысячелетия до н. э., где встречается «открытая» хет с двумя и тремя «перекладинами».

(26), (27), (28). Фигура силлаба (26), обозначающая зубную лабиализованную аффрикату $d\theta$ (в транскрипции d^0) встречается в ашуйском письме только дважды в тексте табл. Д XIX в. до н. э. Сопоставляется с «тэт» в ха́бите (27), что встречается в надписи Шафатбаала XIII-XII вв. до н. э. и др. и в ха́бите (28) что отмечена в древнееврейском ДА, 283, табл. При сопоставлении фигуры «тэт» с фигурой силлаба «дэ» пока что имеется в виду только форма. При обилии других очевидных сопоставлений буква «тэт» едва ли в этом ха́бите в канаанском алфавите случайна.

(29), (30). Фигура силлаба (29), обозначающая переднеязычную нелабиализованную аффрикату z (в транскрипции z_1) встречается в ашуйских памятниках начиная с древнейших надписей XIX в. до н. э. и позже, например, в Майкопской надписи XIII-XII вв. до н. э. Сопоставляется с «иод», которая в ха́бите (30) встречается в финикийской надписи Абдо XIII-XII вв. до н. э. и др. При сопоставлении фигуры силлаба z с фигурой «иод» имеется ввиду пока что только форма, но с той оговоркой, которая высказана выше в отношении «тэт» (27), (28).

(31), (32). Фигура силлаба k (31) неизменна на протяжении всей истории ашуйского письма с XIX в. до н. э. по IV-V в. н. э. В финикийском эта фигура не встречается. В древнееврейском в ха́бите (32) засвидетельствована в значении «каф» в гезерском календаре X в. до н. э.

(33), (34), (35). Фигура силлаба l_1 в ха́бите (33) налицо во всех ашуйских текстах с теми или иными незначительными отклонениями. В ха́бите

(34) встретила только в Аквинской (Сухумской) 1-й надписи II в. до н. э. Сопоставляется с «ламед» в хабите (35), которая широко распространена во всех финикийских и древнееврейских памятниках начиная с самых ранних (Абдо, Шафатбаала, Гезерском календаре и др.) По сравнению с ашуйским силлабом л, представляет собой ту же фигуру, но обращенную «крючком» вправо и вниз.

(36), (37). Фигура силлаба н (36) (в транскрипции n_1) довольно широко распространена в ашуйском письме начиная с таблицы Д XIX в. до н. э., но встречается не во всех памятниках. В ашуйском языке, как и в современном абхазском, звуки н и м могут в одних и тех же словах замещать друг друга не изменяя значения слова, а поэтому считаю вполне возможным сопоставление силлаба n_1 с буквой «мем» (37) канаанского письма. «Мем» в этом хабите встречается как в финикийском, так и в древнееврейском письме, начиная с самых ранних памятников.

(38), (39). Фигура силлаба н в этом хабите (38) самая распространенная в ашуйском письме, начиная с древнейших памятников XIX в. до н. э. Полагаю, что «нун» канаанского письма (39) представляет собой зеркальный графический вариант ашуйского силлаба. Ближе всего к ашуйскому оказываются «нун» надписи Шафатбаала и Ахирама XIII-XII вв. до н. э.

(40), (41). Фигура силлаба с в хабите (40) встречается в тексте стелы А XIX в. до н. э. Звук с в ашуйском языке, как и в современных абхазском и абазинском, не имел широкого распространения. Фигура силлаба с целиком совпадает и по форме и по звучанию с «самек» (41) финикийского и древнееврейского письма. Впервые засвидетельствована в надписи Ахирама XIII-XII вв. до н. э.

(42), (43). Фигура силлаба г в этом хабите (42) встречается начиная с самых ранних надписей XIX в. до н. э. Передавала, вероятно как и ныне, заднемягконёбный звонкий спирант. Сопоставима с канаанской «айин», которая в древней форме (43) встречается уже в самых старых надписях (Абдо, Ахирама, Гезерском календаре). Буква представляла собой слияние в «кольцо» двух «полуколец». Срав. выше (25). В хабите «полукольца» засвидетельствована в финикийском в V-III в. до н. э., и представляет здесь уже вторичное явление.

(44), (45). Фигура силлаба (44), транскрибируемого как b_1 в этом хабите с опущенным до основания «отростком», встречается нечасто, но уже в ранних ашуйских надписях (см. табл. Ц XIX в. до н. э. 11 строка, 8 силлаб справа). Сопоставляется с финикийским «пе» (45) не только по форме, но и по тому же мотиву, по которому силлаб n_1 (36) сопоставлялся с «мем» (37). В ашуйском языке, как и в совр. абхазском, звуки б и п (ц) могут в одних и тех же словах замещать друг друга не изменяя значения слова.

(46), (47). Фигура силлаба **ц** (в транскрипции **ц**) обозначает абруптивную зубную аффрикату и в этом хабите (46) впервые встретилась в тексте спатулы и XIX в. до н. э. 8-я строка 1-й силлаб справа. Сопоставляется с «цаде» финикийского письма (47), которая впервые засвидетельствована в надписи Иехимилка XII-XI вв. до н. э.

(48), (49). Фигура силлаба (48) выражала велярно-фарингальный звук, соотносимый с совр. абазинским **хъ** (в транскрипции **х₁**). Встретилась дважды в тексте стелы А XIX в. до н. э. и один раз на реверсе спатулы Асдрубала XI-X вв. до н. э. Предполагаю, что эта графема ашуйского письма могла быть использована для канаанского «коф». Фигура буквы «коф» (49) раннего древнееврейского письма отражает одну из форм развития этой буквы. (См. ДА, 283, рис. 137, табл. руб. 6, звук **q**).

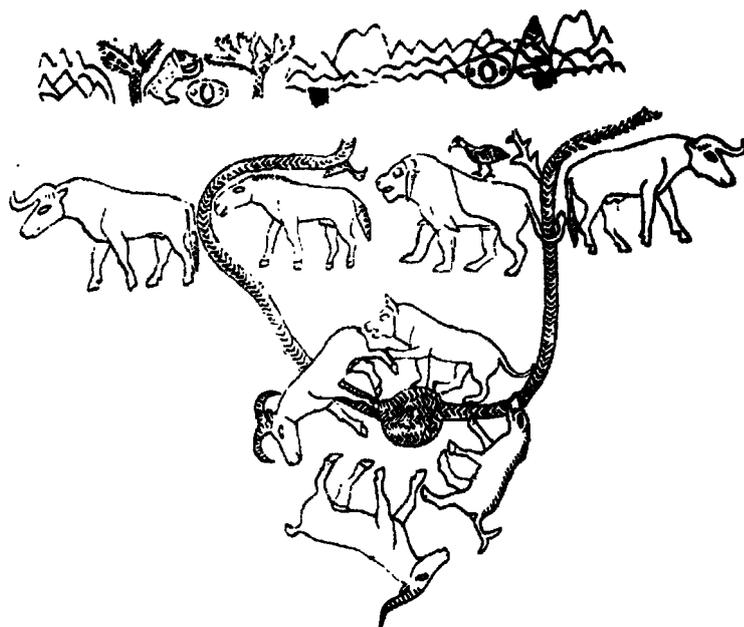
(50), (51), (52). Фигура силлаба (50) **р** (в транскрипции **р₁**) встречается в ашуйских текстах начиная с самых древних памятников XIX в. до н. э. всегда писалась с острым углом «головки». Сопоставляется с финикийской (81) и древне-еврейской (52) буквой «реш». См. надписи Шафатбаала XIII-XII вв. до н. э., Иехимилка XII-XI вв. до н. э., Меша IX в. до н. э. и др.

(53), (54). Фигура силлаба (53) **ш** (в транскрипции **ш₁**) встречается в тексте табл. Д два раза. Сопоставляется с финикийской «шин» (54), засвидетельствованной в надписи Шафатбаала XIII-XII вв. до н. э. и др., где фигура силлаба (53) используется в лежащем положении.

(55), (56). Фигура силлаба (55) **т** (в транскрипции **т**) в этом хабите равноконечного креста встречается впервые в табл. Ц XIX в. до н. э. 14 строка, 9 силлаб справа, затем на реверсе спатулы Асдрубала XI-X вв. до н. э. Обычно вертикальный штрих силлаба длиннее горизонтального. Сопоставляется с финикийским «тав» (56) в этой форме весьма распространённой и представленной в надписях Шафатбаала и Ахирама XIII-XII вв. до н. э. в надписи на аверсе спатулы Асдрубала XI-X вв. до н. э. и др.⁴³

**Памятники Ашуйского (древнего абхазо=абазино=убыхского)
письма и языка**

**Табл. 1. Фонетизированные силлабо-пиктограммы
Майкопского кургана.**

Рис. 1. Развертка пяти силлабо-пиктограмм на первом сосуде (прорисовка, по Фармаковскому)

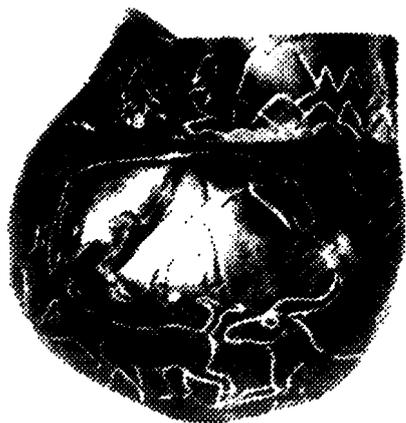

**Рис. 3. Продолжение 1-й: Лошадь.
Начало 3-й: дерево, медведь.
4-я: птица река (фотография)**

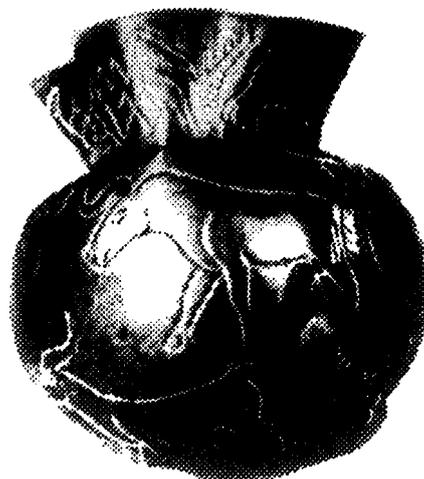

**рис. 2. Начало 1-й. дерево, река, хищная
птица, лев (фотография)**

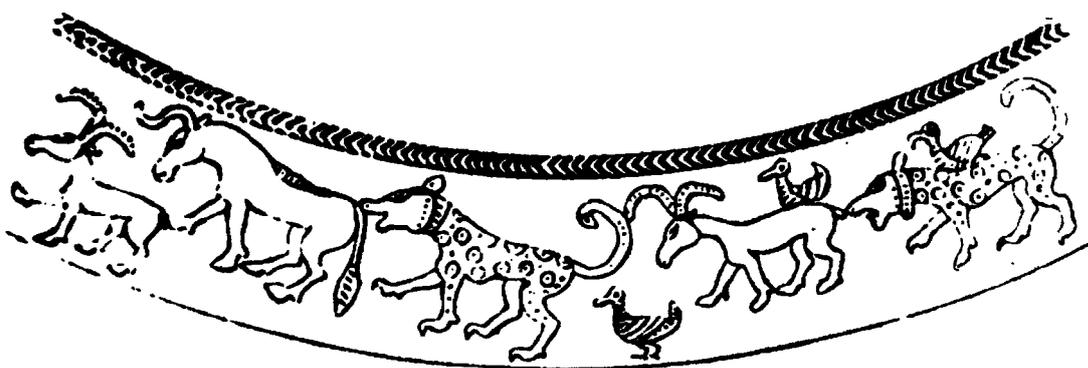
Табл. 1 Фonetизированные силлабо-пиктограммы Майкопского кургана (продолжение)

**Рис. 5. Окончание первой: корова. 5-я: ель
(у истока реки)
(фотография)**

**Рис. 4. Продолжение 1-й: вол.
Конец 3-й медведь, дерево
(фотография)**

**Рис. 6. Развертка силлабо-пиктограммы на втором сосуде
(прорисовка по Фармаковскому)**

Табл. 1 Фонетизированные сллабо-пиктограммы Майкопского кургана (продолжение)

Рис. 8. Середина сллабо-пиктограммы на втором сосуде (фотография)

Рис. 7. Начало сллабо-пиктограммы на втором сосуде (фотография)

Рис.10 Протома пытхура из Эшерского могильника

Рис. 9. Конец сллабо-пиктограммы на втором сосуде: вол с заштрихованной выемкой на спине (фотография)

Памятники ашуйского (древнего абхазо-абазино-убыхского) письма и языка

Очерк 1. Фонетизированные сллабо-пиктограммы на серебряных сосудах Майкопского кургана (Середина III тыс. до н. э.)

Раскопанный в 1897 году Н. И. Веселовским (1848-1918) Майкопский курган является одним из самых замечательных открытий прошлого века⁴⁴. Раскопки открыли новый этап в историческом развитии народов Северного Кавказа и Закавказья, названный майкопской культурой. Этой

культуре посвящена уже богатая литература⁴⁵. Самым обстоятельным исследованием о кургане остается доклад Б. Ф. Фармаковского (1870-1928) на Лондонском международном конгрессе историков в марте 1913 г.

Для лиц неосведомленных сообщу вкратце, что представлял собой Майкопский курган, вещи которого хранятся в отделе первобытной культуры Государственного Эрмитажа.

Курган находился в г. Майкопе, что на р. Белой Краснодарского края.⁴⁶ Он достигал в высоту 10,65 м. Под насыпью по материке обнаружилось кольцеобразное ограждение из ломаного известняка так наз. кромлех, а в центре большая могильная яма, ориентированная с СВ на ЮЗ и впущенная в материк лишь на 1,42 м.

Могила имела форму продолговатого четырехугольника с закругленными углами и вогнутыми стенками. Стенки могилы были обложены деревом, совершенно сгнившим, а дно ее выложено речным булыжником, кладка которого однако не доходила до стенок. По углам могилы стояли деревянные столбы, неглубоко врытые в дно могилы. Сверху могила покрывалась деревянным помостом, с насыпанным на него слоем земли, примерно 0,1 м толщиной. Этот слой в свою очередь покрывался другим помостом, большего размера, чем первый и далеко выходящим за края могилы. Когда дерево сгнило, оно вместе с землею из насыпи провалилось в могилу и заполнило ее.

Могила была разделена деревянными перегородками на три части, а именно: поперечной перегородкой она делилась пополам, на части южную и северную, а последняя в свою очередь, разделялась второй перегородкой, шедшей перпендикулярно к первой, опять-таки на равные части - восточную и западную. В каждом из отделений могилы находилось по покойнику.

Ниже я выскажу свой взгляд на майкопское захоронение в целом, сейчас же остановлюсь на захоронении в южной камере могилы, поскольку подлежащие исследованию гравированные рисунками сосуды оказались при этом покойнике.

Погребенный в южной камере лежал посредине ее в скрюченном положении на правом боку, головою на юг, а лицом на восток. Руки его были подняты к голове, костяк густо залит ярко-красной краской, оказавшейся суриком.

Носители майкопской культуры, как показывают погребения, были солнцепоклонниками. И кромлех (солнечный круг) вокруг кургана и окрашенные красным суриком (цвета восходящего солнца) костяки погребенных и их молитвенная поза с обращенным на восток лицом с воздеты-

ми к восходящему солнцу руками, все это с достаточной убедительностью говорит о культуре людей Майкопа.

В одном, современном майкопской культуры, ашуйском тексте, спатуле и XIX в. до н. э., в молитве вывезенных из Ашуи и проданных в Библ рабов, есть слово (а=)шьапык(=ра) - "моление", "молиться". Современные потомки ашуйцев - абхазы донесли от этой далекой эпохи это слово. В ретроспективном плане оно обозначает не «ноги хватать», как вне истории толкуют мне этот глагол сейчас абхазы, а имел значение «рассвета молнии ловить». Положение костяков погребенных майкопских людей поддерживает такое ретроспективное понимание абхазского глагола молиться.⁴⁷

Кости скелета были сплошь усеяны золотыми пластинчатыми украшениями. Здесь было 68 изображений львов; 19 такой же работы быков, 38 золотых колец, 10 двойных пятилепестковых розеток. Наложённые одна на другую они образовывали красивый десятилепестковый цветок с шарообразной сердцевинкой. Особенно много оказалось здесь бус разной величины и формы, золотых, сердоликовых, бирюзовых и др. Под черепом лежали две золотые ленты-диадемы, 5 золотых ободков неизвестного назначения и 2 гладкие золотые серьги.

Судя по дырочкам в золотых лентах диадемы, упомянутые выше десятилепестковые цветы были нашиты на эти ленты. Ленты в свою очередь были нашиты на матерчатый головной убор - тиару, представляющий собой суживающийся кверху колпак.

Рядом с покойником лежали складные палки длиной 1,003 м. Они состояли из золотых и серебряных полых трубок, входивших одна в другую. Палок было: две серебряных и две серебряных с золотыми нижними концами. На палках в нижней части на расстоянии ладони были насажены фигуры массивных литых быков, на серебряных палках - серебряные, на палках с золотыми концами - золотые. На верхних концах палок имелись отверстия для продевания лент.

Как убедительно установил Б. В. Фармаковский палки с фигурами быков составляли остов балдахина. В верхней части на палки были натянуты ленты с нашитыми на них пластинчатыми фигурами львов, быков и колец. Во время похоронной процессии балдахин несли над покойником. После того как тело было положено в могилу, его накрыли матерчатым покрывалом балдахина, а палки уложили рядом с покойником, справа от него. Матерчатое покрытие балдахина сгнило и пластинчатые фигуры львов, быков и колец оказались на костяке покойника.

Тщательно изучив украшения и другие предметы относящиеся к погребенному, Б. В. Фармаковский сделал верный вывод: «Могила открытая в

Майкопском кургане, вне сомнений, была могилой не простого смертного, а вождя какого-то народа, вождя очевидно богатого и обладавшего большой властью. Открытый в могиле балдахин был таким образом, без сомнения, как и тиара с золотыми диадемами царским отличием”.⁴⁸

Здесь будет вполне уместным сообщить какой взгляд сложился на Майкопский курган и его культуру в годы последующие исследованию Б. В. Фармаковского.

Сейчас большинство ученых придерживается точки зрения, что Майкопский курган следует датировать серединой III тысячелетия до н. э., а ориентируясь на форму наконечников стрел, обнаруженных в могиле, к 23-26 столетиям III тыс. до н.э.⁴⁹

Мнение археолога Е. И. Крупнова, что погребенный в Майкопском кургане, был только родо-племенным вождем, не выдерживает критики.⁵⁰ Имущественная дифференциация оказывается слишком глубока, чтобы не видеть здесь классовой дифференциации. После открытия Мешокского поселения майкопской культуры⁵¹ вопрос о существовании классового расслоения стал очевидным. Богатство местных царей добывалось руками простых тружеников.

В этой связи большой интерес представляет исследование археолога В. М. Массона, посвященное гробницам древних вождей на Кавказе.⁵²

Массон пришел к выводу, что погребальные обряды вождей, подобных захороненному в Майкопском кургане, отражают «социальное, а не имущественное положение усопшего, хотя сама оценка дифференцированности и дается по материальным критериям так называемой бедности и богатства”.⁵³ Захоронение в большом кургане типа Майкопского отличается колоссальными трудовыми затратами, что вместе с изысканностью и качественными различиями в составе погребального инвентаря, свидетельствует о наличии классовой дифференциации в обществе.

Не говоря о богатствах кургана, обращу внимание на то, что трудовые затраты на возведение кургана в расчете на человеко-день требовали большого количества занятых людей. Ориентируясь на подсчеты в этой области К. Х. Кушнарева,⁵⁴ можно предполагать, что на возведение Майкопского кургана 10,65 м высоты потребовалось не менее 15000 человеко-дней. Такой объем работ едва ли доступен родо-племенному вождю. В. М. Массон приходит к выводу, что «Майкоп мог быть центром западной группы племен”.⁵⁵

Захоронение всех трех покойников было одновременным. Обряд захоронения был одинаков - все трое в скорченном положении, все залиты красной краской. Они соплеменники. Те, которые захоронены в восточной и западной камерах могилы, судя по инвентарю и ограниченности украше-

ний, не были членами царской семьи или его сородичами. Это были хорошо одариваемые царем слуги, которые отправились вместе с ним в загробный мир и отправились едва ли добровольно.

В восточной камере была захоронена женщина, служанка, может быть, любимая рабыня, на обязанности которой лежало готовить царю в загробном мире пищу. Медная посуда (чашка, ведро с ручкой, кувшин) и котлы свидетели обязанностей погребенной в этой камере женщины. В западной камере могилы, как я полагаю, был захоронен мужчина. При нем был только пифос. Вероятно это царский кравчий (виночерпий). Обилие подходящих для винопития сосудов в камере царя, располагает к такой мысли.

Нельзя не обратить внимание еще на одну деталь. В курганной насыпи над могилой на глубине 3,2 м было обнаружено плохо сохранившееся, невпускное захоронение в могиле сложенной из глыб. Покойник был беден. При нем оказался пластинчатый медный наконечник копья, серебряная спиральная серьга и несколько кусков красной краски. Погребение было, повидимому, скорченным.

Мне представляется, что этим покойником Майкопского кургана был раб, но из категории тех, которым недозволено было входить в царские покои, а лишь охранять их, независимо от того принадлежали ли эти покои царю живому или мертвому.

Хочу заметить, что присущая людям майкопской культуры идеология солнцепоклонничества, вместе с привязанными к ней духовными и материальными реалиями, далеко выходила за географические пределы территории первичного открытия т.е. Майкопского кургана. Как идеология она укрепилась у многих смежных народов и племен, конечно с неизбежными вариациями в ту или иную сторону.

Обратимся однако к вещам, находившимся в южной царской камере Майкопского кургана. Здесь обращают на себя внимание золотые и серебряные сосуды. Они были размещены у восточной стенки камеры. Их было 17: два золотых, один каменный с накладным шаровидным золотым горлом и такой же крышкой и 14 серебряных. Некоторые из сосудов разломались от тяжести обвалившейся на них земли, другие хорошо сохранились.

О золотых и серебряных сосудах и предметах Майкопского кургана вообще писалось и продолжает писаться много. Хочу обратить внимание на те стороны вопроса, которые либо не освещались вовсе, либо освещались вскользь.

Золотые вещи (пластинчатые львы, волы, кольца, золотые сосуды и пр.) можно, скажем, считать импортированными в данную среду. Неважно даже каким способом: путем ли захвата, обмена или дарения. Никакой из

этих путей не исключается ни в целом, ни в частности. Но нельзя не обратить внимания или придать забвению тот факт, что район местонахождения Майкопского кургана был истари богат местным золотом. Большой знаток металла и металлургии Кавказа археолог А. А. Иессен в своё время пришел к заключению, что «археологический материал позволяет нам предположительно говорить о производстве золотых изделий в эпоху родового общества и его разложения в районе р. Белая - р. Малая Лаба». ⁵⁶

К этому заключению А. А. Иессена следует прибавить, что название золота - хы у ашуйских народов свое, местное, не заимствованное, что золото как в свое время заметил К. Маркс «было в сущности первым металлом, который открыл человек», ⁵⁷ и, следовательно, у ашуйских мастеров было достаточно времени, чтобы развить методы его обработки на месте.

В вопросе откуда шла к людям майкопской культуры та или иная руда, из которой выплавлялся металл, нужно быть весьма осторожным. Если металл на месте не добывается, если он заимствуется, то вместе с ним приходит и его название. Археологи этого не учитывают. ⁵⁸ В ашуйских языках все эти названия местные, древние. Кроме золота они знали и медь и бронзу и серебро. ⁵⁹ В оценке металлургии майкопских людей с этим нужно постоянно считаться. Нужно входить во все детали местного быта, обычаев и других сторон этнографии аборигенов. Археолог должен работать рука об руку с этнографом и лингвистом.

У Майкопа были богатые и неслучайные связи с Востоком. В этом можно убедиться, хотя бы из того, что сделано в этой области Б. В. Фармаковским. Но не всё шло с Востока. Была своя местная, своеобразная, высокая культура металла - золота, серебра и меди, которую следует постоянно видеть перед собой. Было свое оригинальное искусство. О нём расскажут нам серебряные гравированные сосуды. ⁶⁰

На первом сосуде (см. табл. I, 1), на горловине по кругу выгравирован горный кряж, состоящий из трех цепей гор разной высоты. В одном месте кряж прерван фигурами двух деревьев и стоящим между ними на задних лапах медведем, который лакомится какими-то плодами.

На тулове сосуда изображены две текущие с гор реки. Движение воды в них показано узором из углов, обращенных остриями вниз. Реки, проходя по тулову сосуда сверху вниз, впадают в озеро или в море, выгравированное на донной части сосуда. Волны этого водоема изображены также, как и течение рек, узором из углов, но в несколько рядов.

Истоки рек в горах показаны в двух разных местах, но в обоих случаях вблизи двух двуглавых вершин самой высокой цепи горного кряжа. В верховьях реки, которая начинается вправо от фигуры медведя, показана

плавающая птица, фигура которой по недостатку места, изображена вниз головой.

В средней части тулова сосуда, начиная от реки с изображением какого-то растения, как окажется просто дерева, слева выгравированы: хищная птица, под нею лев, затем влево лошадь, перед ней бык (вол) и снова бык (вол) или, как мной определено ниже, корова, идущая навстречу быку (волу).

В придонной части сосуда вокруг озера или моря выгравированы четыре животных. Под фигурой льва в этом случае оказывается львица, а перед ней влево по кругу идут баран, козел и кабан, крючок хвоста которого раздвоен.

Фигуры всех животных были изображены раньше чем пейзаж: изображение рек оказывается за фигурами животных.

Другой гравированный серебряный сосуд менее насыщен рисунками, чем первый, (см. табл. I, 6). Горловина этого сосуда без рисунков. Она отделена от тулова бордюром такой же чеканки как реки на первом. По тулову сосуда в его срединной части по кругу влево идут: зверь типа пантеры⁶¹ с сидящей на его спине хищной птицей, такой же, как на первом сосуде. Влево от пантеры представлена фигура барана с глубоко сидящей на его спине нехищной птицей, перед бараном слева и ниже его идет такая же птица, что сидит на его спине, далее опять изображен зверь типа пантеры, перед ним вол или бык со странной заштрихованной выемкой на спине и, наконец, снова баран такого же типа, как первый. Мной установлено, что это изображение горных козлов (туров).

Дно сосуда гравировано сложным стилизованным двенадцатилепестковым цветком-розеткой.

Мой интерес к рисункам только что описанных сосудов возник неожиданно. На первом сосуде перед фигурами животных я обнаружил два рисунчатых силлаба древнего абхазо-абазино-убыхского письма, именуемого мною ашуйским, многочисленные памятники которого представлены в этой книге. Появилась мысль, что майкопское царское захоронение и его сокровища имеют прямое отношение к ашуйской цивилизации и ее письменной культуре.

Найденная в 1960 г. в каких-то двух километрах от кургана Майкопская плитка XIII-XII вв. до н. э.⁶² с надписью ашуйского письма, представилась теперь для здешних мест явлением не случайным, особенно после того, как я на основе нового полного силлабария перечитал ее текст (см. здесь, стр. 169-171).

Временное расстояние между Майкопским курганом и Майкопской плиткой примерно в тысячу лет, а может быть и несколько более, уже не

смutilo меня. Тысячелетний промежуток между этими памятниками оказался заполненным многими ашуйскими надписями Библа на бронзовых табличках, спатулах и стелах XIX-XVI вв. до н.э.⁶³

Библиские памятники, как показали тексты, были выполнены в Библе в основном ашуйскими рабами, вывезенными из родных им прибрежных и горных мест древнейшей причерноморской Ашуи - Абхазии простиравшейся от Риона до Кубани и от Аквы (Сухуми) до Майкопа.

Ашуйское письмо первоначально было, как уже сказано во «Введении», рисунчатым. Некоторые рисунки, ставшие силлабами, оно сохраняло в себе и в более поздний период своего существования. Именно эта черта письма и привела меня к мысли, что рисунки на серебряных сосудах Майкопского кургана представляют собой фонетизированные силлабо-пиктограммы ашуйского письма.

Исследование рисунков началось с первого серебряного сосуда, а в нём с изображения выходящего из реки растения, что выгравировано правее хищной птицы над фигурой льва. (См. табл. I, рис. 2). Ашуйское силлабическое письмо имело первоначальные направления сверху вниз и справа налево, поэтому я не мог не обратить внимание на то, что растение и река, из которой оно выведено, представляют собой одно целое. Это наблюдение, как мы узнаем ниже, оказалось верным. Даже беглого взгляда на растение оказалось достаточно, чтобы в нём узнать «упорядоченную» и стилизованную фигуру силлаба са стелы Г. (см. табл. IX, третий столбец справа, пятый силлаб сверху). В фигуре растения Майкопского кургана была представлена более ранняя его форма.

Ашуйский язык подсказал и реальное значение рисунка. В убыхском слове сы (с редукцией из са) до сих пор отдельно и в композитах называют «дерево» (напр. сы - «дерево» (Vogt, 175, 1577a), но бзыс - «ива», букв. «водное дерево» (Vogt 92, 157), псас - «ель», букв. «еловое дерево» (Vogt, 159, 1286) и т. п. В фонетизированной силлабо-пиктограмме Майкопского кургана ашуйское слово «дерево» дано в его древней форме са. Дерево соединено с рекой. «Река» по-ашуйски (ныне по-абхазски и по-абазински) - зы (←за). «Дерево» + «река» в фонетизированном плане дают слово сазы (←саза), которое является уже известным племенным названием.

Далее мною было обращено внимание на находящуюся левее дерева хищную птицу, что гравирована над фигурой льва на первом сосуде. И здесь нельзя было не заметить, что такая же хищная птица, но как силлаб ашуйского письма, вырезана на библиской стеле А XIX в. до н. э. (см. здесь табл. IV, первая строка, первый справа силлаб х₁а). В линейном рисунке, более схематично, эта фигура представлена во многих текстах, особенно

часто в бронзовой табличке Д того же XIX в. до н. э. (см. здесь, табл. II), а из более поздних ашуйских надписей на Синаплской бронзовой печатке примерно рубежа - начала I тыс. до н. э. из Гудаутского района Абхазии (см. здесь, табл. XII, рис. 2, 3). Ни один из ашуйских языков не сохранил названия хищной птицы, звучащей *ха* (в транскрипции *х₁а*). Судя по рисунку на стеле Г (см. здесь, табл. IX, рис. 2, первый столбец справа, пятый силлаб сверху) это был орёл.

Изображение хищной птицы на протяжении всей истории ашуйского письма (в графике силлаб *х₁а*) было одним из омонимичных значений древнего односложного ашуйского слова *х₁а* - "царь" (совр. абх. *ах*). По рисунку на сосуде видно, что птица не нападает на льва. Лев сам по себе, птица сама по себе. Вне всяких сомнений фигура птицы на сосуде имела символическое значение. Она представляла собой только силлаб *ха*. Увидев в образе хищной птицы силлаб *ха* и прочтя по правилам письма композиту *сазы* и силлаб *ха* в строку справа налево, я получил уже не неожиданно для себя часть фразы: *сазыха* ... "садзовский царь" ... Начало фразы идеально отвечало более позднему абх. *сазха* в том же значении. Фраза была построена по тому же типу как и ист. абх. *ацха* - "апсский царь" resp. *ацха* - "царь (всей) Абхазии)", как это у Н. Я. Марра. (МАСл. 81, б). Так наметился язык силлабо-пиктограммы Майкопского кургана. Это был древний язык абхазов, абазин и убыхов - ашуйский язык.

Следует обратить внимание на то, что царь именуется по этнической, племенной принадлежности, а не по территориальной. Страна в которой был погребен царь, как мы узнаем ниже из надписи на том же сосуде, именовалась Ашуя. Несомненно садзовский царь был не единственным царем страны, кроме него были и другие цари, может быть и не менее богатые, чем он. Как сказано во «Введении» Ашуя делилась на несколько областей-деспотий и в одной из таких деспотий в земле садзов и сидел царем погребенный в Майкопском кургане.

За рисунчатými силлабами и образованной ими композитой *сазыха* влево на сосуде более не было никаких известных мне рисунчатых силлабических фигур. Немного ниже, в этом же направлении начинались фигуры животных. Первым в ряду был изображен лев, перед ним лошадь, далее бык (вол) и опять бык (вол), но в обратном направлении. Для меня стало очевидным, что после фразы *сазыха* ... животные расположены в ряду не хаотично, а в какой-то определенной смысловой последовательности и, что эта последовательность фигур в целом вместе с композитой *сазыха* образует фонетизированную пиктограмму. Разумно было видеть в пиктограмме за словами *сазыха* - "садзовский царь" ... в образе льва личное имя царя (См. табл. I, рис. 2).

Современное абхазское название льва - **лым** представляет собой забытое нашими современниками охотничье табу для наименования этого зверя.⁶⁴ Имя **лым**, с учетом происшедших в нём несложных, в абхазском языке достаточно распространенных фонетических явлений, произошло из **лымы**. Подобные фонетические явления до сих пор хорошо известны в бзыбском диалекте абхазского языка. Поскольку в ашуйском языке редуцированное **ы** восходило к **а**, первоначальная форма имени **лымы** могла звучать **лама** и обозначать “силу имеющий” (ср. совр. абх. и-ло-уп|| ← и-ла-уп - “силу имеющий”, где ла - “сила” и совр. абх. и-ма - ’имея’, где ма первичная форма корня глагола “иметь”). Имя “силу имеющий” гесп. “сильный” как нельзя лучше подходило к богатому и, вероятно могущественному, владыке каким был погребенный в Майкопском кургане садзовский царь.

Если охотники табуировали название льва, значит он здесь водился и изображение его здесь на сосуде связано с реальной жизнью того времени.

Находка в среднем палеолитическом культурном слое в пещере у ст. Давховской, что расположена на р. Белой, в 30 км к югу от Майкопа, костей пещерного льва (*panthera spelaea*),⁶⁵ делает вероятной точку зрения палеонтолога В. И. Громова, полагающего, что пещерный лев мог существовать на Кавказе еще в послепалеолитическое время.⁶⁶

Рисунок льва на серебряном сосуде и аналогичные рисунку золотые отливки его изображений с балдахина из Майкопского кургана, делались, по моему мнению, на местном анималистическом материале, так что, если даже окажется здесь прав не В. И. Громов, а другой палеозоолог Н. К. Верещагин, считающий, что мы имеем дело здесь не с пещерным, а с иммигрировавшим на Кавказ в послеледниковый период с юга предком современного льва (*panthera leo*), который продержался на Кавказе, в частности в восточном Закавказье, до X в н. э.⁶⁷; в любом из двух случаев мы должны стать на ту позицию, что лев в эпоху Майкопской культуры был на Кавказе не только предметом изобразительного искусства, но и зоологической реальностью. Мнение о том, что лев здесь не водился вообще, ныне нужно считать устаревшим.⁶⁸

Первообразное название льва нам остается неизвестным, а царь повидимому носил первообразное имя этого сильного зверя. Будем условно в тексте исследования называть в дальнейшем погребенного в Майкопском кургане царя именем **Лым**.

Словесно за личным именем царя, а изобразительно перед ним, в ряду животных образующих фонетизированную пиктограмму выгравирована фигура дикой лошади. (См. табл. I, рис. 3). Её название хорошо впишется в текст фонетизированной пиктограммы и придаст ей соответствующий смысл.

Как называлась лошадь на ашуйском языке сообщила нам надпись на реверсе библской спатулы Асдрубала XI-X вв. до н. э. (см. здесь, стр. 178). Это название лошади, как показывает другой текст, текст таблички Д. XIX в. до н. э. образовывало ашуйскую царственную фамилию **еба**, (см. здесь, табл. Д, строка 39). В фонетическом отношении фамилия **еба** “Коневы” постепенно упростилась, стала произноситься **чба**, т. е. потеряла связь с первообразным именем, но в народной памяти сохраняется предание, что фамилия (А)чба (←(А) **еба**) в дореволюционной Абхазии уже не царская, а княжеская, самая древняя знатная фамилия среди абхазов.⁶⁹

Когда речь идет о названии лошади и особенно в связи с тем, что это название дало производную от него древнюю фамилию, нельзя не отметить, что domestикация (одомашнение) лошади в эпоху майкопской культуры древнейшего ее периода уже состоялась. Среди памятников майкопской культуры кости лошади встречаются реже чем среди памятников Закавказья и степей юго-восточной Европы, однако находка недалеко от Майкопского кургана, в другом кургане майкопской культуры бронзовых псалий (удил) говорит об одомашнении лошади с достаточной очевидностью.⁷⁰ Изучивший изображение лошади на серебряном майкопском сосуде палеозоолог Н. К. Верещагин полагает, что это тарпан (*equus caballus gmelini*),⁷¹ вероятно уже одомашненный. В диком виде он существовал в восточном Закавказье еще в 80-е годы XIX ст.⁷²

Помещенная перед фигурой льва, личным именем царя, фигура лошади, в древнем звучании **еа←еы**, словесно указывала, как подсказал текст, на родовое (фамильное) происхождение царя. Лингвистически это подтверждается изображенной перед лошадей фигурой быка (вола) (табл. I, 4). В современном абхазском и убыхском языках быка (вола) называют **цэ**.⁷³ В древности это слово было омонимом слову «род» в котором очень рано звук **э** перешел в **у**. В значении «род» слово засвидетельствовано в ашуйском тексте на библской стеле А XIX в. до н. э. (см. здесь, стр. 127, текст, строки 6, 8). В современном абхазском слово сохранилось в форме **(а)цу**, **(а)цута** (МАСл, 109, а) в значении “поселок”, как полагают этнографы первоначально родовой.⁷⁴ В убыхском первообразный корень **цэ** вошел в наименование “дом”, первоначально, несомненно, родовой (Vogt, 102, 367). Таким образом фонетизированной фигурой быка (вола) в пиктограмме на сосуде мастер передал отвлеченное понятие «род» (фамилия).

Палеозоология говорит о том, что вол (бык) в интересующий нас период существования майкопской культуры был здесь явлением обычным. Исследование фауны энеолитической стоянки Мешоко, произведенное Е. Л. Дмитриевой⁷⁵ привело ее к выводу, что в хозяйстве здесь была широко использо-

вана форма *bos taurus primigenius*, более мелкая, чем первобытный тур (*bos primigenius*), изображение которого видит в объемных и пластинчатых фигурах Майкопского кургана Н. К. Верещагин.⁷⁶

Выстроив фразу *сазыха* и омонимичные названиям животных слова в единый словесно-звуковой ряд, мы справа налево читаем: *сазыха Лым еы цә* - “садзовский царь Лым еы цә рода...”

В фонетизированном пиктографическом ряду остается еще одна фигура животного внешне почти аналогичная волу. Она изображена идущей ему навстречу (см. табл. I, рис. 5). Мне представляется, что это фигура коровы. Вымя в гравировке недостаточно четко выражено. Корова в древности как и ныне в абхазском и абазинском называлась односложным словом *жә*,⁷⁷ а это слово было омонимом другого, точно так же звучащего во всех трех языках, со значением “старый”, “древний” в совр. абхазском к тому же переносно “мощный”.

Ашуйский язык, как и нынешний абхазский, абазинский и убыхский подсказывает, что в фонетизированном пиктографическом ряду фигурой “коровы” передано определение “старый”, “древний” и относится оно к слову “род” (фамилия), представленному изображением быка (вола).

Суммирую сказанное. Фонетизированным пиктографическим рядом «сазыха “лев-лошадь-вол-корова” мастер, используя переносные значения и омонимию слов, передал на сосуде по-ашуйски фразу: *сазыха Лым еы цә жә* - “Садзовский царь Лым еы рода древнего есть.” На современном абхазском языке фраза прозвучала бы так: *Сазтә ах Лым Ачаа рыжәла жәытә ауп* - “Садзовский царь Лев Ачбовых рода древнего есть”.

Учитывая абхазское переносное значение слова *жә* - “старый” как “мощный” (ср. абх. *хәажә* - “старая resp. мощная свинья”), приведенная выше фраза могла иметь значение: «садзовский царь Лев Ачбовых рода мощного (могущественного) есть».

Обратите внимание на то, что в фонетизированном пиктографическом тексте, преподнесенном в 3 л. наст. вр., отсутствует глагол-связка. В древности она была спорадична.

Присмотримся к только что заговорившей с нами пиктограмме. Обратим внимание по какому принципу она построена.

В пиктограмме соединены вместе силлабы известного нам древнего ашуйского письма (*са, ха*) и фонетизированные фигуры реки и животных, использованные либо в переносном значении, либо в омонимичном. Каждое из слов, элементов фразы, односложно, независимо от того является ли оно отвлеченным силлабом, конкретное значение фигуры которого нам недоступно, или представляет собой пиктограмму (рисунок), за которой

скрыто новое смысловое значение слова, переносное или омонимичное к реальному, выраженному рисунком.

Письмо отражает исходную односложность языка: согласный + гласный. В древнейший период последним был звук **а**, очень рано в разных позициях переходивший в **ы**. Представленный в пиктограмме смешанный тип письма древнее того, который заключен в силлабических текстах Библии **И Ашуи**=Абхазии, помещенных в этой книге.

Однако, так как два рисунчатых силлаба из силлабического письма XIX-XVI вв. до н. э. представлены в данной фонетизированной пиктограмме, мы можем в некоторой мере представить себе путь к образованию письма, заключенного в табличках, спатулах и стелах Библии.

Случай представился можно сказать исключительный. Исключительность его заключается не столько в этапном значении, но более в том, что после него не остается места для сомнений, что ашуйское письмо, как письмо древних абхазов, абазин и убыхов, создано было здесь, на месте.

Перейду теперь к рассмотрению изображений животных на придонной части сосуда. Я убежден, что они в своей совокупности также представляют фонетизированную силлабо-пиктограмму ашуйского письма (см. табл., I, рис. 1).

Исследование этой силлабо-пиктограммы оказалось делом более трудным, чем предыдущей. Если при чтении силлабо-пиктограммы с именем погребенного царя мне оказали неоценимую услугу силлабы **са** и **ха** ашуйского письма и благодаря им, я смог определить зачин скрытой за пиктограммой фразы, то в этой второй силлабо-пиктограмме, зачин фразы пришлось отыскивать как путем многократной подстановки под фигуры тех или иных вероятных названий животных, так и путем перенесения с одной фигуры животного на другую возможного зачина фразы, пока он, наконец, не был найден.

Я полагаю, что фонетизированную силлабо-пиктограмму придонной части сосуда следует читать начиная с фигуры козла, снизу направо по кругу в такой последовательности фигур: козел, кабан, львица, баран.

Изучение силлабо-пиктограммы подсказало мне, что на сосуде изображен “домашний холощенный козел”, называемый по-абхазски **аб** (←**абы**). Омонимом этого имени в древности было указательное местоимение ближайшей ориентации **абы** - “это”, “этот”, “эта”, представленное в ашуйском тексте библской стелы **А** (см. здесь, с. 127). Ныне местоимение в форме **аби** известно в бзыбском диалекте абхазского языка, притом **Х. С. Бгажба** напрасно считает его вторичным (ББД, 148). Если что и вторично в нем, так это конечное и **вм.** старого **ы**.

Помещенный перед фигурой козла “домашний кабан-производитель”,

по-абхазски (а)хэацагъ, является вторым компонентом фонетизированной силлабо-пиктограммы. Напомню, что во всех случаях силлабо-пиктограммы, как и силлабическое ашуйское письмо, читаются справа налево.

Весьма поучительно как пиктографически мастер использовал в силлабо-пиктограмме трехсложное слово хэа-ца-гъ - “кабан-производитель”. Фигурой “кабана” он передал слово хэаца, означающее также домашнего кабана, но еще молодого, не производящего, а фигурой раздвоенного крючка хвоста он передал росток молодого, выходящего из земли растения, который некогда назывался гъа, о чем напоминает современное собирательное абх. (а)гъа -ра “всходы”. Н. Я. Марр со ссылкой на Н. С. Джанашия (МАСл. 90, а) указывает, что гъа первично означало “семья”.

При переводе рисунка кабана в фонограмму автор пиктограммы, как оказалось, делил его на три значимых слова. В одну сторону, влево, к абы, он относил хэаца - “кабан”, омонимом которому оказывалась композиция хэа (и) ца - “Хуа сын”, в древности, вероятно без притяжательного местоимения и (←-ы), а в другую сторону, вправо, относил уже известное нам гъ, в древности звучащее гъа. Последнее в соединении с односложным компонентом следующего за ним слова фонетизированной пиктограммы, как можно было догадываться, должно было образовать личное имя мастера, создавшего сосуд, поскольку нам стало известно его отчество: Хэа (и)ца - “Хуа сын”.

Отцовское имя Хэа могло иметь в быту, как прозвище, два значения: 1) хэа - “Свинья” и 2) хэа - “Меч” (МАСл, 146, б). Собственное имя - прозвище Меч для отца мастера сосуда может быть окажется более уместным, если иметь в виду, что профессиональная (цеховая) традиция в прошлом имела большее значение, чем ныне. То, что в силлабо-пиктограмме на сосуде сначала назван отец, а не сын, для горцев Кавказа представляется вообще явлением обычным и до сих пор весьма распространенным. Это знак особого уважения к отцу. Сын мог по имени даже не называться, как это например, оказывается в именной формуле на Майкопской плитке XIII-XII вв. до н. э. (см. здесь стр. 170 табл. X, 5-7 слова первой строки текста).

Таким образом, фигурами козла и кабана-производителя, которые я принял за исходные, мастер передал в фонетизированной силлабо-пиктограмме на придонной части сосуда начало фразы: абы (совр.бзыб. аби) Хэа (и)ца... “Это Хуа сын ...”. Двум оставшимся фигурам животных в пиктограмме - львице и барану, при присоединении их названий к оставшемуся слева элементу гъа первой части фразы, исполнитель силлабо-пиктограммы, по моему мнению, должен был подыскать такие омонимичные значения, которые передавали бы в совокупности конец фразы... «(имя рек) сделал».

Именно с такой мыслью я и подошел к фигуре львицы.

Каким первообразным именем называлась львица в древности, когда здесь водились львы, носящие табуированное имя лама→лым, мы не знаем. Абх. лым ацс - “львица” никакого отношения к ее древнему названию не имеет. Это, конечно, не табу, ибо табу для каждого зверя и самца и самки - создается особо. Для меня было ясно одно: поскольку был табуирован лев самец, была табуирована и львица самка.

После долгих поисков, мне пришла в голову мысль, что табуированным именем для львицы, в кругу домашних животных, изображенных на придонной части сосуда, могло быть нечастое абхазское название “самки домашнего животного” - **ѣша** (МАСл. 127,6) || бзыб. **ѣша** (МАСл. 9, а). Слово это двухсложное и если предположить, что каждый компонент его в древности был первично огласован через **а** т. е. если предположить древнюю форму для “самки домашнего животного” **ѣаша** || **ѣша**, то искомая величина (... «(имя рек) сделал») окажется, как мне представляется, найденной.

При решении этого вопроса, следует иметь в виду, что для личного имени мастера первый слог названия самки (львицы) отойдет к оставшемуся от предыдущего слова слогу **гъа**. Получится личное имя **Гъаѣа** || **Гъаѣа**. Это личное имя в более позднем звучании известно в садзовской фамилии Гячевых, оставивших свой след в топонимии около Адлера.⁷⁸ Садзовцы как установил А. Н. Генко, были убыхами,⁷⁹ одним из абхазоязычных племен. Еще столетие назад фамилия Гячевых была здесь известна, сейчас ее уже нет. Дойдя почти до нашего времени, фамилия за тысячелетие в фонетическом отношении сильно изменилась. Вместо эпиграфического **Гъаѣа** || **Гъаѣа** она стала произноситься **Гъач** (**Гъачба**). Публикуемые здесь ашуйские древние тексты достаточным количеством случаев подтверждают что совр. абх. **гъ** восходит к **гъ**, а совр. фамилия **Ачба** вм. ашуйской эпиграфической (**А**)**ѣба**, говорит о том, что современный звук **ч** мог восходить к **ѣ**. В связи с последним фактом мне представляется диал. бзыб. **ѣша** - “самка домашнего животного” предпочтительнее нежели лит. **ѣша**.

Второй слог названия самки (табуированного названия львицы) =**ша**, при фонетизированном восприятии силлабо-пиктограммы отойдет к последнему ее слову. Оно будет представлять основу глагола (**а**)**ша(ра)** - “создавать”, “творить”, убых. “делать” (Vogt, 187, 1783).

Глагол (**а**)**ша(ра)** в тексте силлабо-пиктограммы был преподнесен, как и следовало ожидать, в аористной, финитной форме, окончанием которой являлся и является слог =**т** (← **ты**). Здесь-то на месте и оказывается изображение “барана”, словесно не в ее нынешней фонетической форме - по-абхазски **ты**, а с абруптивным **ты** (**т**Ты), какой её сохранили убыхи (Vogt, 194, 1907).⁸⁰

Если после всего сказанного, посмотреть на фонетизированную силлабо-пиктограмму придонной части сосуда с речевой стороны, то она представится нам в виде следующей фразы: **абы Хэа (и)ца Гьаеа || Гьаеа(и)шаты**. В переводе на современный абхазский язык эта древняя фраза будет звучать так: **абри Хэа ица Гьач иша(й)т** - “Это Хуа сын Гяч сделал (создал)”.

Таким образом, придонная фонетизированная силлабо-пиктограмма представляет собой личную роспись мастера сосуда.

Начисто отпадает предположение тех исследователей богатств Майкопского кургана, которые считали этот и другие сосуды ввезенными сюда то с Востока,⁸¹ то с Запада.⁸² Гяч сын Хуа был местным ашуйским мастером. Искусный среброкузнец и гравер, он кроме этого хорошо владел техникой фонетизированного силлабо-пиктографического письма.

Другие силлабо-пиктограммы на первом серебряном сосуде и силлабо-пиктограмма на втором сосуде из кургана, о которой речь будет ниже, полностью подтвердят это мое заключение.

Перехожу к третьей силлабо-пиктограмме первого сосуда. Она помещена на его горловине, где изображен горный кряж.

Силлабо-пиктограмма состоит из фигур двух деревьев и стоящего между ними на задних лапах медведя, профилем вправо, который лакомится какими-то плодами с находящегося перед ним дерева (см. табл. I, рис. 1 и табл. I, рис. 3 и 4).

Уже знакомый с принципом составления мастером фонетизированных силлабо-пиктограмм, я при исследовании этой силлабо-пиктограммы рассуждал так: медведь может лакомиться плодами с различных кустарников и деревьев, но мастер, гравировав силлабо-пиктограмму, скорее всего имел в виду общее название растительного лакомства «плоды» (фрукты). В абхазском и абазинском это слово ныне звучит **шэыр**. Не могу сказать сохранилось ли оно в убыхском. Существующие источники его не зафиксировали.

В интересующее нас время слово звучало, как надо полагать **шэара**. В нем на месте вторичного **ы** была **а**, конечным аффиксом было **=ра**, а не **=р**, как сегодня, ибо здесь **=р** это утративший свое значение аффикс собирательности.

Второй фигурой силлабо-пиктограммы оказывается изображение медведя. Я предположил, чему в дальнейшем получил поддержку, что гравировав фигуру медведя мастер имел в виду не определенного конкретного медведя, а какого-то, некоего (одного) медведя. В исследуемую эпоху, когда в ашуйском языке преобладала огласовка **а**, слово «медведь» с местоимением «некий» звучало **замашэа**. К этой форме ныне ближе всего окажется

убыхское замышэа.⁸³ В абхазском и абазинском употреблении неопределенного местоимения идущего от числительного «один» в форме за уже не характерно, но известно, например, в давно сложившемся числительном 11: абхаз. жэииза (←жэаиза), абаз. жэиз (←жэиза), букв. 10 и 1.

Для того, чтобы определить звучание последней фигуры силлабо-пиктограммы на горловине сосуда - второго дерева, нужно установить семантику каких омонимичных слов и словоформ извлекал мастер из значений двух фонетизированных предыдущих фигур силлабо-пиктограммы.

В ашуйском языке в интересующее нас время омонимом слова* шэара - «плоды» (фрукты) было точно так же звучащее слово шэара - «письмена». В первообразной форме слово шэа письмо - засвидетельствовано дважды на бронзовой табличке Д в 12 и 33 строках текста. Силлабо-пиктограмма майкопского сосуда не раскрывает нам всех фонетических нюансов произношения этого слова. Здесь могло быть и ш и с'.

В первообразной форме слово шэа - «письмо» не дожило до наших дней. В соединении с глагольным корнем ка - «резать», «долбить» это слово образовало композиту шэака в значении «книги», известную в такой форме в ашхарском диалекте абазинского языка (см. комментарий к тексту бронзовой таблички Д, 33, 7).

Далее проблему извлечения омонимичных слов и словоформ из фонетизированных фигур силлабо-пиктограммы мастер разрешил так: в сторону слова шэара наделенному значением «письмена», он отнес выделенное из слова замашэа - «некий медведь» словосочетание зама, в котором в элемент за, вместо значения «некий» (=один) оказалась вложена семантика относительного местоимения «что», «который», а элемент ма мастер использовал для глагольного корня «иметь». Иначе говоря, словосочетанием зама он передал причастную форму, ныне в абхазском звучащую змоу (←зымау). Причастная форма зама в ретроспективном плане может быть признана убыхской, если иметь в виду, что она образована от чистой глагольной основы и что убыхское относительное местоимение в причастии да, ды⁸⁴ представляет собой в фонетическом плане диалектальную историческую параллель к абх.-абаз. за, зы.

В соединении с уже известным нам словом шэара - «письмена» получилось начало фразы: шэара зама ... «письмена имеющая (которая имеет ...)». Эта фраза идеально соответствовала совр. абх. абыракуа змоу ... - «письмена имеющая ...»

Прочтя часть фразы, не трудно было догадаться, что на горловине сосуда фонетизированной силлабо-пиктограммой мастер хотел, видимо, сказать, что на сосуде изображена «письмена имеющая (ашуйская страна)»,

поскольку две предыдущие силлабо-пиктограммы представляли и показывали эти письма.

С этой мыслью я подошел к оставшемуся от слова **замашәа** слогу **шәа**. В этот последний слог, как мы убедимся ниже, мастер действительно вложил семантику топонима и этнонима **(а) шәы (←(а)шәа)** - “Ашуя”, как когда-то называлась нынешняя Абхазия.⁸⁵ Как показывают опубликованные в этой книге тексты в древности термин **(а) шәы (←(а)шәа)** был не только топонимом, но и этнонимом всех абхазоязычных племен. Термин этот употреблялся в древности, то с указательным прономинальным **а**, то без него. (См. в табл. Ц, строку 13 и в табл. Д, строки 11, 22, 35). Скрытый за фигурами на горловине сосуда текст окажется предельно ясным, если после слова **(а)шәа**, последнюю его фигуру - название дерева воспроизвести в убыхском звучании, при этом более древнем, как ***гӀәыны**, а не **гәыны**.

После неопределенного местоимения **за**, убыхское слово не может показаться здесь чем-то неожиданным, если помнить, что погребенный в Майкопском кургане был садзовским царем, что мастер делавший сосуд по имени **Гъаәа** || **Гъаәа (Гъач)** был садз, и что убыхский язык, до воздействия на него черкесского языка, представлял диалект садзов,⁸⁶ племени близко родственного абхамам и абазинам. В давнюю, интересующую нас пору, язык садзов был одним из компонентов ашуйского языка содержащего в себе диалекты древних абхазов, абазин и убыхов.

Следуя уже известному принципу мастер силлабо-пиктограммы из протоубыхского (садзовского) слова **гӀәыны** извлек два семантически самостоятельных слова, хорошо известных и часто встречающихся в публикуемых здесь текстах: **гӀәы** - “люди” и **ны** - “земля”, “страна” (см. напр. табл. Д, строки 14, 30; 4, 13, 20 и др.). Возможно, что протоубыхское (садзовское) слово **гӀәыны** звучало в ту пору **гӀәана**, но для данного случая это не имеет принципиального значения, к тому же процесс редукции **а** в **ы** был неравномерен и несомненно действовал и на более ранних этапах развития языка.

Если после всего вышесказанного, мы сведем воедино во фразу слова, которые видел мастер за фигурами двух деревьев и фигурой медведя на горловине сосуда, мы прочтем по-ашуйски: **шәара зама (а)шәа гӀәы ны** - “письмена имеющая ашуйских людей страна”. Достаточно сопоставить эту древнюю ашуйскую фразу с аналогичной по семантике современной абхазской, чтобы убедиться в каких исторических далях мы оказываемся. Современный абхаз скажет: **абыракуа змоу ашәкуа ртәыла**. Не могу сопоставлять древнюю фразу с современным абазинской и убыхской - мне неизвестно какую форму имел в этих языках этноним **ашәы**.

Прежде чем перейти к дальнейшему изложению моих мыслей, мне ка-

жется, нужно сделать небольшой экскурс в область самого письма. После знакомства читателя с тремя представленными выше фонетизированными силлабо-пиктограммами, у него, пожалуй, может сложиться впечатление, что он имеет дело с криптографией (тайнописью), а не с доступным, разумеется, для грамотных людей, письмом. Здесь следует иметь в виду, что при восприятии пиктографического письма, особенно тогда, когда в нем одним рисунком передавалось несколько самостоятельно звучащих слов, всё зависело от того, как при чтении просодировал он звуковой ряд образующих фигуру слов, т.е. где делались паузы и где ставились акценты. Мастер наших силлабо-пиктограмм позаботился о том, чтобы разночтений не было, чтобы стоящий за силлабо-пиктограммами текст был для всех знающих письмо одинаков. Ашуйское фонетизированное силлабо-пиктографическое письмо для его соотечественников не представляло ни загадки, ни ребуса и что это было именно так, нам скажет силлабо-пиктограмма на втором серебряном сосуде. Возвратимся однако к силлабо-пиктограмме на горловине сосуда.

Выгравированная на горловине сосуда фраза: «письмена имеющая ашуйских людей страна» представляла собой, как не трудно догадаться, заглавие к карте, которую изобразил на сосуде мастер Гяч. Сделал он это, как мне кажется, не без гордости. Это была его родина. Она только одна на Кавказе имела в ту отдаленную пору свою оригинальную письменность.

На карте «земля ашуйских людей» лежала между двумя большими, текущими с гор реками. Ее пределы на северо-западе и юго-востоке даже выходили за границы этих рек. Мы теперь можем уверенно утверждать, что реки впадали не в озеро, а в море. Используя для силлабо-пиктограмм рисунки-фигуры тех или иных животных и птиц, мастер благодаря им давал представление о ее фауне, а используя для этой же цели рисунки-фигуры растений, хотя и скупо, но изобразил ее флору. Самым интересным оказывается то, что мастер Гяч поместил на карте в фонетизированных силлабо-пиктограммах названия рек, столь необходимые для решения вопроса об этнической принадлежности изображенной на карте территории.

Обратите внимание на то, что у истоков одной из рек, той, что берет начало в горах и помещена вправо от заголовка карты, выгравирована плавающая птица. По недостатку места она изображена вниз головой. (См. табл. I, рис. 1 и 3).

В начале меня смутило то обстоятельство, что плавающая птица помещена у истоков горной реки, но сомнения эти исчезли, коль скоро выяснилось, что птица на реке не столько элемент фауны ашуйской земли, сколько фонетизированная силлабо-пиктограмма, которую следует читать как название реки.

Силлабо-пиктограмма состоит из двух фигур: “птицы” и “реки (воды)”. В совр. абхазском языке название птицы звучит **цсаа**, в абаз. **псгIаЧIвы**. Верно в свое время заметил Н. Я. Марр абх. **цсаа** - “птица” представляет собой не единственное, а множественное число (МАСл, 80, б), в котором формант **аа**, (абаз. **гIа**) является в данном случае окаменевшим показателем множественности. Единственным числом от старого множественного при обозначении “птицы” будет слово **цса**. Ныне оно не существует.

“Река”, она же “вода” в ашуйском языке, как подсказала первая силлабо-пиктограмма со словом **сазыха** ← **сазаха** - “садзовский царь” (см. выше), звучала **за**. Это подтверждают также некоторые старые композиты абхазского и абазинского языков, например, абх. **бзыб. (а)запан** - “брод реки”, абаз. **захъа** - “исток (начало) реки” и др. Следовательно река, на которой изображена плавающая птица, в те времена, как подсказывает фонетизированная силлабо-пиктограмма, называлась **Цсаза**. Силлабо-пиктограмма образована по тому же типу, что и начало первой силлабо-пиктограммы на первом серебряном сосуде.

Не буду переводить это название как “Птичья река”. Этот перевод может оказаться неверным по одному тому, что слово **цса** в отдаленном прошлом имело несколько разных значений, замечу другое. Слово **цса** диалектально, имея в виду ашуйские тексты и северный бзыбский диалект абхазского языка, могло звучать и как **цс'а**.

Замечание это я делаю потому, что адыгейцы называют реку Кубань **Пшыз** - словом значение которого утрачено. Мне оно представляется старой адыгской адаптацией ашуйского **цсаза**, которое по законам типа тех, что действуют в бзыбском диалекте, дало в дальнейшем форму **цс'ыз**, а отсюда адыгейское **Пшыз**.⁸⁷ Иначе говоря, я полагаю, что на карте река с плавающей птицей это Кубань. Обратите внимание на то, что исток этой реки в горах помечен мастером почти у подножия горы с высокой двуглавой вершиной в которой можно видеть Эльбрус.

Другая река, что выгравирована вправо от реки с плавающей птицей т. е. на юго-востоке карты, при внимательном просмотре горного кряжа оказывается имеет у своего истока линейный рисунок густой, с низко опущенными ветвями ели (см. табл. I, рис. 1 и табл.1, рис. 5), которую Б.В. Фармаковский принял за особой конфигурации гору.⁸⁸

Я считаю, что фигура ели, как и фигура птицы на воде, представляет собой простейшую фонетизированную силлабо-пиктограмму, использованную для названия этой реки.

“Ель” по-абхазски и по-абазински называется **цса**, по-убыхски **цсас**. Предполагаю, что по-ашуйски четыре с половиной тысячи лет тому назад

слово **пса**, **псас** могло иметь кроме стянутой формы и полногласную **паса**, ***псас** как, например: при абх. **(а)мра** - “солнце”, абазинский имеет **(а)мара** в том же значении.

Я полагаю, что здесь могла быть полногласная форма потому, что слово ***псас** оказалось в древнегреческом названии большой реки на юго-востоке древней Ашуи-Абхазии реки Фасиса, именуемой ныне Рионом. Достаточно допустить в слове **псас** редукцию второго **а** в **ы**, чтобы получить адаптированную греками в **Φασις**⁸⁹ форму **пасыс**. Как указал в свое время акад. Н. Я. Марр это слово отложилось в названии горы в верховьях р. Фасиса-Риона. По-грузински гора называется «Пасис мта». Н. Я. Марр интерпретировал это название как «гора пасов» т. е. абхазов.⁹⁰ Я бы перевел «Еловая гора», - название, в котором компонент **пасис** (←***псас**) оказывается ашуйским словом, если даже оно оформлено по-картвельски, а **мта** словом целиком картвельским.

Если название реки Фасиса в далеком прошлом обязано ашуйскому, а в нем убыхскому слову **псас** (→**псас**→**пасыс**) и река по-ашуйски называлась просто «Еловая», есть основание говорить о том, что ареал распространения ашуйской речи на восток от Майкопа был значительным. В пользу этого довода говорит по крайней мере еще один факт из мифа об аргонавтах. По этому мифу р. Фасис берет свое начало в Амарантских горах.⁹¹ Название это целиком ашуйское и замечу полногласное как и Фасис. Амарантские горы, если это название толковать по-ашуйски, ничто иное как горы “откуда (восходит) солнце”: **амара** - “солнце” - **нтә** - локальный аффикс “из”, “откуда” (собств. “оттуда”). Название Амарантские горы, исходя из ашуйского языка, можно толковать и несколько иначе, если иметь в виду, что садзы-убыхи утратили название **(а)мара** - “солнце”, заменив его заимствованием из черкесского языка. “Солнце” по убыхски ныне **ндга** (Vogt, 153, 1155), а по-черкесски **дыга**.

В тот период своей истории, когда убыхи имели в своем словарном арсенале для названия “солнца” слово **мара**, Амарантские горы были конкретно: **мара** - “солнце” - **нтәа** - “воротами” (Vogt, 154, 1199), т. е. обозначали опять-таки восток, место, откуда появляется солнце.

Первым из ученых, кто обратил внимание на то, что на сосуде выгравирована карта земли, прилегающей к Кавказскому хребту, был Б. В. Фармаковский.⁹² Поскольку могила-курган оказалась по отношению к хребту на северной его стороне, Б. В. Фармаковский полагал, что одной рекой на карте является Кубань, а другой Терек, ошибочно направленный в одно и то же море.⁹³ Теперь мы убеждаемся, что это неверно.

Картой древнейшей Ашуи царь Лым несомненно пользовался при жиз-

ни. Этот сосуд был, как справедливо заметил В. Ф. Фармаковский,⁹⁴ царской регалией, поэтому он и захватил его с собой в загробный мир.

На этом я закончу мое исследование фонетизированных силлабо-пиктограмм на первом серебряном сосуде Майкопского кургана и перейду к силлабо-пиктограмме на втором сосуде (см. табл. I, рис. 6).

После того, как были прочтены силлабо-пиктограммы на первом сосуде, раскрыть силлабо-пиктограмму на втором оказалось значительно легче.

Чтение силлабо-пиктограммы на этом сосуде я начал также с фигуры хищной птицы, в данном случае, сидящей на спине зверя, названного Н. И. Веселовским «пантерой» (см. табл. I, рис. 7) и начал с этой фигуры потому, что она имела, как мы теперь знаем, значение силлаба *ха*.

При чтении силлабо-пиктограммы справа налево, фигуры птиц и зверей размещаются на ней так: хищная птица на фигуре «пантеры», нехищная птица на фигуре горного козла (тура), отдельная фигура идущей влево не хищной птицы, опять фигура «пантеры», перед ней фигура вола со странной заштрихованной выемкой на его спине и перед ним опять фигура горного козла (тура).⁹⁵

Фигура хищной птицы равная силлабу *ха* употреблена как и на первом серебряном сосуде со значением «царь». Фигура «пантеры», как выяснилось, в обоих случаях ее употребления в силлабо-пиктограмме не фонетизирована.

За силлабом *ха* на одном уровне с ним помещена слева фигура нехищной птицы, глубоко «вмонтированная» в спину горного козла (тура) (см. табл. I, 6). При анализе четвертой силлабо-пиктограммы первого сосуда выяснено, что «птица» в древности в ашуйском языке звучала *ца*, диалектально *ца'а*, а то, что она здесь «вмонтирована» в спину горного козла (тура), нужно полагать, что мастер силлабо-пиктограммы хотел этим показать, что птица сидит в гнезде.

Для понятия гнезда мастер не случайно взял фигуру горного козла. «Тур» по-ашуйски (абх.) (а)бгаб (букв. «скальный козел»), а «гнездо» по-ашуйски (убых.) (а)бгъа.⁹⁶

Мастеру нужно было слово «гнездо» поставить в статической форме настоящего времени со связкой =б и лучшей фигуры чем бгаб - «тур» он при этом найти не мог.

Образы царь, птица, гнездо + связка, передавая фонетизированный ряд *ха ца бгъа+б* в своем узком и прямом значении, как мы убеждаемся, фразы не дают, но если иметь в виду, что слово *ца* - «птица» была в ту пору омонимом к слову *ца* - «душа» (совр. псы), а «гнездо» в широком смысле слова означало как и сейчас «вместилище», то станет совершенно очевид-

ным, что мастер фонетизированными фигурами двух разных птиц и тура передал ашуйскую фразу: “царской души вместилище” (совр. абх. **аҭцсы атроуп**).⁹⁷ Обратите внимание на то, что вспомогательный нарощенный глагол-связка =б в силлабо-пиктографическом предложении появляется впервые. Ранее был случай, когда в предложении статического типа в 3 л. наст. вр. этой связки не было. (См. стр. 76). Я полагаю, что именно связка =б обязала мастера изобразить на сосуде горного козла, а не самое гнездо. Гнездо звучало **бҭа**, а нужно было иметь форму **бҭаб**. Что касается того, что во фразе оказываются рядом два слова ныне уже самостоятельных языков - абхазского и убыхского, то в данном случае, как и в других подобных, нужно иметь в виду, что мы имеем дело с той стадией ашуйского языка, когда он представлял собой единый, но неоднородный абхазо-абазино-убыхский пласт.

Вывод из прочтенной части фонетизированной силлабо-пиктограммы очевиден. Второй серебряный сосуд Майкопского кургана был предназначен для души погребенного царя, а потому не случайно здесь же выгравирован страшный хищный зверь загробного мира, которому вменялось охранять душу покойника и имя которого называть было нельзя, почему его фигура и не фонетизирована.

В моем рассуждении о страшном хищном звере загробного мира нет ни доли фантазии. В 1953 г. местный археолог А. Л. Лукин принял в селении Верхняя Эшера вещи из грунтового погребения VIII-VII вв. до н. э., обнаруженного школьниками. Среди основного инвентаря погребения оказалась также «пластическая протома фантастического хищного животного»⁹⁸ (см. табл. I, рис. 10).

Достаточно посмотреть на Эшерскую находку в профиль и сравнить этот профиль с профилем хищника на данном серебряном сосуде, чтобы убедиться в том, что мы имеем дело с одним и тем же хищным животным.

В археологической и искусствоведческой литературе эшерского фантастического хищника называют «гер» или «гвер» (от менгр. **гвери, гери** - “волк”).

Сравнение эшерской находки с изображением зверя на майкопском сосуде говорит со всей очевидностью о том, что название «гвер» для этого зверя не подходит. Ни о каком мегрельском влиянии во времена Майкопского кургана, т. е. в середине III тысячелетия до н. э., на территории древнейшей Ашуи-Абхазии не могло быть и речи. Этот хищный зверь по-абхазски носил какое-то другое, свое название. Может быть им был тот призрачный хищник, что описан Н. Я. Марром в его словаре под именем (а)пытәхәа resp. (а)пытхәр (МАСл. 77, б, 78, б), которого абхазы никогда

не видели, но верили, что он, «бросившись на лошадь высосет кровь, хотя бы она бежала, когти длинные». Название этого призрачного зверя вошло даже в абхазскую повседневную жизнь. И. Б. Басария сообщила мне, что ныне, например говорят: **ацытхэыр еицш слымки!** - «она вцепилась в меня как апытхур!», совершенно не представляя, что такое апытхур.

Во всяком случае из рисунка в силлабо-пиктограмме второго майкопского сосуда совершенно ясно, что это не «гвер», а какой-то другой зверь, призванный охранять душу в загробном мире. Поэтому его протома оказалась и в эшерском погребении VIII-VII вв. до н. э.

Рассматривая контурные изображения зверя на майкопском сосуде и его скульптурное изображение в протоме из Эшерского погребения, представлявшее собой, вероятно, навершие жреческого жезла, можно предполагать, что мы имеем перед собой изображение барса (*panthera pardus*) в Абхазии обитавшего, но истребленного и забытого. Ареал распространения его в Абхазии отмечен палеозоологом Н. К. Верещагиными⁹⁹ (см. карту № 34, в МК, стр. 661). Абхазский язык не сохранил нам оригинального местного названия барса. Возможно, что им и было **цытхэр**. Мнение Н. К. Верещагина о том, что на серебряном сосуде Майкопского кургана изображены прирученные для охоты гепарды, поэтому на них одеты ошейники,¹⁰⁰ не находит своего подтверждения ни в письменной, ни в устной исторической абхазской традиции. Абхазские охотники, будь ими даже высокопоставленные лица, с гепардами не охотились. Хочу обратить внимание исследователей на тот факт, что на майкопских сосудах «ошейники», точнее «шейные повязки» имеют не только барсы (**цытхэр**) но также лев, львица и медведь т. е. все те животные, которые табуированы. Различие существует только в форме повязки.

Археолог А. Л. Лукин, рассматривая повязку на шее эшерской протомы считает ее культовой.¹⁰¹ С этим мнением можно согласиться, хотя вопрос требует более тщательного изучения. А. Л. Лукиным слабо аргументирован тезис, что протома представляет собой пластическое изображение божества грома.

Эшерская протома VIII-VII в. до н. э., относящаяся к колхидскому периоду ашуйской культуры, связывает ее с майкопским периодом этой же культуры. Налицо почти двухтысячелетняя традиция культового почитания одного и того же загробного зверя.

Итак, первая половина фонетизированной силлабо-пиктограммы второго майкопского сосуда читается: «царской души вместилище есть». Как же читается вторая половина этой силлабо-пиктограммы?

Чтение ее начинается с фигуры птицы, помещенной левее и ниже фигуры

горного козла, идущей за второй фигурой загробного хищного зверя (см. табл. I, рис. 8).

Слово “птица” здесь, как и в первой половине текста силлабо-пиктограммы, омонимично понятию “душа” - **цс’а** (→ **цсы**) **геср.** **цса** (→ **цс’ы**). Фигура хищного зверя-стража, как сказано выше, не фонетизирована. Фонетизированной перед фигурой птицы оказывается фигура вола, со странной, заштрихованной впадиной на его спине (см. табл. I, рис. 9).

Заштрихованная впадина, как оказалось, представляет собой изображение профиля пруда. В абхазском языке до сих пор употребительно слово **(а) зьѡа геср.** **(а)заѡа** - “болото”, “грязный пруд”, как сообщает Н. Я. Марр «где, напр. купаются буйволы» (МАСл, 115, а; АРСл, 4). Совр. абх. **(а)заѡа** в древности звучало **(а)загІѡа**. Омонимом к этому слову было **загІѡа** (→ **загІѡы**) - “вор”, букв. “ворующий” (**за**), “человек” (**гІѡа** → **гІѡы**). Вместе с предыдущей фигурой словом **цса** (→ **цсы**) - “душа” силлабо-пиктографическая композиция обозначала “душевор” и произносилась **цсазагІѡа** (совр. **цсызаѡы**).

Фигура “вола”, произносимого **цѡ**, здесь, как и в силлабо-пиктограмме первого сосуда, омонимично обозначала “род”, а последняя в ряду фигура тура (см. табл. I, рис. 6) (абх. **(а)бгаб**) передавала в фонетизированной силлабо-пиктограмме глагол 3 л. ед. ч. **(и)бгап** - “проклянет” в финитной форме первого будущего времени. Слово **(а)бга(ра)** - “проклинание”, ныне нечастое, засвидетельствовано бзыбским диалектом абхазского языка (ББД, 266, сноска).¹⁰² В истории культуры различных стран и народов грабители могил-профессия древняя.

Итак, фонетизированная силлабо-пиктограмма на втором серебряном майкопском сосуде звучала в целом примерно так: **Ха цса** (м. б. **цс’а**) **бѡ(ь)аб.** **ЦсазагІѡа** (м. б. **цс’азагІѡа**) **цѡ(и)бгаб** - “царской души вместилище есть. Душе вора род проклянет”. Если мы переведем эту фразу на современный абхазский общеупотребительный язык, то убедимся, что он за четыре с половиной тысячи лет шагнул в данном случае не так уж далеко. Современный абхаз скажет: **ах цсы атроуп.** **Цсызаѡы ажѡла ишѡип**, а бзыбец в последнем случае скажет: **ибгап.**

Заканчивая на этом мое исследование фонетизированных силлабо-пиктограмм на майкопских серебряных сосудах, в заключение нельзя не вспомнить того, что на матерчатом покрытии балахина были нашиты пластинчатые фигуры золотых львов и быков, аналогичные изображенным на сосудах, и пластинчатые золотые кольца.

Как показала Майкопская надпись XIII-XII вв. до н. э., исполненная на протоубыхском (садзовском) языке, “золото” по-убыхски звучало **хьы** и являлось в нем омонимом слова **хьы** - “царь”.

Погребенный в Майкопском кургане садзовский царь носил имя «Лев». «Золотой лев» балдахина был омонимом «царю Льву», «золотой бык» балдахина - «царскому роду» ибо имена «бык» и «род» были омонимичны. Но что же тогда означало золотое кольцо? В ашуйском письме, фигурой кольца обозначался силлаб с'(ə)а, а с этим фонетическим комплексом в тексте, с начальным определительным а и без него писалось, как мы уже знаем, название страны Ашу, впервые так названной на первом серебряном сосуде. Вывод напрашивается сам собой: «золотое кольцо» обозначало «царственную Ашу».

Не лишним будет привести здесь одну историческую параллель. В «Аргонавтике» Аполлония Родосского, в греческой адаптации даны два местных колхидских (ашуйских) названия страны населенной колхами (ашуйцами): Κυταίος ¹⁰³ и Αι ¹⁰⁴

В ашуйском языке не было долгих и кратких гласных, следовательно, акцентуацию названий в текстах нужно отнести на счет греков. В Ашуде, одной из её областей (деспотий) была **Аи** (см. тексты табл. Д и спатулы и). Царь Аиэт происходил из этой области. Он был «из Аи». Таким образом будет естественным, если отбросив греческое падежное оформление - $\epsilon\omicron\varsigma$ и - $\iota\delta\omicron\varsigma$ топоним Κυταίος (Κυταίδος) мы будем читать как **Κυται** и с позиций ашуйской речи видеть в нем композиту, состоящую из двух компонентов **кут** и **аи**. Компонент **кут** сопоставим ближайшим образом с абхазским корнем **кут**, что в глаголе (а)кут(ра) гесп. (а)ку(и)т(ра) - “господствовать”, “владеть” (МАСл. 88, а; РАСл. 14), а компонент **аи** названием той области Аи, родом из которой был Аиэт и которую греки называли также **Аиα**. Иначе говоря **Κυται** это «владетельная» «господская» гесп. «царская» Аи. Прямая параллель к «царственной (Золотой) Ашуде».

Возникает еще один вопрос на который, по крайней мере сейчас, дать ответа невозможно. Почему пластинчатых львов было 68, волов 19 и колец 38? Числа явно не магические и о значении их можно только строить разные, более или менее вероятные предположения. Например: фигура льва была омонимична имени царя, погребенному в кургане. Может быть ему было 68 лет? Фигура вола была омонимична слову род. Не был ли царь Лев 19-м в царственном роде? И не обозначала ли цифра 38 количества общин, входивших в «царственную Ашуду». Из публикуемых ниже текстов название некоторых из этих общин мы знаем, напр. Акуа, Гудау, Кэба. Но сколько их было? Догадка, пока что, остается только догадкой.

Когда выше я рассматривал особенности представленных на первом сосуде фонетизированных силлабо-пиктограмм, я высказывал мнение, что это письмо не являлось для ашуйцев ни загадкой, ни ребусом и что это мое

заключение подтвердит текст силлабо-пиктограммы на втором серебряном сосуде. Действительно, если бы представленное выше письмо было криптографией (тайнописью), если бы оно было весьма ограничено доступно, то каких грабителей богатств царского кургана предупреждала бы надпись: «душевора род проклянет!» Разве только что грабителей из того же царского рода? И почему тогда, если письмо не было общедоступным, исполнитель силлабо-пиктограмм садз Гяч написал на сосуде в заголовке географической карты «письмена имеющая ашуйских людей страна?»

Те, кого одолеют сомнения, кто подумает, что рисунки-фигуры майкопских сосудов это не ранние формы фонетизированного силлабо-пиктографического ашуйского письма, а только рисунки, должны по крайней мере, объяснить такие графические их особенности как раздвоенный хвост у кабана на первом сосуде и заштрихованная выемка на спине быка (вола) на втором.

Для меня, как первооткрывателя и исследователя ашуйского письма, фонетизированные силлабо-пиктограммы майкопских сосудов явились фактом, подтвердившим правильность моей дешифровки. Они представляют собой своеобразные билингвы. Рисунки в них поддерживают текст, текст поддерживает рисунки.

Мы наблюдали, как, используя названия изображенных на сосудах диких и домашних животных, птиц и растений, мастер строил фразы. Благодаря рисункам нельзя ошибиться ни в звучании, ни в грамматическом назначении того или иного слова, будь оно полнзначным или служебным. В данном случае, мы столкнулись с фактом почти аналогичным тому, который подтвердил правильность дешифровки Майклом Вентрисом (1922-1956) крито-микенского письма.

Акад. В. В. Струве по этому поводу писал: «Правильность дешифровки Вентриса подтвердилась после раскопок 1953 года в Пилосе. Американский археолог Карл У. Блеген среди табличек, найденных в развалинах громадного дворца микенской эпохи, открыл своеобразную билингву. Она содержала крито-микенский текст, перечисляющий, согласно дешифровке, различные сосуды: треножки, кувшины с тремя и четырьмя ушками и кувшины без ушек, причём, текст сопровождался соответствующими рисунками. Таким образом, эту невзрачную табличку из Пилоса можно с полным основанием сравнивать с Канопским декретом и билингвой в Каратепе».¹⁰⁵

Не нужно никаких дополнительных данных, для того чтобы видеть в фонетизированных силлабо-пиктограммах на сосудах Майкопского кургана памятник абхазоязычный. Та же типология языка, та же морфология и

синтаксис, та же лексика с естественными коррективами, что вносит в язык время. Никаких следов иноязычного влияния. Это структурно и материально тот же язык на котором говорят донныне абхазы и на котором написаны бронзовые таблички, спатулы и стелы ашуйской речи Библа XIX-XVI вв до н. э., язык на котором написана Майкопская плитка XIII-XII в. до н. э., Синапльская печатка рубежа - начала I тыс. н. э., Аквинская (Сухумская) I-я надпись II в. до н. э. и многие другие представленные в этой книге.

Убеждаемся мы и в том, что высокая культура аборигенов, в частности, богатейшая культура Майкопского кургана, это во многом самобытная, не привозная культура «людей ашуйской страны».

Правильно подходят, с моей точки зрения, к решению этой исторической проблемы такие ученые, как например, О. М. Джапаридзе, который исследуя куро-аракскую и майкопскую культуры, считает, что «... с Кавказа и, наоборот, сюда, наверное, проникали новые этнические элементы, но на процесс этно-культурного развития Кавказа эти моменты существенного влияния не оказали.»¹⁰⁶

Этой же точки зрения придерживается в своей новой работе и Ш. Д. Инал-Ипа. Он пишет: «... тезис о том, что абхазский этнос сложился на Черноморском побережье Кавказа (в том числе и на территории нынешней Абхазии) в результате длительного (от конца III до середины I тысячелетия до н. э.) процесса этнического объединения аборигенного населения края с более культурными и этнически сравнительно более устойчивыми представителями племени кашков, пришедших из северо-восточных районов Малой Азии ... археологическими данными не подтверждается, а такие важные события, как большое переселение, смешение населения, и даже смена языка, должны были непременно оставить какой-то след в особенностях развития местной материальной или духовной культуры».¹⁰⁷

Что же в итоге дало нам чтение фонетизированных силлабо-пиктограмм на серебряных сосудах Майкопского кургана?

Во-первых. После чтения фонетизированных силлабо-пиктограмм не остается никаких сомнений в том, что у древних абхазов, абазин и убыхов, именуемых на карте ашуйскими людьми, существовало свое силлабическое письмо, что они были изобретателями этого письма и, что создали они его здесь, у себя на Кавказе, а не заимствовали в Библе, как это я думал несколько лет назад. В середине III тыс. до н. э. это письмо имело форму фонетизированных силлабо-пиктограмм. Как оно выглядело ранее этого времени пока что неизвестно. Каким оно было позже, во втором тысячелетии и далее показывают тексты этой книги.

Во-вторых. На основании фонетизированных силлабо-пиктограмм оп-

ределилась этническая и социальная принадлежность захоронения Майкопского кургана со всеми вытекающими отсюда новыми историческими, этнографическими и географическими понятиями и представлениями относительно древнейшего периода жизни абхазов, абазин и убыхов.

В-третьих. Фонетизированные силлабо-пиктограммы, где относительно, а где совершенно точно, дали нам представление о типе ашуйского языка, каким он был четыре с половиной тысячи лет назад. Ни один из кавказских народов не располагает документированными языковыми материалами такой давности.

В-четвертых. Фонетизированные силлабо-пиктограммы подтвердили правильность сделанной мною дешифровки ашуйской письменности и тех поправок, которые я внес в эту дешифровку позже. Памятники ашуйского письма в Библе и здесь в древнейшей Ашуге-Абхазии предстают теперь перед нами как исторические документы, из которых можно извлекать факты и делать те или иные выводы.

В-пятых. Фонетизированные силлабо-пиктограммы помогли развеять, созданную некоторыми учеными теорию о будто-бы принесенной в Абхазию какими-то малоазийскими «варягами» высокой культуре и языке, ассимилировавших аборигенов.

Как ни малы надписи на серебряных сосудах Майкопского кургана, значение их весьма велико.

Табл. II. Бронзовая табличка Д из Библа.

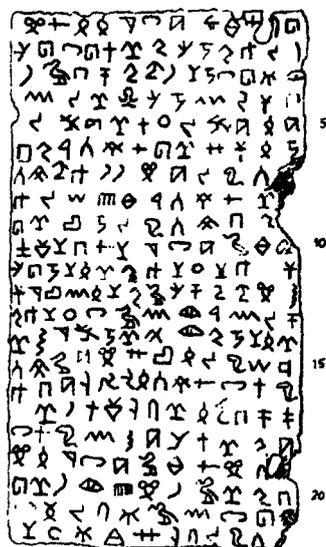

Рис. 2. Прорисовка текста (аверс).

Рис. 1. Фотография текста (аверс).

Табл. II. Бронзовая табличка Д из Библа (продолжение)

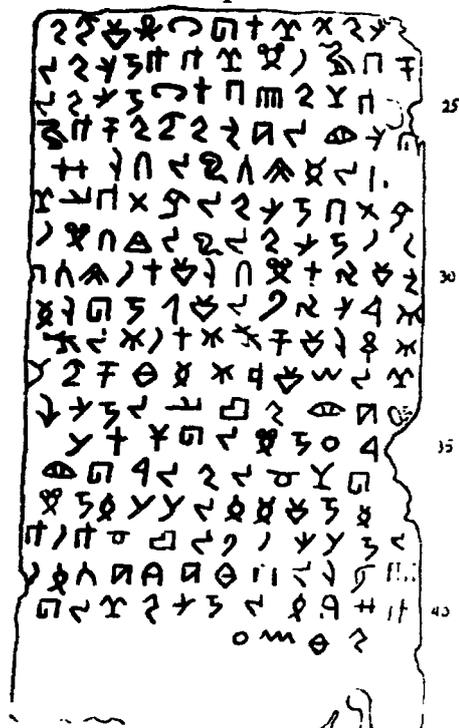

Рис. 4. Прорисовка текста (реверс).

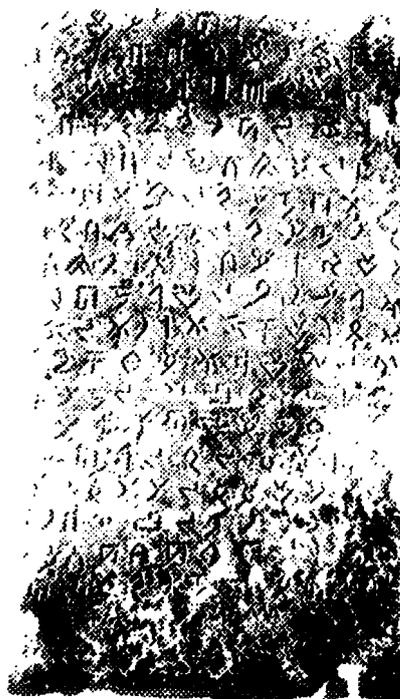

Рис. 3. Фотография текста (реверс).

Очерк 2. Бронзовая табличка Д из Библа (XIX в. до н. э.)

В табличке рассказывается о письменности в древней Ашуре, о народном авторитете поборника письма царя Пту, о ненависти к нему на этой почве реакционных правителей, о похищении царя Пту и продаже его в рабство в Библ, о вывозе из Ашуи в Библ ашуйских письмен и о наделении ими «избранника Баала», т. е. финикийского царя Библа, имя которого в тексте не названо.

Табличка найдена и опубликована в числе письменных памятников Библа проф. М. Дюнаном. (DBGr., pp. 76-78, pl. X, fig. 29, p. 77). Датируется им применительно к истории древнего Египта XIX в. до н. э. Материал - бронза, частично изъеденная окислом. По краям табличка кое-где обита. Размер таблички: длина 21 см, ширина - 11,5, толщина пластины от 1 до 1,5 мм. Текст надписи расположен на обеих сторонах таблички. Силлабы или элементы их, сильно поврежденные окислом или отбитые обозначены в прориси текста либо пунктиром, либо штриховкой (см. табл. II, рис. 2, 4). Текст таблички состоит из 40,5 строк. Он до повреждения со-

держал 476 силлабов. На аверсе таблички размещено 22 строки текста, содержащих 267 силлабов, из которых повреждено полностью и мною восстановлено по смыслу 7 силлабов; на реверсе таблички размещено 18,5 строк, содержащих 209 силлабов, из которых повреждены полностью и восстановлены по смыслу текста 3 силлаба. Слово- и фразоразделителей в тексте нет. Надпись читается справа налево. Фотографию текста в оригинальном письме см. в табл. II, рис. 1, 3. Замечания к некоторым силлабам-текста даны в комментариях к нему.

Табл. Д.

Аверс

1. $k l_1 \check{c} \widehat{ai} x_2 b_2 n_2 \Gamma_1 m_1 \check{c}_1 \text{'и м}$
 кл(ы)ц '(д)айхабан. Га (и)ма (и)мац'(ы)м
 Клыч (он) старейшиной был. Врагов имея мало не
2. $l_1 \check{x} \check{t}_2 n p b n l t k n_2 k b$
 Ла (да)хат(э)ан. Ра бнала (и)такан. К(э)ба
 Ла (он) над сидел. Они (враги) (в) лесу скрываясь, внутри находились. Кба
3. $\check{c} j k n_2 p a, l_1 \check{y} n z u x l_1$
 с(ы), Ажа кн(ы), (д)ра, ла, ў(ы) н(ы)з(ы) уа (=уый) ха(ра)ла
 в, Ажу в, (он) ним (к) продвигаясь, твой край слухам (по)
4. $u \check{s} n n_1 p b \widehat{an} l \check{x} n_1$
 (и)уш(э)ан. Ана Ар(ы), (и)бан Ла, (и)ха н(ы)
 пройден был за короткое время. Там Ар (в), он увидел Ла (в) (то), (что)
 своей стране (в)
5. $b_2 m_1 b_2 \check{i}^0 \check{x} c' t l b_2 \check{i}^0 \check{x}$
 (и)бама? аба (и)гIэ аха. (А)с'(э)а (и)гала, аба (и)гIэ аха
 видел ли? отцов писанные столбы. (В) Ашу спустившись, отцов писанным
 столбам
6. $p m_1 \check{s} p_2 l k \check{c} \text{'з' } t p_1 n \Gamma_1$
 р(ы)мшац, Ла ка, ца (и)з' ат(э)рангъ(ы)
 их (в) амшап, Ла в, учености жертву и посвятил хотя,
7. $[п] \check{t} x \check{x} b_2 m l_1 l_1 \check{t}_2 \check{y} p \check{t}$
 [П]туха х(э)(ы) (и)ба, (ди)м(ы)лалт. ў(ы) Птў
 Пту царя авторитет увидев, (он) (с ним) в союз не вступил. Твой Пту
8. $[x] l \check{c} \text{'з' } \check{t} p_1 \widehat{ai} p_1 g x \check{t}_2$
 [ха] Ла ц'а (и) з'ат(э)р, аип (р)г(ў) ах(ў)ат.
 [царь] Ла(в) учености жертву посвящал если, отцам нравилось.

9. [л] н ú ÿ ÿ х х р г л к

[Ла] н(ы) уа(=уый) Птүха х(э)(ы) (и)р(ы)гъа, Ла ка
Ла земле (в) того Пту царя авторитет возрос (что), Ла в

10. аи х б₂ н₂ г₁ а₁ ц' ú а₁ д з

аи ха (и)бан. (А)га а₁ ц' а₁ уа₁ да(=ц' а₁ уады₁) (ды)за-

Аи владетель увидел. Враг этого ученого соплеменника великого похи-

11. ш ú а₁ с' а₁ т₂ н л м₁ а₁ р к б₂

ша. Уа(=уый) А₁ с'(э) а₁ т(э)н(ы) л(ы)ма₁ ра (ды)каб.

тить решил. Он Ашуйской страны ее Солнце есть.

12. ш₁ м ú н з б х₁ н а₁ м₁ н г' г₁ ш

ш₁(э)а (а)ма ў(ы)н(ы)зыб. Хн(ы) а₁ (и)амангы(ы), (а)га ш(э)а

Письмо имея твой край существует. (В) нашей земле это (оно) и имелось хотя, враг
письмо

13. з х н₁ р ч' н₁ х₁ н₂ с' а₁ т₂ н

(и)зах(ь)ан. Ара (да)сн(ы) х(ы)н(ы), (а)с'(э)а₁ т(э)н(ы)

уже расхитил. Это (он) делая нашей земле (в), Ашуйской страны

14. л м₁ а₁ р н ч' к л р г' г₁ ш₁ л

л(ы)ма₁ ран(ы) (и)са(и)к (ы)ла {т} (а)ргIэ(ы) (р)га (и)ш₁(ы)л-

ее Солнце-бог настойчиво напоминал арским людям (их) врага как (вы) -

15. ц г х х м г' п₂ м б₂ х₁ й т

ца га хах(э) (и)ма (а)гъ(ы) (иа)ц(ы)м аба х(э)а. Пту

гнать, береговые камни имея, хотя (то) было обычае не (в) отцов (у), мол. Пту

16. х т н₂ п₂ з' т' м₁ з г' б₁ б₂ ú т₂

ха танап (и)з'ат(э)ым, (А)згIэаба Бут(э)

царь танап (в) жертвы не посвятил когда, (А)дзюаба Бут

17. з з ú ц' м₁ л г б₁ д т л₁ л

(ды)зза, уа(=уый) (и)цым ала, гбада (=гбады₁) тала{т} Ла

исчезнув совсем, тому много времени не прошло как, корабль большой спу-
стил Ла

18. б₂ н л г с' б₂ ш₁ н₁ х т н₂

бн(ы). Ла гс'(э)ац (д)ш(ь)н(ы) ха тана-

около. (Реке) Ла узком устье (в) убить имел цель царя тана -

19. [п₂ з'] г м ц' ай х₁ б₂ н₂ г₁ м₁ м

[пз'ы] (а)га мац '(ы). Аи ха бн(ы) (а)га (и)мам,

[п за] враг услужливый. Аи владетеля около врагов не имеется когда,

20. ú н л х₁ л₁ м п₁ ч' л₁ л к

úa(=уый) н(ы) (и)лахалам. (Ды)ц(ы)сал(ы) Ла ка

его страна увеличивается непрерывно не. Продвигаясь навстречу Ла в

21. [x] k н₂ н₁ х₁ ж г х ч° [х ч° ш]
[ха] (и)ка, ана (д)н(ы)х(э)а (и)ж(ь)а(ра), (а)га (и)ха, (и)чэ [х(а)с(э)аша]
[царю] к, там клянясь (его) обмануть, враг (его) голову против воли [го-

лову снять имел намерение]

22. [п] ы х х г б₁ п₂ д° ж с' а₁

[П]туха (и)ха гба ц(ы)дэ(ы)ж(э)а, (А)с' (э)а₁

[П]ту царь свой корабль вперед из (ущелья) вырвал когда, Ашу

Реверс

23. б н к л т к н₂ з' д ў н

бн(ы) (и)к(ы)л, (д)тк(у) ан з'(ь)а(ра)да ўн(ы)-

около остановился когда, был пленен обмана без твоим к-

24. з ў х л₁ м л ы₂ ы₂ р б н х

з(ы). Уа(=уый) халам. Лат(э) (а)т(э)ы ара (и)бан. (И)ха-

рае (в). Тому (к) мы причастны не. Ла из раб это видел. Прибыль-

25. [х₁] т₂ а₁ н п₁ ў т н₂ р б н х

[ха] (а)т(э)ы А₁наца а(=уый) (ды)т(и)н. (И)(ди)рбан (а)х(у)

[ного] раба Анапе (в) его продал. Показал цену

26. к б ы х б₁ з₁ н ў н₃ з ы₂ х₁

к(э)ба с(ы). (А)х(у) (и)бз(и)н. Ы(ы)нызы (а)т(э)ы=ха

Кба в. Цена хороша была. Твоего края раба-царя

27. [сп] х ч° ы ы х г б₁ п₂

[аса(у)п] (ды)хчэа{т}. Птуха (и)ха гба ц(ы)-

[таким образом] переселили. Пту царь свой корабль вперед

28. ц' ы у р б н х ц' ы ў з л

ц'агIа, уа (=уый) рабан(ы) ах(ь) (и)ц'агIа, уа(=уый) (ды)зла-

направив, той своих отцов земле к подошел когда, ему как

29. н л р б н х х₁ х д° г м л₁

налар(и)? Аба н(ы) ах(ь) х(а)х(у)дэ(ы), (а)га мла

туда войти? Отцов земли у, нашей горной поляне (на), враг голодный

30. з₁ д ы т м г б₁ д т л₁ ы ы у'

(ай)зад, гIэ(ы) (ды)там. Гбада(=гбадыу) (ды)тала, Пту

собрался, людей находится не. Корабль большой (в) спустившись, Пту (врагов)

31. ж р б ы л₁ х д р₂ р к б₁ ч°

(и)ж(ь)ара(у)б, гIэала хадара. Р(ы)к(э)ба, (и)чэа-

обмануть нужно, мимо пройдя главарей. (В) их Кба, гово-

32. ж з' о б₁ д з' ĩ° ж т л₁ ж х ĩ°
ж(о)а, (А)з(о)ба (и)ду(ра) (ы)з(и){т}. Г(о)ж(о), (и)тала (а)ж(ра) хГІа{т}
рят, Азюаба уважение потерял. Письмена древние, спустивши (в) ров,
укрыли

33. л х г д ц ж ч° ай з ѱ с₁'

Лах(ь)а г(у)да(у) ц(у), (и)ж(ы) чэайза. У(ы) с'(о)а

Лых (в) гудау(т)ском селении, зарыв шкуре сырой (в). Твое письмо

34. б₂ ѱ н г' з х р б' у

пс(ы)н. (И)гъаз (а)х(у)(ра), раба ау-

переломано было. Зажила когда рана, своих отцов дея-

35. р₁ с' р м х к ш т с₁'

ра ас'(о)ара маха к(у)ш (и)тас'(о)а-

ние ашуйцы руками мудрыми письмен навыре-

36. к а₁ з' х н х р₁ к ѱ

к а а₁з'хан, аха (и) ракс(ы)-

зали их достаточно, а (их) они там сделали

37. ч° р д ч° м₁ х ĩ₁ ĩ₁ м₁ р м

чэа, (и)(ды)рдачэа (=идырдыучэа), (а)ма х(у) (а)т(о)ы (и)т(о)ы (А)маран(ы)

слишком много когда, их увеличили слишком много когда, ручную
долю (т.е. личную долю) рабу принадлежащую Амру («Солнцу») слабо-

38. х₁ р ĩ₁ б л₁ л₁ х г' з' ĩ₂ л₁ ĩ₂

ха, (и)рт Бал (и)алх(ыу) (а)[и]гъ(у) (и)з'(ы). Т(о)ла дт(о)а-

му, переправили Ба(а)ла избранника превосходного для. Стране (в) си-

39. п₁ ч б₁ х' у ай б₂ й б₂ ĩ₁ м₁ л₁

п(А)сба х(у)а. Уа(=арый) Аи (д)аба йа. Бту (а)мала,

дит Ачба Кривой. Он Аи отец сказывают. Пту голодного,

40. ĩ₂ п₂ й м₁ х р ĩ₁ н л х к

(а)т(о)ыба (=атэы баа) йа, м(ы)ха (ды)ргІан Лах(ь)а ка

раба тощего весьма, слабого, переправили сюда Лых в,

41. н ай н₁ с'

н(ы) Аи н(ы) (а)с'

Аи землей клянусь! (букв.: (о) Аи землю бью!)

Комментарий к тексту таблички Д.

1(1) кл(ы)ц' - "Клыч". Фамильное имя. Совр. абхаз. Клыч. Из текста таблички следует, что Клыч принадлежал к племени Аи, которое занимало территорию над областью Ла. См. ниже 2(1) и 10(1).

1(2). (д)аи́хабан - “(он) старейшиной был”. Спрягаемая форма имени аи́хаба - “старейшина” в прошедшем времени (показатель =н ←-ны←-на). Показатель класса человека д в ашуйских текстах в буквальном смысле слова единичен. Эта грамматическая категория в начале II тысячелетия до н. э., повидимому, только нарождалась. Применительно к современному состоянию языка в публикуемых мною текстах могло быть 37 случаев употребления класса человека д=, а имеется всего навсего один. См. текст табл. Ц, 11(5). В тексте табл. Д могло быть 22 случая, а нет ни одного. См. 1(2), 2(2), 3(4), 7(1), 10(6), 11(6), 13(3), 17(1), 18(4), 20(4), 21(4), 23(3), 25(5), 25(6), 27(2), 28(9), 30(3), 30(6), 37(2), 38(8), 39(6), 40(4). Слово аи́хаба в этой форме существует в бзыбском диалекте. Современное его значение: “старший (по возрасту или положению)”. Переведено мной по смыслу текста термином социальным: “старейшина”.

1(3)га - “враг”. Слово употреблено во мн. ч. без показателя множественности. Явление это в ашуйских текстах обычное.

1(4) (и)ма - “имея”. Деепричастие чистой основы от глагола (а)ма(ра) - “иметь”.

1(5) (и)мац'(ы)м - “не мало”. Совр. абхаз, имачым, абаз. имачлым. Конечное -м (←мы←ма). В эпиграфической форме слова обращает на себя внимание звук ц'. в м. ч, чI. Этот звук реально представлен в бзыбском слове аиц'ы - “меньше” (ББД, 51), которое, так же как и лит. абх. еицы (←айц'ы), представляют собой сравнительную степень к прилагательному мац' - ‘малый’. Данный эпиграфический текст показывает, что в прошлом существовала и не супплетивная форма мац' - “малый”.

2(1) Ла - название рода и области в северо-западной части исторической Абхазии (древней Ашуи). Границы области по древним текстам и топонимии оказываются весьма обширными: от общин Акуа и Гудау (совр. Акуа (Сухум) и Гудоута) по данным стелы А и табл. Ц до Лацуныхэа (святилища рода Ла) в бассейне р. Мзымта у Кудепстинского перевала (ИАЭ, 287). Область Ла была многоплеменной и многообщинной. С названием Ла мы встретимся в текстах не один раз. Подчинена она была царскому роду Ла, в дальнейшем известному как Лау (→Лоу). В XIX и начале XX вв. н. э. Лау (Лоу) - только знатная дворянская абазинская фамилия.

2(2) (да)хатэан - “(он) над сидел”. Глагол состояния в прошедшем неопределенном времени (формант=н). См. 1(2). Корневая основа =т(э)а по звучанию абхазская (абаз. чIэа). Ср. спатула и, 1(5). Локальный преверб с велярно-фарингальным смычным х в м. простого спيرانта х-явление более древнее и в ашуйских текстах преобладающее. Об отсутствующем показателе класса человека д= см. 1(2).

2(3) **ра** - “они”. Личное местоимение 3 л. мн. ч. Краткая форма. Полная ожидалась бы **рара**. В ашуйских текстах она не засвидетельствована.

2(4) **бнала** - “в лесу скрываясь”. Деепричастие чистой основы от глагола **бнала** =**ра** в том же значении.

2(5) **(и)такан** - “внутри находилась”. Глагольная форма состоит из преверба **та** - “внутри”, глагольного корня **ка** - “быть” и форманта неопределенного прошедшего времени **н**. См. его в 1(2) и 2(2).

2(6) **К(ə)ба** - “Кба”. Название общины, находившейся на северо-западной окраине области Ла в районе р. Мзымты. В исторической и географической литературе в русской адаптации известно название Кбааде - “Красная поляна”. По абхазски Кэба адэы т.е. адэы - “поляна” Кэба. Инал-Ипа (ИАЭ 288) связывает топоним Кэба с фамилии Гунба←Губа. Этимология надумана. Если даже силлаб **ба** признать в Кэба за фамильное окончание, то в абхазском и абазинском языках силлаб **кə** фонетически никак не мог перейти в **гə(гу)**. Вероятнее думать, что Кэба это старое название одной из абазинских общин, в дальнейшем исчезнувшей.

3(1) **є(ы)** - послелог со значением “в”, “во”. Ныне характерен только для абхазского языка и отсутствует в абазинском.

3(2) **Ажа** - “Ажа” Чтение условно т. к. в ашуйском письме все ныне существующие в абхазском и абазинском языках звуки типа ж передаются одним силлабом. Из текста табл. Д следует, что место Ажа или нечто в этом роде, находилось где-то рядом с Кэба.

3(3) **кн(ы)** - послелог со значением “в”, “во”. Равнозначен послелогу **є(ы)**. См. выше 3(1). Ныне характерен для абхазского языка и отсутствует в абазинском.

3(4) **(д)ра,ла** - “(он)ним (к) продвигаясь”. Деепричастие старой односложной чистой основы от глагола (а)лала(ра). Местоименный показатель субъекта, он же показатель класса человека - отсутствует. См. 1(2). Показатель объекта мн. ч. **р(ы)**, дан в более древней форме с a_1 (=ра₁).

3(5) **ў(ы)** - “твой”. Местоимение притяжательное 2 л. ед. ч. класса мужчин.

3(6) **н(ы)зы** - “край” (как территория). Это слово в современных абхазском и абазинском языках утрачено. Представляет собой композиту из двух корневых первообразных слов: **ны** - “земля”. См. ниже 4(7) и **зы** - “вода”. Край, как территория, это некая совокупность земли и воды.

3(7) **ўа(=уый)** - “тот”, “он”. Указательное местоимение 3 л. ед. ч. в зависимости от контекста означает “тот” и “этот”. Выполняет роль личного местоимения 3 л. ед. ч. - “он”. Древнейшая форма указательного местоимения **ўа** в значении “этот” сохранена убыхским языком (Vogt, 198, 1964). В аб-

хазском и абазинском языках сохранилась пережиточно в таких словах как абх. абаз. **уаха́** - “этой ночью”, где **уа** - “эта”, **-*ха** - “ночь”. Со значением “тот” в форме (**ауа**, **ауый** (←**ауа**+**й**)) употребительна в абазинском.

3(8) **ха(ра)** - “слух (молва)”. Обычная для ашуйских текстов масдаральная форма без аффикса **=ра**. См. ниже 34(3) **ах(у)** - “рана” = совр. **ажура**.

3(9) **=ла** - “по”. Послелог совершения действия.

4(1) **(и)уш(э)ан** - “пройден был за короткое время”. Абазинское слово. (АБРС. 379, б.) Финитная форма прошедшего неопределенного времени (формант **-н**). См. 2(2), 2(5).

4(2) **ана** - местоименное наречие “там”.

4(3) **Ар(ы)** - название места в области **Ла**, в котором, как это явствует из дальнейшего текста, старейшина **Клыч** обнаружил «отцов писанные столбы». См. 5(2), 5(3) и 5(4). Если бы не было этого текста, мы никогда не узнали бы, что топоним дожил до наших дней. В верховье р. **Гудоу** имеется селение, именуемое **Арыюта**, **Рыюта** (ББД 257) букв. “**Ары**=письма место” или “**Ры**=письма место”. Имя **Ары**||**Ры**, по-видимому, было названием общины или рода, обитавшего в пределах области **Ла** и имевшего свои земли. Отсюда становится понятным загадочное **Арлан** **Евлия** **Челеби** (1641 г.). Мне представляется, что это название следует толковать как “**Ары** (арские) **Ла** (рода **Ла**) «ны (земли)”. Название было построено по тому же типу, что и совр. **Бзыцын** ←**Бзыцыны** - “**Бзыбская** земля” как называют **Гудаутский** район, населяющие его **бзыбцы** (ББД, 20). И топоним **Арлан**, и топоним **Арыюта** связаны с **Гудаутским** районом. В данном случае, я не случайно отсылаю читателя к названию **Гудоута**. **Арыюта** следует отнести к местам, где в древности существовали памятники письма. Когда эти места были противником царя **Пту** **Азюабой** (**Адзюабой**) разгромлены, то, как сообщает текст нашей таблички (строки 32-33): «письмена древние ... укрыли в **Ляхъа** (=Лых), гудаутском селении, зарыв в шкуре сырой». Спустившись с гор в равнинную **Ашую**, в **Ла**, старейшина **Клыч** впервые в селении **Ары** (=Арыюта) увидел «отцов писанные столбы».

4(4) **(и)бан** - он увидел. Финитная форма прошедшего неопределенного времени (формант **=н**) от глагола **(а)ба(ра)** - “видеть”.

4(5) **Ла** - см. 2(1).

4(6) **(и)ха** - “себя”, “свой”. Старая форма возвратно-притяжательного местоимения, образованная именем “голова” (ср. абаз. **а=хъа**). Используется до настоящего времени.

4(7) **н(ы)** - “страна”, “земля”. Ныне это слово употребляется только в абхазском как именной локальный аффикс: **Лыхны** (название селения в **Гудаутском** районе) при **лхаа** - “**лыхцы**”, “**лыхненцы**”; **Ацсны** - “**Абхазия**” при **ацсуаа** - “**абхазы**”.

5(1) (и)бама - видел ли? Вопросительное наклонение в форме прошедшего неопределенного времени.

5(2) áба - “отец”. Имя в тексте употреблено во мн. ч. без показателя множественности, что обычно для ашуйских текстов. См. 1(3). Я предпочел абазинскую форму áба вм. абх. аб потому, что в тексте табл. Д много абазизмов. Возможно, что слово áба - “отец” употреблено в переносном значении “предок”. (Ср. текст Аполлония Родосского в «Аргонавтике» здесь в 5(4)).

5(3) ĩә - Глагольная основа абазинского слова “писать” (совр. гĭв = ра - писать) в значении определения к следующему слову таблички. См. 5(4)).

5(4) аха “столб”. Совр. абх. áха - “столб”, “кол” (МАСл. 127). В тексте со смычным веллярно-фарингальным, как то в бзыбском диалекте абхазского языка (ср. ББД, 61 ахарца - “привязь”, букв. аха - “на (столб)”, р-ца - “накинутое”). Вместе с предшествующим ему корнесловом образует композиту ĩәаха - “писанный столб”. Слово в тексте употреблено во мн. ч. без показателя множественности как выше 1(3), 5(2). При чтении 4-ой и 5-ой строк текста табл. Д приходит на память следующие слова Аполлония Родосского о колхах: „οἱ δὴ τοὶ ὑραλίτις πατέρων εἰρούονται κύρβιας οὐς ἐνὶ πασαι ὀδοὶ καὶ πεύραθεας ὑρῆς τε τραφερῆς τε πασαι ἐπὶ νῆσομενοῖσιν - они сохраняют сделанные на столбах записи своих отцов, в которых изложены все пути и пределы воды и суши для путешественников». (Аргонавтика, IV, 279-281. Латышев. SC, I, 422). Аполлоний Родосский писал в середине III в до н. э., когда ашуйская (она же колхская) письменность уже имела долгую историю. Колхи действительно писали. Подтверждением этому служит близкая к Аполлонию времени Аквинская (Сухумская) 1-я надпись II в. до н. э. царя Саулаха. Аполлоний Родосский, также как и текст табл. Д, передавал события реальной действительности.

5(5) (А)сәа - “Ашуя”. Название Абхазии в I, II и середине III тыс. до н. э. Примерные границы ее для середины III тыс. определены картой на первом серебряном сосуде Майкопского кургана.

5(6) (и)тала - “спустившись”. Деепричастие чистой основы, образованное от несамостоятельного глагольного корня ла - “хождение”.

5(7) áба. См 5(2).

5(8) ĩә. См. 5(3).

5(9) áха. См. 5(4).

6(1) р(ы) - “их”. Местоимение притяжательное 3 л. мн. ч.

6(2) мшац - “амшап”. Весенний языческий праздник обновления природы, приспособленный христианской церковью к пасхе (РВА. 86-100). Насколько он древен видно из текста данной таблички.

6(3) Ла. См. 2(1).

6(4) ка - “в”, “во”. Послелог для обозначения места действия. (ББД, 181).

6(5) ца - “знание”, “наука”, “ученость”. В этом значении и лексической форме слово сохранилось в убыхском. (См. Vogt 99, 309). В абхазском и абазинском глагольный корень ца. бзыб. ц’а означает “учение”, масдар ацара, ац’ара.

6(6) (а)з’ат(э)рангъ(ы) - “жертву и посвятил хотя”. Редкая для ашуйских текстов финитная форма прошедшего зависимого времени, образованная от масдара. Прошедшее зависимое время обычно образуется показателем =н от чистой основы глагола, а в данном случае образовано от масдара, вероятно потому, что основа глагола оказалась именной: з’атэ - “жертвенное животное”, з’атэра - “посвящение животного какому либо божеству” (ББД, 47). Исходная нарощенная частица =гъ(ы), соответствующая совр. абх. =абаз. =ггы имеет уступительное значение “хотя”. См. ниже 12(9). Фраза ц’а (и)з’ат(э)рангъ(ы) - “учености жертву и посвятил хотя” свидетельствует о том, что ашуйцы (древние абхазо=абазино=убыхи) весной в пору амшапа приносили жертвы божеству знаний и науки, которое являлось и божеством письма. Это явление нам до сих пор не было известно.

7(1) [Ш]ту - “Пту”. Личное имя царя. Что эпиграфическое имя следует читать Пту, а не Пыт или Пат подтверждает 7-е слово 30-й строки данного текста и 6-е слово 14 строки в табл. Ц. Личное имя Пту до сих пор употребительно в абазинской языковой среде. Абхазам оно уже неизвестно.

7(2) ха - “царь”. В древности, как при имени собственном, так и самостоятельно была более употребительна эта форма титула, нежели ах. По нормам старого абхазского и абазинского синтаксисов титул следовал за именем собственным.

7(3) х(э)ы - “авторитет”. Абазинское слово. Ср. совр. тап. хэы в том же значении. Форма со смычным фарингальным х, как это и в тексте, древнее. Абхазам в этой форме слово уже неизвестно.

7(4) (и)ба - “увидев”. Деепричастие чистой основы.

7(5) (ди)м(ы)лалт - “(он) (с ним) в союз не вступил”. Финитная форма аориста (показатель =т ← ты ← та) от глагола (а)лала(ра) - “присоединяться”, “входить в компанию, в союз” (МАСл. 51, б). С точки зрения современного состояния языка ожидалось бы включение аффикса отрицания м(ы) внутрь основы глагола (диламылт). Показатель субъекта он же показатель класса человека д отсутствует. См. 1(2).

7(6) ў(ы) - “твой”. См. 3(5).

7(7) Пту. См. 7(1).

8(1) [ха] - “царь”. Край таблички сильно изъеден окислом. Слово вос-

становлено по смыслу. Личное имя царя Пту обычно сопровождается этим титулом. См. 7(1), 7(2).

8(2) Ла. См. 2(1).

8(3) ц'а. См. 6(5).

8(4) (и)з'ат(ə)р - “жертву посвящал если”. Условное наклонение (формант =р) от глагольного имени з'атə(ра) - “посвящать какому либо боже-ству жертвенное животное”. См. 6(6). Формант =р происходит, по-види-мому, из =ра. Он омонимичен =ра масдара, в текстах довольно редкого.

8(5) айп - “отцы”. Обычное для ашуйского языка множественное число без показателя множественности. Диалектная форма. Её чертой следует признать аффикс ай в. а. С омонимичным значением “козел” эта форма слова встретится кроме сего трижды в тексте спатулы и, при этом в одном случае сменой п на б - айб. Данный текст и текст спатулы и привязаны к территории племени Аи. Не была ли эта особенность чертой племенного языка? О племени Аи см. ниже 10(1).

8(6) (р) - “их”. См. 6(1). Указывает на мн. ч. предшествующего имени и полиперсонализм глагола. Его отсутствие в тексте встретится еще не один раз. Вопрос требует изучения.

8(7) г(у)ах(у)ат - “нравилось”, финитная форма аориста от сложного глагола (а)гуах(у)а(ра) - “нравиться”. В тексте со старым фарингальным х, как то поныне в абазинском. См. 7(3).

9(1) [Ла]н(ы) - название общины и области Ла. См. 2(1). с прибавлением к собственному имени слова =ны - “земля”. См. 4(7). Силлаб ла восстановлен по смыслу текста. Край таблички изъеден окислом.

9(2) ўа(=уый) - тот. См. 3(7).

9(3) Пту - “Пту”. См. 7(1).

9(4) ха - “царь”. См. 7(2).

9(5) х(ə)ы - “авторитет”. См. 7(3).

9(6) (и)р(ы)гья - “вырос что”. Инфинитная форма аориста в каузативе от малоупотребительного ныне глагольного корня гья - “расти” (ср. абх. (а)гья(ра) - “сращение”; “всходы”) Ныне по тексту сказали бы: йаназха, реже, ирий.

9(7) Ла. См. 2(1).

9(8) ка. См. 6(4).

10(1) Аиха - “Аи владетель” (= “Аи царь”). Из текста таблички следует, что старейшина Клыч и владетель Аи это одно и то же лицо, и Аи было названием одного из ашуйских племен и заселяемой им территории, которая помещалась в горах, выше области Ла. См. 2(1). Есть все основания полагать, что племя ай(ев) было в прошлом сильным и количественно

значительным. Об этом говорят тексты табл. Д, спатулы и, майкопской надписи с крепостью Аиа, миф об аргонавтах с именем царя колхов Айэта (царя «из Аи»). В дореволюционной этнографической и исторической литературе известно небольшое племя аибга с локализацией его в верховьях р. Псоу (Инал-Ипа, 349-347). Аибговцы представляли собой, вероятно, жалкие остатки когда-то сильного племени. Самоназвание племени аибга представляет собой этнонимизацию географического названия: “аиевские скалы (бга)”. Есть абхазская этнического происхождения фамилия Аиба, мн. ч. Аираа. (См. ШАА, 99).

10(2) (и)бан - “увидел”. См. 4(4).

10(3) (а)га - “враг”. См. 1(4). Здесь слово употреблено в единственном числе. Имеется в виду старейшина и владетель Аи Клыч.

10(4) а₁ - “этот”. Неупотребительное ныне указательное местоимение 3 л. ед. ч. вм. абри.

10(5) ц’ауа₁да (=ц’ау’ады) - “ученый соплеменник великий”. Композита, состоящая из трех компонентов: ц’а - относительного определения от слова ц’а - “знание”, “наука”, “ученость”. См. 6(5), уа - основного слова, определяемого композиты, означающего “соплеменника” в широком смысле, как принадлежащего к народу ашуйцев и определения да - “большой”, “великий” вм. совр. дыу. Первичная форма именной основы да сохранена абхазским и абазинским языками в слове хада||хада - “главарь”, ретроспективно, букв. ха||ха - “голова”, да - “большая”. Современная форма дыу (→ду) представляет собой вторичное явление. Она образована как прилагательное аффиксом -у из да+у. В этом слове, вероятно, почти повсеместно а перешло в ы раньше, чем к нему был присоединен аффикс -у, иначе образовалась бы форма доу, поскольку а перед у закономерно переходит в о. Встречается однако диалектально и форма доу - “большой”, например, в калдахварском говоре бзыбского диалекта. (ББД, 98).

10(6) -11(1) (ды)заша - “похитить решил”. Абхазская форма глагола (а)за(ра) “похищать”, “воровать” во 2-м будущем времени с оттенком долженствования (формант =ша). Показатель класса человека и объекта не выражен. См. 1(2).

11(2) уа(=уый) - “он”, “тот”. См. 3(7).

11(3) А₁с’(э)а₁т(э)н(э) - “Ашуйская страна”. Название представляет собой композиту состоящую из краткой формы наименования страны Ас’(э)а. (См. 5(5)) и компонента т(э)н(ы) семантически соответствующего совр. абх. тэыла - “страна”. Эпиграфическое слово т(э)н(ы) означает буквально: “сидения” (тэ) “земля” (ны).

11(4) л(ы) - “её”. Показатель класса женщин и притяжательное место-

имение 3 л. ед. ч. подкласс жен. Относится к Ас'(ə)ат(ə)н(ы) - т. е. к Ашуйской стране. Употребление здесь местоименного аффикса класса женщин свидетельствует о том, что в Ашуйской стране или Ашуе в начале II тыс. до н. э., к которому относится табличка Д, не были еще изжиты некоторые матриархальные реалии в языке и, вероятно, в быту. См. кроме этого здесь 14(1), в комментариях к тексту стелы А, 4(5), 7(8) и к тексту табл. Ц, 6(6) и 10(5).

11(5) **мара** - "солнце". Полногласная абазинская форма слова, абх. *мра*.

11(6) **(ды)каб** - "есть". Ашуйская форма глагола "быть" в 3 л. ед. ч. наст. вр. Корень глагола **ка**, показатель времени =абаз. -б (абх.=уп). См. 12(5). Показатель класса человека и субъекта не выражен. См. 1(2).

12(1) **ш₁(ə)а** - "письмо". Утраченное односложное слово, впервые засвидетельствованное в третьей силлабо-пиктограмме Майкопского кургана (см. здесь, стр. 48). Входит в ныне живую композиту абаз. **ашх**. (шəак) - "книга", ретроспективно "письмо, резы". В связи с этим значением ср. в 35-й - 36-й строках текста данной таблички глагольное словосочетание: **(и)гас'(ə)ака а₁з'хан** - "письмен навырзали достаточно", соответствующее совр. абх. *абыракуа итацказ (и)азхан*.

12(2) **(и)ма** - "имея". См. 1(4).

12(3) **у(ы)** - "твой". См. 3(5).

12(4) **н(ы)зы** - "край". См. 3(6).

12(5) =б(←бы←ба). Абазинского звучания показатель настоящего времени глаголов состояния и глагол-связка спрягаемых имен. См. 11(6).

12(6) **х←х(ы)** - "наш". Притяжательное местоимение 1 л. мн. ч.

12(7) **н(ы)** - "земля", "страна". Слово уже встречалось. См. 4(7). В тексте таблички силлаб **н(ы)** фрагментарен. Восстановлен мной по смыслу текста.

12(8) **а₁** - "это", "оно". См. 10(4).

12(9) **(и)аманг(ы)** - "и имелось хотя". Финитная форма прошедшего зависимого времени (показатель =н) от глагола **(а)ма(ра)** - "иметь". См. 1(2). Исходная нарощенная частица =г(ы), соответствующая совр. абх. =абаз. *гы* имеет уступительное значение. Ср. здесь 6(6).

12(10) **(а)га** - "враг". См. 1(3).

12(11) **ш(ə)а** - "письмо". Графическое различие к слову, употребленному в 12(1). Различие вероятно отражает диалектальную речевую черту.

13(1) **и(з)ах(ь)ан** - "уже расхитил". Давнопрошедшее упреждающее время (формант =х(ь)ан) от глагола **(а)за(ра)** - "расхищать", "воровать". В тексте на месте совр. *хь* более древний фарингальный *х̣*. Палатализация звуков в письме отмечалась редко, так что данный случай едва ли означает, что палатального *х̣* не было. Аффикс *х̣а* самостоятельного значения не

имеет. В абхазском, в прилагательном **анкьатәи** - “давний”, **кьа** замещает **хьа**, букв. **ан(поры) кьа (давней) тәи (из)**. Относительно -н см. 1(2).

13(2) **ара** - “это”. Указательное местоимение относящееся к предмету непосредственной близости. Ср. абаз. **ара** - этот.

13(3) **(да)сн(ы)** - “(он) делаю”. Деепричастие от глагольного корня **с-** “делать” с аффиксом **-н(ы)**. Показатель лица **(да)** - “он” отсутствует. См. 1(2). Деепричастие образует самостоятельный деепричастный оборот: **ара (да) сн(ы) х(ы)н(ы)** - “это он делая нашей земле **(в)**” т. е. «в то время, когда он это делал в нашей земле ...»

13(4) **х(ы)** - “наш”. См. 12(6).

13(5) **н(ы)** - “земля”. См. 4(7).

13(6) **(а)с'(ә)а₁ н(ы)** - “Ашуйская страна”. См. 11(3).

14(1) **л(ы)** - её'. См. 11(4).

14(2) **ма₁ра** - “солнце”. См. 11(5).

14(3) **н(ы)** - “бог”. В этой форме слово представлено во всех ашуйских текстах. В совр. абх. языке сохранилось в композите **(а)ныхәа(ра)** - “молитва”, букв. **ны** - “богу (к)”, **хәара** - ‘просьба’. Нынешнее слово “бог” - **анцәа** ретроспективно обозначает “боги”, поскольку =**цәа** является утратившим в этом слове свою функцию показателем множественности, а начальное **а**= окаменевшим определенным членом. Эпиграфическое =**н(ы)** в соединении с предшествующим словом **ма₁ра** “солнце” образует композиту **Ма₁ран(ы)** - “солнце=бог”. Впервые, как имя, это слово встретилось мне в тексте Майкопской плитки XIII-XII вв. до н. э. и тогда же было мной объяснено как второе почетное имя царя. (ТППЯ, 26).

14(4) **(и)са(и)к(ы)ла{т}** - “настойчиво напоминал”, букв. “(во) рту держал постоянно”. Исходной формой является глагол **(а)сак(ра)** - “напомянуть” (МАСл. 126). Суффикс =**ла** имеет значение постоянности или непрерывности действия. Глагольная форма в целом интересна отсутствием временного показателя =**т**. А.Н. Генко, комментируя отсутствие в исходе звука **т** в глагольных формах в записях Эвлия Челеби (1641 г.) писал, что это явление не может считаться случайным и «объясняется той особенностью абхазского произношения, при котором конечное, нормальное взрывное **t** не имеет полного образования, ограничиваясь имплозией без последующего взрыва (наблюдается нередко и в современном абхазском произношении)» ЯУ, 242. Отсутствие временного форманта =**т** в исходе глагольных форм наблюдается в наше время в говоре с. Апсуа абазинского языка. К. В. Ломтатидзе сообщает, что оно присуще лишь речи молодого поколения. (ЛАП, 40, 161). Отсутствие исходного =**т** в глаголе в нашем тексте не является единичным. См. ниже 32(9). Встретится оно и в других текстах.

14(5) (а)р= - “арский”. См. 4(3).

14(6) гІэ(ы) - “люди”. Впервые слово встретилось в третьей силлабо-пиктограмме Майкопского кургана. См. здесь, стр. 49. Ср. совр. абаз. гІвы - “человек”. В ашуйском языке показатель множественности почти не употреблялся. Грамматическое число определялось контекстом.

14(7) (р)га - “(их) врага”. См. 1(3). С отсутствием притяжательного местоимения мы уже встречались. См. 8(6). Как было уже сказано, вопрос требует изучения.

14(8) - 15(1) (и)ш(ы)лца - “как (вы)гнать”. Наречие обстоятельства образа действия (наречный признак - частица шы =). В тексте каузатив без показателя р, образованный от корневой основы ца - “идти” старым адде-тивным превербом=основой л= («туда»). В современной речи эпиграфической форме будет соответствовать ишрылрца.

15(2) га - “берег” и относительное определение “береговой”.

15(3) хах(э) - “камень”, форма абазинская. В тексте, как то обычно, мн. ч. без показателя множественности.

15(4) (и)ма - “имея”. См. 1(4).

15(5) (а)гь(ы) - “хотя”. См. 12(9).

15(6) (и)ац(ы)м - “было обычае не (в)”. Отрицательная форма прошедшего неопределенного времени (аффикс =м) от статической глагольной основы ц - “быть в обычае”. Ср. иацуп - ‘обычно есть’, иацын - “было в обычае”.

15(7) аба - “отец”. См. 5(2).

15(8) хэа - “мол”. Весьма употребительная в абхазской речи частица от глагола а=хэа=ра - ‘говорить’, “сказать”. Возможно, что в тексте была длабиализованная форма. (См. ББД, 114).

15(9) Пту - “Пту”. См. 7(1).

16(1) Ха - ‘царь’. См. 7(2).

16(2) Тапац - букв. ц - “обычай” Тапа, иначе “праздник Тана”. У абхазов в СССР о культе этого божества не сохранилось воспоминаний. Турецкий абхаз, поэт и этнограф Омар Бегуа (В[egua] Omar Būyūka) в своей интересной книге *Abhaz Mitologisi Анаç mi? - «Абхазская мифология не прародительница ли?»* (Стамбул, 1971) сообщает, что ему удалось установить, что Тана (Атана) была богиней мудрости (цит. соч. стр. 187). Если это так, то в нашем тексте мы сталкиваемся с противопоставлением старому культу богини мудрости Тапа нового культа почитания божества письменности и учености, носившего, по-видимому, имя Ц’а. Как видно из нашего текста царь Пту не соблюдал старого культа Таны. Он приносил Затэ новому божеству письменности и учености и, становясь в этом случае вероотступником, подвергался преследованию. См. ниже 18-19 строки в тексте.

16(3) (и)з'ат(ә)м - "жертвы не посвятил когда". Отрицательная инфинитивная форма аориста от глагола (а)з'атә(ра) - "посвящать жертву какому-либо божеству". Аффикс отрицания -м восходит к мы ←ма.

16(4) (А)згІә(а)ба - "Адзюаба". Судя по аффиксу -ба в тексте представлено фамильное имя. Это имя в абхазском и абазинском языках в наше время неупотребительно. В тексте кроме данной формы имени, встречается (А)з'ә(а)ба (См. 32(2)). По-видимому, фамилию следует связывать с нарицательным именем а=з'әа - "чума" (бзыб). При абаз. а=згІәа - "болезнь" и абх. а=з'әа - "чума" эпиграфический корень в форме згІәа можно было считать диалектной формой. В текстах табл. Д, Ц и стелы А (А)дзюаба представлен лицом, изничтожающим письменность. Как врага письменной культуры его было бы в народе естественным сравнивать с чумой. Может быть это имя - народное прозвище? Если это так, то оно весьма метко.

16(5) Бут(ә) - "Бут". Имя личное при фамильном (А)згІә(а)ба. Известно до настоящего времени. Ср. ББД, 248. Происходит от нарицательного имени бытә - "лохматый". В тексте диалектальная форма. Имя встретится еще раз в табл. Ц, 8(6).

17(1) (ды)зза - "исчезнув совсем". Деепричастие чистой основы от глагола (а)з(ра) - "исчезать", с модальным аффиксом за - усиливающим действие. Показатель субъекта д не выражен. См 1(2).

17(2) ўа(=уый) - "тот", "он". См. 3(7).

17(3) (и)ц(ы)м ала - "много времени не прошло как". Обстоятельственный оборот речи, в котором (и)ц(ы)м представляет собой отрицательную форму аориста (формант =м) от глагола (а)ц(ра) - "прохождение многого времени", а ала - частицу послеложного происхождения со значением "как", употребительную во вводных предложениях. Силлаб ц(ы) в тексте дефектен.

17(4) гба - "корабль". В этой форме слово сохранилось в абхазском и убыхском. (Vogt, 226, 2421). В абаз. зыгба.

17(5) да(=дыу) - "большой". Определение к предшествующему слову. См. 10(5).

17(6) тала {т} - "спустил". Инфинитивная форма аориста глагола (а)тала(-ра) - "спускать (вниз)". Речь идет о спуске корабля на воду. См. 17(4). В отношении форманта {т} см. 14(4).

17(7) Ла - судя по третьему и четвертому словам следующей строки текста, это - гидроним. Несомненно это древнее название реки Лацста в Гагрском районе Абхазии. Река Лацста впадает в Черное море. Название её хорошо этимологизируется: Лацста - это "ущелье" пста, (реки) Ла.

18(1) бн(ы) вм. пн(ы) - "около". Послелог локального значения. Широко употребителен в абазинском. В абхазском языке редок. В тексте табл.

Д написано: б₂н(ы). Чередование звуков ц||б в тексте табл. Д и других довольно обычно. Графика отражает живую норму произношения.

18(2) Ла - название реки. См. 17(7).

18(3) тс'(ә)ац - "узкое устье". Определение к предшествующему слову. См. 18(2). Слово состоит из двух компонентов: тс'әа (лит. абх. а=тшәа, абаз. тшәа) - "узкий", представленного в тексте в диалектальной (бзыбской) форме и =ц, несамостоятельного слова в значении "устье", оно же "начало". Ср. бзыб. бнаб - "опушка леса" (sic) (МАСл, 26, б). В тексте табл. Д тс'₁б₂. О чередовании ц||б см. 18(1).

18(4) (д)ш(ь)н(ы) - "убить имел цель". Целевое наклонение нашего текста в этой форме неизвестно современному абхазскому и абазинскому языкам. Ближе всего к эпиграфическому оказывается абазинская форма наклонения на - ныс. Отсутствие в глаголе показателя субъекта д=, как мною указывалось в 1(2), явление для ашуйских текстов обычное.

18(5) ха - "царь". См. 7(2).

18(6) - 19(1) тана[ц]. См. 16(2). Край таблички сильно поврежден. Заключенный в квадратные скобки словесный компонент =ц восстановлен в соответствии с 16(2).

19(2) [з'(ы)] - "за". Послелог восстановлен по смыслу фразы. См. 19(1) и 16(2). На поврежденном месте может быть кроме предшествующего [ц] восстановлен еще один силлаб.

19(3) (а)га - "враг". См. 1(3).

19(4) мац'(ы) - "услужливый". Определение к предшествующему слову. Ср. бзыб. мац' - "услуга".

19(5) Аи́ха - "Аи владетель". См. 10(1).

19(6) бн(ы) = цн(ы) - "около". См. 18(1).

19(7) (а)га - "враг". См. 1(3).

19(8) и(мам) - "не имеется когда". Отрицательная инфинитная форма наст. вр. в 3 л. мн. ч. от глагола (а)ма(ра) - "иметь".

20(1) уа(=уый) - "тот", "он". См. 3(7).

20(2) н(ы) - "земля", "страна". См. 4(7).

20(3) (и)лаха́лам - "увеличивается непрерывно не". Отрицательная форма наст. вр. 3 л. ед. ч. непереходного глагола (а)лаха(ра) - "увеличиваться" (абаз.). Аффикс отрицания =м (←мы ←ма). Предшествующий ему аффикс ла придает действию значение непрерывности, постоянства. Он уже встречался. См. 14(4).

20(4) (ды)ц(ы)сал(ы) - "продвигаясь навстречу". Деепричастие чистой основы от глагола цсал(ра) в том же значении (абаз.). В абхазском он ныне неизвестен. Об отсутствующем показателе субъекта д см. 1(2).

20(5) Ла - название реки. См. 17(7).

20(6) ка - “в”. См. 6(4).

21(1) [ха] - “царь”. Край таблички поврежден. Слово отсутствует. Восстановлено по смыслу текста.

21(2) (и)ка - “к”. Послелог локального значения. Тот же, что и в 20(6), но с отношением к лицу.

21(3) ана - “там”. Наречие места.

21(4) (д)н(ы)х(э)а - “клянись”. Деепричастие чистой основы от глагола (а)ныхэа(ра) - “давать клятву”, “клясться” (абаз.). В отношении показателя класса человека и субъекта д= см. 1(2).

21(5) (и)ж(ь)а(ра) - “обмануть”. Масдар в форме чистого корня - основы. Явление в ашуйских текстах обычное. Масдаральный аффикс =ра в них очень редок.

21(6) (а)га - “враг”. См. 1(3).

21(7) (и)ха - “(его) голову”.

21(8) (и)чэ[х(а)ёэаша] - “против воли [голову снять имел намерение]”. Край таблички сильно изъеден окислом. Сохранился только силлаб версии чэ. Остальное восстановлено мной по смыслу текста и возможному числу силлабов на поврежденном месте. Форма абазинская. Об этом говорит силлаб версии.

22(1) Пту - “Пту”. См. 7(1). Силлаб П поврежден.

22(2) ха - “царь”. См. 7(2).

22(3) (и)ха - “себя”, “свой”. См. 4(6).

22(4) гба - “корабль”. См. 17(4).

22(5) п(ы)дэ(ы)ж(э)а - “вперед из (ущелья) вырвал когда”. Инфинитная форма аориста от глагола (а)жэ(ра) - ‘рвать’, “вырывать с двумя превербами: п(ы) - означающем движение ‘вперед’ и дэ(ы) означающем движение ‘из’, ‘вон’, ‘наружу’”. (МАСл, 37, а).

22(6) (А)с'(э)а - “Ашу”. Судя по тексту речь идет не о стране Ашу, а о поляне Ашу (Ас'ырдыны). (См. ББД, 57). Эта поляна помещалась на побережье Черного моря, но где конкретно, неизвестно. В ББД, 57 местонахождение ее не указано.

23(1) бн(ы) = ин(ы) - “около”. См. 18(1).

23(2) (и)к(ы)л = (игыл) - “остановился когда”. Инфинитная форма аориста от глагола (а)гыл - “стать (становиться)”. Замена г на к диалектальная черта, может быть старая норма. В текстах она иногда встречается. См., например, в спатуле и 9(2).

23(3) (д)тк(у)ан - “был пленен”, финитная форма неопределенного прошедшего времени (формант =н) от глагола (а)ткуа(ра) - “пленить” (взять в плен). Показатель субъекта д не выражен. См. 1(2).

23(4) з'(ь)а(ра)да - "обмана без". Лишительная форма имени (формант =да). Диалектальная форма типа бзыбской с заменой жь на з'ь. Образована от первобытного корня з'(ь)а, а не от масдара, как то в современном языке. Явление это в ашуйских текстах обычное.

23(5) ў(ы) - "твой". См. 3(5).

23(6) - 24(1) н(ы)з(ы) - "край". См. 3(6).

24(2) ўа(=уый) - "тот". См. 3(7).

24(3) халам - "мы причастны не". Отрицательная форма непереходного глагола "быть причастным". Корневая первооснова =ла=. Аффикс отрицания =м, местоименный аффикс ха - "мы". Ср. (МАСл, 51, б).

24(4) Ла - см. 2(1). В данном случае имеется в виду та часть территории области Ла, которая примыкает к устью реки Ла (совр. Лапста), где был пленен царь Пту.

24(5) та - 'из'. См. 16(6).

24(6) (а)т(э)ы - 'раб'.

24(7) ара - "это". См. 13(2).

24(8) (и)бан - "видел". См. 4(4).

24(9) - 25(1) (и)х^а[ха] - "прибыльный" (абаз.). Относительное определение к следующему слову. Образовано от глагольного имени (а)х^аа(ра) - "прибыль", "доход".

25(2) (а)т(э)ы - "раб". См. 24(6).

25(3) А₁наца - топоним, соответствующий совр. "Анапа". Из текста явствует, что Анапа была невольничьим рынком.

25(4) ўа(=уый) - 'тот'. См. 3(7).

25(5) (ды)т(и)н - "продан", финитная форма прошедшего неопределенного времени (формант =н) от глагола (а)т^и(ра) - "продавать". Показатель субъекта (ды) не выражен. См. 1(2).

25(6) (и)(ди)рбан - "показал". Финитная форма прошедшего неопределенного времени (формант =н) от каузативной формы глагола (ар)ба(ра) - "видеть". Показатель субъекта ды не выражен. См. 1(2).

25(7) (а)х^у - 'цена'.

26(1) к(э)ба - название местности. См. 2(6).

26(2) еы - послелог "в". См. 3(1).

26(3) (а)х^у - 'цена'. См. 25(7).

26(4) (и)бз(и)н - "хороша была" (абаз.). Спрягаемая форма имени бзи - "хороший" в прошедшем времени (формант =н).

26(5) ў(ы) - "твой". См. 3(5).

26(6) н(ы)з(ы) - "край". См. 3(6).

26(7) (а)т(э)ы=ха - "раб=царь". Эта композита с обратной постановкой компонентов встретится в тексте стелы А, 3(2).

27(1) [аса(у)п] - “таким образом”. Край плитки поврежден. Слово=форма восстановлена по содержанию текста.

27(2) (Ды)хчэа{т} - “переселили”. Финитная форма аориста от глагола (а)хчэара - “переселяться по случаю несчастья”. (МАСл. 123, а). Отсутствие показателя времени и финитности =т посилено объяснено в 14(4). В тексте абазинская диалектальная норма чэ - вм. совр. чІә.

27(3) Пту - “Пту”. См. 7(1).

27(4) ха-’царь’. См. 7(2).

27(5) (и)ха - “себя”, “свой”. См. 4(6).

27(6) гба- “корабль”. См. 17(4).

27(7) - 28(1) ц(ы)ц’агІа - “вперед направив”. Деепричастие чистой основы, включающее первообразный глагольный корень ца (диал. бзыб. ц’а) - “идти”, осложненный превербом ц(ы), указывающим на движение “вперед”, нахождение “впереди” и архаичным поствербом абаз. гІа (абх. аа), указывающим на абитивность движения («сюда»).

28(2) ўа(=уый) - “та”. См. 3(7).

28(3) р(<-ры) - “свой”, “их”. См. 6(1).

28(4) аба - “отцы”. См. 5(2).

28(5) н(ы) - “земля”, “страна”. См. 4(7).

28(6) ах(ь) - “к”. Послелог локального значения.

28(7) (и)ц’агІа - “подошел когда”. Инфинитная форма аориста от глагольного корня ца (диал. бзыб. ц’а) - “идти” с архаичным поствербом абаз. гІа, (абх. аа), указывающим на абитивность движения («сюда»). Ср. выше 28(1)

28(8) ўа(=уыи) - “он”, “тот”. См. 3(7).

28(9) - 29(1) (ды)зланалар(и) - “как туда войти?” Вопросительное наклонение от ныне несамостоятельного первообразного глагольного корня ла, означавшего движение вообще, преверба направления на - “туда” и двух аффиксов вопросительного наклонения: обстоятельственного зла - “как” и специального - р(и). Показатель субъекта (ды) не выражен. См. 1(2).

29(2) áба - “отцы”. См. 5(2).

29(3) н(ы) - “земля”, “страна”. См. 4(7).

29(4) ах(ь) - “к”. См. 28(6).

29(5) х(ы) - “наш”, “наша”. См. 12(6).

29(6) х(у)а - “горная” (совр. абаз. хэа - “гора”, “горный”: абх. бзыб. (а)хуа в том же значении.

29(7) д(ә)ы - “поляна”. Совр. абх. адәы.

29(8) (а)га - “враг”. См. 1(3).

29(9) мла - “голодный”. Определение к предшествующему слову. Ср. совр. абх. и абаз. мла - “голод” и “голодный”. Абаз. скәшы мла - “голодный год”.

30(1) (ай)зад - “собрался (сошелся)”. Совр. абх. ейзеит, абаз. айззат. В тексте таблички диалектальная форма с з вм. з. (См. ББД 110). Финитная форма аориста. Показатель финитности и времени озвончен. Черта абазинская.

30(2) гГэ(ы) - “люди”. См. 14(6).

30(3) (ды)дам - “находится не”. Отрицательная форма наст. вр. глагола состояния “находиться” (МАСл, 40, б). Показатель субъекта д в тексте не выражен. См. 1(2).

(4) гба-’корабль’. См. 17(4).

30(5) да(=дыу) - “большой”. См. 10(5).

30(6) (ды)тала - “спустившись”. Деепричастие чистой основы от глагола (а)тала(ра) - “спуститься вниз”. Показатель субъекта д - в тексте отсутствует. См. 1(2).

30(7) Пту - “Пту”. См. 7(1).

31(1) (и)ж(ь)ара(у)б - “обмануть нужно”. Будущее категорическое время (аффикс - ра(у)б) от глагола (а)жья(ра) - “обманывать”. Озвонченность форманта -б черта абазинская.

31(2) гГэала - “мимо пройдя”. Деепричастие чистой основы от несамостоятельного первообразного глагольного корня ла - “двигаться”, “продвигаться” с превербом гГэа - “мимо”. Форма абазинская.

31(3) хадара - “главари”. Собирательная форма имени (формант =ра) от слова хада (абаз.), хада (абх.) - “главарь”.

31(4) р(ы) - “их” См. 6(1).

31(5) к(э)ба - название общины. См. 2(6).

31(6) - 32(1) (и)чэажэа - “говорят”. Глагольная основа, употребленная в функции вводного слова типа абх. хэа. По звучанию абазинская, абх. (и)чэажэа.

32(2) (А)з(а)ба - имя собственное. См. 16(4).

32(3) (и)ду(ра) - “уважение”. В ашуйском языке масдар, как правило, имел форму первообразного корня.

32(4) (и)з(и){т} - “потерял”. Финитная форма аориста. В отношении включенного в фигурные скобки форманта т см. 14(4).

32(5) гГэ(ы) - чистая корневая основа глагола “писать” абазинского звучания. Переведена мною как “письмена” условно. Может быть переведена и как “писания”.

32(6) ж(э) - “старый”. Определение к предшествующему слову. Оба слова образуют композиту, которая дана, как я полагаю, во мн. ч. без показателя множественности, что обычно для ашуйских текстов.

32(7) (и)тала - “спустивши (вниз)”. Деепричастие чистой основы. Ср. 30(6).

32(8) (а)ж(ра) - “ров”. В ашуйском языке масдар, как правило, имел форму первообразного корня.

32(9) хгIа{т} - “укрыли”. Абазинская форма слова. См. АбРсл. 398. Финитная форма аориста. В отношении включенного в фигурные скобки форманта т см. 14(4).

33(1) Лах(ь)а - название селения входящего в общину Гудау. (См. ниже). Соответствует совр. Лыхны, жители которого называют себя лхаа - “лыхцы” (лыхнинцы). Селение Лыхны расположено к северу от г. Гудауты и сейчас почти слилось с ним. Из текста табл. Ц (см. это) следует, что царственный род Ла, что сидел в Акуа, вел свое происхождение из общины Гудау (совр. Гудоута). Это дает право полагать, что эпиграфическое Лх, вероятно, произносилось как Лах(ь)а, ибо в ашуйском языке всякое ы восходит к а, а х и хь в графике не различались. Если совр. Лых восходит к Лахья, то в нем Ла означает царственную фамилию, основа хья имеет значение - “рожденный”, “родившийся” (ср. абх. и абаз. (а)хья-ра) - “родиться”, “родиться”). Ретроспективно совр. Лыхны хорошо воспроизводятся как Лахьяны - (рода) Ла, (рождения) хья, (место, земля) - ны. Весьма любопытно, что сел. Лыхны еще в конце XIX ст. н. э. являлось резиденцией абхазских правителей.

33(2) Г(у)да(у) - название общины и селения. В современной топонимии северо=западной Абхазии эпиграфическое Гудау известно в закономерной форме Гудоу как название реки на которой стоит г. Гудоута, что ретроспективно означает «место (на) Гудау». Название восстанавливается в форме Гудау на основании текста стелы А. См. в нем 5(6).

33(3) цу - “селение”.

33(4) (и)ж(ы) - “зарыв”. Деепричастие чистой основы от глагола (а)ж(ра) - “рыть”.

33(5) чэаайза - “шкура сырая”. Абазинская композита состоящая из двух компонентов: чэа - “шкура”, “кожа”, айза - “сырой”. Соответствует совр. абх. иазоу ацэа.

33(6) й(ы) - “твой”. См. 3(5).

33(7) с'(э)а - “письмо”. Диалектальное односложное первообразное слово вм. совр. шэка (ашх. абаз.). Ср. здесь 12(1).

34(1) це(ы)н - “переломано было”. Совр. абх. цын. Графема ч(е) передает редуцированное ч(е). Безличная финитная форма неопределенного прош. вр. (формант =н).

34(2) (и)гыз - “зажила когда”. Инфинитная форма неопределенного прош. вр. (формант =з) от глагола (а)гыз(ра) - “заживать”.

34(3) (а)х(у)ра - “рана”. В ашуйском языке масдар, как правило, имел форму первообразного корня. В данном случае х(у). См. 32(3), 32(8).

34(4) р(ы) - “их”, “своих”. См. 6(1), 28(3).

34(5) áба- ’отец’. См. 5(2).

34(6) - 35(1) аура - “деяния”. Редкая для ашуйских текстов форма масдара с формантом -ра. Ср. 32(3), 32(8), 3(3).

35(2) (а)с(ə)ара - “ашуйцы”. Собираательная форма имени (аффикс =ра). В ашуйских текстах встречается редко. Кроме этой см. в текстах табл. Ц 4(2) и спатулы ф. 7(5). В современном абхазском языке аффикс собирательности -ра в отношении людских сообществ употребителен только в сугубой форме чаще для имен собственных, напр. Гэындараа - Гунды’, нарицательных - газраа - “глупцы” (ШАА, 100).

35(3) маха - “рука”. Здесь во мн. ч. без показателя множественности, как это обычно для ашуйских текстов. Слово абазинское.

35(4) к(у)ш - “мудрый”. В данном случае скорее “искусный”. Определение к предшествующему слову.

35(5) - 36(1) - 36(2) (и)гас’(ə)ака а, з’хан - “письмен навырезали их достаточно”. Нынче в такой форме оборот неупотребителен. Абхазы скажут: абыракуа итацказ азхан. В эпиграфическом тексте слово “письмена” - с’(ə)а в его первообразной форме вклинилось внутрь глагольной основы. Слово с’(ə)а уже встречалось. См. 33(7). Образования этого типа отмечены П. К. Усларом. См. У. 114-115. В этой книге сравните также зачин текста спатулы б.

36(3) аха - противительный союз “а”, “но”.

36(4) - 37(1) (и)раке(ы)чəа - “(их) они там сделали слишком много когда”. Инфинитная форма аориста от глагольного корня ɣы, (аɣра) - “делать” (МАСл, 126, а) в которой р(ы) аффикс субъекта в 3 л. мн. ч., ак - обстоятельственная частица “там” (ББД, 180) и чəа модальный суффикс чрезмерности действия в абазинском звучании (абх. =цəа).

37(2) (и)(ды)рдачəа(=идырдыгучəа) - “их увеличили слишком много когда”. Каузатив инфинитной формы аориста от непереходного глагола дыгухара (← даухара) - увеличиваться с модальной частицей чрезмерности действия =чəа. См. выше 37(1). Показатель объекта д- в глаголе не выражен. См. 1(2).

37(3) (а)мах(у) - “ручная доля”. Композита состоящая из двух компонентов: односложного малоупотребительного слова ма - “рука” (ББД, 104-105) и односложного слова ху - “доля”, “часть”. Соответствует совр. абх. анапы аху. В тексте слово маху употреблено в переносном значении: “личная доля”.

37(4) (а)т(ə)ы - “раб”. См. 24(6).

37(5) (и)т(ə)ы - “принадлежащая” (та что принадлежит). Причастие с отношением к композите маху. См. 37(3). Слова “раб” и “принадлежность” в абхазском языке омонимичны.

37(6) (А)мара - «Солнце». Почетное имя царя Пту. См. здесь 11 строку текста.

37(7) -38(1) м(ы)ха - “слабый”, букв. мы - “не” ха - “тянущий”. Определение к собственному имени Амара. См. 37(6). Применительно к рабу, как тягловой силе, слово очень характерно.

38(2) (и)рт - “переправили”. Финитная форма аориста от глагольного корня р- (а)р=(ра) - ”переправляться” (через реку, море). Показатель финитности и времени =т.

38(3) - 38(4) Бал (и)алх(ыу) - “Баала избранник”. Царь Библа, имя которого не названо, букв. «Баалом избранный». Баал - верховное божество финикийян.

38(5) (а)[и]гь(у) - “превосходный”, “лучший”. Определение к Бал (й)алх(ыу).

38(6) (и)з(ы) - “для”. Послелог.

38(7) т(э)(ы)ла - “страна” (абх.). Абазинскому ныне это слово неизвестно.

38(8) -39(1) (д)т(э)ап - “сидит”. Глагол состояния в настоящем времени (формант =п). Корневая основа по звучанию абхазская (абаз. =чIоа). Об отсутствующем показателе класса человека и субъекта см. 1(2).

39(2) (А)сба - фамильное имя. Ныне звучит Ачба.

39(3) Х(у)а - “кривой”. Прозвище к собственному имени (А)еба.

39(4) уа(=уый) - “он”, “этот”. См.3(7).

39(5) Аи - название страны. См. 10(1).

39(6) (д)а́ба йа - “отец сказывают”. Слово а́ба - “отец” дано в сказуемой форме наст. вр. Частица йа, как мне представляется, в обороте речи: уа(=уый) Аи (д)аба йа имеет то синтаксическое значение о котором хорошо сказал А. Н. Генко: «Формы изъявительного наклонения сочетаются в рассказах о прошедших событиях с особой суффиксальной частицей йа, примерно соответствующей русскому «рассказывают, было мол» и по происхождению связанной, по-видимому, с союзом разделительным «или» (в смысле «было ли или не было, за точность не отвечаю»). (Генко 166). Показатель объекта д не выражен. См. 1(2).

39(7) Бту - “Пту”. В тексте п передано через б.

39(8) мла - “голодный”. Определение к собственному имени Пту. См.39(7).

40(1) (а)т(э)ы - ’раб’.См. 24(6).

40(2) байа - “тощий весьма”. Определение к предыдущему слову. Соответствует совр. абх. (а)баа с усилительной частицей цэкъа. См. А, 3(3).

40(3) м(ы)ха - “слабый”. Второе определение к слову (а)т(э)ы - “раб”. Слово м(ы)ха уже встречалось. См. 37(7) -38(1).

40(4) (да)ргІан - “переправили сюда”. Финитная форма прошедшего неопределенного времени (формант =н) с поствербом гІа - “сюда” абазинского звучания (абх. $\widehat{аа}$). Глагол уже встречался. См. 38(2). Показатель объекта и класса человека -д- отсутствует. См.1 (2).

40(5) Лах(ь)а. Название ашуйского поселения в Финикии, в районе Библа. В тексте таблички Лх. Предполагаю, что раскрыть это название следует идентичным названию селения Лахья (совр. Лыхны) Гудаутсткой общины, разгромленной Азю(а)бой. Вероятно, если не большинство, то, во всяком случае первая партия проданных в рабство в Финикию, плененных Азю(а)бой жителей Лахья, составили лыхцы (=лхаа).

40(6) - 41(1) кн(ы) - “в”. См. 3(3).

41(2) Аин(ы) - название страны. См. 10(1).

41(3) (а)с' - “клянусь”, букв. “бью!” Аин(ы) (а)с' - “Аи землей клянусь”, букв. “(о) Аи землю бью!” Ашуйцы клялись землей точно также, как клялись землей их потомки колхи.

Перевод эпиграфического текста табл. Д на абхазский язык.

Клыч деихабны дыкан, аґаґаеа маґымкуа има (2) Ланы дахатәан. Дара бналаны икан. Кба (3) асы, Ажа акны дрылаланы утәыла уи излархәо ала (4) аамта кьасла дахыст. Уа Ар (=Ароґа) ибеит (Латәылан - ихатә тәылан (5) ибахьазма) - абаґаеа роыра ахакуа? Ашәы итала абаґаеа роыра ахакуа (6) амшаґ аены Ла акны ацара изатәрангы (7) Пту ах ипату ибан диламлеит. Уара у=Пту (8) ах Ланы акны ацара изатәыр, абаґаеа ргу иахуауан. (9) Ланы асы уи Пту ах ипату ианазха, Ланы акны (10) Аитә ах ибеит. Аґа ацарауаю ду диз(11)арц итахын. Уи Ашәтәыла дамраны дыкоуп. (12) Шәку ама утәыла ыкоуп. Хтәыла абри шамазгы аґаґаеа ашәку (13) рзахьан. Ари дасны хтәыласы, Ашәтәыла (14) Амра=Анґаеа ирәаиклоит иуаа раґаґаеа ишрыл(15)цатәу аґа хахәкуа рыма, аха иацым (уи) абаґаеа рзыхәа. Пту (16) ах Танап изатәым (димзатәит) Азоаба Бытә (17) иґзаны дцеит, дук мчыкуа гбаду талеит Ланы (18) ацны. Ла залалартаґы ах дишьырц Тана(19)ц лзы аґа мацуоы игу иґан. Аи ах ицны аґаґаеа анимап (20) уи атәыла иазхаум (иазырхалауам). Дицыла Ланы акны (21) ах ишка уа дныкуа дижьарц, аґа ихы хиґоарц. (22) Пту ах ихатәы гба цхьака ианжәыла Ашәырдоны (23) ианааныркыл дткуан жьарада уытәылан. (24) Уи халам. Ланытә атәы ари ибеит. Иха (25) рхаґаз атәы Анаца уи дыттин. Идирбеит аху Кбаґы. Аху бзиан. Утәыла атәы=ах (27) асауп дшыхцәаз. Пту ах ихатәы гба цхьа (28) иацаны, уи рабаґаеа ртәыла ахь иааца, уи дызла(29)налалари? Абаґаеа

ртэыла ахь хахуадэы асы аҭацэа млашьуа (30) ейзеит, уабы дыкам. Гба ду дыталаны Пту (31) ижъароуп, дрывсны ахадацэа. Р=Кба акны ирхэоит (32) Азоаба идура (ипату) ызит. Абыражэы, иҭала ажра ирцэахит (33) Лых (Лыхны) Гудоу ацутаэы иржит ацэа иазоу илахэа. Уи ашэккуа (34) цсын. Иҭаз ахура, рабацэа ау(35)ра, ашэуаа рнапы куш ала абыракуа иҭа (36) цказ иазхан, аха ианырыкцэа (37) иандырдуцэа, анапы ахута атэы иитэ-ыз Амра ап(38)сыҭ, ирыргеит Баал иалхыу еигу изы. Утэыла дтэа (39)уп Ачба Хуа. Уи Аины дабуп рхэоит. Пту млашьы, (40) атэы абаа цэкья, ацсые диаргеит Лыхка. (41) Аины аны!

Перевод абхазского текста на русский язык.

Клыч был старейшиной. Имея немало врагов, он сидел над (областью) Ла. Его враги, скрываясь, внутри леса находились. В Кба, в Ажу к ним продвигаясь, он по слухам твой край прошел за короткое время. То, что он увидел в (области) Ла, в Ар (Арюта), в своей стране видел ли? Отцов (предков) писанные столбы. В Ашюк спустившись (с гор) отцов (предков) писанным столбам, в амшап, в Ла, он учености жертву и посвятил хотя, но увидев авторитет царя Пту, с ним в союз не вступил. Твой царь Пту, в Ла, учености жертву если посвящал, отцам это нравилось. Что в земле Ла авторитет царя Пту возрос, в Ла Аи владетель (старейшина) увидел. Этого великого ученого соплеменника враг похитить решил. Он Ашуйской страны ее солнце есть. Письмо имея твой край существует. В нашей земле оно тоже имелось хотя, враг письмо давно расхитил. Когда (он) (враг) это делал в нашей земле, Ашуйской страны Солнце=бог настойчиво напоминал своим людям как им врага выгнать (только) береговые камни имея хотя такое, мол, и не было в обычае отцов (предков). Царь Пту в праздник Таны священной жертвы когда не принес, (некто) Адзюба Бут из (своего) селения скрытно исчезнув, вскоре корабль большой спустил (на воду) около реки Ла. Он имел цель убить в узком устье реки Ла царя Пту, этот враг услужливый за то, что Пту не принес жертвы в праздник Таны. Около владетеля врагов если не имеется, пределы его страны непрерывно не увеличиваются. Продвигаясь в Ла, навстречу царю (Пту), он клялся там его обмануть, голову его имел намерение снять враг. Царь Пту свой корабль вперед из ущелья вырвал когда, около Ашу поляны остановился когда, был пленен без обмана в твоём крае. Мы к тому не причастны, раб из Ла это видел. Прибыльного раба враг в Анапе продал. Показал цену в Кба, цена хороша была. Твоего края раба=царя таким образом (в Библи) переселили. Царь Пту свой корабль вперед направив, к земле своих отцов подошел ког-

да, как ему туда войти? Около земли отцов, на нашей горной поляне, враг голодный собрался, а народа нет. В корабль большой спустившись, Пту врагов обмануть нужно, пройти мимо главарей. Говорят, что в Кба Адзю-аба уважение потерял. Древние письмена, спустивши в ров, укрыли (от врага) в Лых, в гудау(т)ском селении, зарывши в сырой шкуре. Твое письмо было переломано. Когда рана зажила, возобновив своих отцов (предков) деяния, ашуйцы руками искусными письмен навыврезали достаточно, а когда их сделали слишком много, когда их увеличилось слишком много, личную долю, принадлежащую слабому рабу Амра переправили (в Библ) превосходному избраннику Баала. В (твоей) стране сидит (теперь) Ачба Кривой. Сказывают, что он Аи отец. Пту же раба голодного, весьма тощего, слабого переправили сюда в Лых. Айей клянусь!

Табл. III. Бронзовая спатула б из Библа.

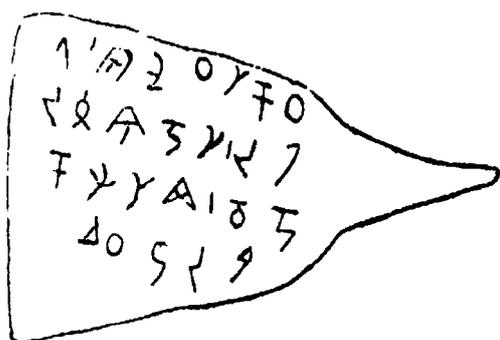

Рис. 2. Прорисовка текста (аверс)

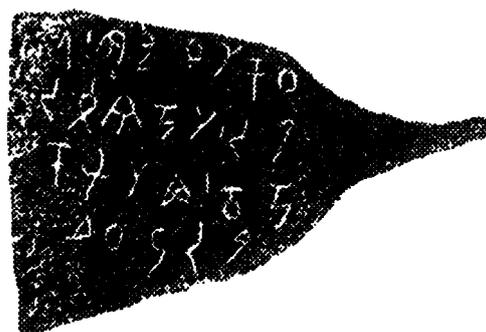

рис. 1. фотография текста (аверс)

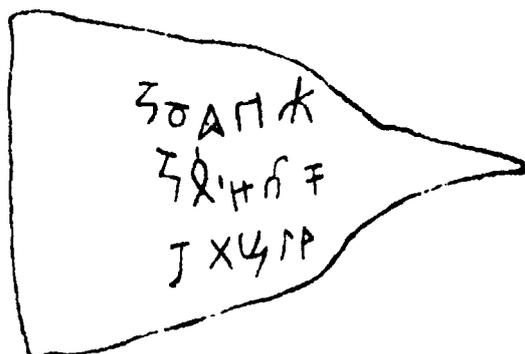

Рис. 4. Прорисовка текста (реверс)

Рис. 3. Фотография текста (реверс)

Очерк 3
Бронзовая спатула б из Библа. (XIX в. до н. э.)

Текст спатулы содержит построенное в форме заклятия обращение жреца к соплеменникам о выделении богине воды (воде=матери) двух долей священной жертвы, чтобы обеспечить жертвоприношением захват и уничтожение на море корабля, преследуемых трамовцев, тех, что похитили в Ашуе и продали в рабство в Библ ашуйского царя Пту.

Спатула найдена и опубликована в числе прочих письменных памятников Библа проф. М. Дюнаном. (DBGGr. pp 73-74, pl. XIII, 1, fig. 27, p. 74). Датируется им применительно к истории древнего Египта XIX в. до н. э. Материал - бронза, частично изъеденная окислом. Размер спатулы: длина 9 см, ширина 4,3 см, толщина пластины не указана. Надпись расположена на обеих сторонах спатулы. Текст состоит из 7 строк и содержит 40 силлабов, 2 числовых знака и 4 слово-фразоразделителя в виде коротких вертикальных черточек. Всего 46 знаков. На аверсе спатулы 4 строки, содержащих 23 силлаба, 2 числовых знака и 3 слово-фразоразделителя; на реверсе - 3 строки текста, содержащих 17 силлабов и 1 фразоразделитель. Надпись читается слева направо. Первый силлаб 5 строки и третий силлаб 7 строки текста представлены со следующими за ними силлабами в лигатурах: 1) г+б₁ а, 2) б₁(ы) + л₁(ы).

Фотографию и штриховой рисунок спатулы с текстом оригинального письма см. в табл. III рис. 1-4. Замечания к некоторым силлабам даны в комментарии к тексту.

Дешифровка библских текстов как ашуйских была мной лично начата с конца первой и начала второй строк этого памятника (См. ТППЯ, стр. 115).

Спатула б.
Аверс

1. с' з њ₁ с' з₁ ан̂ 1 1
(и)с'(э) зат(э)с'а з(ы)ан 1(+)
Вы жертвовыделите воде=матери 1(+)
2. 1 х̂ њ₁ р ам̂ м₁ х̂
1 х̂(у) трам (р)м(ы)х̂-
1 доли трам(овцев) захватить
3. рз'1 п њ₁ ш~ з
раз(ы). Птушь(ы) (и)з(ы)
чтобы. Пту светлого ради

4. р₁ х л₁ с' г₁
р=ха=ла (ды)с'(ы) (а)га
их главаря=собаку убивши, вражий

Реверс

5. г б₁ ў й з' р
гба уа(=уый) (и)пп(ы)з'а, (и)(ды)р(ы)-
корабль тот искрошив совсем, (его) им заставить
6. з т₂ п₂ | м₁ р
з(ы)т(э)ап (А)мра
исчезнуть надо. Солнце
7. р₁ л₁ б₁ ї џ {т}
р(ы)ла б(ы)л(ы)г[ац(э)а{т}
их глаза выжжет пусть совсем!

Комментарии к тексту спатулы б.

1(1) (и)с'(э)зат(э)с'а - “то вы жертвовыделите!” Повелительное наклонение в форме 2 л. мн. ч. На употребление абхазами сложных глаголов, в которые включается имя, указывал в свое время П. Услар (У. 114-115). Интерпретируемый глагол состоит из местоимения 2 л. мн. ч. с'э - “вы” (лит. абх. шэ), имени зат(э) - “священная жертва” и глагольного корня с'а - “делить (на части)” (лит. абх. ша). До сознания современного абхаза эпиграфическая форма доходит не сразу. В этом случае говорят: шэара затэс. “Вы жертвой то вы выделите!” где слово затэ употреблено в фактитиве (аффикс =с).

1(2) з(ы)ан - “воде=матери”. Сложное слово, образованное по принципу соположения корней: з(ы) - “вода” + ан - “мать”. Эпиграфическое слово вода=мать соответствует, как мне представляется, более позднему названию богини воды зызлан, букв. “воды её мать” с редупликацией корня зы - “вода”. За этим словом текста следует фразоразделительный знак. Употребление этого знака в тексте спатулы непоследовательно.

1(3). цифра 1. В ашуйских надписях Библа и Ашуи - Абхазии форма единицы однообразна.

2(1). Та же цифра, что и в предыдущей строке. Образует в совокупности с предшествующей число 2.

2(2). х(у) - “доля”, “часть”. После этого слова стоит фразоразделительный знак.

2(3). **Трам** - название племени. В источниках XIX в. н. э. именем **Трам**, **Там** обозначалось одно из абазинских племен. В данном случае важно насколько далеко по времени заходит это название, а еще важно потому, что из данного текста становится ясным, что похитивший царя Пту некий **Азюоба** (**Адзюоба**) принадлежал к племени трамовцев.

2(4) - 3(1) **(р)м(ы)храз'(ы)** - "(их) захватить чтобы". Условно-целевое наклонение с аффиксом =раз'(ы) от глагольной основы м(ы)х - "захватить". Показатель объекта р отсутствует. После данного слова в тексте спатулы стоит фразоразделительный знак.

3(2). **Пту** - личное имя ашуйского царя, захваченного и проданного в рабство в Библ неким **Азюобой**. См. выше 2(3) и текст табл. Д.

3(3). =шь(ы). Эпитет к имени Пту. Соответствует первообразному корню ш(ы) || шь(ы) - "белый", "светлый". Другими эпитетами Пту были имена: **Мараны** - "Солнце=бог" и **Амра** - "Солнце". См. табл. Д. 14 (2-3), 37 (6). Корень шь(ы) известен в композитах типа абаз. шьыма - "утро", букв. шьы (←шьа) - "рассвета", мта - (абх. (а)амта) - "время" и др.

3(4). (и)з(ы) в м. (и)з(ы) - послелог со значением цели: "из-за", "ради", обычно - "для". В тексте спатулы спирант з аффрикатизован в з также, как это наблюдается в бзыбском диалекте абхазского языка (ББД, 110). В языке спатулы явление аффрикации сосуществует с другими - спирантизацией аффрикаты, которое мной отмечено ниже в 5(3) и которое, опять таки, свойственно бзыбскому диалекту (ББД, 111).

4(1). р=ха=ла - "их главарь=собака". Поссесивное словосочетание, в котором последний компонент =ла по отношению к ему предшествующему ха= является в синтаксическом плане приложением. Р= притяжательное местоимение 3 л. мн. ч. - "их".

4(2). (ды)с'(ы) - деепричастие чистой основы от глагола (а)с'(ра) - "убивать" (абх. лит. (а)шь(ра)). Показатель объекта д(ы) отсутствует. См. табл. Д. 1(2).

4(3). (а)га - "враг". По отношению к слову 5(1) относительное определение "вражий".

5(1). гба - корабль. В тексте спатулы слово выражено лигатурой, состоящей из силлабов г + б₁а (←гы+ б₁а).

5(2). ўа(=уый) - "тот". См. табл. Д.3(7).

5(3). (и)пп(ы)з'а в м. (и)пп(ы)з'а - "искрошив совсем". Соответствует совр. абх. деепричастию от глагола а=пп=ра - "рассыпаться, раскрошиться" с модальным аффиксом за (ср. диал. бзыб. з'а), обозначающим интенсивность, чрезмерность действия. Срав. совр. абх. анышә ппуеит - "почва рассыпается". Глагол в отношении к кораблю в современном языке неупотребителен. Интересно отметить, что в тексте аффикс з'а спирантизирован

из з'а. Аналогичный факт спирантизации отмечен мной в тексте спатулы е 2(1) в слове мап(ы)з'а вм. мап(ы)з'а. В данном случае интересно также отметить, что современное редуцированное пи в графике спатулы передано одним силлабом, абруптивным й.

5(4) -6(1) (и)(ды)р(ы)з(ы)т(э)ап - "его им заставить исчезнуть надо". Казуативный глагол финитой формы 1-го будущего времени (формант =п) с модальным аффиксом необходимости действия =тэа. В отношении заключенного в квадратные скобки показателя класса человека д= см табл. Д.1(2). После этого слова в тексте стоит фразоразделительный знак.

6(2) (а)мра - солнце.

7(1) р(ы)ла - "их глаза".

7(2) б(ы)л(ы)гIа ц(э)а {т} - "выжжет пусть совсем!" Архаическая форма уступительного наклонения от глагола (а)был(ра) - "жечь", "выжечь" с суффиксом гIа (совр. абх. $\widehat{aa}$ =, абаз. =ргIа) и модальным, очень редким теперь аффиксом цэа (абаз. - чIэа), характеризующим интенсивность и окончательность действия - "совсем", "вовсе". Аффикс т не выписан. См. комментарий к табл. Д 14(4). В современном абхазском скажут: итнаблаацкьяаит. Силлабы б, л₁ в слове даны в тексте спатулы в лигатуре.

Перевод эпиграфического текста спатулы б на абхазский язык.

(1) Шэара затэс ишэша зызлан лзы(2) 2 хук трамаа рмыш||(рных) (3)разы. Пту=алашабы изы (4) р=хы=ла дышьны ац'а (5) ицба уи ипыхзаны идыр- (6)зытэап. Амра (7) рыла (и)тнаблаацкьяаит.

Табл. IV. Стела А из Библа.

Рис. 1 Фотография текста стелы

Табл. IV. Стела А из Биля (продолжение)

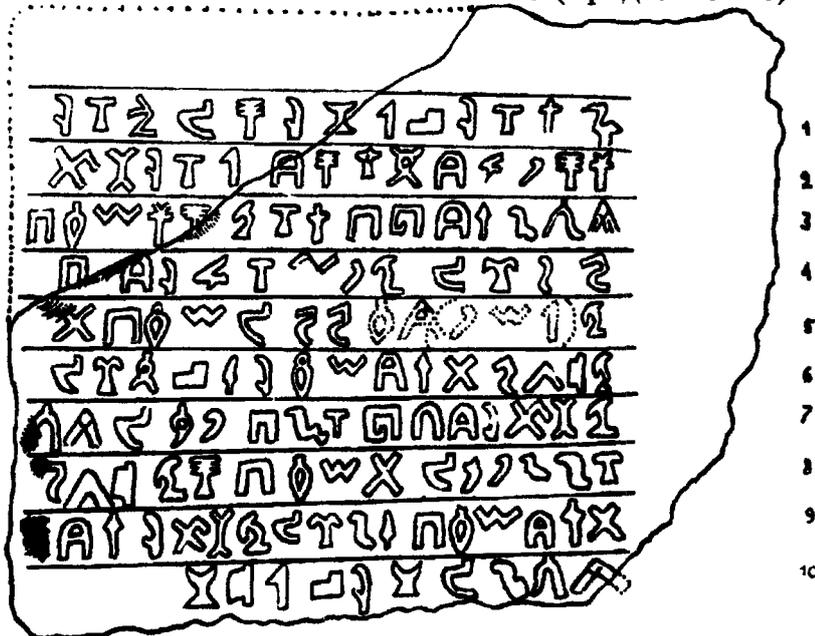

Рис. 2 Прорисовка текста стелы (с восстановлением отбитой части)

Перевод абхазского текста
на русский язык.

Вы для жертвы выделите богине воды две доли, трамовцев захватить чтобы. Пту=светоча ради их главара=собаку убив, вражий корабль тот искрошив совсем, его им заставить исчезнуть надо. Солнце их глаза выжжет пусть совсем!

Очерк 4. Стела А из Библа (XIX в. до н. э.).

Текст стелы представляет собой письмо проданного в рабство в Библ ашуйского царя Пту его брату, что царствовал в Ашуе в общине Аква. Письмо высечено на стеле по повелению Пту каменщиком Багом. Царь=раб Пту просит водрузить стелу на его родине в селении Лахья (Лыхны) в общине Гудау как образец письмен, которых лишил Гудау его враг Азюаба. (См. текст бронзовой таблички Д). Стела по размерам невелика, поэтому царь=раб Пту надеялся переправить ее из Библа на родину, но не сделал этого, по-видимому, потому, что получил известие, что брат его убит. См. спатулу ф.

Стела найдена М. Дюнаном при раскопках Библа в 1929 г. опубликована им дважды (первый раз в «Syria», t. XI, fasc. 1, 1930, pp. 1-10; второй: - DBGr., pp. 71-73, pl. VIII, fig. 26, p. 72). Как показывает содержание текста в моем чтении, стела относится к тому же времени, что и бронзовая табличка Ц, т. е. к XIX в. до н. э., но написана, как можно думать, несколько раньше, чем табл. Д. Материал стелы - белый известняк. Размер: длина 67 см, высота 50 см, толщина в среднем 20 см. фотография в табл IV, рис. 1, штриховой рисунок к табл IV, рис. 2. Содержание утраченной части текста стелы А подсказано бронзовыми табличками Д и Ц. Отсутствующий текст предложен мной в том вероятном количестве силлабов, которые соразмерно могли уложиться на отбитой части камня. Это же относится к трем силлабам внутри текста стелы в пятой строке. В полном восстановленном виде прорисовку текста см. в табл. IV, рис. 2. Текст стелы содержал, как можно полагать 138 силлабов. На отбитой части, по моим расчетам, было не более 18 силлабов. В целой части совершенно стерты в пятой строке 3 силлаба. Они помечены в табл. IV, рис. 2 пунктиром. Остальные 117 силлабов, даже если они повреждены, хорошо читаются на великолепной прорисовке текста, сделанной М. Дюнаном. В тексте 10 строк. Из последней 10 неполной строки видно, что текст следует читать справа налево. При транскрибировании текста утраченные части заключены в квадратные скобки.

Стела А была первым из письменных памятников, обнаруженных проф. М. Дюнаном при его раскопках Библа в 1929 г. Изучая графическую сторону вновь найденного, доселе неизвестного письма М. Дюнан назвал его библским псевдоиероглифическим. Эту терминологию принял дешифровщик библского письма проф. Э. Дорм (Syria, t. XXV, № 1-2). Австрийский семитолог проф. А. Ирку нашел терминологию не особенно удачной и предложил именовать вновь найденное письмо гублским по древнему восточному названию города Библа - Губл, т. е. также как по названию места находки в г. Угарите неизвестное клинописное письмо было названо угаритским. (FF, Jg., 26, 1950, Heft 7/8, S. 92). Ныне по изложенным в книге мотивам псевдоиероглифическое библское письмо именуется мной ашуйским.

Стела А.

1. х т ѳ б₁ г~ р [а₁ б₂ с х̄ з ѳ б₂]

(А)ха таѳ(ы) аб(ы) агъар [а₁(у)п с(ы)х̄(у) (ра) (А)зѳ(а)ба]

Камень писанный этот заживить должен мою рану. Азюаба

2. ш с л₁ х₁ й ч° о с й [р₁ о б₁ ш₁ к]
(и)шс(ы)л(и)х₁ й(ы)чэ, оасй(ы) [р(и) {т} аб(ы) шэ(а)к(у)а]
как (=когда) мне (он) сделал свое зло на север меня он [побудил написать это письмо]

3. П̃ т̃ х̃ т̃₃ й к т у [с ш г д у́]

Птуха = т(э)ы йа (А)кúата (и)о(з) ўа саш(ь)а: Г(у)дау́

Пту царь=рабом именно Акуата (в) писано тебе [мой брат: Гудау]

4. н х л х̃ ў л₁ з₁ [у]о х̃₁ б₁ й [у́]

н(ы) х(э)а Лах̃(ь)а ўа л(ы)з(ы) [ў̃]о(ы)х̃(у) аб(ы)йа [уа]

земли для Лых (в) ты нее для [ты] написанное опять это [там]

5. ў̃ [р₁ г л₁] й д н н х г д ў̃ г̃

уа [(и)рг(ы)ла] йа ад(э)ан(ы) (и)нха Г(у)дау́гIа

-ты [(его) поставь] непременно дворе (поляне) на, (его) оставь Гудау (об-
щине) в -

6. ў̃ ц̃ ў̃ н̃ г̃ т̃₃ й г д б₁ н₃ г̃~ м₁ л х

уцу анагIат(э)йа. Г(у)да(у) (и)бан (и)агь(у) (а)ма Лах(ь)а

твой род оттуда именно. Гудау(в) он (враг) увидел лучшее имелось что Лых (в) -

7. ў̃ ш̃ к̃ б₁ й г̃ к̃ о х у л₁ м₁ х̃ п̃ т̃

ўш(э)ак(у)а. Аб(ы)йа (а)га, (а)к(у)ао(ы) (р)ха, ўа(=уый) лам(и)х̃(й){т} Пту
твое письмо. Этот враг, (о) аквинских людей царь, он ее (его) лишил. Пту

8. о х х л₁ л₁ х̃ г̃ г̃ д у с ў̃ ц̃ ў̃ н̃

(и)о(з), х(э)а, (и)ахалалх(ы)гIа(й){т} Г(у)дау́. С(ы)у́(ы)цу ан-

Написанное, так сказать, (на)пользу станет пусть Гудау. Мой (и) твой
род от -

9. г̃ т̃₃ й г̃ д̃ у́ н₂ х л х̃ у ш̃⁰ к̃ б₁ т̃₃ й

агIат(э)йа. Г(у)даун(ы) х(э)а лах̃(ь)а ушэ(а)к(у)а аб(а) (а)т(э)ы йа

туда именно. Гудау земли для лыхским твоим письмом здешний действитель-
но раб

10. п̃ т̃ х̃ х̃ а₁ б₁ г̃~ р ц а₁

Птуха (и)х̃а Багь (и)рц(э) (й) {т} а₁

Пту царь сам Багу повелел вытесать это.

Комментарии к тексту стелы А.

1(1) (а)ха - “камень”. В этой форме ныне встречается только в слож-
ных словах типа: ахаша - “известняк”, букв. «камень белый»; ахаоа - “ка-
мень сухой” (так называются голые каменистые места в горах); ахацха -
“Каменный мост”. (Топоним на р. Бзыбь. В этом месте противоположные
скалистые берега реки сходятся между собой настолько близко, что со-

здается возможность соорудить наскоро временный мост — настил для перегона скота и перехода людей.). Употребление слова **аха** - “камень” в композитах этими примерами не исчерпывается.

1(2) **тао(ы)** - “писанный”, букв. “вписанный”. Определительное дополнение к предыдущему слову, образованное от глагольного корня **оы** - “писать” и преверба **та** - “внутри (чего либо)”. Ср. совр. **ахаргыла** - “камень поставленный”.

1(3) **аб(ы)** - “этот”. Указательное местоимение ближайшей ориентации. См. 4(6). Здесь и далее старая форма, «прародительница» диалектальной бзыбской **абй** (ББД, 148), вместо привычной **абри**. Х. С. Бгажба едва ли прав, когда полагает, что форма **аби** вторичная т. е. более поздняя чем **абри**.

1(4) **агьар** [a₁(y)п] - “заживить должен”. Каузативная форма будущего категорического времени (совр. **аргьароуп**). Предполагать на отбитой части стелы именно эту, а не иную грамматическую форму слова, обязывает оставшаяся деталь силлаба **a₁** в виде «чаши». См. табл. силлабов № 1. Передача мной в транскрипции в этом слове аффикса финитности **п** через **b₂** основана на графической аналогии. Ср. в табл. Ц. 1(8).

1(5) **[с(ы)]** - “моя”. Местоименный притяжательный аффикс 1 л. ед. ч. См. его в 8(5).

1(6) **[х(у)(ра)]** - “рана”, в публикуемых мною ашуйских текстах масдаральная форма с аффиксом **ра** редка. Реконструируемая форма **ху(ра)** означает собственно «ранение».

1(7) **(А)зо(а)ба** фамильное имя. Предложено мной в этой форме исходя из текста табл. Д. 16(4), 32(2).

2(1) **(и)шс(ы)л(и)х₁** - “как (=когда) мне он сделал”. Инфинитная форма аориста с обстоятельственной частицей образа действия **ш**= ‘как’, “когда”. **С(ы)** местоименный показатель объекта 1 л. ед. ч.; **л(и)х₁** - основа глагола. Силлаб основы, обозначенный в транскрипции через **х₁** см. табл. силлабов № 76) встречается в этом тексте дважды кроме этого слова в 4(5). Употреблен он однажды и в надписи на реверсе спатулы Асдрубала. См. в ней 2(1). Отражает звук **х₁** особую фонему или это только явление графической диалектальности письма, ответить утвердительно пока что невозможно.

2(2) **й(ы)** - “свое”. Местоименный притяжательный аффикс 3 л. ед. ч. класса мужчин. Употребляется в значениях “его” и “свой”. Силлаб обозначенный в транскрипции через **й** первоначально звучал как подсказывают многочисленные факты **йа**, с редукцией **йы** (→ **йи** → **и**).

2(3) **чэ** - “зло”. Ныне неупотребительное односложное слово абазинского звучания. Первичный моносиллабизм вытекает из сопоставления

ряда слово-форм абазинского, абхазского и убыхского языков. Ср. абаз. айчаа, абх. ейцэоуп - “хуже”; убых. цэбы - “зло” (Vogt, 101, 355) при абаз. чэгъа, абх. цэгъа - “зло”. На первичный моносиллабизм корня в абхазском указывал в свое время П. Чарая, (Чарая, 47, 122).

2(4) **аасй(ы)[ро(и){т}]** - “на север меня он [побудил написать]”. Каузатив финитной формы аориста. Сохранившаяся часть фразы и дальнейшее содержание фразы на стеле, располагает именно к такому лексико=грамматическому значению ущербленного слева надписи. В современном языке в этом случае скажут: **а=аада исироит** т. е. глагольный преверб направления выразят самостоятельным словом **а=аада** - “север”. Остальное все останется в прежней норме. Употребление преверба **аа** детерминировано: Абхазия по отношению к Библи находилась на севере. В отношении заключенного в фигурные скобки форманта т см. в комментарии к табл. Д 14(4).

2(5) **[а(бы)]**. См. 1(3), 4(6).

2(6) **[шэ(а)к(у)а]**. См. 7(2).

3(1) **Пту** - “Пту”. Имя собственное. См. табл. Д. 7(1).

3(2) **ха=т(э)ы** - “царь=раб”. С обратной постановкой слагаемых “раб=царь” слово уже встречалось в табл. Д. 26(7).

3(3) **йа** - частица, соответствующая совр. абх. частице «цэкъа с её разными значениями: “именно”, “только”, “же”, “действительно”, “даже”, “как раз” и др. Эпиграфическая усилительная частица йа (с редукцией йы→и) в живой речи потеряла свое значение, но сохранила его, например, в аффиксе =и категорической формы повелительного наклонения со значениями: “непременно”, “обязательно” и т.п. См. здесь 5(2). В ашуйских текстах Библи частицу йа следует признать старым вкладом абазинской речи: йа это древняя йара (АбСл 231, а II, 2).

3(4) **(А)куата** - синоним наименования общины **Акуа**. В этой общине находилось одноименное ей поселение **Акуа (Акуакыта)**. См. табл. Ц, строки 4-6. Несамостоятельное слово =та в составе сложного **(А)куата**, вероятно, во времена исполнения стелы было полнозначным. Ср. абазинское проклятие: **ута уазымцахт** - “чтоб ты не вернулся в свой дом” (букв. “твое место”).

3(5) **(и)о(з)**-“писано”. Причастие от глагольного корня **о(ы)** - “писать”. В тексте явно старая форма без конечного (з), вставленного мной в текст условно.

3(6) **йа** - “тебе”. Более старая, так наз. краткая, форма личного местоимения 2 л. ед. ч. класса мужчин. Ныне употребляется чаще полная форма: **йара**.

3(7) **[с]** - “мой”. Местоименный притяжательный аффикс 1 л. ед. ч.

3(8) [аш(ь)а] - “брат”. Предложено мной исходя из содержания текста табл. Ц, строки 13-14. На отбитом куске стелы, кроме силлабов с-, аш(ь)а является возможным выписать еще 3 силлаба. Они образовывали следующее девятое слово 3 строки текста.

3(9) [Г(у)дау] - “Гудау”. Название общины. Слово подсказано 9(2) надписи. Здесь как и в 9(2) является определением к следующему слову - н(ы). Объяснено в комментарии к табл. Д. 33(2). Название Гудау в тексте стелы встречается в двух записях: Г(у)дау и Г(у)да (у). См. ниже 5(6), 6(4), 8(4) и 9(2).

4(1) н(ы) - “земля”, “страна”. См. комментарий к табл. Д. 4(7). В тексте стелы топоним Г(у)даун(ы) означает “землю” (ны) “общины” Гудау. Язык удивительно живуч. По этому же типу образовано современное название Бзыцын (←Бзыцыны) - “Бзыбская земля”, как именуют Гудаутский район бзыбцы, абхазы говорящие на бзыбском диалекте и составляющие основную массу населения этого района (ББД, 20).

4(2) х(э)а - “для”. Послелог ныне употребляемый весьма редко. В научной литературе отмечен в МАСл, 146, б. Подтвержден в РАСл, 17. В ББД, 152 засвидетельствован только в составе сложного (сугубого) послелога аз'ыхэа||аз'ахэа - “для”, явно представляющего собой соединение одинаковых по значению послелогов аз'ы || аз'а и хэа. Х. С. Бражба считает второй послелог частицей.

4(3) Лах(ь)а - название места, входящего в общину Гудау. Соответствует совр. Лыхны. Объяснено в комментарии к тексту Д. 33(1).

4(4) ъа. См. 3(6).

4(5) (и)л(ы)з(ы)[ў]ф(ы)х₁(у) - “(то) нее для [ты] написанное опять”. Причастие от основы глагола фы - “писать” с итеративным суффиксом - х. Аффикс 2 л. ед. ч. класса мужчин ў пропущен вследствие звуковой ассимиляции (поглощения) его последующим звуком ф. Из значения глагола следует, что какой-то писанный камень, вероятно аналогичный данному, некогда существовал в Лыхны, но был уничтожен, повидимому, Азюабой и теперь должен быть поставлен снова. В тексте весьма любопытен тот факт, что обращение к общине Гудау в глаголе фиксируется с показателем класса женщин л(ы). См. тоже в 7(9). Впервые с этим фактом я встретился в табл. Д. См. в комментарии к ней 11(4).

4(6) аб(ы)йа - “это”. Обращает на себя внимание употребление в тексте так наз. распространенной формы указательного местоимения, образуемой прибавлением к простой форме личного местоимения 3 л. ед. ч. йа. (см. Генко, 103, ср. 1(3)).

4(7) [уа] - “там”. Наречие может быть выписано и в форме ана - “там”. Мой выбор произволен.

5(1) **ѣа**. См. 3(6).

5(2) **[(и)рг(ы)ла]ѣа** - [“(его) поставь] непременно”. Повелительное наклонение от глагольной основы **г(ы)ла**, в которой каузативный аффикс **р=** в ту пору едва ли был окаменевшим. В надписи на выщербленном месте умещаются 3 силлаба. По смыслу надписи здесь вероятно был этот глагол. До сих пор существует композита **(а)харгыла** - “поставленный камень”. Сохранившаяся в исходе предполагаемого глагола частица **=ѣа** (=совр. **=и**) придает императиву категоричность. См. 3(3).

5(3) **(а)дѣа** - “двор”, “поляна”. Мной проставлена бзыбская форма слова. Если принять слово в значении “двор”, то начинаешь думать, что приводимое в 6(2) и 8(7) данного текста слово **цу** могло иметь значение не только “род”, но и “родовой дом”. Это значение поддерживает убыкский язык. См. 6(2). Если же слово **(а)дѣа** принять в значении “поляна”, то напрашивается мысль - не имеется ли в тексте в виду Лыхнинская поляна перед христианским храмом XI в., что был построен, как утверждают старики, хранители устной истории, на месте древнего языческого святилища (**Лыхныхэ**). Эта поляна являлась, и является, местом всех общественных собраний и игр, посвящаемых знаменательным событиям.

5(4) **=н(ы)** - послелег с локативным значением “на”, “в”, “во”.

5(5) **(и)нха** - оставь! Повелительное наклонение. Ср. глагол **(а)нха(ра)** - “остаться”, “поселиться”.

5(6) **Г(у)дау**. См. 3(9).

5(7) **гIа** - послелег данного локального значения до сих пор существует в убыкском языке. (Vogt, 224, 2379).

6(1) **у** - “твой”. Местоименный притяжательный аффикс 2 л. ед. ч.

6(2) **цу** - “род” (м. б. “родовой дом”). Слово в этом значении ныне не существует, но известно в абхазском как **(а)цу**, **(а)цута** - “поселок”, который в прошлом, как полагают этнографы, означал “родовое поселение” (Инал=Ипа. ОБС, 188; Аджинджал, 15). Сопоставимо с убыкским корнем **цэы** - “дом” (Vogt, 102, 367; 100, 321). См. 5(3).

6(3) **анагIат(э)ѣа** - “оттуда именно”. В этой форме и звучании ныне неупотребительно. Слово состоит из наречия **анагIа** - “там” (ср. абаз. **анаѣа** - “там”), послелега **=тэ** - “из”, “от” и усилительной частицы **ѣа** - “именно”. Букв. **анагIат(э)ѣа** означает “из тама именно”. Об эпиграфической усилительной частицы **ѣа** см. 3(3). Следует обратить внимание на то, что слово **анагIат(э)ѣа** представляющее именное сказуемое, выступает здесь и в 8(8)-9(1) без связки, как это принято ныне в абхазском и абазинском языках. Впервые с отсутствием в ашуйском языке глагола-связки мы встретились в силлабо-пиктограмме Майкопского кургана.

- 6(4) Г(у)да(у). См. 3(9).
- 6(5) (и)бан - “он увидел”. См. комментарий к табл. Д. 4(4).
- 6(6) (и)агь(у) - “лучшее”. Субстантивированное прилагательное в форме сравнительной степени.
- 6(7) (а)ма - “имелось что”. Инфинитная форма аориста от глагола (а)ма(ра) - “иметь”.
- 6(8) лах(ь)а. См. комментарий к табл. Д. 33(1).
- 7(1) ў- “твое”. См. 6(1).
- 7(2) шэ(а)к(у)а - “письмо”, “письмена”. См. комментарий к тексту табл. Д. 12(1). Здесь с семантическим расхождением во втором компоненте композиты. Второй компонент данного слова - куа, представляет собой глагольную основу в значении “делать насечку” (на камне или металле). Ср. совр. абх. а=куа=ра - “насекать жернова”, “отбивать косу”. Иначе говоря, второй компонент слова указывал на технический способ воспроизведения письма. Ср. табл. Д. строки 33-36.
- 7(3) аб(ы)йа. См. 4(6).
- 7(4) (а)га - “враг”. По смыслу текста разумеется противник царя Пту, некий Азюаба, имя которого указано в табл. Д. 16(4) и восстановлено мной в тексте данной стелы в 1(7).
- 7(5) (а)к(у)а - “аквинский”. См. 3(4). Относительное определение к следующему слову.
- 7(6) ѿ(ы) - “люди”. Абхазская форма, закономерно отвечающая форме гӀѿ(ы) - “люди”. См. комментарий к табл. Д. 14(6).
- 7(7) (р)ха - “(их) царь”. Ср. комментарий к табл. Д. 8(6).
- 7(8) ўа(=уый) - “он”. См. комментарий к табл. Д. 3(7).
- 7(9) лам(и)х(и){т} - “её его (т. е. письма) лишил”. Финитная форма аориста от глагольной основы мх̣ (а=мх̣=ра) - “отобрать”, “отнимать”, “лишать”, в которой, как можно видеть по спряжению глагола, элемент м является аффиксом отрицания, ныне потерявшим свою семантику. Глагол в тексте стелы обращен к объекту в форме 3 л. ед. ч. класса женщин =л= “её”. Имеется в виду община Гудау. См. 4(5). Ныне к общине обратятся в мужском роде. Следующий за =л= показатель =а, в эпитафическом тексте не выписанный, относится к косвенному объекту из класса вещей (разумеется “письмо”). Сравнивая эпитафическую глагольную форму лам(и)х(и){т} с совр. дамих(и)т лишней раз убеждаемся в справедливости высказанного в комментарии к тексту табл. Д. 1(2) мнения о недостаточном употреблении в древних ашуйских надписях показателя класса человека как класса общего для мужчин и женщин. В отношении не вписанного показателя финитной формы аориста т см. комментарий к табл. Д. 14(4).
- 7(10) Пту. См. 3(1).

8(1) (и)џз - См. 3(5).

8(2) х(э)а . Весьма распространенное в живой речи вводное слово, типа русского “так сказать”, “мол”. Образовано от глагола (а)хэа(ра) - “говорить”. В бзыбском диалекте употребляется делабиализованная форма ха (ББД, 112).

8(3) (и)халалх(ы)гIа(й){т} - “(на) пользу станет пусть!” Глагольно-именное образование в старой форме уступительного наклонения. В нём: халал-имя со значением ‘добро’, “польза”, х(ы) - аффикс становления; гIа - аффикс уступительного наклонения в старой форме. Ср. совр. абаз. тап. аффикс -ргIа (Генко, 155) в совр. абхазском этот аффикс звучит аа; =(й){т} - показатель финитной формы настоящего=будущего времени. В надписи не выписан. См. комментарий к тексту табл. Д. 14(4).

8(4) Г(у)дау. См. 3(9).

8(5) с(ы) - “мой”. Местоименный притяжательный аффикс 1 л. ед. ч. выступающий, как я полагаю, в соединении со следующим за ним местоименным притяжательным аффиксом 2 л. ед. ч. класса мужчин џ=, и образующий вместе с ним форму “мой (и) твой”. В современном языке подобная синтаксическая конструкция строится несколько иначе. См. перевод эпиграфического текста на абхазский язык.

8(6) џ-См. 6(1).

8(7) цу. См. 6(2).

8(8) - 9(1) анагIат(э)йа. См. 6(3).

9(2) Г(у)дау. См. 3(9).

9(3) н(ы). См. 4(1).

9(4) хэа. См 4(2).

9(5) лах(ь)а - “лыхское”. Относительное определение, образованное от имени собственного Лах(ь)а. См. 4(3). Относится к следующим словам: џ=шэ(а)к(у)а.

9(6) џ. См. 6(1).

9(7) шэ(а)к(у)а. См. 7(2).

9(8) аба - “здесь”. Наречное относительное определение к следующему за ним слову (а)т(э)ы - “раб”. См. 9(9). Одного корня с указательным местоимением аб(ы) → аби - “этот”. См 1(3). Отсутствие в эпиграфических местоимениях аб(ы)=абри и наречия аба=абра элемента р явление диалектальное. Частично оно характерно ныне для бзыбского диалекта абхазского языка.

9(9) ат(э)ы=йа - “раб” с наращенной усилительной частицей йа = совр. аб. цэкья, которую я условно перевожу здесь словом “действительно”. О частице йа см. 3(3).

10(1) Пту. См. 3(1).

10(2) ха. См. 3(2), табл. Д, 7(2).

10(3) (и)х^а - “сам”. Старая форма определительного местоимения в м. совр. ихала. Этимологически их^а - “своя голова”, а ихала - “своей головой”. Не исключено, что эпиграфической формой этого местоимения было просто слово х^а - “голова”.

10(4) Баг^ъ - “Баг”. Имя резчика надписи.

10(5) (и)рц(э)(й){т} - “повелел вытесать”. Каузатив финитной формы настоящего=будущего времени от корневой глагольной основы ц(э) - “тесать”. Показатель каузатива р=. Показатель финитности и времени не выражен. См. комментарий к табл. Д. 14(4). В современном абхазском языке в м. эпиграфического (и)рцэй{т} скажут иирцэит.

10(6) а₁ - “это”. Имеется ввиду надпись на камне, то что написано. Эпиграфическая форма указательного местоимения ныне неупотребительна. Встречалась в текстах неоднократно.

Перевод эпиграфического текста стелы А на абхазский язык.

(1) Ахахэ итаоу, абри аргъароуп сыхура. Азюаба ацэгъа (2) ансылых аоада исирэит абри ашэку (3) Пту ах=атэы цэкъа икнытэ Акуа тыцкуа рахь иоуп уара узы саша: Гудоуны (4) азыхэа. Лыхны уара иазыуоуху абри уа (5) уара иргъла адэны иудкыла Гудоу уацшь асы -(6) уара ужэла анаатэицэкъауп. Гудоу ибеит ецгъу иамаз Лыхны - (7) ушэку. Абри ага Акуа уаа рах уи дамихт. Пту (8) ииоыз хэа иазыхалалхааит Гудоу. Сарей уарей хажэла (9) анаатэицэкъауп. Гудоу азыхэа Лыхны(тэи) ушэку абратэи атэыцэкъа (10) Пту ах ихала Багъ иирцэит ари.

Перевод абхазского текста на русский язык.

Этот писанный камень должен заживить мою рану. После того как Азюаба сделал мне зло, он побудил меня написать на север это письмо. Царем=рабом Пту в аквинские места писано тебе это мой брат: для Гудоу(т)ской общины в Лыхны ты это, заново написанное, непременно поставь там во дворе (на поляне), оставь его в Гудоу(т)ской общине - ведь твой род оттуда. Когда в Гудоу(т)ской общине враг увидел лучшее, что имелось в Лыхны - твое письмо, когда этот враг, о аквинских людей царь, лишил (её) твоего письма, Пту написал что, пусть станет на пользу Гудоу(т)ской общине - ведь мой и твой род оттуда. Для Гудоу(т)ской общины твоим лыхнинским письмом здешний действительно раб=царь Пту лично повелел (каменщику) Багу вытесать это.

Табл. V. Бронзовая табличка Ц из Библа.

Рис. 1. Фотография текста (аверс и реверс).

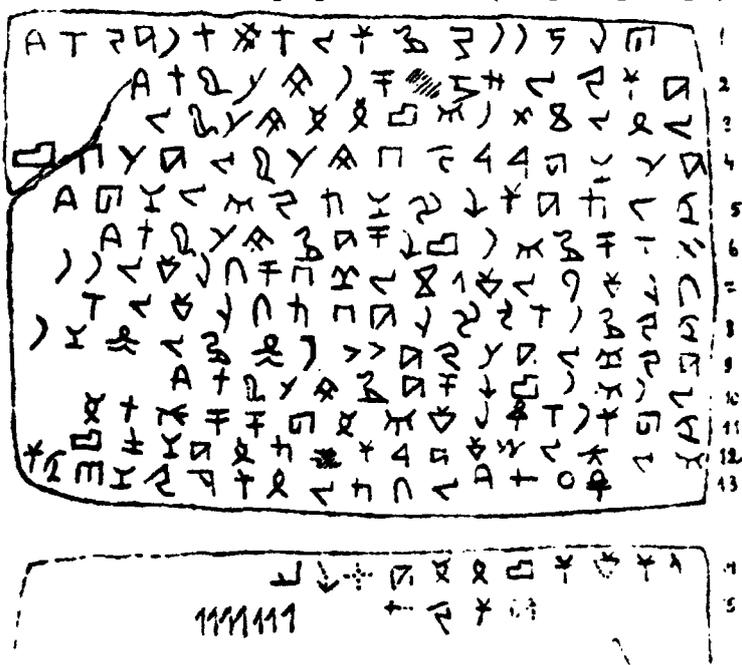

Рис. 2. Прорисовка текста (аверс и реверс).

Очерк 5. Бронзовая табличка Ц из Библа (XIX в. до н. э.)

Табличка представляет собой текст еще одного письма похищенного и проданного в рабство в Библ ашуйского царя Пту своему брату в Ашую, в общину Аква. В тексте табл. Ц как и в тексте табл. Д рассказывается, но уже более кратко, как было совершено похищение. Полное трагизма письмо содержит мольбу о помощи и выкупе из рабства. Письмо представляет документ в языковом и литературном отношениях весьма красочный. Табличка как и стела А не дошла до Ашуи. О причинах см. в спатуле ф.

Табличка найдена и опубликована в числе письменных памятников Библа проф. М. Дюнаном (DBGr., pp. 74-76 et 78 (датировка) pl. IX. fig. 28. p. 75). Датируется им применительно к истории древнего Египта XIX в. до н. э. Материал - бронза частично изъеденная окислом. Размер таблички: длина 15,5 см, ширина 11 см, средняя толщина 1 мм. Текст надписи расположен на обеих сторонах таблички. Силлабы или элементы их сильно поврежденные обозначены в прориси текста либо штриховкой либо пунктиром (см. табл. V, рис. 2). Текст таблички Ц состоит из 14 с половиной строк и содержит 202 силлаба и 7 числовых знаков. Слово= и фразоразделителей в тексте нет. На аверсе таблички размещены 13 строк текста, содержащих 188 силлабов. Один силлаб во второй строке текста совершенно поврежден и восстановлен мной в транскрипции в квадратных скобках. На реверсе таблички размещены полторы строки текста, содержащие 14 силлабов и 7 числовых фигур образующих цифру 7. Фотографию текста в оригинальном письме см. в табл. V, рис. 1. Надпись на табличке Ц читается справа налево. Замечания к некоторым силлабам даны в комментарии к тексту.

С текста этой бронзовой табл. Ц предпринял свою дешифровку найденных М. Дюнаном в Библе текстов неизвестного «псевдоиероглифического» письма проф. Э. Дорм. Дешифровка началась с последней 15 строки текста на реверсе таблички. Дорм полагал, что в конце текста стоит дата совершения надписи и считал выписанное семью «единицами» число 7 частью даты, десятки которой стерлись (Syria, t. XXV, № 1-2). Однако самое пристальное изучение поверхности таблички не дает оснований к такому предположению. Тщательно обследовавший табличку М. Дюнан не нашел и поэтому не отметил в рисунке пунктиром следов отсутствовавших знаков. (DBGr. pp. 74-75, pl. IX, fig. 28). В моем чтении здесь только число 7.

Табл. Ц.

1. к б₁ р л₁ л₁ н х₁ ш х̂ т̂ йт̂ л₁ б₂ н о й
 кабарала Лан(ы), х(а)ш(ь)х̂ат(ы)п (и)талап ан(ы) йа,
 На одnodеревке Ла землю (в), наши горные места (в), войдет письмо непре-
 менно,
2. б₂ ш н х̂ п₂ р [н] з л₁ п̂ т̂₁ х̂ т̂ й
 бш(ы)н (и)х(ы)п(ы)р[н](ы) з(ы)ла. Птуха (д)т(и)йа
 море перелетев водой. Пту царь продан действительно.
3. х̂ з̂₁ х̂ м₂ к л₁ ж̂ г̂ ч̂₂ ч̂₂ п̂ т̂₁ х̂ х̂
 (и)х(ь) (ы)з̂'х(у)мк(э)а Ла ж(э) (ла) гь(ы)ччэа Птуха ах(у)
 в то время когда не раскаялись вовсе Ла рода воры, Пту царь часть
4. б₂ т̂₁ а₁ к р₁ р₁ и у̂ п̂ т̂₁ х̂ х̂ б₂ т̂₁ у̂ г̂
 (и)па(и)т(=ифаит) а₁к(у)ара рн(ы). Уá(=арый) Птуха ах̂(у) (и)па(и)т(=и-
 фаит) у́а(=арый)гь(ы)
 съел (захватил) аквинцев страны. Он Пту царь часть съел (захватил) той и
5. у̂ х̂ т̂₂ б₂ ш̂ у̂ г̂₁ а₁ т̂₂ н ж̂ х̂ а₁ к̂ й
 ух̂ат(э) апшуагІа₁ (р)т(э)н(ы) (й)аж(э)х(ь)а(у) А₁к(у)а йа
 тебе принадлежащей апсуйских соплеменных людей страны древнего Аквы
 даже
6. к т̂ з̂ х̂ ж̂ л₁ г̂ у̂₂ з̂ б₂ х̂₁ п̂ т̂₁ х̂ т̂ й
 к(ы)газа. Ха ж(э)ла а(й)гьуза (и)баха! Птуха (д)т(и)йа
 селения до. Царский род наилучший, услышь! Пту царь продан действи-
 тельно.
7. г б₁ д л₁ х̂ д р₁ м₂ х̂ л̂ у̂ з̂ г б₁ д х̂ л₁ л₁
 Гба да(=дыу)алах(ь) (ы) (и)д(ы)р(у)ма? (Уа)х(ы)ла уа(=уый) аз(ы) гба да-
 (=дыу) ах(ь)алал,
 Корабля большого судьба известна ли? Ночью (на) той реке корабль боль-
 шой где (куда) вошел,
8. у̂ н х̂ л₁ о з̂₁ г̂₁ б₁ б₂ у̂ т̂₂ г б₁ д х̂ о
 у̂(ы)н(ы) ха ла(ы) (А)згІэ(а)ба Бúт(э) гба да(=дыу) (д)хаоа,
 твоей страны царский соглядатай Адзюаба Бут корабль большой подсте-
 регши,
9. б₂ н ж̂ а₁ х̂ б₂ т̂₁ н б₂ у̂ г̂₁ з̂' у̂₁ х̂₁ х̂ з̂' у̂₁ а₁ л₁
 (и)пан(=ифан).(Д)ж(ь)а₁х(ь) Пту,напыуа(=напыу)у(ы),г(у)з'(э)а у(ы),ха
 хаз'(э)а у(ы),а₁ла-
 (его) съел (захватил). Жалея Пту, руку длинной сделай, сердечное сло-
 во сделай, царь, мысль (головное слово) сделай этого (его) судь-

10. χ л₁ ж л₁ г[~] $\ddot{y}$ ₂ з б₂ х₁ $\dot{y}$ $\dot{y}$ ₁ х т й
 χ (ь) (ы). Ла ж(э)ла а(й)гьуза (и)бах! Птуха (д)т(и)йа
 бе. Ла род наилучший услышь! Пту царь продан действительно.

11. $\ddot{y}$ к ш л₁ о з₁ о б₁ д ж ч° к з з $\dot{y}$ т ч°
 Ук(у)ш лао(ы) (А)з'о(а)ба д(и)ж(ь)а, чэказаза, гПат(и)чэа,
 твой хитрец соглядатай Адзюаба его обманул когда, (его) против воли
 там похитил действительно когда, (его) сюда продал действительно когда,

12. ж х $\dot{y}$ х г д ц р₁ ш $\dot{y}$ ₂ м₁ б₂ а₁ з г[~]
 ж(э)а х(ь) (ы) гПа (и)ах(ь)а г(у)да(у) ц(у) рш(и)па(и)т (=ршифайт), мап а₁ з
 (э)гь(ы)

слово боли нынче (в) гудау(т)ских селениях, их с тех пор как он (=Ад-
 зюаба) съел (захватил) нет никого

13. з' о с' $\dot{y}$ й х г $\dot{y}$ ₂ х м ш г₁ и а₁ п₁ $\ddot{y}$ ш
 (и)з'(ы)о(ра). (А)с'(э)а ц'а йах(ь)а (й)ага(й)т. Ха(ра), (и)мш(э)а (а)га, ан-
 (ы)ап. $\ddot{y}$ аш(ь)а

кто мог бы написать. Ашуе (в) ученость нынче поредела. Вдалеке, не
 страшась врага, написано есть. Твой брат

Реверс

14. $\dot{y}$ ₁ ш д ш г[~] м₁ ч° б₂ т $\ddot{y}$ ₂ з
 тэ(ы) (а)ш(ь)ада. (И)ша а(й)гь(у) (а)мачэа Бту (и)з(ы),
 раб без брата. Выдели лучшее добро Пту за.

15. б₂ ш н $\dot{y}$ '
 аб(ы) ш(ь)а н(ы)ц'(ы) 1111111
 этого брата освободи! 7 (магическое число)

Комментарий к тексту таблички Ц.

1(1) **кабара** - “однодеревка” (выдолбленная из целого древесного ствола легкая ладья). В современных абхазском, абазинском и убыхском языках это слово не сохранилось. Значение устанавливается по тексту. В тексте старая диалектальная форма слова, параллельного к истор. «камара» — “легкая ладья на 25-30 гребцов”, название которой известно из Страбона (География, кн. XI. гл. II, 12; русского перевода: стр. 470). В эпитафическом **кабара** нашло отражение диалектальное чередование губных б||м, реально подтверждаемое первым словом второй строки интерпретируемого текста. См. 2(1): бшын || абх. лит. мшын - “море”. Слово **кабара**, как параллельное истор. «камара» ретроспективно следует признать компози-

той состоящей из двух компонентов: 1) причастной, определительной основы **ка** - “долбленный” или “вырубленный” (ср. совр. **(а)кы(ра)** - “долбление”, “долбить”, с редукцией **а→ы**, но без редукции в **(а)т=ка(ра)** - “вырезывание”, “вырезать”, “вырубание”, “вырубать”; 2) слова ***бара** || абх. бзыб. **мара** - “брус” (для выделки досок и дранки). (ББД, 204). В целом слово **Кабара**, как и его исторический двойник «**камара**», первоначально означало: «долбленный или вырубленный брус», «однодеревка». Истор. «камара», исходя из греческого и индоевропейских языков, не этимологизируется. (См.: Hjalmar Frisk. Griechisches Etymologisches Wörterbuch, Heidelberg, 1954, S, 770-771.).

1(2) **ла** - послелог, выражающий средство или способ действия. Совр. абх. **(а)ла**.

1(3) **Ла** - название рода и области в древней Ашхе - Абхазии. См. комментарий к табл. Д. 2(1).

1(4) **н(ы)** - “в”. Послелог локального значения. Известен и в совр. абх. языке.

1(5) **х=** - “наш”, “наши”. Местоименный притяжательный аффикс 1 л. мн. ч.

Совр. **х(ы)**.

1(6) **(а)ш(ь)ха** - “гора”, “горный”. Палатализованный **шь** в графике древних текстов имел также специальный знак. См. текст статулы б. Вероятно он употреблен не повсеместно в чем и заключалась диалектальность ашуйского письма.

1(7) **т(ы)ц** (совр. **тыц**) 1) “пастуший шалаш”, “пастушье жилище”; 2) “место” (вообще). Наличие в исходе эпиграфического слова не придыхательного, а смычно-гортанного **п**, в текстах в ряде случаев чередующегося со звонким **б**, указывает на диалектальную норму. Слово **тыц** дано в тексте во мн. ч. без показателя множественности - **куа**. Явление это, как я уже указывал, для ашуйского языка обычное.

1(8) **(и)талап** - “войдет”. Глагол состоит из: аддетивного несамостоятельного корня **ла** - ‘хождение’, преверба **та** - “внутри” и аффикса финитной формы будущего первого времени -**п** (в тексте графически **б₂**). Совр. абх. **ирталап** - “(в) них (т. е. жилища) внутрь туда войдет”.

1(9) **ан(ы)** - “письмо”, букв. “надпись=письмо”. Имеется в виду бронзовая табличка. В совр. абх. языке слово неупотребительно. Состоит из корневых основ **ан** - “запись”, “надпись” **и(ы)** - “письмо”.

1(10) **йа** - усилительная частица при имени **ан(ы)** - “письмо”. Соответствует совр. абх. **цэкья** и переводится мной в данном случае словом “непрерывно”. Подробнее о ней см. в комментарии к стеле А 3(3).

2(1) бш(ы)н - “море”. Совр. абх. мшыи. Мена б на м явление диалектальное. См. ББД, 106, а также 1(1).

2(2) (и)х(ы)п(ы)р[н](ы) - “перелетев”. Деепричастие с превербом х(ы) - “над”, “через”. Корневая основа глагола “лететь” - “п(ы)р”. В тексте таблички, поставленный в квадратные скобки силлаб и поврежден до полной стертости.

2(3) з(ы) - “вода”.

2(4) ла см. 1(2)

2(5) Пту. Личное имя. См. комментарий к табл. Д. 7(1).

2(6) ха - “царь”. См. комментарий к табл. Д. 7(2).

2(7) (д)т(и)йа- “продан действительно”. Совр. абх. дтицэкьоуп. Глагол тий(ра)-“продать” дан в форме настоящего времени без связки, как это впервые было отмечено в силлабо=пиктограмме Майкопского кургана. Показатель класса человека д не выражен. См. комментарий к табл. Д. 1(2). Об утратившей свое значение усилительной частице йа см. комментарий к стеле А 3(3). В данном тексте она встречается часто. Первый случай отмечен выше в 1(10).

3(1) (и)х(ь)(ы)з'х(у)мк(э)а - “в то время когда не раскаялись вовсе”. Деепричастное аористное инфинитное образование от глагольной основы хь(ы)ху - “раскаяться” (в чем либо). Основа сложная, ретроспективно состоит из слово=корней: хь - “боль” (ср. совр. ахь(ра) - ‘больно’) и ху - “помочь” (ср. совр. (а)хуа(ра) - “помогать”) т. е. “боли помочь”, значит “раскаяться”. Составной характер глагольной основы хорошо подтверждается данной формой текста, где она оказывается расчлененной обстоятельно-союзной частицей образа действия и состояния з' (бзыбская форма) “как”, “в то время как (когда)” (ББД, 182 и след.). Аффикс отрицания =м сочетается с частицей к(э)а в значении “совершенно”, “вовсе” Деепричастие на =мкуа до сих пор продуктивно.

3(2) Ла. См. 1(3).

3(3) ж(э)(ла) - “род”. В тексте это слово дано в односложной архаичной форме жэ без ла.

3(4) гь(ы)ччэа - “воры”. Совр. абх. гьыч, абаз. гыч - “вор”. Слово дано с абазинским показателем множественности чэа. Для ашуйских текстов это единственный случай употребления показателя множественности.

3(5) Пту. - См. 2(5).

3(6) ха. - См. 2(6).

3(7) ах(у) - “часть”, “доля”.

4(1) (и)па(й)т=(и)фа(й)т - “съел” (=‘захватил’, “присвоил”. МАСл, 109, а). Финитаня форма аориста показатель которой =(й)т мог быть употреб-

лен и без й (полная редукция). Обращает на себя внимание здесь и далее тот факт, что современный звук ф в древности почти повсюду был графически представлен силлабом б₂, который отражал два глухих звука п и л. См. здесь 5(2) и 9(4), но 12(6). В ашуйском письме за его трехтысячелетнюю историю звук ф только однажды нашел в графике специальное выражение. См. здесь стр. 210, 214. Звук ф поздний.

4(2) ак(у)ара - “аквинцы”. Жители общины Акуа. Ныне скажут акуаа, а не акуара. О показателе собирательности =ра см. комментарий к табл. Д. 35(2).

4(3) р - “их”. Местоименный притяжательный аффикс 3 л. мн. ч.

4(4) н(ы) - “страна”, “земля”. См. комментарий к табл. Д, 4(7).

4(5) ўа(=арый) - “он”. См. комментарий к табл. Д, 3(7).

4(6) Пту - см. 2(5).

4(7) ха - см. 2(6).

4(8) ах(у) - см. 3(7).

4(9) (и)ца(й)т - см. 4(1).

4(10) ўа(=арый) - см. 4(5).

4(11) гь(ы) Союз “и”, “также”. Совр. гь(ы).

5(1) ўхат(ə) - “тебе принадлежащий”, букв. “твоей головы собственности”. Местоименно-притяжательный комплекс состоящий из: у - притяжательного местоименного аффикса 2 л. ед. ч. класса мужчин, ха - существительного “голова” с веларно-фарингальным х (ср. ББД, 120) и существительного т(ə)ы - “собственность”.

5(2) апш- “апсуйских”. Относительное определение к слову 5(3). Представляет собой чистую основу ныне общеизвестного самоназвания абхазов. Определение дано в диалектальной форме со звуком ш вм. с, передающим, как можно полагать, свистяще=шипящее бзыбского типа с' (см. ББД, 34 - апс'ўа). Следует отметить, что придыхательный п передан в тексте силлабом б₂

5(3) ўагІаа₁ - “соплеменные люди”. Композита. Первый компонент композиты уа - представляет собой самостоятельное абхазское слово (а)ўа - “сородичи”. См МАСл. 19-20. Это слово встретилось в тексте табл. Д. 10(5). Второй компонент - гІаа соответствует абазинскрму первообразному слову гІаы (гІаа) - “человек”, “люди”. См. также текст спатулы и 2(1), 6(6).

5(4) (р)т(ə)н(ы) - “страна”. Слово встречалось в тексте табл. Д. 11(3). Притяжательный аффикс мн. ч. р не нашел своего выражения. Это уже не первый случай его отсутствия. См. комментарий к табл. Д. 8(6).

5(5) н(ы) - см. 4(4).

5(6) (й)аж(ə)х(ь)а(у) - “древнее”. Относительное определение образо-

ванное от корня ж(ə) - “старое” и аффикса - х(ь)а - “давно”. “Древнее” это букв. “давно старое”. Определяет 5(7) и 6(1) слова текста.

5(7) **Ак(y)а** - название поселения. Речь идет о главном поселении (акыта) одноименном общине **Акуа**. См. здесь 4(2) и комментарии к стеле А. 3(4). Этимология названия достаточно ясна. Имея ввиду историко-географическое местонахождение общины **Акуа**, представляется очевидным, что название поселения **Акуа** образовано от ныне несамостоятельного слова **ку** - “изгиб”, которое сохранилось в каузативном глаголе **аркура** - “сгибать”, “согнуть”. Имя **Акуа** означало в древности «лука». Поселение помещалось в бухте (луке) на берегу моря. Есть все основания отождествлять эпиграфическое **Акуа** с совр. **Акуа**. В тексте поселение **Акуа** названо «древним». Текст данной табл. Ц археологически датируется проф. М. Дюнаном XIX в. до н. э. Если накинуть на древность поселения **Акуа** 100-200 лет, то ему, именуемому и ныне **Акуа** окажется сегодня не менее 4000 лет. По письменным источникам это самое древнее поселение Закавказья.

5(8) **йа**- усилительная частица при имени **Акуа**, та же, что и при имени **аншы** - “письмо”. См. 1(10). Здесь переводится мной словом “даже”. Обращает на себя внимание тот факт, что усилительная частица **йа** равная совр. абх. **цəкьа** стоит в данном случае не на месте. Она “должна бы быть после слова к(ы)та перед за. Явление это связано с переносом строки. Писец полагал, повидимому, написать **Ак(y)айза** - “Аквы даже до”, но на новой 6-й строке дополнил фразу словом к(ы)та вследствие чего частица **йа** оказалась не на месте. Подробнее об этой частице см. в комментарии к стеле А. 3(3).

6(1) к(ы)та - “поселение”. В речи абхазских крестьян не только сельское, но и городское. До сих пор приходилось слышать **Акуакыт** = г. **Акуа**. См. 5(7).

6(2) =за - “до”. Послелог. В совр. абх. =нза, абаз. =за.

6(3) ха. См. комментарий к табл. Д. 7(2). В данном случае имя употреблено как относительное определение “царский” к следующему за ним слову ж(ə)ла. См. 6(4).

6(4) ж(ə)ла-“род”.

6(5) а(й)гьуза - “наилучший”. Превосходная степень от прилагательного айгьу - “лучший”. Формант превосходности =за.

6(6) (и)баха! - “услышь!” Повелительное наклонение глагола “слышать” (совр. масдар ахара) с местоименным аффиксом 2 л. ед. ч. класса женщин ба=. Из формы глагола следует, что счет родства и наследования внутри рода (жəла) в пору надписей велся по материнской т. е. женской линии. Подтверждением этому в тексте данной табл. Ц кроме этого примера слу-

жит форма 10(5), а в тексте стелы А. формы 4(5) и 7(9). Все они расширяют наше представление о значении материнского начала в истории ашуйского рода и общины.

6(7) Пту - см. 2(5).

6(8) ха - см. 2(6).

6(9) (д)т(ы)йа - см. 2(7).

7(1) гба - “корабль”.

7(2) да(=дыў) - “большой”. См. комментарий к табл. Д. 10(5).

7(3) ала^х(ь)ы - “судьба”.

7(4) (и)д(ы)р(у)ма? - “известно ли?” Финитная форма вопросительного наклонения настоящего времени (формант =ума) от глагольной основы дыр - “знать” (совр. масдар адырра).

7(5) (ў)а^х(ы)ла - “ночью”. Наречие времени от несохранившегося слова ха - “ночь”. Совр. абх. ўаха означает “сегодняшняя ночь”, но уахынла - “ночью” (вообще). Возможно, что во времена древнейших ашуйских текстов существовала форма ^ххала - ночью”. В отношении форманта ла см. 1(2).

7(6) ўа(=уый) - см. табл. Д, 3(7).

7(7) аз(ы)- “река”. см. 2(3).

7(8) гба - см. 7(1).

7(9) да(=дыу) - см. 7(2).

7(10) а^х(ь)алал - “где (куда) вошел”. Инфинитная форма аориста от глагола (а)лала(ра) - “входить внутрь” с превербом ^хха означающим движение по поверхности.

8(1) ў(ы) - “твой”. См. комментарий к табл. Д. 3(5).

8(2) ны - см. 4(4).

8(3) ха - см. 6(3).

8(4) ла^о(ы) - “соглядатай”, букв. ла - “глаз”, ^о(ы) - “человек”. Ныне это слово неизвестно, скажут: апшыху^оы.

8(5) (А)згІаба - фамильное имя. См. комментарий к табл. Д. 16(4).

8(6) Бўт(ə) - личное имя. В тексте: б₂ут₂. Совр. бытə означает “лохматый”. Известно также фамильное имя Бытəба. См. ББД. 248.

8(7) гба-см.7(1).

8(8) да(=дыу) - см. 7(2).

8(9) (д)а^ха^оа (совр. даха^оа) - “подстерегши”. Деепричастие чистой основы от глагола (а)ха^оа(ра) - “подстерегать”. Классный показатель д не нашел своего выражения. См. комментарий к табл. Д. 1(2).

9(1) (и)пан(=и)фан) — “(его) съел” («“захватил”). См. 4(1). Глагол дан в финитной форме прошедшего неопределенного времени (формант =н←ны←на).

9(2) (и)ж(ь)а₁х(ь) - “жалей”. Деепричастие чистой основы от старой формы глагола “жалеть”. Ср. совр. абаз. жьыхьра - “жалеть”. Эпиграфическая форма обращает на себя внимание вокализацией глагольной основы, показывающей вторичный характер современного звука ы.

9(3) Пту. В тексте б₂й₁ вм. йй₁ см. 2(5). Обращает на себя внимание то, что смычно-гортанный п заменен б₂. То же явление наблюдается и в следующем слове текста. См. ниже 9(4).

9(4) напы - “рука”. В тексте нб₂. О графической замене смычно-гортанного й силлабом б₂ см. выше 9(3) и также 1(8).

9(5) ўа - “длинный” Совр. абх и абаз. аў. Определение к предшествующему слову. В форме уа представляет собой первообразную основу слова. Сохранилось в убыхском (Vogt, 1963, 197-198).

9(6) у(ы) - “сделай!” Объектная форма повелительного наклонения от глагольной основы у - “делать” (совр. масдар аура). В тексте показатель объекта (и) может отсутствовать т. к. объект стоит непосредственно перед глаголом. См. ШАА, 81. Фраза “руку длинной сделай” означает: “протяни ему руку (помощи)”.

9(7) г(у) - “сердце”. Слово выступает как относительное определение “сердечный” к следующему за ним слову. См. 9(8).

9(8) з'(ə)а - “слово”. Диалектальная форма типа бзыбской со свистяще-шипящим з'ə = лит. жə. ББД, 53.

9(9) ў(ы) - “сделай”. См. 9(6).

9(10) ха-'царь'. См. 2(6).

9(11) хаз'(ə)а - “головное слово”. Композита состоит из компонентов х^а - “голова” и з'(ə)а - ‘слово’. См. 9(8). Соответствует слову х^азы - “мысль”, “рассудок”. Ср. абаз. хьадзы (перен.) - “ум”, “рассудок”.

9(12) ў(ы) - “сделай!” См. 9(6). Фраза: х^аз'(ə)а ўы - “головное слово (=мысль) сделай” означает “поразмысли”, “рассуди”.

9(13) а₁ - “этот”. Старая форма указательного местоимения. См. комментарий к тексту табл. Д. 10(4). Ожидалось бы местоимение ўа(=уый) - “тот”, так как речь идет о лице находящемся на далеком расстоянии. Употребление местоимения указывающего на непосредственную близость объекта (а₁=аб^и, абри) свидетельствует, как мне представляется, о духовной близости между Пту и царем страны апсуйских людей (совр. Апсны), являющемся по текстуальным данным его братом. См. текст спатулы ф.

9(14) -10(1) лах(ь)ы - “судьба”. Слово “судьба” омонимично со словом “лоб”. «Абхаз убежден, что на лбу каждого написано все, что ему предопределено с самого рождения до смерти» (Чарая, 48, 123). Абхазы о судьбе говорят: уи илахь иануп - “у него на лбу написано”.

- 10(2) **Ла** - название рода. См. комментарий к табл. Д. 2(1).
- 10(3) **ж(э)ла** - см. 6(4).
- 10(4) **а(й)гъуза** - см. 6(5).
- 10(5) **(и)баха** - см. 6(6).
- 10(6) **Пту**-см 2(5).
- 10(7) **ха** -см. 2(6).
- 10(8) **(д)т(и)йа** - см. 2(7).
- 11(1) **ў**. См. комментарий к табл. Д. 3(5).
- 11(2) **к(у)ш** - “хитрец”. Учтено переносное абазинское значение слова. Прямое значение: “умный”.
- 11(3) **ла(ы)**-см. 8(4).
- 11(4) **(А)з(о)аба**. См. 8(5), где вм. з' написано з, а вм. џ - гІџ. Запись в одном и том же тексте имени в ином звучании свидетельствует об отсутствии стабильности норм ашуйской речи. Речь была в буквальном смысле слова абхазо=абазино=убыхской.
- 11(5) **д(и)ж(ь)а** - “(его) обманул когда”. Инфинитная форма аориста от глагола **(а)ж(ь)а(ра)** - “обмануть”. Единственная во всех ашуйских текстах форма с показателем класса человека, в значении объекта. Создается впечатление, что показатель как бы вынесен за скобки и обслуживает три глагола 11(5), 11(6) 11(7).
- 11(6) **ч(а)казаза** - “(его) против воли там похитил действительно когда”. Инфинитная форма аориста от глагола **(а)за(ра)** - “похитить”, “утаить”, осложненная рядом аффиксов: 1) препозитивным версионным объектным аффиксом **ч(а)** абазинского звучания, соответствующим абх. **ц(а)** - “против воли”, “против желания”; 2) препозитивным аффиксом **ка** - “там”, в этой функции хорошо представленным бзыбским диалектом абхазского языка и не чуждым абазинскому (ББД, 179-181); 3) постпозитивным модальным аффиксом **за** до сих пор продуктивным в абхазском и абазинском языках. Он имеет много оттенков значений: “совсем”, “окончательно”, “действительно”, “в самом деле”, “именно”. В совр. абх. языке предпочитают более простую форму: **диц(а)за(за)**. Относительно отсутствующего показателя объекта Д. см. выше 11(5).
- 11(7) **г(а)т(и)ч(а)а** - “(его) сюда продал действительно когда”. Инфинитная форма аориста от глагола **(а)ти(ра)** - “продать”, осложненная рядом аффиксов. По фонетическому оформлению абазинская. Преверб **г(а)** соответствует совр. абх. **г(а)** - “сюда”. Постпозитивный модальный аффикс **ч(а)а**, соответствует совр. абх. **ц(а)а**. Значение его примерно то же, что и модального постпозитивного аффикса **=за**. См. 11(6). Относительно отсутствующего показателя объекта д см 11(5), хотя в современной речи, как мне говорят абхазы, в данном случае он не обязателен.

12(1) ж(ə)а - “слово”, “словесный”. Относительное определение к следующему слову. Ср. при этом диалектальное з'(ə)а в 9(8) и 9(11).

12(2) х(ь)ыгIа - “боль»Сбвр. абаз. хьыгIа - “боль”. Абазинский суффикс - гIа в данном случае окаменевший показатель множественности (собираемости). Определение к слову 12(1). Образовано по тому же типу как и абаз. пыц хьыгIа - “зубная боль”.

12(3) (й)ах(ь)а - “нынче”.

12(4) Г(у)да(у). Название общины. См. комментарий к стеле А. 3(9). В данном случае относительное определение к следующему слову. В тексте силлаб г поврежден.

12(5) ц(у) - “селение”. В совр. абх. языке более употребительна форма (а)цуга. В тексте слово употреблено во мн. ч. без показателя множественности. См. следующее слово текста.

12(6) рш(и)па(й)т (=ршифайт) - “их с тех пор как он съел (=захватил)”. Инфинитная форма аориста с обстоятельственной частицей образа действия ш - “как”, “когда”, “с тех пор как”. Перед ней стоит местоименный аффикс 3 л мн. ч. р= с функцией объекта. О глагольной основе па(й)т = файт см. 4(1). Обращает на себя внимание тот факт, что в тексте звук ф передан через п, а не б₂ как это в других случаях. См. 4(1).

12(7) мап - “нет”. Частица отрицания. Так же и в совр. абх. языке.

12(8) а₁з(ə)ц(ь)ы - “никто”. Неопределенное местоимение. Совр. азэгы.

13(1) (и)з'(ы)о(ра) - “(кто) мог бы написать”. Категория возможности от глагола (а)о(ра) - ‘писать’. Показатель категории з'(ы). Здесь звучание бзыбского типа (см. ББД, 175). Обращает на себя внимание отсутствие показателя масдара =ра. В древнейших текстах он редок. См. текст табл. Д.

13(2) (А)с'(ə)а - “Ашуя”. Древнейшее название Абхазии. См. комментарий к тексту табл. Д. 5(5).

13(3) ца - “ученость”. См. комментарий к табл. Д. 6(5).

13(4) йах(ь)а - “нынче”. См. 12(3). В данном случае более полное написание, подтверждающее правильность определения формы силлаба йа (силл. 1 под № 5).

13(5) (й)ага(й)т - “поредела”. Финитная форма аориста от неупотребительного ныне глагола (а)га(ра) - “редеть”, “становиться редким” т. е. не густым. Ныне агара означает только “редкий”, а “редеть” будет агахара. В показателе - (й)т, звук й мог вследствие редукции отсутствовать (см. ББД, 165).

13(6) ха(ра) - “вдалеке”. Наречие места.

13(7) (и)мш(ə)а - “не страшась”. Отрицательная форма деепричастия чистой основы от глагола (а)шəа(ра) - “бояться”. Аффикс отрицания м=.

13(8) (а)ҕа - 'Враг'.

13(9) ан(Ы)ап - "написано есть". Слово ан(Ы) - "запись", "надпись" в форме сказуемого имени в настоящем времени с глагольной связкой ап = аб, как то в абазинском. Слово ан(Ы) - "запись", "надпись" в данном тексте уже встречалось. См. 1(9).

13(10) ў(Ы) - "твой", см. комментарий к табл. Д. 3(5).

13(11) аш(Ь)а - "брат". В отношении палатализованного шь см. здесь 1(6).

14(1) т(Ә)ы - "раб". Слово ранее неоднократно встречалось.

14(2) аш(Ь)ада - "брата без". Аффикс лишения -да.

14(3) (и)ша - "выдели!" Повелительное наклонение от глагола (а)ша(ра) - "делить", "выделить" (часть).

14(4) а(Й)ҕь(у) - "лучшее". Сравнительная степень от прилагательного "хороший".

14(5) амачәа - "добро", "вещи", "утварь". Обращает на себя внимание абазинская форма звучания слова, абх амаҕәа.

14(6) Бту - "Пту". Полное написание имени с конечным ў и заменой глухого губного смычно-гортанного й звонким б, вероятно также смычно-гортанным, а смычно-гортанного й придыхательным т. Едва ли это диалектальная форма, скорее продукт неграмотного написания, выразившийся в графическом смешении силлабов. Ср. близкий к этому случай в тексте спатулы ф. 4(1).

14(7) (и)з(Ы) - "за". Послелог, обычное значение которого "для".

15(1) аб(Ы) - указательное местоимение. Ср. бзыбскую форму аб́и (ББД, 148).

15(2) ш(Ь)а - 'брат', см. 13(11).

15(3) н(Ы)ц'(Ы) - "освободи!" Повелительное наклонение от глагола ныц(ра) - "освободить", "освобождать" (абаз.). В тексте диалектальная норма.

15(4) 1111111 - цифра 7. Число семь имело у абхазов магическое значение. Оно обычно в заговорах. Высшее языческое божество абхазов Айтар имел семь долей, был «семибожным». (см. РВА, 80).

Перевод эпиграфического текста табл. Ц на абхазский язык.

(1) Ашхуала Ланы хашьха тыцкуа ирталап ашәкуцәкья, (2) амшын ихыпырны зыла. Пту ах дтицәкьоуп! (3) Ла жәла гычцәа ианыхьымху, Пту ах ахута (4) ифеит акуаа ртыцкуа. Уи Пту ах ахута ифеит уи адагьы (5) ухатә Апстәыла иажәхьау Акуа (6) кытацәкьян. Ах жәла ирегьзоу, иуаха: Пту ах дтицәкьоуп! (7) Аҕба ду алахь(ынца) идырума? Уахыла уи азы аҕба

ду ахьалал, (8) утэыла ах ацшыхуоы Азюаба Бытэ аґба ду дахаоа, (9) ифеит. Дрыцхашьа Пту, анапау изуы игу иахуоу ажэа хэа, ах ахшыю иуы йара илахь(ынца). (10) Ла жэла иреґзоу, иуаха: Пту ах дґицэґкьоуп! (11) Уцшыхуоы аоыстаа Азюаба дижьа, диза, дааиґицэґкьа, (12) ахьаа ажэа иахьа Гудоу ацутакуа ирцэифаз акны азэґгы (13) изьорым. Ашэны ацара иахьа иаґахеит, харá аґа ицэымшэа иоуп ари. Уашьа (14) дтэуп иашьада. Иша еґзоу аматэа Пту изы, (15) абри аяашьа ихы дакуитґэ!

(В конце текста стоит магическое число 7).

Перевод абхазского текста на русский язык.

На одnodеревке в землю Ла, в наши горные места войдет письмо непременно, через море перелетев водой. Пту царь действительно продан. После того как не раскаялись воры рода Ла, Пту царь захватил часть земли аквинцев. Захватил он - Пту царь часть и принадлежащей тебе апсуйской (абхазской) страны даже до древнего поселения Аква. Царский род наилучший, услышь: Пту царь действительно продан. О судьбе большого корабля что известно? Ночью на той реке, большой корабль в которую вошел, твоей страны царский соглядатай Азюаба Бут (этот принадлежащий Пту) большой корабль подстергши, захватил. Жалея Пту, протяни руку (помощи), сердечное слово найди, царь поразмысли о его судьбе. Ла род наилучший, услышь: Пту царь действительно продан! Твой соглядатай хитрец Азюаба когда обманул Пту, когда силой похитил его, когда сюда действительно продал его, слово боли о Пту в захваченных Азюабой гудау(т)ских селениях уж некому писать. В Ашуне ученость нынче поредела. Вдалеке, не страшась врага, написано это. Твой брат раб без брата. Выдели лучшие сокровища за Пту, этого брата освободи!

(В конце текста стоит магическое число 7).

Табл. VI. Бронзовая спатула ф из Библа

Рис. 1. Фотография текста (avers)

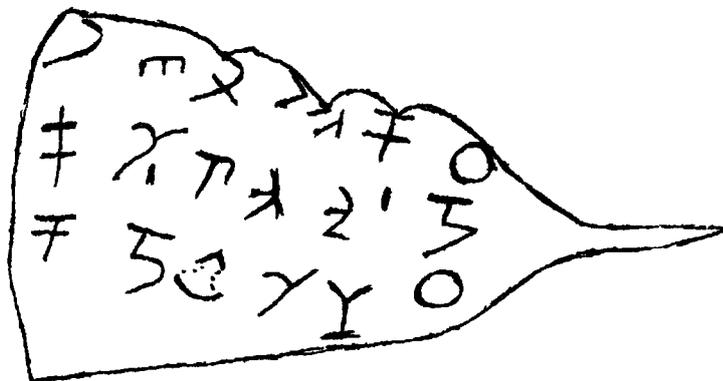

Рис. 2. Прорисовка текста (аверс)
Табл. VI. Бронзовая спатула ф. из Библа (продолжение)

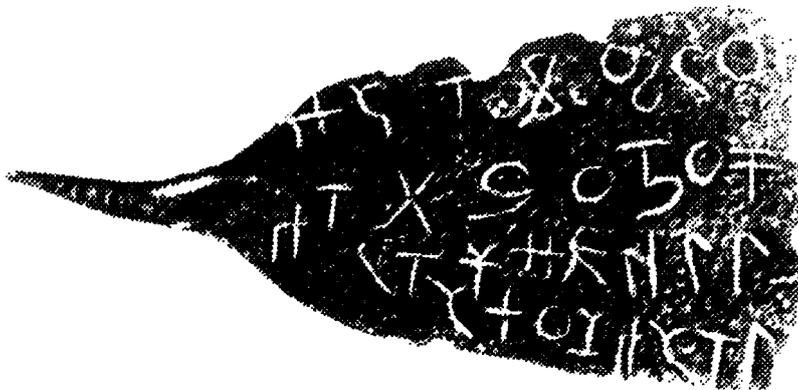

Рис. 3. Фотография текста (реверс)

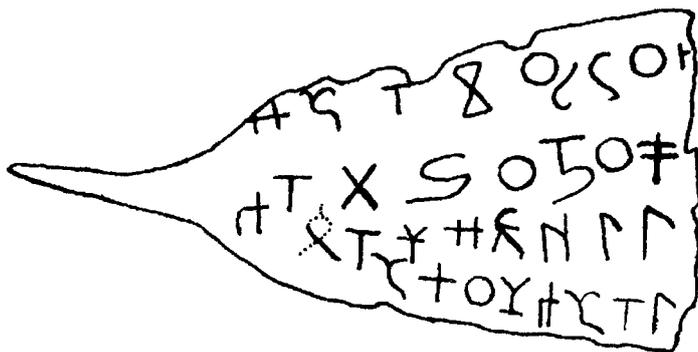

Рис. 4. Прорисовка текста (реверс).

Очерк 6. Бронзовая спатула ф. из Библа (XIX в до н. э.).

В тексте спатулы бежавший из Ашуи раб по имени Дзуку сообщает проданному в рабство в Библ царю Пту о том, что его, Пту, брат убит на родине рабом.

Текст имеет то значение, что благодаря ему становится понятным, почему стела А и табличка Ц представлявшие письма Пту к его брату в Ашую, в область Ла, в общину Акуа, остались не отправленными на родину. Их не к кому было отправлять.

Текст спатулы написан с графической ошибкой: по сходству формы syllаб $\ddot{y}$ спутан с syllабом р. Ошибка исправлена и оговорена мной в комментарии к тексту спатулы.

Спатула найдена и опубликована в числе других письменных памятников Библа проф. М. Дюнаном (DBGr. pp. 79-80, pl. XII, f, fig. 31, p. 79). Датируется мной XIX в. до н. э. Материал - бронза частично изъеденная окислом. Длина спатулы 9,8 см, ширина 5 см, толщина пластины не указана. По краям спатула кое-где отбита. Надпись расположена на обеих сторонах спатулы. Текст читается справа налево. Syllабы или элементы их в той или иной мере поврежденные, обозначены мной на штриховом рисунке пунктиром. Штриховой рисунок и фотография спатулы с текстом оригинального письма помещены в табл. VI, рис. 1 и 2, табл. VI, рис. 3, 4. Текст спатулы состоит из 7 строк и содержит 54 syllаб и 2 слово-разделительных знака в виде коротких вертикальных черточек. На аверсе спатулы 3 строки, содержащие 21 syllаб и 2 разделительных знака. На реверсе 4 строки из 33 syllабов. Замечания к некоторым syllабам даны в комментарии к тексту.

Спатула ф. Аверс

1. $s'z \ddot{y}' uu z'_1 p_1 l_1$
С'аз ц'а $\ddot{y}$ а уз'(ы) п(ы)ла-
Садзовский ученый ты сумел встретить
2. $p^1 z_1 \ddot{y}_2 k_1 \ddot{y}'_1 z$
р, зэ к(у) = т(э)ыза
если, Дзуку-раба незрелого (юного)
3. $s' a_1 \ddot{y}'_1 d p z$
(А)с'(э)а₁т(э), (и)д(ы)рза
Ашуи из, знай именно

Реверс

4. $\text{п}_2 \check{\text{т}}_1 \text{о} \text{м}_2 \text{с}' \text{л}_1 \text{л}_1 \text{с}' [\check{\text{т}}_2]$
Пту о(ы)ма с'(э)ала (и)лс'а[т]
Пту: чужак=раб сумел (смог)
5. $\text{о} \check{\text{г}} \text{л}_1 \text{с}' \check{\text{у}} \text{с}' \text{з}$
(ды)о г(а), Ла (и)с'(ь)(ра) ўас'(ь)а, (ды) -
бежав сюда, Ла (в), убить твоего брата, (его) вла-
6. $\check{\text{т}}_2 \text{м}_1 \text{о} \text{ш} \text{п}_2 \check{\text{у}}_2 \check{\text{т}}_2 \text{р}_2 \text{р}_2$
т(э)(у). (И)м(ы)оаш(ь)ап ўт, (и)рра
детеля. Не ошибутся те, переправятся что,
7. $\check{\text{ц}} \text{т}' \text{а}_1 \check{\text{т}}_2 \check{\text{т}}_1 \text{о} \text{р}_2$
Цата (А)с'(э)а₁т(э) т(э)ы о(ы)ра
Цату (в) Ашуи из рабы люди.

Комментарий к тексту спатулы ф.

1(1) С'аз - этноним, в роли относительного определения к следующему слову. См. 1(2). Племя садзов до переселения во второй половине XIX в. н. э. в Турцию обитало на территории северо=западной Абхазии от р. Бзыбь (Бзыц) до р. Хосты (Хэаста) и выше к главному Кавказскому хребту (см. Инал=Ипа, 363-366). Какая=то часть садзов в результате черкесской экспансии смешалась с черкесами и дала язык известный ныне под названием убыхского.

1(2) Ца - "ученый". Бзыбская форма со свистяще=шипящим ц'. Слово в этом значении и форме встречалось в тексте табл. Д. 10(5). Ученый садз это царь Пту. Имя его встретится ниже. См. 4(1).

1(3) ўа - "ты". Краткая форма личного местоимения 2 л. ед. ч. класса мужчин. Ныне употребляется нечасто. В тексте спатулы местоимение выражено не обычным для него силлабом № 7, а силлабом № 8, вероятно потому, что за этим личным местоимением следует опять оно-же, как местоименный аффикс при глаголе, образуя в совокупности обычный для абхазской речи местоименный плеоназм.

1(4) - 2(1) уз'(и)ц(ы)лар - "ты сумел встретить если". Глагольный корень ц(ы)ла - "встретить" образует в данном случае форму потенциалиса (возможности) в условном наклонении (форманты =з и =р). Аффикс потенциалиса дан в тексте в диалектальной норме и ныне свойственной бзыбскому диалекту абхазского языка. Литературная форма аффикса зы. За этим словом в тексте следует словораздел.

2(2) Зэк(у) - личное имя раба. См 2(3). Имя в этом звучании до сих пор употребительно среди абхазов (см. ББД. 406). После этого имени в тексте спатулы стоит словораздел.

2(3) т(ə)ыза - “раба незрелого (юного)”. Слово за - “сырой”, “незрелый” переносно “юный” в этой форме ныне как определение к слову (а)тэы - “раб” неупотребительно. Прибегнут к причастию: иазоу.

3(1) (А)с'(ə)а₁ - “Ашуя”. См. комментарий к тексту табл. Д. 5(5).

3(2) т(ə) - послелог со значением “из”. Встречался в других текстах.

3(3) (и)д(ы)рза - “знай именно”. Повелительное наклонение от глагола (а)дыр(ра) - “знать” с модальным аффиксом за имеющим значение: “совсем”, “окончательно”, “именно” и т. п. В данном слове силлаб д сильно поврежден. Недостающие части отмечены мной в штриховом рисунке пунктиром. См. табл. VI рис. 2.

4(1) Пту - личное имя царя, неоднократно встречавшееся в текстах. В данном тексте выписано с силлабом п₁ (силл. 1 № 17), а не п (силл. 1 № 15) как то обычно для этого имени. Погрешность в написании, по-видимому, явление графическое. Ср. в табл. Ц. 14(6).

4(2) о(ы)ма - “чужой”. Слово в данном тексте употреблено в значении «чужак» (т. е. не ашуец). В абхазском языке в этой форме слово неизвестно. Интересно тем, что в части начального консонанта оно абхазо= а не абазиноязычно. В абазинском однако сохранилось до сих пор слово гĀыма - “чужой” идеально соответствующее эпиграфическому оыма. См. также его в тексте стелы Г, 5(2). В совр. абхазском “чужой” - атэым.

4(3) с'(ə)ала - “раб” В несколько иной, неполной записи, оно встретится в тексте спатулы е. 1(5).

4(4) (и)лс'а[т] - “сумел (смог)”. Аорист бзыбского типа от глагола (а)лса'(-ра) - “мочь” (лит. абх. алшара). От силлаба [т] на спатуле сохранилась лишь часть его.

5(1) (ды)оґIа - “бежав сюда”. Деепричастие образованное от глагольной основы оґIа. В глагольной основе при корне о - “бежать” интересен аббитивный постверб гIа - “сюда” абазинского типа. Это уже не первый случай употребления постверба гIа. Показатель субъекта и класса человека д отсутствует. См. комментарий к тексту табл. Д. 1(2).

5(2) Ла - название области. См. комментарий к табл. Д. 2(1).

5(3) (и)с'(ь)(ра) - “убить”. Мной указывалось уже, что в ашуйских текстах масдар на =ра почти неупотребителен. Его заменяет корневая основа глагола. С фонетической стороны в части консонанта с' эпиграфическая форма диалектальна. Следует отметить, что автор текста не различает ш и шь и везде пишет с'. См. выше 4(4) и ниже 5(5).

5(4) **ў(ы)** - “твой”. Местоименный притяжательный аффикс 2 л. ед. ч. класса мужчин. В тексте спатулы графически силлаб **ў** спутан с похожим на него силлабом **р**. Что это силлаб **ў** выдает изгиб штриха в нижней его части.

5(5) **ас'(ь)а** - “брат”. Диалектальная форма слова. См. 5(3).

5(6) - 6(1) **(ды)зт(ə)(у)=(ды)зт(ə)(у)** - “(его) владельца”. Диалектальная норма в которой причастный аффикс **з** соответствующий относительному местоимению “который”, “кто” употреблен в форме аффриката. Аффрикатизация звука **з** замечена так же в спатуле б 3(4). Ныне она характерна для бзыбского диалекта (см. ББД. 110-111). Включенный в скобки при причастной основе **т(ə)** аффикс **(у)** в древности вероятно отсутствовал. См. здесь в Очерке 1. О показателе класса д см. табл. Д 1(2).

6(2) **(и)м(ы)оаш(ь)ап** - “не ошибутся”. Отрицательная форма глагола (аффикс **мы**) в первом будущем времени (аффикс =**п**). Корень глагола **оашья** (абаз. **гвIаца**) - “ошибиться”. Силлаб **м** в тексте спатулы сохранился наполовину. См. табл. VI рис. 4.

6(3) **ўт** - “те”. Местоимение указательное наибольшей отдаленности. Обращает на себя внимание отсутствие звука **р** в основе и абруптив **т** в м. совр. **т** в исходе слова. Оба явления исторически закономерны.

6(4) **(и)рра** - “переправятся что”. Инфинитная форма 1-го будущего времени (формант =**ра**) от глагольной основы **р**.

7(1) **Цага** - название местности, ретроспективно: “нижнее место” герс. “низина”. При этом невольно приходит на память этимология древнего названия Финикии - **Кена'ап** как “низменность” (от др. евр. корня **кп** - “быть низким”), (см. Д.А. 282). Независимо от того, каково было истинное происхождение слова **Кена'ап**, возможность такого понимания названия страны самим населяющим Финикию семитическим населением не исключено. Ашуйское название Финикии как **Цага** - “нижнее место” герс. “низина” представляет собой в этом случае кальку с финикийского названия, пусть представляющего народную этимологию названия страны.

7(2) **(А)с'(ə)а** - “Ашуя”. См. 3(1).

7(3) -**тə** - ‘из’. См. 3(2).

7(4) **т(ə)ы** - “рабы”. Относительное определение к последнему слову текста спатулы. См. 7(5).

7(5) **о(ы)ра** - “люди”. Эпиграфическое слово образовано от первичного корня абх. **о(ы)** - ‘человек’ собирательным аффиксом **-ра** (букв. «человеки»). О суффиксе собирательности =**ра** применительно к людским сообществам см. комментарий к табл. Д. 35(2). Слово “люди” в закономерной к корню **о(ы)** форме **тəы** уже встречалось в текстах. См. комментарий к табл. Д. 14(6).

**Перевод эпиграфического текста
спатулы ф на абхазский язык.**

(1) Сазца(рауаѠ) ура узицыла (2)р Зыку атѣы йазоу (3) Ашѣтѣ, идырза
(4) Пту: атѣым хашѣала илшеит (5) дааѠны (дыѠны арахѣ) Лака ишьра
уашѣа (ды)з (6)тѣу иѠашъарым урт, ирып (7) Цата(ка) Ашѣытѣ атѣы-уаа.

Перевод абхазского текста на русский язык.

Садзовский ученый, если ты сумел встретить (здесь) Дзуку раба юного из Ашуи - так знай Пту: раб=чужак сумел во время бегства убить в Ла твоего брата, своего владельца. Не ошибутся те рабы люди, что переправятся из Ашуи в Цату (Канаан).

Табл. VII. Бронзовая спатула и из Библа

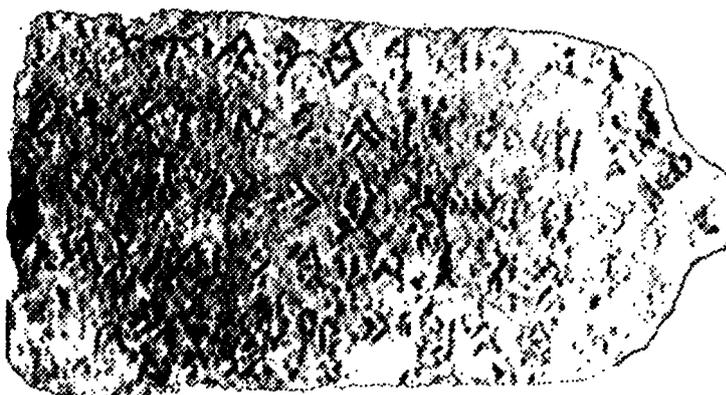

Рис. 1 Фотография текста (реверс)

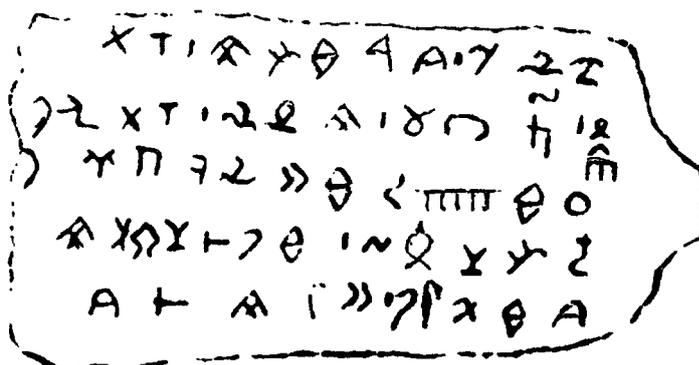

Рис. 2 Фотография текста (аверс)

Таб. VI. Бронзовая спатула и из Библа (продолжение)

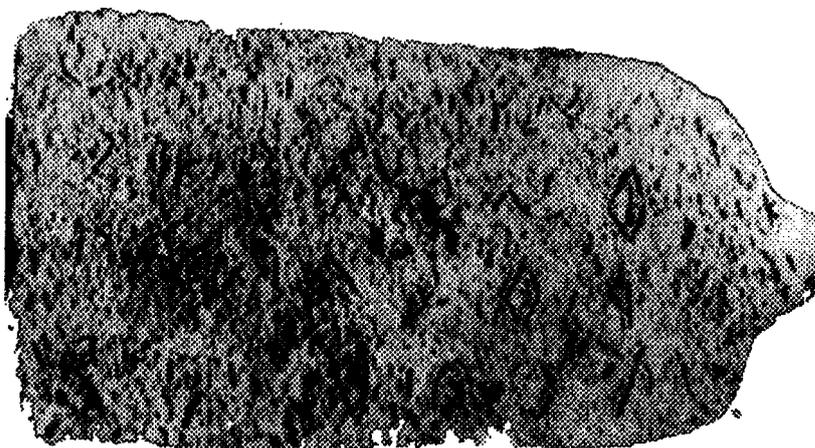

Рис. 3. Фотография текста (avers)

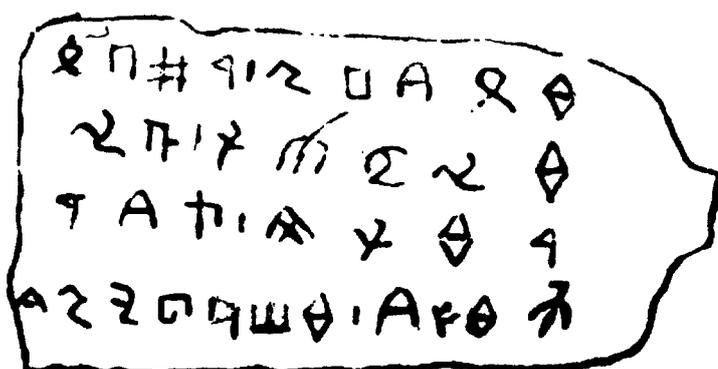

Рис. 4. Фотография текста (avers)

Очерк 7. Бронзовая спатула и из Библа (XIX в. до н. э.)

На спатуле выбит текст молитвы ашуиских рабов оказавшихся в Библе. Принадлежащие к племени Аи, они благодарят своего племенного бога за отеческую заботу о них и их соплеменниках на родине, которым просят опять взрастить возданные ему жертвы. Обращаясь к богу мужчин Амзе, рабы молят его сплотить воедино всех рабов на их родине, снова поднять их на восстание против угнетателей и тем самым послужить делу правды.

Спатула найдена и опубликована в числе других письменных памятников Библа проф. М. Дюнаном (DBGr., 82, pl XII, fig 34, p82). Датируется им применительно к истории древнего Египта XIX в. до н. э. Материал — бронза. В ряде мест изъеденная окислом. Размер спатулы: 9 см., ширина 4,5 см., толщина пластины не указана. Надпись размещена на обеих сторонах спатулы. Силлабы или элементы из той или иной мере поврежденные обозначены мной на штриховом рисунке пунктиром. Штриховой рисунок и фотографию спатулы с текстом оригинального письма см. в табл. VII рис. 1-3 и табл. VII рис. рис. 2-4. Текст спатулы состоит из 9 строк и содержит 93 силлаба и 12 слово-фразоразделителей в виде коротких вертикальных черточек. Расстановка разделителей в тексте не последовательна. На аверсе надписи 4 строки содержащих 36 силлабов и 4 разделителя, на реверсе 5 строк содержащих 57 силлабов и 8 разделителей. Предпоследний силлаб второй и первый силлаб четвертой строки справа представляют собой лигатуры из силлабов: б₁ г₁ и г₁ г. Надпись на спатуле читается справа налево. Замечания к некоторым силлабам даны в комментарии к тексту.

Спатула и

Аверс

1. ай з' й г₁ ~ н | р₁ ч₁ у м₁
Аи з'й агь(ы) н(ы) ара (а) ч|ум
2. ай й₁⁰ ўц~ ш-|б₁ г₁ г₁⁰
аиг|э(ы) (и)ўцъ(р)шьа(й){т} аба г(у)г|эа-
аиевские люди ебе благодарны (за) отческую забо-
3. р₁ ай ш- й₁¹ к₁ й р₁
ра айшьапык(ы)йа(й) {т} ара
ту (и) совместно молятся усиленно здесь (в)

4. г₁ ъ̂ ай̂ г̂ й̂ | ай̂ п₁ б₂ к з₁ н̂ й̂
 г(у)г(ра) айгъайа(ра) аип (а)пка(ра) (и)зан, йа
 надежду (на) победу. Козла (по) установлению (что) заклан, его

Реверс

5. ѱ̂ ѱ̂₁ ѱ̂₁ | й̂ р₁ ай̂ б̂ ѱ̂₁ ѱ̂₁
 ѱ̂гIэ(ы) (и) (ры)г. Йара айб абб(ра) (и)аоґIа-
 твоим людям отдай. Его козлиного рёва доносится сюда (пусть)

6. м₁ ѱ̂₁ п₁ | з₁ т₂ н₂ з̂₁ п̂ з̂₁ г̂₁ р₁ г̂ з₁ л₁ |
 мауп. Зат(э) (=затэ) н(ы) (и)з'(ы), (и) (р)раз'(=ирфаз) (а)гIэ(ы),
 (и)р(з)гIазала

не есть. Жертву бога для, что съедена людьми, им взрасти опять.

7. с̂ | ай̂ п₁ х̂ ай̂ уу̂ г̂₁ г̂₁ ѱ̂₁ ж̂ л₁

(А)с'(э)а аип х(у) айѱа(=аѱ) ѱ̂гIэ(ы) гъаѱж(ь)ла

Ашуе (в) козлиную шерсть длинной твоим людям выращивай (отпуская) по-
 стоянно.

8. ѱ̂ б̂ а₁ м₁ з₁ | ай̂ л₁ ѱ̂₁ а₁ ѱ̂₁ л⁰ ѱ̂

паб. Амза! Аилац'аа₁ (а)тэ(ы) шэпа

Истинно есть. Амза! Вместе сплоти тех рабов плотно

9. й̂ ай̂ к̂ л₁ л₁ | уу̂ л₁ ѱ̂ ѱ̂₁ й̂

йа, ай(д)к(ы)лла, (й)ѱы, ѱалап (а)ца̂ йа!

непреречно, вместе (их) подними на восстание опять, (то) делая, ты по-
 служишь правде именно!

Комментарий к тексту спатулы И.

1(1) **Аи** - название территории населенной ашуйским племенем аиев.
 См. комментарий к табл. Д. 10(1).

1(2) **з'йагъ(ы)** - "вся". Определительное местоимение диалектального
 звучания, ср. бзыб. з'йагъы. Обращает на себя внимание звук гъ на месте
 совр. гь, представляющий древнюю норму произношения.

1(3) **н(ы)** - "бог". См. комментарий к табл. Д. 14(3). Фраза: **Аи айагъ(ы)**
н(ы) - "Аи всей бог" говорит о наличии в прошлом у ашуйцев племенных
 богов. (См. Инал=Ипа, 549 и след.). В современном абхазском здесь ожи-
 дается конструкция: **Аины зегъы анцэа**. После этого слова в тексте стоит
 фразораздел.

1(4) **ара** - 'здесь'. Наречие места.

1(5) **(а)чIум** - "чужой". По фонетическим нормам слово абазинского зву-

чания (ср. совр. иучІвым - “чужое”. РАБС, 562). Абх. атѳым. В эпиграфическом слове обращает на себя внимание передача лабиализации согласного через *ў* (силл. 1, № 9). Факт этот наводит на мысль, что лабиализация была не самостоятельным явлением и первоначально связывалась со следующим за консонантом дифтонгом *ўа* || *ўы*. Когда моносиллабизм, как первооснова речи, ослаб, подобные факты служили переходу от силлабического письма к буквенному.

2(1) *аигІ(э)ы* - “аиевские люди”. Слово *гІа(ы)* уже встречалось. См. комментарий к табл. Д. 14(6).

2(2) *(и)уцьа(р)шьа(й){т}* (= совр. иуцьаршьоит) - “тебе (они) благодарны”. Совр. абх. *(а)цьашья(=ра)* - “благодарить” исторически представляет сложный глагол, что видно по его спряжению, напр. *ицьасшьап* - “я его возблагодарю”, *ицьаршьап* - “они его возблагодарят”. “Первый компонент сложного глагола *цьа* имеет значение “труд”, “усилие”, второй - *шьа(ра)* - ‘оценить’. В целом сложный глагол “благодарить” ретроспективно означал: “оценить труд”, “оценить усилие”. В эпиграфическом тексте отсутствует показатель субъекта 3 л. мн.ч. Вопрос требует изучения. После этого слова в тексте стоит фразораздел.

2(3) *áба* - “отец”, “отческий”. Относительное определение к следующему слову. Ориентировано мной на абазинское звучание в связи со словом 1(5).

2(4)-3(1) *г(у)гІаар(а)* - “забота”. Ожидалось бы *ўгугІаара* букв “твою заботу”. Слово абазинского лексического значения. Ср. убых. *азгыгэан* || *азгэан* - “я думаю” (Vogt, 128, 767 и 227, 2436). Обращает на себя внимание употребление аффикса *масдара =ра*. Для ашуйских текстов случай довольно редкий. См. комментарий к табл. Д. 3(8); Д. 34(3) и др.

3(2) *аишьапк(ы)йа(и){т}* - “совместно молятся усиленно”. Сложная основа глагола в котором: *аи*= аффикс совместности действия, *шьапкы* - основа глагола “молиться” (МАСл. 97, а), букв. *шьапы* - “ноги *к(ы)ра* - “держать”, “ловить”). Во времена изготовления текста составной характер основы имел другое значение: “рассвета молнии ловить” (См. Очерк 1, стр. 67) и хорошо ощущался, почему словораздел поставлен между словами *шьапы* и *к(ы)*. О показателе глагола *т*- см. комментарий к тексту табл. Д. 14(4) и о частице *йа* комментарий к стеле А. 3(3).

3(3) *ара* - “здесь”. См. 1(4).

4(1) *г(у)г(ра)* - “надежда”. По тексту: “(в) надежде”. Совр. абх.=абаз. *гугра* - “надежда”. В ашуйских текстах, о чем неоднократно говорилось, аффикс *масдара =ра* употреблялся весьма редко. См. однако выше 2(4)-3(1).

4(2) *аигъайа(ра)* - “победа”. Совр. абаз. *аигІаира*. В эпиграфическом

тексте опять отсутствует масдаральный аффикс =ра. См. здесь 4(1) и 2(4)-3(1). Силлаб **гъа** в тексте спатулы оригинален. После этого слова в тексте стоит фразораздел.

4(3) **айп**(=аиб), обычно **аб** - “козел”. Диалектальная форма. С омонимичным значением “отец”. Ср. её в тексте таблички Д. 8(5). В тексте спатулы при троекратном употреблении слова везде аффикс **аи** вм. **а**. Что касается мены **б** на **п**, то в форме **аип** слово выписано в двух случаях 4(3) и 7(2), в форме **аиб** - однажды, 5(5). Замечания об этой форме слова сделаны в комментарии к табл. Д. 8(5).

4(4) **(а)пка(ра)** - “установление”. (См. МАСл 82, а). В отношении форманта масдара =ра см. выше 4(1), 4(2) и 2(4) -3(1).

4(5) **(и)зан** - “(что) заклан”. Финитная форма прошедшего неопределенного времени (формант =н) от утраченного в языке глагола **(а)за(ра)** - “заклать” (заколоть жертвенное животное). Корневая основа глагола сохранилась в слове **(а)затә** - “священная жертва какому-либо божеству”. Слово уже встречалось. См комментарий к табл. Д.6(6).

4(6) **йа** - “он”, в контексте “его”. Краткая форма личного местоимения 3 л. ед. ч. Сейчас употребляется чаще полная форма **йара**. См. ниже 5(4).

5(1) **й=** - “твой”. Притяжательное местоимение 2 л. ед. ч. класса мужчин. В тексте встречалось неоднократно.

5(2) **гӀа(ы)** - ‘люди’. См. выше 2(1).

5(3) **(и)(ры)т** вм. **(и)рыг** - “отдай”. Повелительное наклонение 2 л. ед. ч. Диалектальная форма с абруптивом **т** вм. полуабруптива **т**. (В связи с этим ср.: Vogt, 196, 1950). Показатель объекта **ры** в тексте не выражен. Это не первый случай его отсутствия. После этого слова в тексте фразораздел.

5(4) **йара** - “он” (в контексте его). Полная форма местоимения 3 л. ед. ч. класса вещей (относится к козлу). См. выше 4(6).

5(5) **Аиб** - “козел”. См. 4(3). Относительное определение к следующему слову текста. См. 5(6).

5(6) **(а)бб(ра)** - “рев”. Интересно отметить, что в тексте удвоенное **б** передано силлабом **й**. При мене **б** на **й** ср. во многом аналогичный случай в спатуле б. 5(3). Аффикс масдара =ра в тексте опять отсутствует. См. здесь 2(4)-3(1), 4(1), 4(2), 4(4). После этого слова в тексте стоит фразораздел.

5(7)-6(1) **(и)аоґӀа мауп** - “доносится сюда (пусть) не есть” т. е. “(пусть) сюда не доносится”. Ныне абхазы скажут: **иааюуамоуп**. Отрицательная форма настоящего времени от несамостоятельного глагольного корня **а** - “доноситься” (о звуке). Постверб **гӀа** имеет то же значение, что и преверб абх. **аа=** абаз. **гӀа**. Форма с **гӀа** более старая (см. Клычев; там же литература вопроса). Обращает на себя внимание абхазского типа окончание на-

стоящего времени глаголов состояния - **уп** при абаз. - **аб**. После этого слова в тексте стоит фразораздел.

6(2) зат(ə) *вм. зат(ə)* - “жертвенное животное” и в этом смысле “священная жертва”. Слово уже встречалось. См. комментарий к табл. Д. 6(6). В тексте диалектальная форма звучания - спирантизация аффрикаты **з**. См. комментарий к тексту спатулы б. 5(3).

6(3) н(ы) - “бог” См. комментарий к табл. Д. 14(3).

6(4) (и)з'(ы) - “для”. Послелог. Диалектальная форма, обычно *изы*. После этого слова в тексте стоит фразораздел.

6(5) (и)(р)паз' (=и(р)фаз) - “что (они) съели”. Инфинитная форма прошедшего неопределенного времени с диалектальным аффиксом **з'** *вм. з* от глагольного корня *па* → **фа** - “есть”. О передаче в тексте совр. звука **ф** синлабом **п** см. комментарий к табл. Ц. 4(1). Показатель субъекта 3 л. мн.ч. не выражен.

6(6) (а)гIə(ы) - “люди”. См. комментарий к табл. Д. 1(6). После этого слова в тексте стоит фразораздел.

6(7) (и)р(з)гIаза - “(то) них (для) взрасти опять”. Повелительное наклонение от глагольной основы *гIаəа* - “растить”, ретроспективно *гIа* - “сюда”, *за* - “растить”. (Совр. абх. *ааза*); **р** = аффикс объекта мн. ч., суффикс **=ла** имеет значение повторности действия. Версионный показатель **з** в слове отсутствует. После этого слова в тексте стоит фразораздел.

7(1) (А)с'(ə)а - “Ашуя”. Древнее название Абхазии. Слово в текстах неоднократно встречалось.

7(2) аип - “козел” См. 4(3). В тексте слово употреблено во мн. ч. без показателя множественности. Является относительным определением к слову 7(3).

7(3) х(у) - “шерсть”.

7(4) аиўа - (= *ау*) - “длинная”. В тексте диалектальная форма с аффиксом **аи** такого же типа как в слове **аип** (*аиб*) - “козел”. См. выше 7(2) и табл. Ц. 9(5).

7(5) ў - “твой”.

7(6) гIə(ы) - “люди”. См. 2(1).

7(7) гьяўж(ь)ла - “выращивай (= отпускаяй) постоянно”. Повелительное наклонение глагола **(а)ужь(ра)** - “отпускать” (напр. отпускать бороду - **аужьра**) с аффиксом **гья** диалектального звучания *вм. гIа*. Суффикс **=ла** имеет значение повторности действия.

8(1) цаб - “истинно”, “правда”. Вводное слово абазинского оформления, *бзыб. цоуп(←цауп)*. ББД. 50.

8(2) Амза. У древних ашуйцев как у абхазов недавнего прошлого боже-

ство мужчин. (РВА, 82-84). После этого слова в тексте стоит фразораздел.

8(3) **аилаца** - “вместе сплоти!” Диалектальная типа бзыбской форма **вм. аилаца**. Повелительное наклонение глагола с превербом совместности действия **аи** при сложносоставной основе **лац'а**.

8(4) **а₁** - “эти”. См. комментарий к табл. Д. 10(4). **А₁** здесь **вм.** урт вероятно потому, что формой подчеркивается духовная близость ашуйских рабов в Библие со своими соотечественниками на родине.

8(5) **ат(э)ы** - ‘рабы’.

8(6) **шэпа** - “плотно”. Совр. **жэпа**. Ср. однако МАСл. 102, а, **шэпа** - “толстый”, с отсылкой на Услара 181 и Чарая § 10, 139, где находим то же слово. В МАСл. 69, а, также **жэпа** - “густой”, “плотный”, “толстый”.

9(1) **йа**- ‘именно’. (См. комментарий к стеле А 3(3)).

9(2) **аи(д)к(ы)лла** - “вместе (их) подними на восстание опять” (совр. **айдгылла(р) шэидгыллала**). Повелительное наклонение глагола **кыла** || **гыла** - “вставать”, “восстать” с превербом совместности действия **аи** и суффиксом повторности действия **ла**. В отношении аффикса объекта **д** см. комментарий к табл. Д. 1(2). После этого слова в тексте стоит фразораздел.

9(3) **(и)ўы** - “(то) делая”. Деепричастие чистой основы от глагола **(а)у(ра)** - “делать”.

9(4) **ўалап** - “ты причастен будешь”. Финитная форма будущего первого времени (аффикс **-п**) от несамостоятельной глагольной основы **ла** - “быть причастным”. Ср. комментарий к табл. Д. 24(3).

9(5) **(а)ц'а** - “правда”. Диалектальная бзыбского типа форма, обычно **а'ца**.

9(6) **йа** - частица “именно”. См. комментарий к тексту стелы А. 3(3).

Перевод эпиграфического текста спатулы И на абхазский язык

(1) Аины зеггы анцэа! Ара атэым (2) аиуаа иуцъаршьоит аб угуадура (3) иуашъапкыцэкъауеит ара (4) аиаaira иакугугуа. Аб (аиб) цкарала ицказ (изатэыз) (5) ууаа ирыт. Иара аб (аиб) аббра иаафуамоуп. (6) Азатэ анцэа изы ирфаз ауаа ирзаазала (7) Ашэны аб (аиб) аху ау (аиу) ууаа ирзаужъла. (8) Ацабырг! Амза! Еиларцэа ант атэкуа жэпацэкъаны, (9) еидгыллала, иуы, уалоуп пабыргыцэкъаны!

Перевод абхазского текста на русский язык.

Аи всей бог! Здесь чужие аиевцы благодарны тебе за твою отеческую заботу и усиленно молятся с надеждой на победу. Козла, что по обычаю

тебе заклан, отдай своим людям. Пусть его козлиного рёва не слышится. Жертву, что была бога ради съедена людьми, взарсти им опять. В Ашше своим людям козлиную шерсть постоянно выращивай длинной. Истинно. Амза! Обязательно сплоти воедино тамошних рабов, подними их опять всех вместе на восстание. Так поступаая, ты послужишь именно правде.

**Очерк 8. Бронзовая спатула е
из Библа (XVIII-XV в. до н. э.)**

Текст спатулы сообщает о цене раба=финикийца по имени Амн, принадлежащего работорговцу=ашуйцу по имени Садза.

Табл. VIII. Бронзовая спатула е из Библа.

Рис. 1. Фотография текста

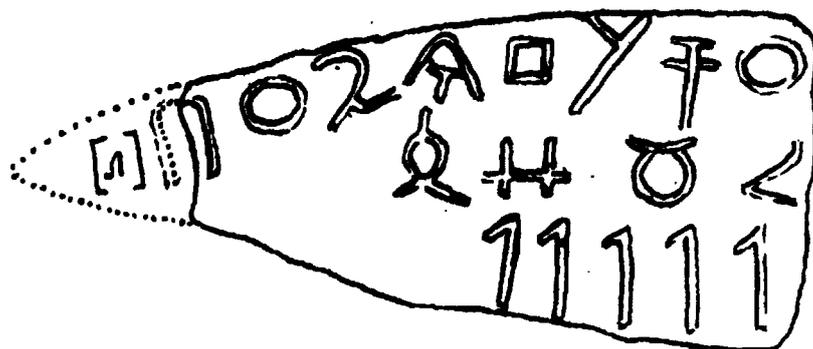

Рис. 2. Прорисовка текста (с восстановленной частью)

Спатула найдена и опубликована М. Дюнаном (DBGr., pp. 78-79, pl. XII, e; fig. 30, p.78.) датируется им применительно к истории древнего Египта XVIII-XVI в. до н. э. Материал спатулы - бронза. Узкий конец спатулы отбит. Восстановлен мной в табл. VIII, рис. 2 пунктиром. Без отбитой части длина спатулы 7 см, ширина 3,7 см, толщина до 2 мм. Фотографию спатулы см. в табл. VIII, рис. 1. Текст спатулы состоит из 3-х строк в которых заключено 12 силлабов и цифра 5, состоящая из 5 единиц. Дефектных силлабов 1. Недостающая часть силлаба отмечена мной пунктиром. На отбитой, не сохранившейся, части спатулы был еще один силлаб. Он выписан мной на штриховом рисунке в транскрипции в квадратных скобках. Надпись выполнена приемом бустрофедон.

Спатула е

1. с' з ṯ₁ г̃₁ амн с' [л]
 С' аз (и) т'(э) г̃ Амн суа [ла]
 Садзу принадлежащего Ам(у)на раба
 2. м₁ п₂ з' х̃
 мап (ы) з' а (а)х(у)
 ручной пяди цена
 3. 11111
 5.
 5 (сиклей).

Комментарий к тексту спатулы е.

1(1) С'аз - Личное имя этнического происхождения. Доныне есть фамилия А́сз'ба. (ББД. 39). О племени садзов см. в комментарии к спатуле ф. 1(1).

1(2) (и)т(э) - "(его) собственность". Совр. абх (а)тэ(ра) - "собственность", "принадлежность".

1(3) г̃ - "его". Притяжательное местоимение 3 л. ед. ч. класса мужчин. Вместе с предыдущей композитой образует посессивную конструкцию предложения. Старое звучание этого местоимения сохранилось рефлексивно в убыхском языке (Vogt, 223, 2376). См. комментарий к спатуле ф. 1(1).

1(4) Ам(у)н - имя раба принадлежащего Садзу. Имя не ашуйское, вероятно семитическое. Восстанавливая полное звучание согласной основы, после м можно предположить в данном случае одну из гласных того времени а, у. Мой выбор произволен.

1(5) **суа[ла]** - “раб”. Относится как приложение к предыдущему имени собственному. Диалектальная форма. Обращает на себя внимание лабиализация через **у**. См. комментарий к тексту спатулы **ф 4(3)**. В ретроспективном плане это слово спатулы при сопоставлении его с совр. бзыбским, **хасэыла** - “раб” (ББД. 55; МАСл, 128, а, 101 а, б) означает: “приобретенный”, в то время как совр. бзыб. **хасэыла** раскрывается как **ха** - “голова”, **сэыла** - “приобретенная”. В тексте спатулы слово дефектно. Отсутствует силлаб **ла**. Конец спатулы отбит.

2(1) **мап(ы)з’а** вм. **мап(ы)з’а** - “ручная пядь”. Композита состоящая из слов **мапы** (||**напы**) - “рука” и **з’а** → **з’а** - “пядь”. Пядь представляет собой меру длины равную расстоянию между кончиками вытянутых мизинца и большого пальца руки (Гулия, 81). Пядями измерялся при продаже рост рабов, чем и определялась их цена. Стоимость пяди определялась по договоренности. В тексте спатулы вм. **з’** стоит **з’**. Спирантизация аффрикаты явление в языке довольно обычное и как оказывается древнее. См. кроме этого текст спатулы б. 5(3).

2(2) **(а)х(у)** - ‘цена’.

3(1) 1 1 1 1 1 - цифра 5. Писалась повторением единиц. В словесном звучании должно быть **хуба** т.к. речь идет о пяди, т. е. предмете относящему к классу вещей. В древней Финикии основной денежной единицей при определении стоимости была сикл. Существовала ли она в XVIII-XVI вв. до н. э. мне неизвестно.

Перевод эпитафического текста спатулы е на абхазский язык.

(1) Саз итэы и- Амуна хашэала (2) напыза аху (3) 5. (хуба)

Перевод абхазского текста на русский язык.

Садзу принадлежащего раба Амуна цена ручной пяди 5 (сиклей).

Очерк 9. Стела Г из Библа (не датирована).

Текст стелы представляет собой письмо, в котором некто, имя которого в письме не обозначено, обращается к живущему в Библе земледельцу=ашуццу по имени Сагя с просьбой дать (подарить) участок плодородной земли ашуццу по имени Туаха. Этот ашуец на родине был рабом. По неизвестным причинам он там был лишен своим соседом участка своей земли и переправился в Библ.

Стела интересна художественно выполненными фигурами силлабов из которых **ха** и **са** находят свое более раннее изображение в первой фонетизированной силлабо=пиктограмме на серебряном сосуде из Майкопского кургана.

Табл. IX. Стела Г из Библа.

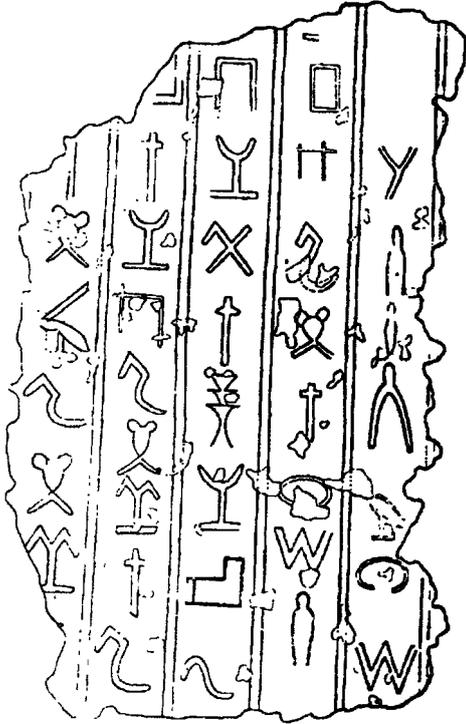

Рис. 2. Прорисовка текста

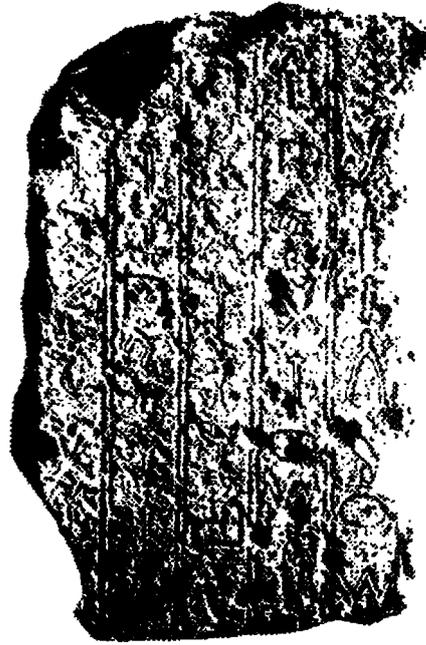

Рис. 1. Фотография текста

Стела найдена и опубликована в числе письменных памятников Библа проф. М. Дюнаном (DBGg. pp. 80-81, pl. XI, fig. 32, p. 81). Представляет собой блок известняка, использованный вторично в стене резервуара для воды городского сооружением близкого к эпохе эллинизма. Высота стелы 40 см, ширина 25 см и толщина 20 см. Сверху, слева и частично снизу стела оббита. Число сохранившихся силлабов 38, отсутствует по тексту 7. Текст читается справа налево, сверху вниз столбцами. Столбцов 5. Фотографию с текстом оригинального письма и прорисовку см. в табл. IX, рис. 1-2. Отсутствующие силлабы при транскрибировании текста заключены в квадратные скобки.

Кроме этой надписи в *Byblia Grammata* М. Дюнаном опубликованы еще два лапидарных обломка, обозначенных литерами h и j. Все силлабы в них известны. Я их прочел, но для публикации не готовил т.к. они слишком фрагментарны и чтение может быть весьма предположительным.

Фрагмент h (pl. XI, h, fig. 33, p. 82) содержит 7 сллабов, числовой знак 1 и один словоразделитель в виде короткой вертикальной черточки после цифры 1. Силлабы и другие знаки фрагмента размещены в трех строках. Как можно судить по первой сверху строке текста надпись писалась справа налево.

Фрагмент j (pl. XI, j, fig. 35, p. 84) содержит 13 сллабов и 5 фразоразделителей в виде коротких вертикальных черточек. На обломке сохранилось три строки текста. Третья сверху строка показывает, что надпись писалась так же как и на фрагменте h справа налево.

Материал блоков на которых сохранились фрагменты надписей h и j - известняк. Размер первого обломка 22 x 16 см, второго - 44 x 28 см.

Стела Г.

Первый столбец справа.

1. $\check{Y}_1$ д м₁ $\check{Y}$ х₁ н₂ г [л]
[(и)т(э)ы д(э)ы (и)ма, Т(э)ахан. (А)г(у)[ла]
[Свое) собственное поле имея, Туаха существовал. Сос[ед]

Второй столбец справа

2. [ч] г $\sim_1$, $\check{Y}_2$ н м т н₂ г д
[ча] г_а (а)т(э)ы ана (и)мган. Г(у) да (=дыу)
[пропи]тания раба там лишил. Сердце большим

Третий столбец справа.

3. [Р] г $\sim_1$ а₁ к т с а₁ г $\sim$ н
[(и)р] г_а (и)а₁к(уи)т(у) Са₁г_а, н(ы)
[заставь] вырасти (= великодушие прояви) свободный Сагя, землю

Четвертый столбец справа.

4. [зр]) г $\sim_1$ т а₁ $\check{Y}_2$ н м л т н
[(и)з(ы)р] г_а (уа) (и)га а₁(а)т(э)ы. Ана (и)мала (д)тан
[рожда]ющую дай этому рабу. Там одиноким (он) находился,

Пятый столбец справа.

5. [р] о м $\check{Y}^0$ н м л [г $\sim_1$]
[ара] о(ы)ма г₁э(ы)на (и)мала [г_ь(ы)]
[здесь] (на) чужой стороне одинок [также].

Комментарий к тексту стелы Г.

1-й столбец справа

1(1) (и)т(ə)ы - “(свое) собственное”. Возвратно-притяжательное местоимение, образованное от слова тэы - “собственность”.

1(2) д(ə)ы - “поле”.

1(3) (и)ма - деепричастие чистой основы от глагола (а)ма(ра) - “иметь”. Встречалось в других текстах.

1(4) Т(ə)аха - “Туаха”. Имя собственное. Совпадает с названием убыхов - Тэахы (Vogt, 195, 1932). Не исключено, что Туаха стелы Г был протоубыхом.

1(5) =н - аффикс прошедшего времени в спрягаемом имени “был”, “существовал”. Сейчас абхазы скажут дыкан.

1(6) (а)г(у)[ла] - “сосед”. Низ стелы отбит. Силлаб ла в квадратных скобках восстановлен по смыслу текста.

2-й столбец справа.

2(1) [ча]гъа - “пропитание”, “пицца”, “хлеб”. Ретроспективно: ча - “хлеб”, гъа - “выросший”. Верх стелы отбит. Силлаб ча в квадратных скобках восстановлен по смыслу текста.

2(2) (а)т(ə)ы - “раб”. Слово неоднократно встречалось в других текстах.

2(3) ана - “там”. Наречие места. Встречалось в других текстах.

2(4) (и)мтан - “лишил”. Глагол в прошедшем неопределенном времени (формант =н). Нынче в данном контексте скажут: имтейт. Масдар (а)мта(ра).

2(5) г(у) - ‘сердце’.

2(6) да (= дыу) - “большое”. Определение к слову гу - “сердце”. См. комментарий к табл. Д. 10(5).

3-й столбец справа

3(1) [(и)р]гъа - “взрасти!” Повелительное наклонение от глагольной основы ныне весьма ограниченного употребления (ср. агъара - “всходы”, аилагъара - “срастаться” и др.). Раньше основа была более продуктивной, что видно в частности по слову чагъа - “пропитание”, “хлеб”. См. выше 2(1). В тексте стелы была каузативная форма с показателем каузатива р=. Верх стелы отбит, но на отбитой части можно поместить на более одного силлаба. Фраза «сердце большое взрасти» имеет значение: «прояви великодушие».

3(2) (и)а₁к(уи)т(у) - “свободный”. По форме старое определение к следующему слову: Указывает на то, что лицо к которому оно относится, веро-

ятно, освободилось от рабской зависимости. Едва ли свободный на родине, в Ашуе, земледелец переселился бы в Библ.

3(3) Са₁г₂а - “Сагя”. Имя собственное. В наше время оно неизвестно. На современном этапе развития абхазского языка старое ашуйское гь - дает гь.

3(4) ны - “земля” (как страна и как почва).

4-ый столбец справа.

4(1) [(и)з(ы)р]г₂а(уа) - “рождающая”. Каузативное определение к предшествующему слову ны - “земля” в форме старого причастия без аффикса =уа. В некаузативной форме переключается с причастием в третьей фонетизированной силлабо=пиктограмме на сосуде из Майкопского кургана. Слово употреблено в переносном значении. Буквально оно означает «(земля) которая возвращает». См. 3(1). Верх стелы отбит. Отсутствующие силлабы заключены в квадратные скобки.

4(2) (и)та - “дай” (подари!). Повелительное наклонение от глагола (а)та(ра) - “давать”, “дарить”.

4(3) а₁ - “этот”. Указательное местоимение ближайшей ориентации. Соответствует совр. абри. Неоднократно встречалось в других текстах. Сейчас в этой форме и функции неупотребительно.

4(4) (а)т(э)ы - “раб”. См. 2(2).

4(5) ана-“там”. См. 2(3).

4(6) (и)мала - “одинок”. Наречие образа действия (см. МАСл, 56, б).

4(7) (д)тан - “находился”. Глагол в прошедшем неопределенном времени (формант =н). Показатель субъекта, он же показатель класса человека д= не нашел своего выражения. См. комментарий к табл. Д. 1(2).

5-й столбец справа.

5(1) [ара] - “здесь”. Наречие места.

5(2) џ(ы)ма - “чужой”. Абхазского звучания форма абазинского слова г₁џыма в том же значении.

5(3) г₁џ(ы)на - “сторона”. Абазинского звучания слово.

5(4) (и)мала - “одинок”, см. 4(6).

5(5) [г₂(ы)] - “также”. Совр. абх. =г₂ы. (См. МАСл, 33, б). Низ стелы отбит. Отсутствующий силлаб заключен в квадратные скобки. В современном абхазском языке после последнего слова ожидается глагол-связка. В эпиграфическом тексте в 3 л. ед. ч. наст. вр. его могло не быть. Наиболее древние случаи этого порядка см. в фонетизированных силлабо=пиктограммах Майкопского кургана.

**Перевод эпитафического
текста стелы Г на абхазский язык.**

(1) Итэы дэы има Туаха дыкан. Агуыла (2) ачагъа атэы ана иимтеит. Агу ду (3) иазырха (=уизыхалалха) иакуиту Сагъа, адгъыл (4) изргъауа ита абри атэы. Ана имала дтан, (5) ара атэым дгъыл аэгъы имала дтоуп.

Перевод абхазского текста на русский язык.

Свое собственное поле имея, Туаха существовал. Сосед пропитания раба там лишил. Великодушие прояви свободный Сагя, землю рождающую дай (подари) этому рабу. Там одиноким он был и здесь в чужой земле он одинок также.

Табл. X. Майкопская строительная надпись.

Рис.1 Фотография текста

Рис.2 Прорисовка текста

**Очерк 10. Майкопская строительная
надпись в новом чтении. (XIII-XII вв. до и. э.)**

Надпись сообщает о постройке в золотоносной долине Паху крепости Аяа. Крепость принадлежала потомку легендарного азегского царя Мараны («Солнце=бог»).

Публикуется в новом чтении после того как мной было установлено, что ашуйское письмо не финикийского, а местного происхождения и был составлен новый силлабарий этого письма, потребовавший корректив в надписи.

Надпись обнародовалась мной на русском языке дважды. Первый раз в ВДИ, 1965, № 3, стр. 97-108 и ВДИ, 1966, № 2, стр. 82-98. Второй раз в ТПЯЯ. 1971, стр. 11-34. Кроме этого краткое изложение её содержания

дано мной в журнале *Archeologia*, издаваемом в Париже в № 12, 1966, стр. 52 и в реферате, помещенном в «*Bibliotheca Classica Orientalis*» ГДР, Берлин, 1968, № 2, стр. 88-90, которую издает *Insitut for griechisch-romische Altertumskunde*.

Текст надписи не имеет прямого отношения к мифу об аргонавтах, но он как и миф, отражает ту из сторон реальной жизни ашуйского государства, которая связана с богатой добычей здесь золота и вырастающих на этой золотоносной почве богатства местных царей. Что могли представлять собой эти богатства говорят сокровища Майкопского кургана - усыпальницы царя ашуйского племени садзов.

Майкопскую плитку от Майкопского кургана по времени отделяет целое тысячелетие, но поскольку она найдена в каких-нибудь 2-3-х километрах от местоположения бывшего кургана, её текст привязан к Майкопской золотоносной земле. Здесь можно говорить о давней традиции и в области производства и культуры, и в области развития в крае ашуйского письма, о котором впервые поведали нам силлабо=пиктограммы Майкопского кургана.

Протоубыхизмы языка силлабо=пиктограмм Майкопского кургана продолжают себя в протоубыхизмах текста Майкопской плитки, а это ли не свидетельство непрекращающейся в этих местах активной жизнедеятельности людей ашуйской земли.

Описание плитки на которой вырезана Майкопская надпись и условия её находки можно извлечь из прежних публикаций. Уточняю: в надписи с раскрытием лигатур 41 силлаб, 2 числовых фигуры и 2 силлабо=пиктограммы. А всего 45 графических фигур. Замечания к некоторым силлабам помещены в комментарии к тексту надписи. Оригинальный текст и рисовку его см. в табл. X, рис. 1-2.

Майкопская плитка

1. аа з₁ г̃ х̃ д₁ м₁ р₁ г̃ п₂ б

а аз г̃а х̃а да (=дыу) Мараны г̃а цаб

Этот азегского царя великого Мараны его потомок (букв. сын) есть.

2. а₁ й̃ т̃₃ б₁

Айа (и)т̃(э)б

(Крепость) Айа (его) собственность есть.

3. п₁ г̃₁ х₁ з₁ г̃₁ й̃

Паг Хь(ы)за(д)г̃ац,

Пагя (из) Хизы (он) сюда выйдя,

4. л₁ џ м₁ з₁ х н₄

лацамза (а)хан(ы)

Сева месяца начале (голове) в

5. џ б₂ г₁ г̃ К к н₃

(да)сы(н) багъа (а)гъа 21 в

(он) соорудил (построил) крепость году 21в

6. б₂ г̃ н н₄ х₁ н̃ п₂ х д

бган(ы)н(ы)хь(ы)н(ы), Пах(у) ад(э)

Скалистой стране в, золотой (золотоносной) земле (в), Пах(у) долине (в).

Комментарий к Майкопской надписи в новом чтении.

Надпись выполнена, повидимому, на убыхском языке периода его возникновения. Как диалект он являлся в ту пору компонентом ашуйского языка. Убыхские (пёхские) черты представлены в тексте еще минимально, преобладают черты абхазо=абазинские.

1(1) Три первых силлаба текста надписи выписаны в строку сверху вниз: $\widehat{aa}z_1g\sim$. Для ашуйского письма явление это довольно обычное. Обращает на себя внимание присутствие “силлаба в виде косоугольного креста не в его старом звучании $a\grave{g}a$ (см. силл.1, №87), а в новом - $\widehat{aa}$ (см. силл. 1, № 2), с утратой в интервокальном положении ларингального звонкого спиранта, что характеризует особенность абхазской речи, в то время когда в абазинской речи ларингал сохраняется. Текст надписи показывает сколь древним в абхазском является утрата ларингала. Писец воспринимал силлаб № 2 не как графическое целое, но каждую a отдельно, что представляется частным случаем разрушения старой слоговости письма, переходом письма к буквенной системе. Первая a используется писцом для обозначения ныне неупотребительного указательного местоимения 3 л. ед. ч. - “этот”, “эта”, “это”. См. его в тексте стелы А 10(6) и спатулы и 8(4), вторая a используется для обозначения определенного члена при имени собственном $z\grave{g}a$. См. ниже 1(2). Другой, более поздний случай отдельно-буквенного использования силлаба № 2 см. в тексте Аквинской (Сухумской) 1-й надписи (см. здесь, с. 185, 1(4)).

1(2) $az\grave{g}a$ - название племени. Vogt (68, 45) сообщает, что убыхи называют абхазов и абазин - $az\grave{g}a$. Термином «азега» именуется абхазов и абазин Л. Я. Люлье (Люлье, с. 9). Эпиграфическая форма имени представляется композитой состоящей из двух некогда самостоятельных имен: az , как показывает убыхский со вторичным начальным a (Vogt, 68,45) и $g\grave{a}$. Вторым компонентом композиты в абхазском самостоятельно означает ныне

“всходы”. Этнограф Н. С. Джанашия считал исходным значением слова **гъа** - “семья” (МАСл. 90). При обозначении людского сообщества в древности слово **гъа** употреблялось, с семантикой “племя” и, / следовательно, эпиграфическое **азгъа** понималось как “аз(ов) племя”. Этноним **азра**, как одно из названий абхазов известен в специальной литературе (Инал=Ипа, 358). Услар предполагал, что название **азра** произошло из **адзыга** (У. 75) убыхского названия абхазов, равного нашему эпиграфическому **азгъа**. С ним соглашался Генко (ЯУ, 234). Заключение это, как показывают наши тексты ошибочно.

В этнониме **азра** аффикс -ра есть аффикс собирательности. В ашуйском письме он обозначался силлабом p_2 , а не $г\sim$. Последний в некоторых случаях в дальнейшем давал $г\sim$.

1(3) **хъа** - ‘царь’. Диалектальная, по звучанию убыхская форма (Vogt, 208, 2136) вм. обычной для ашуйских текстов **ха** в том же значении.

1(4) **да** (= **дыу**) - “великий”, “большой”. Слово встречалось в текстах многократно. Объяснение см. в табл. Д. 10(5). Силлабд в этом **хабите** встретился впервые, ср. его с силлабом на реверсе спатулы **Асдрубала** 2(2).

1(5) **Мараны**. Личное имя владельца крепости. При первой и второй публикациях Майкопской надписи (ВДИ, 1966, 2, 89-91; ТППЯ, 26) слово правильно объяснено как почетное (второе) имя царя: «Солнце=бог), греч.

Нлюс. Для XIII-XII вв. до н. э. каким датируется мной Майкопская надпись, **Мараны** уже легендарный ашуйский царь, реально под этим именем засвидетельствованный в XIX в. до н. э. в тексте табл. Д. 13-14, обычным, семейным именем которого было **Пту**. Для владельца крепости **Айа** царь **Мараны** являлся легендарным предком, а не отцом. В этом отношении Майкопская надпись в её новом чтении корректирует текст легенды об аргонавтах, где **Нлюс** (= **Мараны**) назывался отцом **Айэта**. Местные царьки считали для себя весьма лестным связать свое имя со знаменитым легендарным предком. Вспомните, что писал Плиний в отношении колхидского царя **Саулаха**, которому посвящена Аквинская (Сухумская) 1-я строительная надпись II в. до н. э.: «В Колхиде царствовал **Айэтов** потомок **Саулак** ...». Вероятно царь **Саулах** считал себя потомком **Айэта**, хотя от своего предка был отдален 12 веками. Считал себя потомком **Мараны** («Солнце=бога) и царь владелец крепости **Айа**, отдаленный от него по меньшей мере 6-7 веками. Такова традиция. При воспроизведении эпиграфического имени **Мараны** мною использована абазинская полногласная форма имени, какой она представлена в тексте табл. Д. 13-14.

1(6) **гъа** - “его”. Притяжательное местоимение 3 л. ед. ч. убыхского звучания. Совр. убых. **га** (Vogt, 223, 2376). Ср. в спатуле е 1(3). Сравнивая

между собой формы местоимения в спатуле е и здесь, трудно сказать, где мы имеем дело с языковой, а где с графической диалектальностью.

1(7) цаб - “потомок (сын) есть”. В соответствии с 1(5) я полагаю, что имя ца (совр. абх. =-абаз. (а)ца - “сын”) в тексте памятника имеет переносное значение - “потомок”. Глагольная связка абазинской формы =б с палеографической стороны содержит б такого хабита каким оно представлено в лигатуре б₁л₁ в тексте спатулы б.

7(2). В том, что бытовое имя царя, владельца крепости Аяа, в надписи не выписано, нужно видеть старую этнографическую особенность. У горцев Кавказа до сих пор считается обычным говорить: сын такого-то, потомок такого-то не называя по имени сына или потомка в знак особого уважения к отцу или предку. Как я уже говорил в моём исследовании текста Майкопской надписи, в мифе об аргонавтах также не приведено бытового имени царя. Аяэт это не имя царя, а указание его происхождения: аяэтский, из Аяи. См. выше 1(5) и ниже 2(2).

2(1) Пиктограмма со значением “крепость” перед собственным именем - названием крепости. По форме представляет собой боевую сторожевую башню, которые возводились на Кавказе. Нарцательное имя крепость в пору надписи звучало бага (ср. совр. абх. баа - “крепость”, “каменное строение”). Ср. также ниже 5(2).

2(2) Аяа - название крепости (в мифе об аргонавтах греч. Α' ια). В древности в Ашуе (существовало племя Аи. См. комментарий к табл. Д. 10(1). В ашуйском языке, как выяснилось после установления нового полного силлабария, не было долгих гласных. Принцип *matres lectionis*, которым я пользовался ранее, когда считал письмо по происхождению финикийским, ныне в исследовании отпал.

2(3) (ы)тэб - (его) собственность есть. Аффикс принадлежности (совр. и ← ы) в надписи не выражен; т(э) (совр. абх. (а=)тэы(=ра) - собственность, =б глагольная связка, уже встречавшаяся в 1(7).

3(1) Пагъа - “Пагя”. Личное имя строителя крепости. Представлено в надписи лигатурой из двух силлабов п₁ и г₁ в которой силлаб г₁ является графическим вариантом силлаба г~ (см. силл. 1 №№ 70, 71). Смысловое значение имени абх. пагъа = Пагя - “высокомерный”, “заносчивый”, “гордый”; убыхское - “благородный”. В первичном звучании и значении слово не сохранилось.

3(2) Хь(ы)за. Название места. В убыхской общине Вардан в Причерноморье под названием Хиза существовало селение. Под этим именем оно могло существовать и здесь где-то поблизости от крепости Аяа. Протоубыхизмы надписи говорят о том, что это вполне реально. См. ниже 6(5), 6(6).

3(3) (д)гъац - “(он) выйдя”. Деепричастие чистой основы с превербом движения гъа - “сюда” диалектального звучания. В современных абхазском и абазинском языках эпиграфической нормы встречать не приходилось. Абхазы скажут: **аа**тъц, абазины - **г**атъц, где **аа** || **г**а преверб, а **тъц** корневая глагольная основа, ныне не членимая на словообразующие элементы. Силлаб **ц** по своему хабиту близок к **ц** на Синапльской печатке. См. здесь табл. XIII, рис. 2-3. Показатель субъекта **д**= отсутствует. См. комментарий к табл. Д. 1(2). В современном понимании форма **даа**тъц говорит о том, что некто, выйдя из Хизы, строил крепость где-то поблизости.

4(1) лацамза - “месяц Сева”. В надписи композита. Сопоставляется с совр. абх. лацамза, где лаца отглагольное имя (ср. лацара - “сеяние”, “сеять”), а мза, убых. мза (Vogt, 151, 1141) имя со значением “месяца” (как единицы времени). В современном абхазском форма лацамза совершенно понятна, хотя обычно говорят лацарамза в том же значении. Этнографы сообщают, что “месяц Сева” соответствовал второй половине апреля, первой половине мая.

4(2) (а)хан(ы) - “начале (голове) в”. Для слова “начало” использовано имя “голова” (**жа**→**хы**) с послелогом **аны** - “в”.

5(1) (да)сы(н) - “соорудил” (построил). Показатель класса человека **д**= не выражен. См. комментарий к табл. Д. 1(2). В тексте надписи представлена чистая глагольная основа - **сы**. Касаясь самостоятельного употребления глагольной основы в абхазском А. Н. Генко писал что «чистая основа ... переводима точнее всего причастием страдательного (от глаголов переходных) и среднего (от глаголов непереходных) залога». (Генко, 81). Поставленный мной после чистой основы в круглых скобках глагольный аффикс прошедшего времени (**н**) носит разъяснительный характер. Силлаб **с** и следующая за ним лигатура **б₂г₁** размещены в надписи столбцом сверху вниз. См. 5(2).

5(2) баа - “крепость”. Исторически соответствует совр. абх. (а)баа - “крепость”, “каменное строение”. Графически слово представлено лигатурой **б₂г₁**.

5(3) (а)гъа - “год”. В абазинском тапанском диалекте это слово употребляется в значении “пора”, “время”, “сезон”. Так же в убыхском (Vogt, 227, 2426). В значении “год”, с закономерной субституцией звука в форме **гъа** слово известно в черкесских (адыгских) языках, где оно представляет собой старое заимствование из ашуйского языка.

5(4) 21- Цифра состоит из двух десятков в форме **→** встречно соединенных в фигуру **≍** “20” с присоединенной к ней слева фигурой **↑**, обозначающей цифру 1. Счет лет дан в двадцатиричной системе до сих пор

потребительной у абхазов и абазин. Синтаксическая последовательность цифр в числе 21 отвечает строю абхазского и абазинского языков. Нужно думать, что число указывает на то, что крепость Айа была построена на 21 году царствования её владельца, если конечно в Ашуе не было своей системы летосчисления, о которой мы ничего не знаем.

5(5) **кн(ы)** - послелог со значением “в”. Сейчас применительно к “году” скажут не 21 **акны**, а 21 **азы**. Послелог (а)кны ныне употребляется только в отношении к месту, в отношении ко времени сейчас говорят **азы**.

6(1) **бга** - “скала”, “утес” (совр. абх. (а)бга). В тексте надписи относительное определение к следующему слову. См. 6(2).

6(2) **н(ы)** - древняя форма самостоятельного слова для именованья “страны”, “земли”, изображенная пиктографической фигурой двухглавой горы. Древнее слово в современном абхазском языке соответствует локальному аффиксу =ны в составе слов типа Апсны - “Абхазия”, в прошлом апс(ов) страна (абхазов страна); при апсуа - “абхаз”.

6(3) **(а)ны** - послелог со значением “в”. Ср. выше 4(2). В целом слова 6(1), 6(2) и 6(3) образуют фразу “скалистой стране в”. Топонимом **Бганы** - “Скалистая страна” герср. “Страна скал” именовалась в древности горная Абхазия, точнее горная Ашуя. Ср. этот же топоним **Бга[ны]** в Аквинской (Сухумской) 1-й надписи (здесь, с. 271, 2(1)).

6(4) **хь(ы)н(ы)** - “золотая (золотоносная) земля”. Композита, состоящая из двух компонентов: **хь(ы)** - “золото” (также и в совр. абхазском) и =ны - “земля”. См. выше 6(2). Послелог с локальным значением “в” в тексте не выражен. Явление этого порядка в языке обычное. Ср. ниже 6(6).

6(5)-6(6) **Пах**, вероятно **Цах(у)**. Название местности, где была построена крепость Айа. Следующее за словом **Пах** (**Цаху**) слово 6(6) - **ад(э)**, говорит о том, что местность была поляной герср. долиной. Исходя из протоубыхских языковых черт надписи, полагаю, что название **Цах** (**Цаху**) представляет собой древнюю форму этнонима убыхов - **Пёх**, каким он был засвидетельствован Усларом, Дирром и Мессарошем. Дюмезиль подправляя Дирра указывал кроме того форму со смычногортанным п (Dumesil, I, 203). Черкесское (адыгское) “убых” (у Vogt’a абадзехское wəbəx 203, 2051) представляет собой адаптацию этого самоназвания. Поляна или долина **Цах** (**Цаху**) находилась, как я думаю, в междуречье Куржипса и Белой. Вершину долины составляло устье р. Куржипса, впадающей в Белую близ Майкопа, а её боковые стороны р. р. Куржипс и Белая. До 1862 г. эту местность занимало черкесское племя мамхегов, вытесненное отсюда во время войны на северо-западном Кавказе царской Россией. А. Н. Дьячков=Тарасов обследовавший в 1900 г. эти места и выселенных отсюда мамхегов, указывал среди

бывших некогда здесь аулов и убыхский с названием Вардан (Дьячков=Тарасов. Мамхеги, 239-240). Вероятно убыхи составляли часть населения долины и как можно судить по нашей надписи более древнего, чем мамхеги. Напомню, что первый исследователь убыхского языка П. К. Услар занимался им в 1861 г. с 14 летним сыном знатного убыха Хаджи Дегумок Берзека здесь, на р. Белой, в 12 километрах выше Майкопа.

**Перевод эпиграфического текста
Майкопской надписи на абхазский язык.**

(1) Ари азгъа жэлар(р) ах дыу Мараны дипауп (2) Айа абаа итэууп. (3) Пагъа Хьыза даатыцны (4) лацамза аханы (5) дасын абаа ашыкус 21 азы (6) бганы (хратэылан) , хьны (хьтэылан), Паху адэаеы.

Перевод абхазского текста на русский язык.

Этот азегского царя великого Мараны потомок (сын) есть. Крепость Аиа его собственность есть. Пагя из Хизы сюда выйдя, в начале месяца Сева, в 21 году соорудил (эту) крепость в Стране Скал, в золотоносной земле, в долине Паху.

Табл. XI. Бронзовая спатула Асдрубала из Библа (реверс).

Рис. 1. Фотография текста

Рис. 2. Прорисовка текста

Очерк 11. Надпись на реверсе бронзовой спатулы Асдрубала из Библа (XI-X вв. до н. э.)

Надпись представляет собой сообщение о продаже 5 лошадей общей стоимостью 480 (сиклей). В каких денежных единицах совершалась сделка нам неизвестно, но поскольку основной денежной единицей того времени являлась сикл, можно думать, что на реверсе спатулы, как и на её аверсе, имеется ввиду эта денежная единица.

На спатуле Асдрубала интерпретировался только финикийский текст аверса. Последним читал его, насколько мне известно, проф. А. Дюпон-Зоммер (*Archiv Orientalni*, 1949, Praha, vol. XVII, с. 158-167). В его чтении текст таков: (У) моего (брата) Аздрбаала девяносто (сиклей) как оплату серебром я получил. Если же ты хочешь войти во владение (своей частью), (то) твое добро для тебя, как мое добро для меня». Проф. А. Дюпон-Зоммер датирует текст аверса спатулы XI-X вв. до н. э. Я придерживаюсь этой даты.

Спатула Асдрубала найдена проф. М. Дюнаном при археологических раскопках Библа (*Fouilles de Byblos*, I (1937) p. 28, n° 1125, pl. XXXII). Опубликована им с его чтением текста спатулы в 1938 г. (*Bulletin du Musée de Beyrouth*, II, pp. 99-107). Публикация повторена в *DBGr.* pp. 155-157, fig. 51, pl. XIII, 2, p. 82).

Попыток чтения текста на реверсе спатулы не предпринималось, хотя снимок с неё публиковался (*DBGr.* pl. XIII, 1, p. 82) и некоторые знаки письма Дюнаном воспроизводились в *Byblia Grammata*, pp. 85-86.

Проф. А. Дюпон-Зоммер «псевдоиероглифический» текст надписи на реверсе спатулы датирует ориентировочно VIII в. до н. э.

Мое чтение я веду по отличному фотоснимку, любезно присланному мне проф. М. Дюнаном из Бейрута в его письме от 27 декабря 1972 г. Фотоснимок и моя прорисовка текста помещены в табл. XI, рис. 1-2. Поверхность спатулы в ряде мест сильно изъедена окислом. Надпись наносилась на поверхность спатулы уже тогда, когда её края были оббиты, но она была не столь повреждена окислом как ныне. Это заключение следует из того, что на отбитых частях спатулы не было ни одной буквенной фигуры, а окислом основательно повреждены только 3 силлаба (См. табл. XI, рис. 2).

Текст спатулы состоит из четырех строк. В нем 22 силлаба и две цифры финикийского линейного письма, стоящие под «титлом» и образующие число 480 (400 + 80). Силлабы γ и β_1 третьей строки текста даны в лигатуре. В тексте 3 словоразделителя в виде вертикальных коротких чёрточек уже знакомых из текстов ашуйского письма на других ранее представленных спатулах.

Ширина спатулы 9 см, высота в самой широкой части 5 см, толщина пластины не указана.

Надпись читается слева направо, что свидетельствует о её позднем происхождении по сравнению с другими библскими ашуйскими памятниками.

Я полагаю эту надпись датировать немного позже чем надпись аверса спатулы, но в пределах тех же XI-X вв. до н. э.

Спатула Асдрубала

Реверс

1. ч р₂ з г~ х б₂

(а)сы р(ы) загъ х(у)ба,
лошадей всех пять,

2. ч р' х₁' д₁

(а)сы р(ы) х(у) да (=дыу)
лошадей цена высокая,

3. х ч₁ п₂ б₂ г б₁ т р

(а)х(у) чаца багаб: 400 (+) 80

цена слажена твердая: (за) 480 (сиклей)

4. х к л₁ р₂ т й

х(у) к ала (и)рт(и)и {т}

по одной цене они проданы.

Комментарий к тексту надписи на реверсе спатулы Асдрубала.

1(1) (а)сы - “лошадь”.

1(2) (р)ызагъ - “все” (совр. бзыб. рыззагъ). Исследователь бзыбского диалекта абхазского языка Х. С. Бгажба пишет: «Особенностью бзыбского диалекта следует считать употребление определенного местоимения **рыззаг** «весь» всё целиком», имеющего обобщающее или собирательное значение, указывающее на полноту охвата всего того, о чём идет речь» (ББД, 148). Притяжательный местоименный аффикс 3 л. мн. ч. р(ы) - “их” организует поссессив в 3 л. мн. ч.: «лошадь их все» т.е. «лошадей всех». После этого слова в тексте стоит словораздел.

1(3) х(у)ба - “пять”. Порядковое числительное с аффиксом -ба характеризующим класс животных и вещей. В синтаксическом плане в тексте

надписи является сказуемым без связки. Эта форма весьма древняя. См. замечания к тексту первой силлабо=пиктограммы Майкопского кургана.

1(4) (а)сы- “лошадь”. См. 1(1). Это место спатулы повреждено, но силлаб сы очень хорошо виден.

2(1) р(ы)х₁(у) - “их цена”. В отношении роли притяжательного аффикса 3 л. мн. ч. р(ы) см. выше 1(2). Слово х₁(у) - “цена” написано с силлабом ранее встречавшимся только дважды в стеле А. См. силл. 1, № 76 и комментариев к стеле А 2(1).

2(2) да - (=дыу) - “высокая”. Определение к предыдущему слову. Основное значение: “большая”, “великая”. В тексте спатулы выписан силлаб д впервые встреченный в сходном хабите в тексте Майкопской плитки. См. здесь эту надпись 1(4). Определение да (=дыу) вместе с определяемым р(ы)х₁(у) в синтаксическом плане является в тексте спатулы именным сказуемым, употреблено без связки. См. выше 1(3).

3(1) (а)х₁(у)чапа - “цена слажена”. Композита состоящая из именной и глагольной основ: (а)х₁(у) — ‘цена’, чапа - “слажена” (совр. абх. (а)чапа(=ра) - “сладить”, “сколотить”, абаз. чпа(ра) - “делать”. Вместе с последующим определением образует единое синтаксическое целое. См. 3(2).

3(2) багаб - “твердая есть”. Определение к предыдущему слову. Связка =б типа абазинской. Обращает на себя внимание старое звучание слова бага (совр. багъа), сохранившееся в абх. слове бга - “скала”.

3(3) ḫr - число в финикийском буквенном обозначении, написанное как и вся надпись слева направо: ḫ - 400 + ṛ = 80. Что это число видно по «титло», горизонтальной черте над буквами. Цифра обозначает сумму, за которую как явствует из текста, проданы лошади. Номинал денежной единицы не указан. Полагаю, что это была «сикл», как то предполагает и А. Дюпон-Зоммер в отношении текста на аверсе данной спатулы.

4(1) х(у)кала - “по одной цене” т. е. каждая из пяти проданных лошадей оценена одинаково. Композита состоит из 3-х компонентов: х(у) - “цена”, =к- аффикс единичности (←-(а)кы) - “1” и послелога совершения действия =ала - “по”.

4(2) (и)рт(и)й{т} - ‘они проданы’. Глагол (а=)гй(ра) - “продать” в финитной форме аориста. Показатель финитности и времени не выписан. Подобные случаи неоднократно встречались. См. комментарий к табл. Д. 14(4). Местоименный аффикс р= обозначает субъект в 3 л. мн. ч. - “они”.

**Перевод эпиграфического текста реверса
спатулы Асдрубала на абхазский язык.**

(1) Аекуа рызегь хубоуп, (2) аекуа рыху дыгууп, (3) ахучаца багъоуп: 480
(шклхэа) (4) хукала иргѣйт.

Перевод абхазского текста на русский язык.

Лошадей всех пять суть, лошадей цена высокая суть, цена слажена твер-
дая суть: (за) 480 (сиклей) по одной цене они проданы.

Табл. XII. Бронзовая печатка из сел. Синапли Абх. АССР

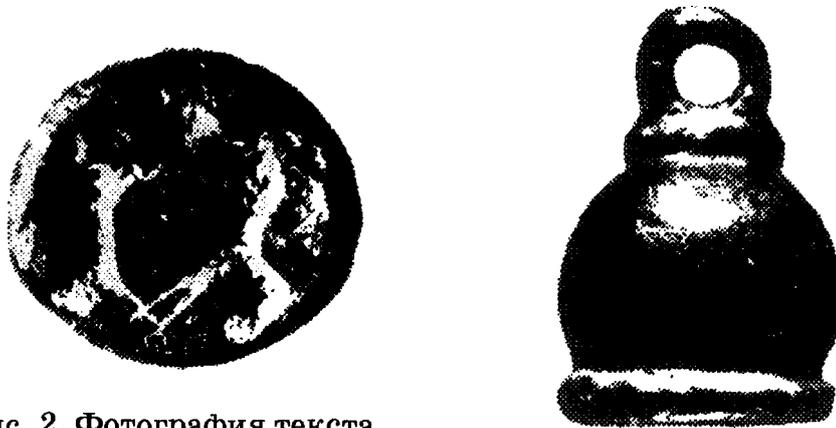

Рис. 2. Фотография текста
печатки (увелич. в 5 раз). Рис. 1. Фигура печатки (фотография).

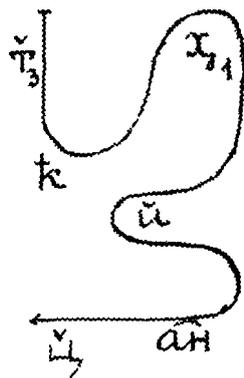

Рис. 4. Расположение силлабов
в оттиске текста печатки.

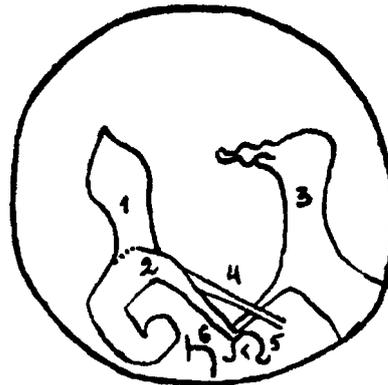

Рис. 3. Прорисовка оттиска
текста печатки (увелич. в 5 раз).

Очерк 12. Надпись на бронзовой печатке из с. Синапли Гудаутского района Абхазии. (Рубеж - начало I тысячелетия до н. э.)

Интересующая меня печатка впервые была опубликована в штриховом рисунке А. Л. Лукиным в его статье «Материалы по археологии Бзыбской Абхазии».¹⁰⁸

Печатка входит в собранную им коллекцию археологических вещей, проданную в 1936 г. Гос. Эрмитажу, где и хранится в Отделе первобытной культуры под шифром 1291/128. Печатка весьма миниатюрна: её высота 18 мм, диаметр донца 11 мм (см. табл. XII, рис. 1). Поверхность печатки равномерно покрыта патиной из черно-зеленого цвета. На донце вырезано несколько фигур. См. табл. XII, рис. 2-3. Найдена печатка, как указано в описи, на кукурузном поле в 1928 г. в селении Синапли Мцарского сельсовета Гудаутского района Абхазии.

А. Л. Лукин датировал печатку рубежом - началом 1-го тысячелетия до н. э.¹⁰⁹ Ю. Н. Воронов - античным временем (VI-IV вв. до н. э.).¹¹⁰ Чем руководствовались авторы в датировке, мне неизвестно. Вещь представляет случайную находку вне комплекса. Аналогов не имеет. Судя по описанию Ю. Н. Воронов вещи не видел. Она скопирована им с А. Л. Лукина. По направлению письма (бустрофедон) и хабиту букв надписи на печатке датировка А. Л. Лукина ближе к истине.

В описи Отдела первобытной культуры Гос. Эрмитажа находка именуется подвеской. А. Л. Лукин называет её «литая бронзовая печатка¹¹¹». Это название, как мы увидим ниже, целиком отвечает назначению вещи.

Меня печатка заинтересовала фигурами на её донце, которые при непосредственном ознакомлении с вещью оказались силлабами ашуйского письма. Силлабы частично даны в лигатуре, частично отдельно. Это обычная графическая манера исполнения ашуйских надписей, особенно когда у мастера оказывается для текста мало места. Силлабы печатки вырезаны с разной глубиной.

Для того, чтобы иметь точное представление о силлабах Синапльской печатки, я сфотографировал её с увеличением в 5 раз. Увеличение показало, что фигуры на донце, приведённые в статье А. Л. Лукина не точны и не полны. В надписи частично поврежденной коррозией оказалось 6 силлабов. Надпись выполнена приемом бустрофедон и поскольку это печать её следует читать в оттиске слева направо по зигзагообразной линии. См. табл. XII, рис. 4. Письмо приемом бустрофедон встречается довольно рано. Им выполнена надпись на библской бронзовой спатуле е, датированной М. Дюнаном XVIII-XVI вв. до н. э. См. в предлежащей книге табл. VIII.

Перехожу к палеографическим наблюдениям над syllабам и к чтению текста надписи. Для неспециалистов при ознакомлении с надписью нужно руководствоваться её изображениями в табл. XII, рис. 3.

Всматриваясь в фотографический снимок с надписи на печатке можно видеть какой была последовательность нанесения мастером=медником syllабов на её донце. Сначала им была вырезана лигатура из syllабов t_3 и k , помещенных на донце справа. В лигатуре syllабы расположены сверху вниз. Затем мастер вырезал слева фигуру syllаб x_1 . Она целиком на донце не уместилась. Штрихи syllабов k и x_1 в нижней части встретились под тупым углом, образовав фигуру похожую на размашистое русское «у», у которого нижний штрих короток и не загнут. На этой у=образной фигуре слева мастер наложил косой штрих, образовавший сверху острый угол, в результате чего у него получилась фигура syllаб $й$. Под этой фигурой в строку мастер вырезал отдельно два syllаб $й$ и $\widehat{ан}$. Фигура $й$ выполнена приёмом точечной гравировки. Так на донце печатки оказались зеркально расположены 6 syllабов надписи: $t_3 k x_1 й \widehat{ан} й$.

Текст надписи на печатке в транскрипции в слоговом обозначении читается так: **Таkэха ианца**. В надписи 4 слова:

1(1) **Таk(э)** - личное имя владельца печатки. Это имя до сих пор употребительно среди бзыбцев.¹¹²

1(2) **ха** - “владелец”. В эпиграфической форме в ашуйских надписях Библа слово неоднократно встречалось с омонимичным значением “царь”.

1(3) **и** - притяжательное местоимение 3 л. ед. ч. класса мужчин - “его”. Организует посесив.

1(4) **анца** - “печать”, “оттиск”. Старое отглагольное имя. Ср. совр. абх. **анцара** - “отпечатать”. Слово **анца** композита, состоящая из $\widehat{ан}$ - “надпись” (ср. совр. абх. **и=аны=уп** - “то написано есть”) и **=ца** - “дно”, “низ” → “под”.

В русском переводе текст надписи гласит: “Таку владельца печать”.

О конкретном назначении печатки судить трудно. Вещей подобного типа не встречалось. Судя по фигуре вещи (см. табл. XII, рис. 2) печатка, видимо, носилась на шнурке, который продевался через петельку в верхней её части. Археолог В. С. Орёлкин высказал предположение, что печаткой опечатывались залитые воском отверстия сосудов с вином, которым мог торговать владелец Таку. Предположение мне кажется вполне вероятным.

Синапльская печатка напомнила нам о том, что syllаб x_1 впервые здесь в Ашуе был вырезан в самой ранней надписи, в syllабо=пиктограмме на серебряном сосуде Майкопского кургана т. е. за 2500 лет до данной печатки и пока что больше не встречался. Хороший пример, лишней раз напо-

минающий о том, что письменность на протяжении тысячелетий не прекращала здесь своей жизни. Кроме этого силлаба с палеографической стороны особый интерес для истории письма представляет силлаб **ан**. В этом хабите он встречался только однажды в табл. Д XIX в. до н. э., чем подчеркивается лишний раз органическая связь памятников ашуйского письма в Абхазии с памятниками этого же письма в древнем Библе.

Табл. XIII. 1-я Аквинская (Сухумская) строительная надпись.

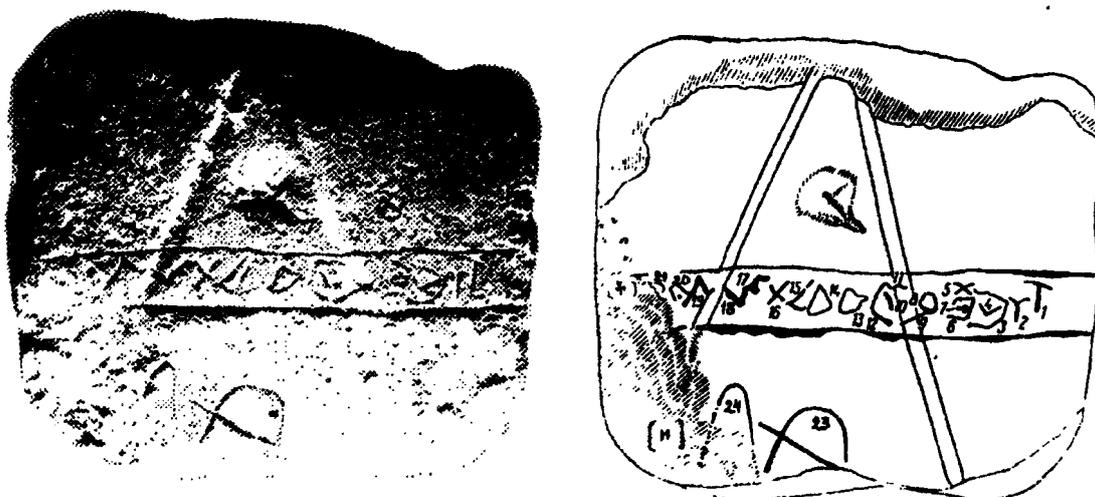

Рис. 1. Фотография текста надписи. Рис. 2. Прорисовка текста надписи.

Очерк 13. Аквинская (Сухумская) 1-я строительная надпись в новом чтении. (II в. до н. э.)

Надпись сообщает о постройке крепости в поселении Акуа великим царем области даны Саулахом, происходящим из рода Ла.

Впервые опубликована мной в ТППЯ, с. 34-42. Публикуется в новом чтении после того как мной было установлено, что ашуйское письмо не финикийского, а местного происхождения и был составлен новый силлабарий этого письма, потребовавший корректив в надписи.

Корректив оказалось немного. Иными по звучанию оказались в надписи силлабы: 1, 5, 16, 17. Силлабы 18 и 19 ранее принимались за один знак. Всё это несколько изменило чтение текста. Историческая и археологическая интерпретация текста, его датировка, остались прежними. Следует учесть только те поправки, которые продиктованы новым чтением неко-

торых слов. Фотоснимок и прорисовку надписи см. в табл. XII, рис. 1-2. Надпись на плитке по-прежнему читается справа налево. Ниже приводится её новый текст с раскрытием лигатур.

Аквинская 1 -я строительная надпись.

1. Δ $\check{y}$ $\check{t}_1$ k u₁ $\widehat{aa}$ k n₃ c' u₃ л₁ х у х д₁ л₁ $\widehat{aa}$ ж л₁ л₁ $\widehat{an}$ n₂ [т]
(Абаа) (и) $\check{y}$ (и) т (А) куа акн(ы) Саўлахұха да(=дыу) Ла аж(э)ла Лан(ы)н[тэ]
Крепость соорудил Акве в Саулах царь великий Ла рода Ланы из.
2. б₂г.....
Бга[ны]

Комментарий к тексту Аквинской (Сухумской) 1-й строительной надписи.

1(1) (Δ) Пиктограмма со значением “крепость” вм. нарицательного имени. Полагаю, что слово «крепость» в это время могло звучать как совр. абх. (а)баа. Фигура пиктограммы схематична и этим отличается от пиктограммы Майкопской надписи. См. табл. XIII, рис. 1. После того как выяснено местное происхождение ашуйского письма с его силлабо=пиктограммами, вопрос о сопоставлении фигуры крепости здесь и в Майкопской надписи с фигурой города в хеттской иероглифической письменности отпал.

1(2) (и) $\check{y}$ (и) т - “соорудил” (букв. “сделал”). При воспроизведении этого слова мастер допустил графическую ошибку по созвучию силлабов: он написал основу глагола “делать” через силлаб $\check{y}$ того хабита, который употреблялся всегда для основы личного местоимения 2 л. ед. ч. класса мужчин. (См. силл. 1, № 6). Что в надписи это силлаб № 6, видно по округлости верхнего штриха - «шапки». Низ силлаба стерт. (См. табл. XIII, рис. 1). Ошибки и описки в ашуйских надписях редки, но они всё же встречаются, как в ранних текстах (см. напр. текст спатулы ф. 5(4)) так и в поздних, к которым следует отнести данную надпись. В тексте финитная форма аориста (формант =т).

1(3) (А)куа - название поселения. На его месте выросла столица современной Абхазии, называемая также Акуа. Первое название этого поселения встретилось в тексте табл. Ц. 5(7), датированном М. Дюнаном XIX в. до н. э. Там оно дано в виде Акуак(ы)га и названо иажэхьа(у) - “древним”. В ТППЯ, табл. VII, рис. 1 приведен археологический план набережной современного города Акуа с указанием, где помещалась названная в тексте надписи крепость и где была найдена табличка.

1(4) акн(ы) - “в”. Послелог со значением места. В надписях неоднократно встречался. Для данной надписи характерно в нём наличие аффикса определенной общности **а=**. В графике для передачи конечного **а** предшествующего слова и аффикса определённой общности при послелого **кны** мастер таблички использует бисиллаб **а̂а**. См. силл. 1, № 2. Это второй случай раздельного использования бисиллаба **а̂а**. Первый случай был указан в тексте Майкопской надписи в новом чтении. См. комментарий к ней 1(1).

1(5) **С’аулаху** - “Саулах”. Имя царя волею которого построена крепость и изготовлена надпись. Саулах лицо историческое. По данным нумизматики он царствовал в Акве во второй половине II в. до н. э. (ТППЯ, 40-41). Археологические данные не противоречат этой дате. Плиний Секунд именует этого царя - **Saulac**. Эпиграфическое имя **С’аулаху** в исторически законченной форме **С’оулахэ** до сих пор употребляется в бзыбском диалекте абхазского языка. (См. ББД, 408).

1(6) **ха** - “царь”. В этом значении и форме слово неоднократно встречалось в публикуемых текстах.

1(7) **д₁а** (= **дыу**) - “великий”. Слово также неоднократно встречалось в публикуемых текстах. Интересно использованием новой формы силлаба **д₁**, которая почти что повторяет **д₁**, надписи на реверсе спатулы Асдрубала. См. в ней 2(2).

1(8) **Лаа** - родовая фамилия. Род **Ла** как царский, прикрепленный к поселению **Акуа** в ашуйских надписях впервые встретился в тексте табл. Ц. 6(3), 6(4), 6(5). Происходил этот род как можно заключить по тексту стелы **А**, из общины **Гудау** (ср. совр. **Гудоуга**). Эти места во времена путешествия **Евлия Челеби** (1641 г.) назывались **Арлан**, явно из ***Арланы**. (ср. в комментарии к табл. Д. 4(3)). В нашем тексте род **Ла** и сам **Саулах** происходят из **Ланы**. Несомненно **Арлан Евлия Челеби** и **Ланы** нашей надписи это одно и то же место. Интересно отметить, что в графическом оформлении надписи мастер здесь второй раз использует бисиллаб **а̂а** раздельно. Одной **а** он образует фамильный аффикс **а̂а** в имени **Ла**, другую присоединяет как аффикс определенной общности к следующему слову **ж(э)ла** - “род”.

1(9) **аж(э)ла** - “род”. Слово в этом значении, но без аффикса определенной общности **а=** в текстах уже встречалось. См. напр. комментарий к тексту табл. Ц. 6(4).

1(10) **Лан(ы)** - название области. В этой форме уже встречалось в тексте табл. Д. в дефектном написании. См. комментарий к ней 9(1), а также здесь 1(8).

1(11) **н[тэ]** - “из”. Послелог от которого на поверхности таблички остался только один силлаб **н**. Восстановлен полностью по смыслу надписи. В

этой форме послелог не встречался. Ранее во всех случаях в тексте употреблялась форма тә.

2(1) бга[ны] - слово вырезано слева внизу отдельно. Вторая его часть стерта. Представляет собой древнее название горной Абхазии - Ашуи: Бганы - "Скал страна". Впервые слово встретилось в тексте Майкопской надписи, см. комментарий к ней 6(1), 6(2), 6(3).

Перевод эпитафического текста Аквинской 1-й надписи на абхазский язык.

(1) Абаа иуит Акуа акны С'оулахэ ах дыу Лаа ажэлантэ ланынтэ (2) Бганы.

Перевод абхазского текста на русский язык.

Крепость соорудил в Акве Соулах царь великий из рода Ла из (области) Ланы. Скал страна.

Вместо отдельного написанного слева слова Бга[ны] - "Скал страна" ныне сказали бы хратыла, где (а)хра - "скала" и тэыла - "страна", употребив это слово не как топоним т. е. имя собственное, а как нарицательное слово.

Табл. XIV. «Монограмма» на золотой монете царя Саулаха.

2/1

Очерк 14. «Монограмма» ашуйского письма на золотой монете базилевса (царя) Саулака (Саулаха) в новом чтении. (II в. до н. э.)

«Монограмма» представляет собой название монеты на ашуйском языке.

При детальном изучении «монограммы» выяснилось, что она состоит не из 3-х, а из 2-х фигур: буквенного силлаба и цифры (ср. ТППЯ, с. 41). Читается справа налево. Поправка внесена после того как было установлено

местное происхождение ашуйского письма и составлен новый силлабарий этого письма. Ныне «монограмма» читается:

$x_1 \sim 1 = (a)хь(ы) (a)к(ы)$ - букв. «золото одно».

Словосочетание употреблено в значении номинала монеты: «один золотой». Ныне в абхазском словосочетании **ахьы акы** не употребительно, говорят **(а)хьык**, но оно обозначает «какое то (букв. одно) золото», где =к показатель единичности из акы - «один», «одно». См. табл. XIV.

Табл. XV. 2-я Аквинская (Сухумская) надпись.

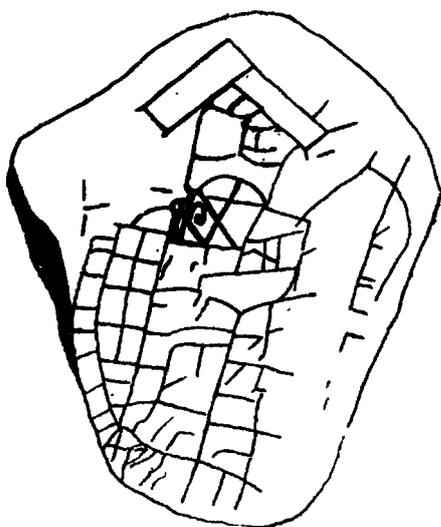

Рис. 2. Прорисовка плана города Аква с надписью в центре.

Рис. 1. Фотография плана города Аква с надписью в центре.

Очерк 15. 2-я Аквинская (Сухумская) надпись (рубеж -1 в. н. э.)

Камень с этой надписью, состоящей всего-навсего из 5-ти силлабов ашуйского письма был найден 2 ноября 1971 г. И. Б. Басариа.

Камень оказался вмазанным в верхний пласт ограды при доме № 5 по Кольцевой улице г. Аквы (Сухум). Улица частично примыкает к берегу небольшой речушки, по-русски называемой Сухумкой, по-абхазски **Хакпсы**.

По словам И. Б. Басариа речка в недавнем прошлом была довольно многоводной. В ней стирали бельё, купались дети. Ныне она сильно обмелела.

На берегах её как и прежде много камней из которых владелец дома № 5 по Кольцевой улице лет 12-15 тому назад и возвел у своего дома ограду. Высота ограды немного более полуметра. Она построена с целью задержать осыпь уличной тропы на участок владельца дома № 5, который расположен ниже уровня уличной тропы.

Летом 1972 г. я имел возможность осмотреть место находки. Как оказалось камень с надписью вмазанный в самый верхний пласт ограды пытливому глазу трудно было не заметить. Поверхность его изоброждена множеством врезанных линий. Именно это и привлекло к нему внимание И. Б. Басариа. Надпись в центре камня была обнаружена уже мной.

Камень был доставлен мне в Ленинград. Я сделал с него фотографию (см. табл. XV, рис. 1), снял эстампаж с изображения (см. табл. XV, рис. 2), определил породу камня, произвел обмер и определил вес.

Порода камня - серый известняк, размер по периметру - 63 см. Ширина в самой широкой части - 19 см, в средней - 13 см, в узкой 8 см. Длина 22 см. Толщина камня в среднем 5 см. Глубина вреза линий от 1 до 5 мм. Вес камня около 3 кг 900 гр.

Достаточно беглого взгляда на поверхность камня, чтобы определить, что на нём вырезан план какого-то поселения. Надпись в центре чертежа определила, что мы имеем дело с планом города Акуа (Сухум). Чтобы сделать надпись читабельной нужно положить широкой частью вверх, надпись читать слева направо. При направлении надписи я исхожу из типического хабита силлаба $\dot{y}a$ (см. силл. 1, № 6), который с древнейшей поры обозначал местоимение 2 л. ед. ч. класса мужчин - “ты”, “твой” и синтаксически ставился в препозиции к имени.

Ашуйская надпись в центре плана транскрибируется: $\dot{y}A\dot{y}u_1\dot{a}\dot{a}$. Просодировать надпись следует исходя из того значения бисиллаба $\dot{a}\dot{a}$, когда он разбивался на две фонемы как это указано выше в Майкопской и 1-й Аквинской (Сухумской) строительных надписях. См. здесь с. 171, 185.

Надпись читается $\dot{y}A\dot{y}u_1\dot{a}\dot{a}$ - “твоя Аква это”. Все слова надписи хорошо известны из ранее представленных ашуйских надписей и в комментарии не нуждаются.

Хочу обратить внимание только на одну деталь. Помещенный в широкой части камня пятиугольник представляет собой, как мне думается, фигуру крепостного сооружения. Во внутреннем углу этой фигуры я вижу в лежачем положении, «головкой, вправо, силлаб b_2 » (см. табл. XV, рис. 1-2). Этот силлаб сигнализирует в сокращении (аббревиации) название сооружения (a) $\dot{b}\dot{a}\dot{a}$, совр. абх. $\dot{a}\dot{b}\dot{a}\dot{a}$ - “крепость”. В полной более древней фор-

ме, с тем же силлабом б₂ это слово дано в Майкопской надписи в 5-й строке текста. См. здесь с. 169 и табл. X, рис.2.

Для кого каменщик выполнял заказ, вырезая на камне план города Акуа, сказать трудно. Едва ли это был рядовой житель города. Скорее некто из власть имущих. Но это предположительно, так же как предположительно датировка памятника. Когда здесь, в Ашуе, стали писать слева направо вместо прежнего направления справа налево, мы точно не знаем. В Библие, например, как это показывает надпись на реверсе бронзовой таблички Асдрубала, слева направо писали уже в X-XI вв. до н. э.

Наша надпись слишком коротка, чтобы определить время её написания по палеографическим данным. Условно и отчасти интуитивно, исходя из моего опыта, я датирую её рубежом -1 веком н. э., хотя не исключено, что она относится к последнему веку предшествующей эры.

Памятник уникален в том отношении, что перед нами оказывается самый древний план города Акуа (Сухум). Прокомментировать его могут только археологи.

Табл. XVI. Два граффито на черепке аквинской (сухумской) амфоры.

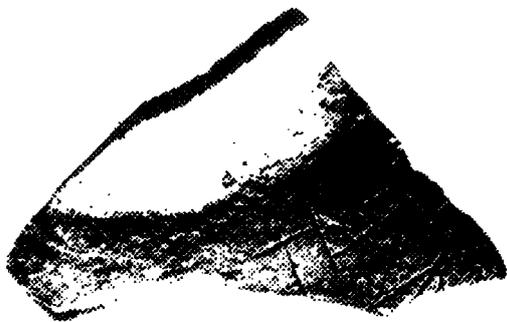

Рис. 1. Фотография граффито.

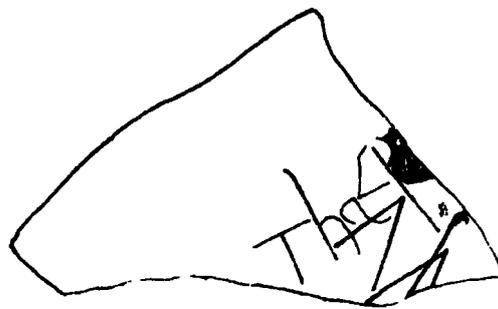

Рис. 2. Прорисовка граффито.

Очерк 16. Два граффито на черепке аквинской (сухумской) амфоры (II-IV вв. н. э.)

Во время раскопок Л. А. Шервашидзе и Л. Н. Соловьева в 1958 г. на территории древнего Севастополиса был обнаружен в колодце на глубине 2 м черепок амфоры, покрытый желтым ангобом. Форма сосуда археологами не восстанавливалась, но амфоры подобной выработки из хорошо отмученной глины и звонкого обжига были здесь, как сообщил мне В. С. Орёлкин, импортными. В них перевозилось оливковое масло и вино. На амфоре, черепок которой обнаружен в колодце, после обжига и здесь в Севастополисе, были прочерчены каким-то остриём притом глубоко, не наспех, два граффито ашуйского силлабического письма.

От первого граффито, прочерченного в строку, остались следы одного выпчербленного и четырёх полных силлабов конца фразы, а от второго граффито, сделанного отчасти поверх строчного, остались одна полная и одна неполная цифровые фигуры. Должно заметить, что второе граффито внешне похоже на зигзагообразный знак, выписано сверху вниз.

По археологическим данным черепок амфоры датируется II-IV вв. н. э. Хранится он в Абхазском гос. республиканском музее.

Исключительные по чёткости фотографии с черепка и необходимые археологические данные о нём были мне любезно предоставлены В. С. Орёлкиным, непременным и постоянным собеседником в моих эпиграфических разысканиях в Абхазии.

Черепок амфоры с граффито однажды публиковался в печати, но декоративно, без каких-либо комментариев к нему и, к сожалению, в далеко не точной прориси, искажающей буквы письменности. Публиковавший черепок Л. А. Шервашидзе не представлял себе, что имеет дело с надписью¹¹³. Строчное граффито читается справа налево. (См. табл. XVI, рис. 1-2). Первый силлаб его представляет собой d_1 (см. силл. 1, № 22). Весьма близкая к этому силлабу фигура d с открытой вершиной и длинным стержнем известна в финикийской линейного письма надписи Абдо XIII-XII вв. до н. э.¹¹⁴

Следующий за d_1 силлаб граффито представляет ашуйского письма n . (См. силл. 1, № 56). В хабите во многом близком к аквинскому он представлен в тексте стелы А. (См. здесь текст, 6-я строка, 4-й силлаб справа).

Третий силлаб граффито в местных надписях ранее не встречался, но в библских ашуйских представлен широко. Это t_2 (см. силл. 1, № 26). От библских силлабов этого хабита он отличается тем, что вертикальный штрих его длиннее, а прилегающий к этому справа другой штрих не пересекает вертикальный и в отличие от библских в линии излома закруглен.

Четвертый последний силлаб строчного граффито в местных надписях также не встречался. В библских ашуйских он представлен достаточно широко. Значение его **Ⓞ** (см. силл. 1, № 88).

В целом строчное граффито транскрибируется: ... д₁ и Ў₂ Ⓞ.

Как указывает последний силлаб граффито **Ⓞ** в амфоре хранилось вино. В совр. абх. языке это слово в корневой основе звучит - **Ⓞы**. Вероятно этому слову, выписанному как и положено в ашуйском письме без гласной, предшествовало определение, указывающее на название вина, его принадлежность к местности или липу этот продукт производящему. Во всяком случае предшествующая силлабу **Ⓞ** графема Ў₂ указывает, как мне представляется, на относительное определение оканчивающееся в абхазском языке формантом -тэ. В граффито по нормам письма лабиализация консонанта т не обозначена.

Остающиеся два силлаба граффито д₁ и представляют собой конец корневой консонантной основы определения. Подставив не обозначенную в письме между д₁ и и гласную а, я полагаю, что определением могло быть слово **[ахар]дан**. Им в Абхазии называют тот сорт светлого винограда, который был вытеснен сортом «Изабелла».¹¹⁵

Если моя догадка верна, то полностью строчное граффито на аквинской амфоре II-IV вв. н. э. может быть восстановлено так: **[ахар]дант(э) Ⓞ(ы) - «[Ахар]данское вино»**. (Ср. совр. абх. **ахардантэ Ⓞы** - в том же значении).

Едва ли нужно говорить о том, что виноделие в Абхазии было ремеслом древним. находка археологами винных кувшинов типа пифосов на Сухумской горе,¹¹⁶ статуэтки «винопийцы» и бронзового ритона эпохи поздней бронзы (первая половина 1-го тысячелетия до н. э.) в Бамборе близ Гудауты,¹¹⁷ как вещественные свидетели процветания этого ремесла в Абхазии, хорошо поддерживают реальность предложенного мною выше чтения строчного граффито.

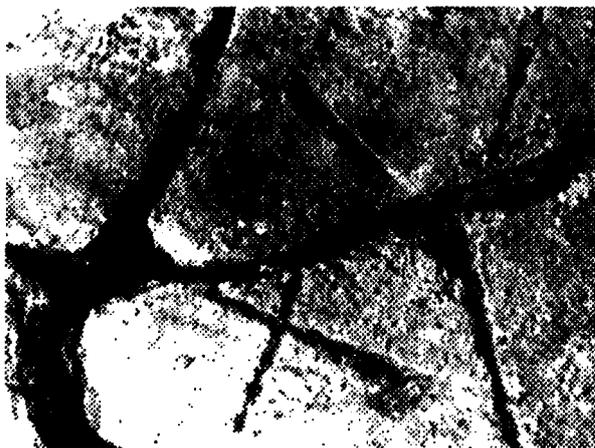
Перехожу к интерпретации зигзагообразной фигуры на черепке аквинской амфоры. (См. табл. XVI, рис. 1-2).

Я полагаю, что это граффито представляет собой числовую фигуру, которой обозначена ёмкость амфоры в каких-то мерах, нам неизвестных. При объяснении числа «20» Майкопской надписи я высказал мысль, что в ашуйском письме число «20» могло быть выражено двумя десятками в форме подписанными одна под другой.¹¹⁸ Зигзагообразный знак на черепке аквинской амфоры весьма походит на эту фигуру и, следовательно, мог обозначать 20 каких-то мер вина влитых в амфору.

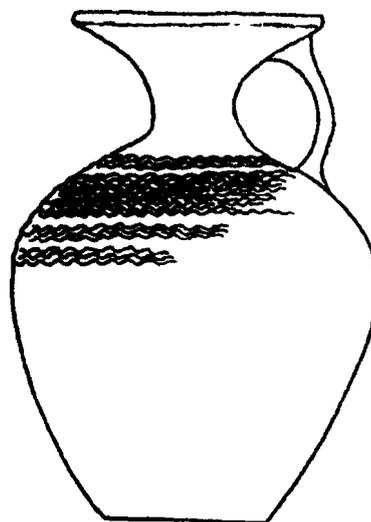
Пересекающую зигзагообразную фигуру справа налево косую черту я отношу к явлениям посторонним, не имеющим отношения к граффито.

Таково моё чтение надписи на черепке аквинской амфоры II-IV вв. н. э.

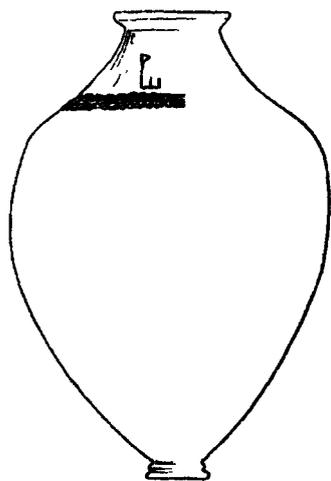
**Табл. XVII. Две надписи на сосудах из урочища
Апианча Абхазской АССР.**

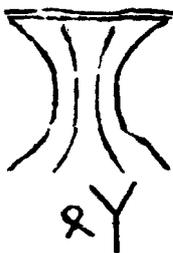
Рис. 2 Фотография надписи на кувшине

**Рис. 1 Фигура кувшина с
надписью (восстановлен
В.С. Орелкиным)**

**Рис. 4 Фигура пифоса с надписью
(восстановлен В.С. Орелкиным)**

**Рис. 3 Фотография
надписи на пифосе.**

Очерк 17. Две надписи на сосудах с урочища Апианча в районе Цебельды (III-V вв. н. э.)

Археолог М. М. Гунба в 1972 г. показал мне обломки с двух керамических сосудов, которые были обнаружены им во время раскопок некрополя в урочище Апианча в районе Цебельды. Раскопки велись в 1969 г.

Обломок сосуда, фотография которого помещена в табл. XVII, рис. 2, найден в погребении № 21, датируемом началом III в. н. э. Это часть небольшого кувшинчика, под ручкой которого была сделана по сырому тесту надпись из двух силлабов (См. табл. XVII, рис. 1). Надпись читается слева направо. В транскрипции она звучит: $з'_1(ə)҃_1(ə)$. Слово соответствует совр. лит. абх. (а)жэтə в значении “(для) питья - жə, предназначенное - тə”. Речь идет не о сосуде, предназначенном для питья, а о содержимом сосуда - питье. В современном абхазском языке в этом случае скажут: (а)рыжэтə - “напиток”.

В апианчской надписи обращает на себя внимание, кроме расхождения в форме слова, присутствующий здесь звук $з'_1$ передававший свистяще-шипящее ж бзыбского типа, что говорит о далеко заходивших в III в. н. э. к юго-востоку границах бзыбского произношения. Как показывают наши надписи бзыбский (северный) диалект был древнейшей формой абхазской речи того периода её существования, когда абхазский язык составлял один из компонентов ашуйского языка.

По направлению письма слева направо надпись из кавказских ашуйских не самая древняя. До неё мы знаем с письмом этого же направления 2-ю Аквинскую надпись рубежа -1 в. н. э.

Другой обломок сосуда, фотография которого дана в табл. XVII, рис. 3, найден в погребении № 25 и датируется IV-V вв. н. э. Обломок представляет часть большого сосуда типа пифоса, в верхней части тулова которого, способом точечного вдавливания до обжига сделана надпись из двух силлабов. (См. табл. XVII, рис. 4). Надпись читается справа налево т. е. так, как читаются большинство надписей ашуйского письма. В транскрипции она звучит: (а)п₁(а)р₁(а). В переводе на современный абхазский язык надпись соответствует слову (а)фара в значении “съестное”.

Должен напомнить читателю, что в ашуйском письме, начиная с древнейших времен и до последних лет его существования т. е. до эпохи поздней античности (IV-V вв. н. э.) не было силлаба со специальной графемой для звука ф. Так как звук ф сейчас весьма и весьма ограниченно распространён в абхазском языке, не насчитывается и десятка первообразных корней с этим звуком, и так как нет оснований думать, что он ранее

был распространен более чем сейчас, а к тому же в современной речи есть случаи, где звук ф еще чередуется со старым ц¹¹⁹ вполне резонно звук ф вообще считать звуком новым. Данный памятник найден в районе, где ныне действует абжуйский, а не бзыбский диалект, однако предыдущая надпись говорит о том, что в пору III-V вв. н. э. норма бзыбского диалекта в Цебельде была ещё живой, а следовательно силлаб ца в слове ацара вм. афара отражал в надписи старую норму.

М. М. Гунба вскрыл много захоронений, но вещей с надписями обнаружил только две и на бытовых сосудах. Лишний раз убеждаемся, что ашуйское письмо было бытовым, но пользовались им по необходимости.

**Табл. XVIII. Надпись на пряслице из урочища
Апушта Абхазской АССР**

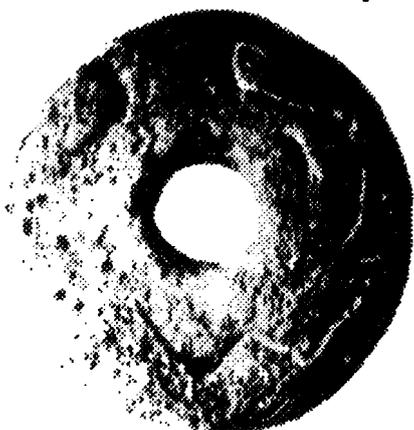

Рис. 1. Фотография надписи

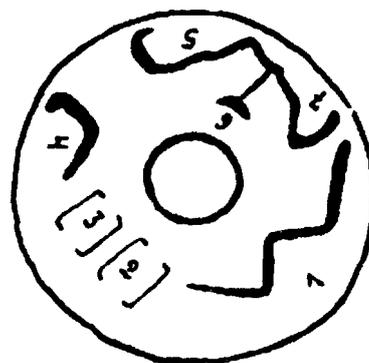

Рис. 2. Прорисовка надписи

**Очерк 18. Надпись на пряслице из урочища
Апушта в районе Цебельды (IV-V вв. н. э.)**

Осенью 1966 г. в урочище Апушта археолог Ю. Н. Воронов доследовал разрушенное канавой погребение в урне (кремация). Обнаруженный при этом погребальный комплекс составили: железная проушная мотыжка и три керамических пряслица биконической формы, одно из этих пряслиц (диаметр его 3,6 см, высота по отверстию 2,4 см) имеет на поверхности верхнего конуса, выписанные по сырой глине до обжига силлабы ашуйского письма (см. табл. XVIII, рис. 1). Тесто пряслицы грубое, с большим количеством белых известковых частиц, обжиг неполный, цвет коричневый. По типу урны и мотыжки погребение датируется поздним античным вре-

менем: IV-V вв н. э. Комплекс хранится в Абхазском государственном республиканском музее.

Самого пряслица я не видел. Работал по фотоснимку. Надпись на пряслице из апуштинского погребения содержит, повидимому, 7 слогов из которых на фотоснимке отчетливо видны 5:3 - даны в соединении наподобие скорописи, 2 - раздельно с большим разрывом между ними. На месте, образующем разрыв, может поместиться 2 слог.¹²⁰ Читается надпись по кругу справа налево, начиная с слога г (см. слл. 1, № 66).

Я начал чтение надписи с слогового соединения, что на фотоснимке, с эстампажа помечено цифрами 5, 6 и 7 (см. табл. XVIII, рис. 2), в котором при сопоставлении его слогов с ашуйскими библскими и местными увидел образующие лексический комплекс слога $л_1 а_1 \chi(a)$.

В этом комплексе надпись слог $л_1$ по сравнению с ашуйскими библскими и местными не представляет чего либо особенного (см. слл. 1, № 62). Следующий за $л_1$ слог в виде чашеобразной фигуры, обозначающей $а_1$ при сопоставлении его с библскими выглядит почти идеально. Из местных памятников в аналогичном хабите мы встречали его в Аквинской (Сухумской) 2-й надписи (см. табл. XV, рис. 1-2) и увидим в монограмме гончара на ручке амфоры из окрестностей Цандрипша (см. табл. XIX, рис. 9). Последний слог комплекса $\chi(a)$ несмотря на кривизну и удлиненность горизонтального штриха также легко распознаётся при сравнении его с библским χ (см. слл. 1, № 75).

Одновременно с определением палеографической и звуковой сторон надписи выявилось лексико-грамматическое значение слогового соединения. Апуштинское $л_1 а_1 \chi(a)$ с невыраженной по нормам письменности конечной $а$, исторически соответствует современному лексико-грамматическому комплексу $л=ха$ - "её пряслице", хотя слово $ха$ в значении пряслица самостоятельно ныне неупотребительно и выявляется только путём сопоставления слов $адырды$ - "веретено" и $адырда$ - "веретено с пряслицем". Исторически слово $(а)\chi а$ - "пряслице" представляет собой семантический дериват совр. абх. $(а)хы$ - "голова" восходящего как известно к $(а)\chi а$ (ср. абаз. тап. $хъа$ - "голова" при $дадырхъа$ - "веретено с пряслицем").

Что касается компонента $л_1 а_1$ - в комплексе $л_1 а_1 \chi(a)$, то он представляет собой раннюю форму показателя класса женщин в 3 л. ед. ч., идеально соответствующего современному абхазскому аналогичному показателю $л=$ ($\rightarrow лы \rightarrow ла$).

После определения лексического значения комплекса $л_1 а_1 \chi(a)$ - "её пряслице" стало совершенно очевидным, что оставшиеся 2 слога, на фотографии с эстампажа обозначенные цифрами 1 и 4 относятся к имени

владелицы пряслица. Имя, как мне представляется, состояло из 4-х сллабов, 2 из которых на фотоснимке не получились.

Первый сллаб в виде тупоугольной ломаной линии из 4-х отрезков представляет собой сллаб г (см. сллл. 1, № 66). Второй, выражающий последний сллаб алуштинской надписи представляет собой опять л₁ почти повторяющий 5-й, в том же значении (см. табл. XIII, рис. 1-2).

Я предполагаю, что первый сллаб имени владелицы пряслица передавал лабиализованный г, в ашуйском письме обозначавшийся так же как и нелабиализованный. Подставляя в имя два отсутствующие сллаба, я условно читаю имя владелицы пряслица Г(у)[хала]л₁ - “Добросердная” resp. “Добросердечная”. Имя представляет повидимому прозвище. В современном ономастиконе это имя встречать не приходилось.

Возможно, что мне или какому-либо другому лицу при осмотре пряслица воочию придется внести поправку в имя, но это уже не будет иметь принципиального значения.

Итак в целом надпись на алуштинском пряслице мною читается: Г(у) х а л₁ а л₁ л₁ а₁ х(а) - Гухалал л[дырд]ха - “Гухалалы (Добросердечной) пряслице”.

Надпись на керамической пряслице с урочища Апушта является памятником ашуйской письменности позднего периода, периода её угасания, но исполненная на бытовом предмете она лишней раз свидетельствует о том, что в Абхазии письмо было общенародным явлением.

Табл. XIX. Клейма и меты гончаров из Гагринского р-на Абхазской АССР

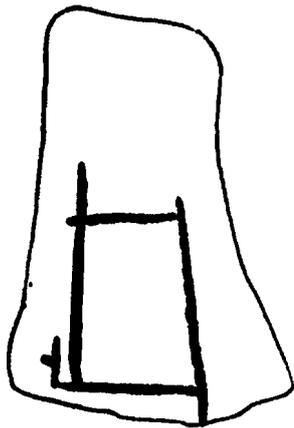

Рис. 2. Клеймо гончара (А)чба (прорисовка)

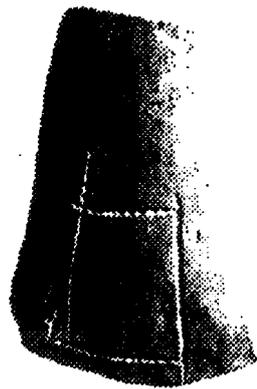

Рис. 1. Клеймо гончара (А)чба (фотография)

Рис. 3. Клеймо гончара Ааба
(фотография)

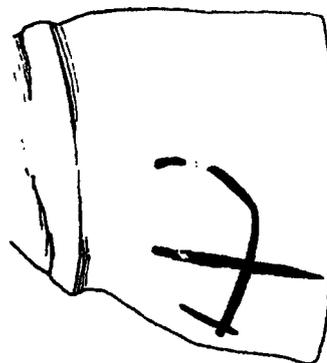

Рис. 4. Клеймо гончара Ааба
(прорисовка)

Рис. 5. Ручка амфоры со словом
«гончар» (фотография)

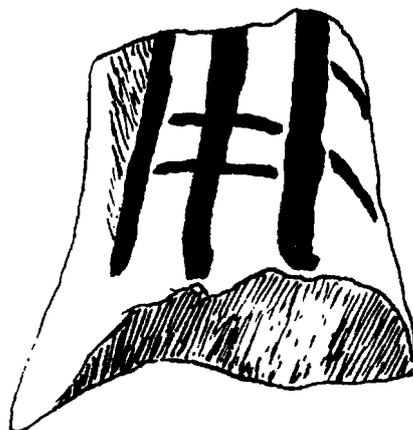

Рис. 6. Ручка амфоры со словом
«гончар» (прорисовка)

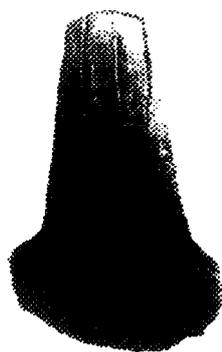

Рис. 7. Клеймо с именем гончара
Пагя (фотография)

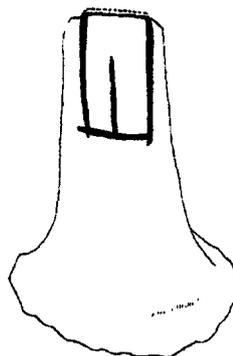

Рис. 8 Клеймо с именем гончара
Пагя (прорисовка)

**Табл. XIX. Клейма и меты гончаров
из Гагринского р-на Абхазской АССР (продолжение)**

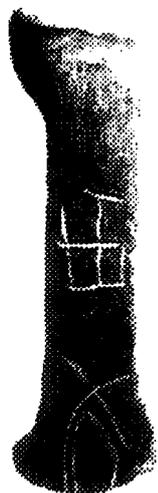

Рис. 9 Ручка амфоры с фразой
«Аджьба клеймил» (фотография)

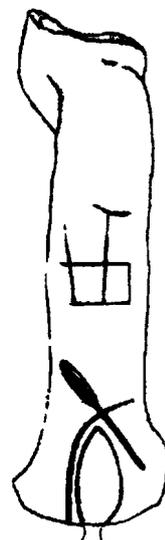

Рис.10. Ручка амфоры с фразой
«Аджьба клеймил» (прорисовка)

Рис. 11. Ручка амфоры с частью
топонима [Мар]дара (фотография)

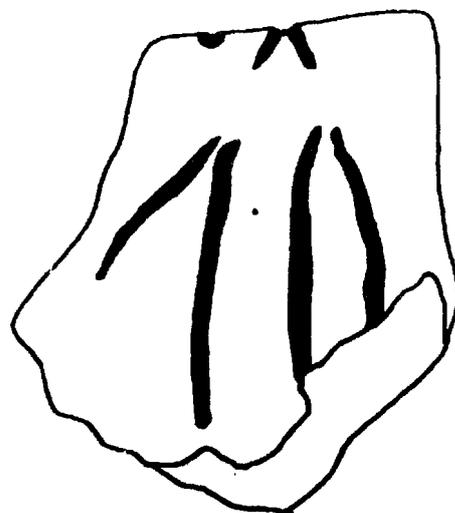

Рис. 12. Ручка амфоры с частью
топонима [Мар]дара (прорисовка)

**Табл. XIX. Клейма и меты гончаров
из Гагринского р-на Абхазской АССР
(продолжение)**

Рис. 13. Ручка амфоры с метой
силлабом Т (фотография)

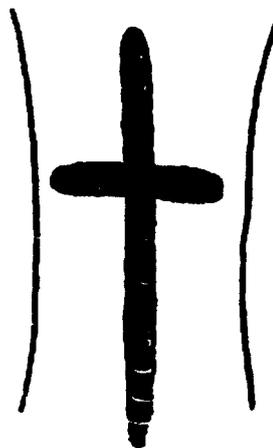

Рис. 14. Ручка амфоры с метой
силлабом Т (прорисовка)

Рис. 15. Ручка амфоры с метой
силлабом Ц (фотография)

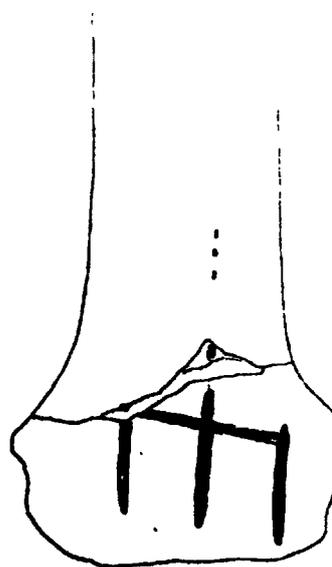

Рис. 16. Ручка амфоры с метой
силлабом Ц (фотография)

Табл. XIX. Клейма и меты гончаров
из Гагринского р-на Абхазской АССР
(продолжение)

Рис. 17. Ручка амфоры с метой
силлабом к (фотография)

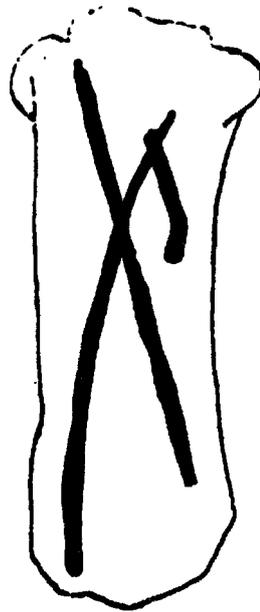

Рис. 18. Ручка амфоры с метой
силлабом к (прорисовка)

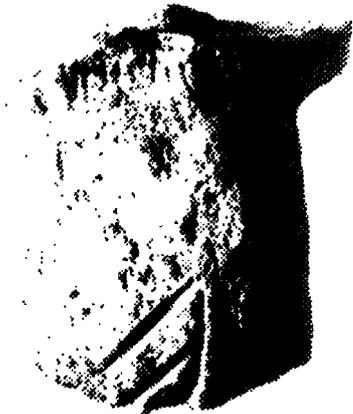

Рис. 19. Ручка амфоры с метой
силлабом хъ₁ (фотография)

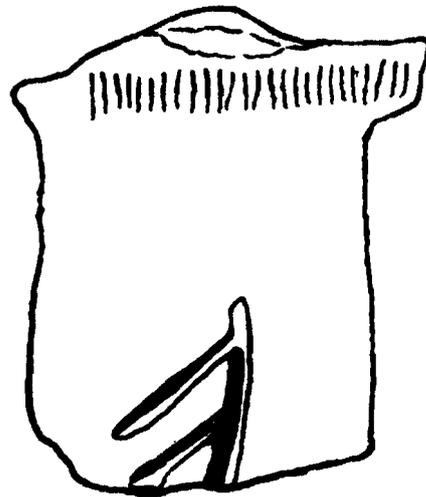

Рис. 20. Ручка амфоры с метой
силлабом хъ₁ (прорисовка)

**Табл. XIX. Клейма и меты гончаров
из Гагринского р-на Абхазской АССР
(продолжение)**

Рис. 21. Ручка амфоры с метой
силлабом α (фотография)

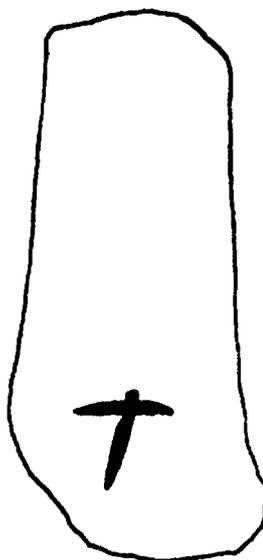

Рис. 22. Ручка амфоры с метой
силлабом α (прорисовка)

Рис. 23. Ручка амфоры с метой
силлабом υ_2 (фотография)

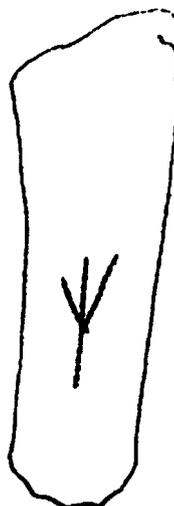

Рис. 24. Ручка амфоры с метой
силлабом υ_2 (прорисовка)

**Табл. XIX. Клейма и меты гончаров
из Гагринского р-на Абхазской АССР
(продолжение)**

Рис. 25. Ручка амфоры с метой
силлабом х (фотография)

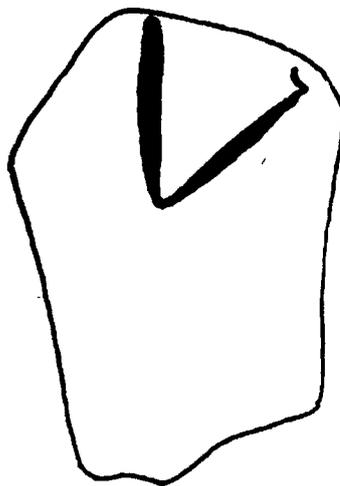

Рис. 26. Ручка амфоры с метой
силлабом х (прорисовка)

Рис. 27. Ручка амфоры с метой
силлабом аа (фотография)

Рис. 28. Ручка амфоры с метой
силлабом аа (прорисовка)

**Табл. XIX. Клейма и меты гончаров
из Гагринского р-на Абхазской АССР
(продолжение)**

Рис. 29. Сланцевый камень с метой
силлабом ж (фотография)

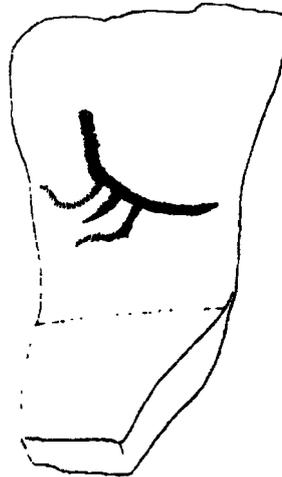

Рис. 30. Сланцевой камень с
метой силлабом ж (прорисовка)

**Очерк 19. Клейма и меты ашуйских гончаров на обломках сосудов из
Гагрского района Абхазии (поздняя античность)**

Публикуемый материал составляет незначительную часть коллекции, хранящейся в археологическом музее Цандрипшской средней школы. Эта коллекция собиралась в течение ряда лет учениками школы под наблюдением и непосредственным участии учителя школы Н. Г. Гумилевского. Отбор публикуемого материала и фотоснимки с обломков сосудов я получил благодаря любезности В. С. Орелкина, а впервые узнал о существовании этого материала от археолога Абхазского НИИ Г. К. Шамба.

Посылая мне фотографии эпиграфического материала, В. С. Орёлкин сообщил что «керамика собрана на холмах северо-западнее селения (разумеется Цандрипш - Г. Т.) и по шифрам на ней отдельные урочища и селения именуются Н. Г. Гумилевским: Барановка, Сулево, Ахштыр, Медовевка и пр. Керамика представляет собой главным образом ручки амфор позднеантичного и отчасти раннесредневекового времени. Знаки сделаны по сырой глине, иногда зубчатыми линиями.»¹²¹

Собранная Н. Г. Гумилевским коллекция представляет большой научный интерес т. к. в ней представлены предметы палеолита, неолита, энео-

лита и других археологических эпох, говорящие о том, что в избранном Н. Г. Гумилевским районе сбора вещественных остатков существовала многотысячелетняя традиция местного производства материальных и культурных ценностей. Факт этот имеет первостепенное значение для изучения истории Ашуи=Абхазии, поскольку население её было автохтонным. Не случайно к коллекции Н. Г. Гумилевского обращаются не только археологи Абхазии, но и археологи научных учреждений Ленинграда и Москвы.¹²²

Мной изучены 15 клейм и мет ашуйских гончаров. Сначала рассмотрены клейма=фамилии и сопровождающие их слова, а затем «буквенные» клейма и меты.

1. Обломок ручки амфоры позднеантичного времени с клеймом=фамилией гончара (см. табл. XIX, рис. 1-2). Найден в районе земель с. Барановки на правом берегу р. Лапста (абх. Лацста). Клеймо сделано зубчатой линией. Оно состоит из двух силлабов: $ч_1$ и $б_1$. На обломке справа налево отчетливо читается: $ч_1 б_1 (а)$ т. е. (А)чба. Это фамилия гончара.

На территории древней Ашуи-Абхазии силлабы $ч_1$ и $б_1$ в этом хабите встретились впервые. В Библе силлаб $ч_1$ засвидетельствован в тексте на реверсе спатулы Асдрубала XI-X вв. до н. э., в его третьей строке (см. здесь, табл. XI, рис. 1-2) и силл. 1, № 40) в глагольной форме $ч_1 а п_1 а$ - “слажена” (ср. совр. абх. (а)чапа(ра) - “сладить”, “сколотить” при абаз. чпа(-ра) - “делать”).

Силлаб $б_1$ такой как на этой ручке, в ашуйских текстах Библа встретился только в лигатурах: 1) $г б_1$ в тексте спатулы б в 5-й строке (см. здесь, табл. III, рис. 3-4 и силл. 3, № 2); 2) $б_1 г$ в тексте спатулы и, во 2-й строке (см. здесь, табл. VII, рис. 1-2 и силл. 3, № 3) и 3) $г б_1$ на реверсе спатулы Асдрубала в 4-й строке (см. здесь, табл. XI, рис. 1-2 и силл. 3, № 5).

Можно с достаточной определенностью утверждать, что во времена Асдрубала и в позднее античное время, к которому относится обломок ручки амфоры с именем Ачба, силлаб $ч_1$ передавал переднеязычную мягкую придыхательную аффрикату, т. е. был тем же звуком, что и сейчас в словах (а)чапа(ра) - “сладить”, (а)ча - “перепел”, (а)ча - “хлеб”.

Не могу пройти мимо того факта, что в древнейшем ашуйском тексте Библа фамилия Ачба засвидетельствована в другом звучании Асба (см. табл. Д, 39 строка). В графике ашуйского письма современная е изображалась той же фигурой, что дана в силл. 1, под № 39. Силлаб под № 40 не представлял собой угловатого графического варианта силлаба № 39. Каждая фигура обозначала особый звук. Это по крайней мере явствует из ашуйского текста спатулы Асдрубала, где в глагольной форме чапа - “слажена”

ч обозначена фигурой, что под № 40, а в слове **еы** - “лошадь” фигурой под № 39. Фигура силлаба под № 39 передавала переднеязычную твердую придыхательную аффрикату, так же как это сейчас.

В те годы, когда писалась табл. Д (М. Дюнан её датировал XIX в. до н. э.) фамильное имя Ачба произносилось как Аеба и конкретно понималось как “Конев” (абх. **а=еы**) (←**а=са**) - “лошадь”). Подтверждением этому служит первая силлабо=пиктограмма на серебряном сосуде Майкопского кургана середины III тысячелетия до н. э., когда лошадь здесь была уже известна. Ныне фамилии Аеба нет, есть только Ачба. Время сделало своё дело, чем лишней раз подчеркивается историческое значение ашуйского письма и его текстов для науки.

2. Обломок придонной части красноглинного сосуда с метой состоящей из силлабов **аа** и **б₁** в лигатуре (см. табл. XIX, рис. 3-4). Мета читается справа налево. Обломок найден там же где и предыдущая ручка амфоры. На фотоснимке видно, что гончаром сначала была прочерчена горизонтальная линия, один из элементов силлаба **аа**, затем силлаб **б₁** с низко опущенным отростком. Вертикальный штрих силлаба **б₁** стал вторым элементом для силлаба **аа**. Силлаб **б₁** в таком хабите встретился впервые. Я полагаю, что на обломке выписана фамилия гончара **Ааб(а)** - “Тисов”, м. б. ‘Ремнев’ (совр. абх. **аа** - “тис” и “ремень”), хотя существование такого значения фамилий мне неизвестно. Кажется менее вероятным, что на сосуде прочерчено слово **ааба** - “восемь”. Как показывает текст спатулы Асдрубала слог **=ба** в числительном писался через силлаб **б₂**.

Что силлаб **аа** в форме косоугольного креста произносился в позднее античное время здесь в Абхазии уже как **аа**, а не **(а)гIа** (см. силл. 1, №№ 2 и 87) подтверждают 1-я и 2-я Аквинские (Сухумские) надписи.

3. Обломок ручки амфоры с трехсложной метой на ней (см. табл. XIX, рис. 5-6). Найдена в окрестностях с. Сулево, в верховьях р. Лапста на левом её берегу. Мета читается справа налево. Последний силлаб меты в верхней части отбит. Его форма и значение определяются смыслом меты, которая транскрибируется **х₁~з₁** (см. силл. 1, № 79, 33, 88) и представляет собой более раннюю модель к современному абхазскому слову **(а)кыцзы** - “гончар” в котором первый компонент **кыц** - “глина” оказывается элементом заимствованным из мегрельского языка (Чарая 10, 8), а далее в слове всё абхазское: **з** - корневая основа глагола **(а=)з(ра)** - “обжигать”, **-ы** - суффикс со значением деятеля (ср. совр. абх. **(а)ы** - “человек”). В мете на ручке амфоры первый силлаб слова иной, чем в слове **кыцзы**. Этот силлаб в литературном языке звучал бы **ха**. В мете он диалектален.

Хотя слова **ха** (и диалектального $x_1 \sim a$) в значении “глина” в самостоятельном употреблении не сохранилось, мы знаем его в составе композиты **хаша**. Комментируя значение этого слова Н. Я. Марр писал: «светлый вид глины, которым (sic) отделывают абхазы свои избы» (МАСл, 146, а). Слово **хаша** означает букв. **ха** - “глина”, **ша** - “белая”. В эпиграфической мете $x_1 \sim (=xь)$ вм. x , старый убыхский вклад. Ср. у Vogt'a $x'a'$ (= хья) - “груша” (208, 2124) при абх. $a=xa$; $x'э'$ (=хьы) - “принц” (208, 2136) при стар. абх. $a=xa$ - “царь”. Последнее слово в прото-убыхском звучании налицо в Майкопской надписи в новом её чтении. (См. здесь, с. 247). На обломке ручки амфоры силлаб $x_1 \sim$ имел справа не два, а три косых отростка. Вершина отбита (см. однако ниже п. 10).

Итак мета $x_1 \sim aзэ(ы)$ означала “гончар”. Ныне это слово не существует. По законам абхазского синтаксиса название профессии ставится после личного имени. Следовательно, личное имя гончара было выписано на ручке амфоры выше названия профессии.

4. Ручка амфоры с клеймом=именем гончара, представленным лигатурой из двух силлабов π_1 и $г_1 \sim$ (См. табл. XIX, рис. 7-8). Место находки ручки не обозначено. Лигатура раскрывается как **цагья**, что исторически полностью соответствует совр. абх. **цагья** - “гордый”, “заносчивый”. Это имя встретилось в Майкопской надписи в новом её чтении (См. здесь, с. 248) чем подчёркивается древность имени. Любопытно, что в Майкопской надписи имя представлено графически в такой же лигатуре состоящей из силлабов π_1 и $г_1 \sim$. Этим утверждается многотысячелетняя традиция письма. Количество вертикальных отростков в фигуре силлаба π_1 не меняло его значения. (См. силл. 1, № 16).

5. Ручка амфоры с клеймом - фамилией гончара (см. табл. XIX, рис. 9-10). Найдена там же, где и ручка описанная в п.1. В клейме лигатурно сплетены 3 силлаба, которые наносились на глину в следующем порядке: сначала был выписан в центре силлаб - чашеобразное a_1 с широким основанием (см. силл. 1, № 1), на эту фигуру был наложен силлаб $\psi \sim$ (джь) (см. 1 силл. 1, № 36), а к нему пристроен слева силлаб b_1 , того же хабита, что в имени (А)чба в п. 1. В целом фамилия гончара звучит $A_1 \psi(ь)ba$ - Аджьба (Дубов).

Поскольку фамильных имен гончаров на обломках больше не оказывается, хочу обратить внимание на тот факт, что во всех именах с аффиксом =ба в ашуйских текстах древней Ашуи=Абхазии и Библа этот аффикс всегда писался через силлаб b_1 (см. кроме имен этого очерка в текстах табл. Ц строки 8, 11 и в табл. Д строки 16, 32 и 39).

Ниже имени Ацба на ручке амфоры помещена мета, выполненная в

полулигатуре. На фотографии она вышла нечётко, однако по прориси сделанной В. С. Орёлкиным в этой мете хорошо различаются следующие 3 силлаба: n_3 (силл. 1, № 59), $\check{c}$ (силл. 1, № 29) и опрокинутая фигура силлаба d (силл. 1, № 21). С палеографической точки зрения замечания требуют только силлаб $\check{c}$. Фигура его здесь оказывается средней между $\check{c}$ с перечёркнутой вершиной, что выписана в 8-й строке спатулы и (см. силл. 1, № 29 вторая фигура первого столбца) и фигурой $\check{c}$ на бронзовой печатке из с. Синапли (см. силл. 1, № 29, вторая фигура второго столбца).

Мне кажется, что гончар после своей фамилии написал $(a)n_3(i)цад$ (совр. абх. **аницат||аницеит**) - “клеймо поставил”, “клеймил”. Наличие временного форманта $=д$ вм. $=т$ не вызывает удивление, поскольку речь идет об ашуйском (древнем абхазо=абазино=убыхском) языке. Сейчас, как отметил однажды Х.С. Бгажба здесь «глагольное окончание $=d$ (срав. $=t, =it$) редко встречается в абхазских диалектах, но характерно для абазинских диалектов»¹²³. При описании тапанского диалекта абазинского языка А.Н. Генко всюду пишет $=д$.¹²⁴ В современной абазинской орфографии принято писать $=т$.

6. Обломок ручки амфоры с существовавшим на нём когда-то четырехсложным словом от которого целыми остались только 2 силлаба второй, нижней строки (См. табл. XIX, рис. 11-12). Два предыдущие силлаба верхней строки обломаны настолько, что в отношении их фигур можно высказать только предположение. Место находки не обозначено. Читать слово следует сверху в две строки справа налево. Предполагаю, что в верхней строке были силлабы $m_1 p_1$ (см. силл. 1, №№ 19, 64), в нижней строке ясно читаются $d_1 p_2$ (см. силл. 1, №№ 22, 65). Слово на ручке могло обозначать место изготовления сосуда, напр. Мардара, где конечное $=ра$ аффикс собирательности.

Поскольку слово **марда** обозначает “подъём (местности)” наличие его на ручке амфоры, как топонима, вполне уместно. Слово **марда** могло входить как компонент в название места. Ср. в этом же районе сбора материала населенный пункт Ачмарда.

Описанными выше примерами исчерпываются мои замечания в отношении гончарных фамильных клейм и мет на обломках сосудов. Дальнейшие замечания касаются уже «буквенных» клейм и мет гончаров. Эти «буквенные» клейма и меты, как можно полагать, являлись фигурами силлабов, представляющих начальные слоги фамилий гончаров. Сколь часто встречаются на обломках сосудов района одни и те же «буквенные» клейма и меты судить не могу, т. к. мне был отобран материал с неповторяющимися фигурами, в то время как повторение одного и того же клейма или меты может

говорить сколь была распространена в местности та или иная фамилия гончара и сколь фамильно разнообразен и многочисленен был в той или иной местности цех гончаров. Материал мог бы быть интересен для палеоэкономического анализа района, но это тема особой работы.

Перехожу к характеристике «буквенных» клейм и мет на обломках гончарных сосудов. Все клейма и меты сделаны до обжига.

7. Ручка амфоры, найденная в окрестности с. Ахштыр (абх. Ахштырх) с глубоко и чётко обозначенным на ней силлабом т в виде четырехконечного креста с длинным стержнем (см. табл. XIX, рис. 13-14 и силл. 1, № 28). Рисунок линии зубчатый.

8. Ручка амфоры с хорошо выписанным силлабом ц (джь) (см. табл. XIX, рис. 15-16 и силл. 1, № 36). Место находки не помечено. В верхней части фигуры продавлено три вертикально расположенных черточки. Возможно, что они являются особым значком гончара, отличающим его изделия от изделий других мастеров, которые помечали их также знаком ць, если их фамилии начинались со звука джь.

9. Ручка амфоры с глубоко выписанным силлабом к. Фигура сделана в три приёма (см. табл. XIX, рис. 17-18 и силл. 1, № 72). Место находки с. Ачмарда на правом берегу р. Ха-шупс (абх. Хашпсы).

10. Обломок ручки амфоры найденный там же. На нём глубоко прочерчен силлаб х₁-(хь), того же хабита, что и в мете х₁~з. См. выше п. 3. Силлаб на данном обломке, повидимому имел три наклонных штриха, идущих от вертикального «ствола». В силлабе п. 3 сохранились два нижних штриха, а здесь два верхних. (См. табл. XIX, рис. 19-20 и силл. 1, № 80).

11. Обломок ручки амфоры с силлабом џ (см. табл. XIX, рис. 21-22 и силл. 1, № 88). Найден в окрестностях с. Барановки. С палеографической стороны аналогичный силлаб џ с вертикальным «стержнем», выходящим вверх за «перекрестье» представлен в тексте стелы А. См. здесь в табл. IV, справа седьмой силлаб второй строки текста.

12. Обломок сероглиной ручки с хорошо прочерченной зубчатой линией силлабом у₂ (см. табл. XIX, рис. 23-24 и силл. 1, № 10). Обломок найден в окрестностях р. Лапсты, на левом её берегу.

13. Обломок ручки амфоры с силлабом х того хабита, что представлен в тексте на реверсе спатулы Асдрубала (см. здесь в табл. XI, слева первый силлаб второй строки текста и силл. 1, № 75). Справа сверху конец силлаба данного обломка загнут внутрь (см. табл. XIX, рис. 25-26), тогда как ожидалось бы наружу. Положение силлаба также необычно. Не оттого ли это, что письмом пользовались уже редко и стали его забывать? Обломок найден там же, где и предыдущий.

14. Обломок ручки, амфоры с syllabom $\hat{a}a$ (см. табл. XIX, рис. 27-28 и силл. 1, № 2). Найден в окрестностях с. Барановки. В коллекции Н. Г. Гумилевского эта фигура на фрагментах гончарных изделий встречается наиболее часто и могла уже иметь не syllabическое значение.

15. Сланцевый камень с фигурой в которой хорошо опознаётся syllab ж (см. табл. XIX, рис. 29-30 и силл. 1, № 51). Найден в окрестностях с. Ачмарда.

Извлечённый для меня В. С. Орёлкиным из археологической коллекции Н. Г. Гумилевского эпиграфический материал в виде клейм=фамилий, отдельных слов и «буквенных» мет гончаров, содержит в общей сложности, без учета повторяемости, 19 разных syllabов из 88 нам известных по ашуйским надписям Библа и Абхазии, начиная с древнейшей поры существования письменности. Не подлежит сомнению, что в исследуемом районе, по берегам рек, речушек, в долинах и в горах некогда было широко распространено ашуйское письмо, памятники которого представлены в этой книге.

Особенно хочу обратить внимание на тот факт, что очень давно, в начале II тысячелетия до н. э., именно здесь в устье р. Лапсты разыгрались, как повествует об этом текст бронзовой таблички Д., трагические события - был схвачен, пленен и продан в Анапе в рабство в Финикию, в Библ, ашуйский царь Пту, с именем которого связан расцвет ашуйской письменной культуры. Я не удивлюсь, если в исследуемом районе окажется обнаружен какой-либо более значительный письменный памятник, нежели клейма и меты на гончарных изделиях.

Дополнение I.

**Табл. XX. Фрагмент надписи
с городища Нижняя Эшера Сухумского р-на**

Рис. 1. Фотография текста

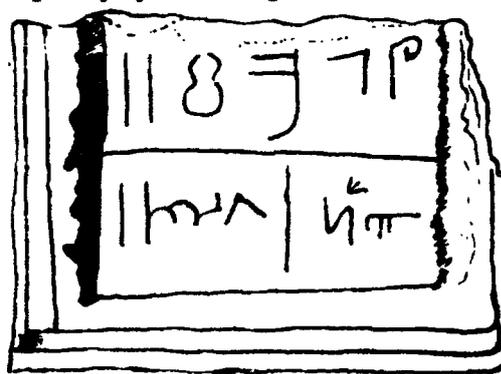

Рис. 2. Прорисовка текста

**Очерк. 20. Фрагмент надписи с городища
Нижняя Эшера Сухумского района. (III-II вв. до н. э.)**

В сентябре 1977 г. я получил из Абхазии фотографию, а в феврале 1978 года гипсовый слепок с обломка известняковой плиты с фрагментом надписи ашуйского (древнего абхазо=абазино=убыхского) письма. Обломок был извлечен на Н. Эшерском городище археологом Г. К. Шамба из фундамента эллинистического строения I в. до н. э. Плита была использована вторично. Надпись на ней относится, как я полагаю к III-II вв. до н. э. См. табл. XX, рис. 1-2.

Находка хранится в отделе археологии Абхазского ИЯЛИ в г. Акуа (Сухум). Фрагмент надписи представлен двумя заключительными строками текста, отделенными одна от другой горизонтальной чертой. Ширина плоскости, предназначенной для надписи, равна 15,5 см. Высота сохранившейся части этой плоскости - 12 см. Во фрагменте надписи 12 силлабов из которых 9 оказываются с незначительными отклонениями от уже известных. Новыми являются **ы** и **ф**. Силлаб **ы** повторен дважды. Читается надпись справа налево. Каково было ее назначение в целом - неизвестно.

Язык надписи, по нескольким фонетическим особенностям, свойственным убыхскому языку, я отношу к садзовскому диалекту ашуйского языка. Этими фонетическими особенностями являются: убых. $\check{y}$ при абх. абаз. л (ср. убых. $\sqrt{ya}$, абх. абаз. $\sqrt{la}$ - "входить", убых. $\check{ya}$, абх. абаз. ла - "собака"); убых **ф** при абх. абаз. ц (ср. убых. $\sqrt{fa}$ - "вырывать", абх. абаз. $\sqrt{cy}$ → ц(ы) - "рвать (руками)", напр. абх. абаз. а-р-ц-ра, абаз. гла-ц-ра - "рвать", "срывать" (руками что)).

Текст

1. к $\check{y}_1$ г д ы
к у г ъ (а) ды
Куга большой
2. ф з₁ б₁ | $\check{y}_1$ н г ы
ф(ы)з(а)б | $\check{y}$ (а)н(а)гы
вождь есть | $\check{y}$ а склон

Комментарий.

1(1). **кугъ(а)** (= абх. **куга**). Имя собственное, может быть эпитет к обычному бытовому имени, которое было выше, но не сохранилось. Абхазское нарицательное значение имени **куга** - “мудрый”. В тексте имя **куга** в части звука **гъ** отражает диалектальную норму, если, конечно это **гъ** не было здесь графическим вариантом **г**.

1(2). **ды** вм. ожидаемого **да** - “большой” (совр. абх. **дыу**). Старая форма слова, многократно представленная в текстах. В надписи конечное **ы** результат редукции **а**, явления хорошо известного в бзыбском диалекте абхазского языка. Подобная редукция могла быть и в речи садзов. На памяти истории они были соседями бзыбцев: обитали на прибрежных землях между р. р. Бзыбь и Мзымта. Слово **ды** ← **да** - “большой” после имени **Кутъа** (=куга) характеризует форму вежливости и уважения к старшему. Она в ходу у абхазов до сего времени. Силлаб **ы** ранее не встречался и в форме || знаменует новое явление письма.

2(1). **ф(ы)з(а)** (абх. **цыза**)- “вождь”. Этнограф Ш. Д. Инал=Ипа пишет: «... в общих походах абхазы подчинялись своим князьям или опытейшим в военных делах лицам. Они именовались «(а)цыза». ¹²⁵ Раскопанное в 1968 г. здесь же в Н. Эшере погребение IV в. до н. э. с останками хорошо вооруженного представителя местной знати, утверждает правомерность наличия имени **цыза** в надписи. ¹²⁶ Силлаб **ф** ранее не встречался. Он представляет собой графический вариант силлаба **п**₁. По форме **ф** не гребень как **п**₁, а расческа с ручкой с тремя опущенными вниз зубцами слева.

1(2). **-б** — есть. Глагольная связка абазинского типа при статических формах. В надписи силлаб **б**₁ представлен глоссой над силлабом **з**₁. За словом **фыза-б** (=цыза-б) вычерчен словораздел в виде прямой вертикальной черты. Словораздел в ашуйских надписях встречался, но в виде черты более короткой.

2(3). **Ў(а)н(а)гы**. Место свершения надписи, откуда мог быть родом апыза **Куга**. Название синонимично совр. абх. **(А)блыраху** - “горения resp. пожара холм”, как именуют эшерцы возвышенность, где была открыта надпись. Абхазская основа **блы** (← **бла**), где **б** - окаменевший показатель класса вещей, в корне **ла** в значении “горение”, “свечение” соответствует эпиграфическому **ўа** и убых **ўа**. Абхазский аффикс масдара **ра** в ашуйском языке необязателен. Абхазское слово **ху**- “холм”, синонимично эпиграфическому **нагы**- “склон (горы)”, совр. абх. **наа**, абаз. **нагIа**.

Археолог Г. К. Шамба, производящий в течение ряда лет раскопки на Н. Эшерском городище, полагает, что современное абхазское место **(А)б-**

лыраху связано с бывшим в крепости, где найдена плита, пожаром, следы которого им обнаружены.¹²⁷ Однако холм, где была в I в. до н. э. соружена крепость, был заселен уже в VI в. до н. э., как об этом пишет сам археолог Г. К. Шамба. Следовательно, название (А)блыраху, если его толковать как “пожарица холм” представляет собой более позднюю, вторичную интерпретацию древнего названия этого места. Оно дано во фрагменте надписи. Надпись на диалекте садзов может быть интерпретирована не только как “горения склон”, но и как “божественный склон”. В убыхском основа *ya* имеет также значение “бог”. Не исключено, что на холме было некогда святилище (ныхэа), впоследствии забытое, ибо садзы оказались из этих мест оттесненными к западу. Дальнейшие раскопки покажут насколько правомерно это предположение.

Ниже-Эшерская находка говорит о процессе дальнейшего развития письма. Она подтверждает, что ашуйское письмо было здесь не только стародавним, но и многоплеменным явлением местной культуры.

Дополнение II.

Очерк 21. Надписи *k* и *I* на каменных блоках из Библа.

В июле 1980 г. я получил от проф. М. Дюнана отпечаток его статьи в *Bulletin du Musée de Beyrouth*, t. XXX (1978), озаглавленный: *Nouvelles inscriptions pseudohiero glyphique de couvertes a Byblos*.

М. Дюнан раньше писал мне о них в одном из своих писем и теперь я имею возможность заняться их чтением.

Каменные блоки с ашуйскими надписями обнаружены им при раскопках развалин персидской крепости ахеменидского времени. Интересующие нас камни были использованы в строительстве вторично: на обоих камнях читаются надгробные надписи. Где находился некрополь с которого они взяты - неизвестно, но вероятно где-то поблизости.

Оба блока известняковые. Та сторона блока, на которой выбита надпись к тщательно обработана. Остальные стороны не обрабатывались. Размеры надписи: 0,38 x 0,26 м (высота). В надписи пять строк, содержащих 28 силлабов и три «небуквенных» знака. Два из них представляют короткую горизонтальную черту. Один из них стоит над силлабом *s'* с которого начинается личное имя погребенного *s'az*₁ - “Садз”, второй вырезан выше строки перед личным именем каменотеса *ty*₂ - “Т(ы)п”. Горизонтальная чёрточка в такой функции в ашуйском письме встречается впервые. Вероятное значение её определено мною контекстом. Стоящая после слова (а)п-

(ы)н(ы) - (афы-анцэа) - “молнии бог”. Вертикальная чёрточка в ашуйских текстах неоднократно встречалась и означает как и прежде знак фразо-разделительный. Надпись хорошо сохранилась и читается полностью.

Блок с надписью 1 обработан грубо. Первоначально он представлял собой правильный призматический треугольник от которого сохранились полностью только две стороны. Размеры его: 0,57 x 0,40 м. Сторона с надписью образует прямоугольный треугольник высотой 0,39 м с максимальной шириной у основания 0,30 м. В надписи 13 строк, из них, начиная с вершины треугольника, достаточно хорошо читаются 7 строк. Ниже этих строк на поверхности камня много выбоин, разрушивших текст и делающих чтение ряда строк неполнозначным. 8-я строка читается наполовину, 11-я не читается вовсе. В 10-й и 12-й строках имеются силлабопиктограммы. Общее количество «буквенных» силлабов в надписи 1-61, силлабопиктограмм, типа тех, что выгравированы на первом и втором серебряных сосудах Майкопского кургана — 4. Фразоразделители отчётливо видны в 3-ей и в 12-й строках текста.

Обе надписи читаются справа налево.

Исходя из своей гипотезы связи псевдоиероглифического письма Библа с египетским иероглифическим проф. М. Дюнан условно датирует найденные надписи, применительно к истории древнего Египта, временем гиксосов (1720-1580 г. до н. э.). Однако поскольку египетское письмо с псевдоиероглифическим ашуйским, как это теперь установлено, связи не имело, эта датировка Дюнана к надгробным надписям никакого отношения не имеет.

Кроме надписей к и I проф. М. Дюнан публикует в своей статье ещё два фрагмента надписей, литерованных им буквами **m** и **n**.

Оба фрагмента даны в прорисовке, а фрагмент **n** и в фотографии. Читением этих фрагментов я ещё не занимался.

Табл. XXI. Надгробная надпись из Библа.
(рисунок утерян)

Текст надписи посвящён выходцу их Ашуи, писцу рабу из Аи, по имени Садз, который был убит богом молнии (Афы). В ней же содержится просьба к всевышнему богу (Ны) о милосердии к убитому. Надпись завершается словами: Тесал Тп.

Текст и перевод.

1. п з' а₁ й с' л₁ с'
(А)п(ы) (йы) з'а й(ы) с'ала с'а
Афой закланый его мечём Са -
2. з₁ й й⁰ с' ц' й
з(ы) -й(ы)гІә[ү]а (А)с'(ә)а (д)ц(ы)й
дз - писец, из Ашуи (он) выше-
3. җ₂ н₂ о ү ай җ₁
т. н(ы) (а)оы(ра) ү (ы) Аи (а)т(ә)
л. Боже человечность прояви (к) Аи рабу,
4. й ш- Ӏ н ӑ' (й)
ишь(ы) (а)п(ы)н(ы)' (йы)ц'(ә)й
которого убил молнии бог. Те-
5. җ₂ ӑ₂ ӑ₂
т Т(ы)п
сал Тып.

Комментарий к надписи к

1(1) (а)п(ы) - Аф Ё. 1) Языческий бог грома, 2) молния.

В ашуйских текстах как самостоятельное слово встречено впервые. В тексте спатулы и 3(2) оно присутствует в глаголе “молиться” (а)шьапык(ра). Композита этимологически раскрыта в Очерке 1, сноски 4, как: шыа (→ шыы) “рассвета”, пы (→(а)фы) “молнии”, к(ра) “ловить”, “хватать”. Звук ф в ашуйском языке относительно поздний (см. Очерк 20).

1(2) (йы)з'а - “закланый”. Причастие чистой основы от неупотребительного ныне глагола (а)зара - “заклать”, “заколоть” (жертву). В ашуйских текстах глагол встретился один раз (см. спатула и, 4(5)). В данном тексте бзыбская форма со свистяще-шипящим з' вм. з. В текстах этот звук встречался неоднократно.

1(3) и(ы)с'ала - “его мечем”. Орудная форма имени (формант -ла) с местоименным притяжательным аффиксом класса мужчин й(ы). Исходная форма имени с'а - “меч” представлено в тексте с бзыбским свистяще-шипящим с'м. лит. с (совр. лит. а-са - “меч”).

1(4) - 2(1) С'аз₁ - “Садз”. Личное имя этнического происхождения. В ашуйских текстах / встретилось в несколько иной графической записи как С'аз в спатуле е 1(1).

2(2) й(ы)гІә [у]а - “писец”, собственно: “пишущий”. Причастие от гла-

гольной основы гІә (ср. абаз. гІвра) - “писать” с местоименным аффиксом класса мужчин й(ы). Грамматическое приложение к собственному имени Садз. Обозначает профессию и по синтаксическим нормам языка стоит после имени к которому относится. Аффикс [ў]а ассимилирован предшествующей лабиализацией.

2(3) (А)с'(ә)а - “Ашуя”. Древнейшее название Абхазии. В текстах встречалось неоднократно. См. например текст табл. Д 5(5). Этимология топонима дана во «Введении» к книге с.20. Отсутствующий в тексте послелог “из” подсказан следующим за топонимом глаголом.

2(3) - 3(1) (д)ц(ы)йт - “(он) вышел”. Ныне несамостоятельный глагол движения с основой ц'ы бзыбского звучания элативного значения “выйти из” в финитной форме аориста (аффикс -й-т). Показатель класса человека д отсутствует. См. комментарий к табл. Д 1(2). В несколько иной форме глагол встретился в тексте Майкопской надписи 3(3), а также здесь. См. комментарий к надписи I 5(2).

3(2) н(ы) - “боже”. Слово много раз представлено в ашуйских текстах. В этой форме см. его, например, в тексте спатулы и 1(3). Падежное значение подсказано контекстом.

3(3) (а)ю(ы)(ра) - “человечность”. Поставленный в скобке аффикс отвлеченного имени (-ра) в ашуйских текстах весьма редок. У меня имеет разъяснительный характер. Основа имени -ю - “человек” абхазского звучания, абаз. гІв.

3(4) ў(ы) - “прояви”, букв. “сделай”. Объективная форма повелительного наклонения от глагольной основы ў - “делать” (совр. масдар аўра). В тексте показатель объекта (и) может отсутствовать так как объект стоит непосредственно перед глаголом. Глагол употреблен в переносном значении. Сходные случаи см. в тексте табл. Ц 9(6), 9(12). Обращение к всевышнему богу (ны) с просьбой проявить человечность т. е. быть милосердным к убитому молнией, объясняется тем, что у абхазов в давние времена, как и в недавнем прошлом, считалось «великим несчастьем для абхаза, если на него или на его дом (или скот) упал громовой удар: значит он разгневал бога, дух которого отошёл от него, а потому дьявол искал в нём убежище. Значит он великий грешник перед богом». (С.Н. Джанашиа. Статьи по этнографии Абхазии. Сухуми, 1960, с. 67).

3(5) Аи - В тексте спатулы и XIX в. до н. э. в молитве проданных в Библ ашуйских рабов читаем: «Аи всей бог! Здесь чужие аиевские люди тебе благодарны за отеческую заботу ...» Аией называли предки абхазов свою горную Абхазию. Это собственное имя взяло свое начало от нарицательного, до сих пор известного абхазского слова - **аиара**. Так называют абха-

зы прогреваемые солнцем южные склоны гор, на которых они селятся. (Ц. Н. Бжания. Из истории хозяйства и культуры абхазов. Сухуми, 1973, с. 150). Основа имени **аиа=ра** суффикс собирательности и локативности.

3(6) **(а)т(ә)** - “раб”. Слово неоднократно встречалось в текстах.

4(1) **ишь(ы)** - “которого убил”. Инфинитная форма аориста от глагола **(а)шьра** - “убить” с отсутствующим показателем класса человека д. См. комментарий к табл. Д 1(2).

4(2) **(а)п(ы)н(ы)** - “молнии бог”. Соответствует современному афы-анцәа.

4(3) **иц'әит** - “тесал”. Финитная форма аориста от глагола **(а)цәра** - “тесать”. В надписи бзыбская форма, в ББД отсутствующая.

4(4) **Тп** - личное имя каменотёса. Читаю как **Тып**.

Перевод эпиграфического текста надписи к на современный абхазский язык.

(1)Афы дзысыз исала Са (2) з-йоўаз Ашәы дгыци (3)т. Анцәа аўаора уы Аиа атәы (изы), (4) Афы-анцәа иишьыз. Ицәи(5)т Тып.

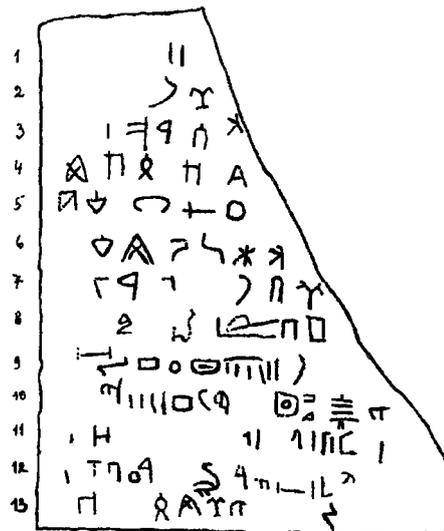
Перевод абхазского текста на русский язык.

(Этот) сражённй мечем Афы Садз - писец из Ашуи вышел. Боже чело-
вечность прояви (= будь милосерд) к рабу Аи, которого убил бог молнии.
Тесал Тып.

Табл. XXII

Надгробная надпись 1 из Библа.

Текст надписи посвящён родоначальнику Батовых (Батаа); у него в Ашуе в (области) Ла остались родичи. Выходец из Ашуи он здесь (в Библе) оказался без земли и жилища. В Ашуе его гордость Апыза Сага, мёртвый знатный сородич, в адамре сидит. Это в (области) Ла священное место ... С родины проклятья душ предков (из Библа) доносятся (слышны) ... [потому что] прежде в Ла рабство было не в обычае ...

Текст и перевод

1. ы

ы

тому

2. л г₁

(ы)лага

(что) начал

3. б њ₁ р₁ г̂ |

Бата р(ы)г̂а (= рыц̂а)

Батовых (= Баты их) семья (род)

4. й ѱ м ѱ ѱ

й(ы) ѱа (и)маѱп

(У) него сородичи имеются (букв. имеются есть)

5. с' ц' н₂ д б₂

(А)с' (э)а (д)ц'(ы), (а)н(ы)да (а)б(а)

Ашуи (из)(он) выходец, земли без здесь

6. б ж̂ з₁ н ѱ д

(д)бж̂азз(ы)н пада

(он) затерялся совсем плетенки без (т. е. жилища без).

7. л г л₁ [н ж] р₁ ѱ₁

лага (= лаг̂а) Ла[(и)н(ы)ж̂{т}] р(ы)уа

(На) севере (в) Ла[он оставил] своих родичей

8. г₁ ~ ѱ р₁ з...

г̂(ы) уа (а)раз...

его сородич искренний ...

9. л₁ ы п₁ г̂ с' г̂ п₂ з₁

т₂

Ла ы паг̂а С'аг̂а ц(ы)зза

(д)тәу[п]

(в) Ла его гордость Саг̂а (а)пыза

сидит.

10. ~~л~~ ѱ д₁ б̂ б₁ р₂ л₁ г̂ ~ ||| ѱ₂ п₁

пс'а (= псы) ѱада (а)дамра [дитәуп] (а)бр(ы) (= абри) Ла г̂а п̂ща т(ы)па (= тып)

Мертвец сородич знатный (в) адамре [сидит].

Это (в) Ла родовое священное место.

11. ....

12. ѱ₂ л₁ п₂ ѱ₂ р₁ р̂ р₁ с' л ѱ

т(э)ла п(ы)т(э)р(ы)пса р(ы)с'(ра) (ы)л(ы)ѱ[у]а

(с) родины (букв. (из) страны) предков их душ их заклятия (оттуда) из слышны

13. ....з₁.....҃₂ л й м.....҃₂
заа[избанда].....(а)т(о)(ра) Ла (й)ап(ы)м.....
прежде [ведь]... рабства (в) Ла обычае не (было).....

Комментарий к надписи 1

1(1) **ы** - местоименный притяжательный аффикс 3 л. ед. ч. класса мужчин здесь в более ранней форме **йы**. Следует заметить, что в надписях ашуйского письма силлаб ||- **ы** редок. Впервые он отмечен в очерке 20-м в Эшерской надписи III-II вв. до н. э. Данная надпись древней Эшерской и то, что силлаб **ы** встретился раньше Эшерской надписи в данном надгробии, говорит о непрерывной связи Библа с Ашуйей на протяжении долгих лет.

2(1) **(ы)лага** - “(что) начал”. Инфинитная форма аориста от глагола **(а)лагара** - “начать”.

3(1) **Бата**. Личное имя в графике надписи б҃₁, которое можно транслитерировать и как **Быта**. Я избрал первое, руководствуясь следующим текстом знатока диалекта абхазского языка Х. С. Бгажба: ... «согласно преданиям мдзавское племя (мзаа), обитавшее в горах состояло из фамилий ... Абатаа» (ББД, с. 268). Имя **Бата** || **Ба́та** и поныне есть в бзыбском диалекте (ББД, с. 405). Мдзавцы обитали в ущельях рек **Бзыби** и **Мдзымта**.

3(2) **р(ы)гья** - их семья. Судя по фонетическому соответствию абаз. **гьыч** - “вор”, абх. **(а)гьыч** - “вор” в эпиграфическом **р(ы)гья гья** соответствует абх. ***(а)гья** - “семья”, что присутствует в глаголе **игьяцоит** - “размножается”. Говорят: **урт рыжэла гьяцом** - букв. «Их род семенем не идет» т. е. род не размножается. **Р(ы)** местоименный притяжательный аффикс - “их”. После этого слова в надписи стоит фразораздел.

4(1) **й(ы)** - местоименный притяжательный аффикс класса мужчин в более поздней форме. Раннюю см. здесь 1(1).

4(2) **уа** - “сородич”. (МАСл, 19, б). Слово ранее в ашуйских текстах встречалось. См. табл. Д 10(5).

4(3) **(и)мауп** - “имеются” (букв. “имеются есть”). Настоящее время статического глагола **(а)мара** - “иметь” (МАСл, 55, б). Показатель времени - **ў**, показатель финитности **п**.

5(1) **(А)с'(ә)а** - Ашуя название древней Абхазии. См. надпись к 2(5).

5(2) **(д')ц(ы)** - “выходец”. Основа ныне несамостоятельного глагола движения элативного значения - “выйти”, употребленная в именном значении. Показатель класса человека **д** отсутствует. См. комментарий к табл. Д 1(2), а также здесь комментарий к надписи к 2(3) - 3(1).

5(3) **(а)н(ы)да** - “земли без”. Лишительная форма имени: аффикс -да при имени ны обозначающем “землю”, “страну”. Оба слова в надписях встречались. См. комментарий к табл. Д 4(7) и табл. Ц 14(2).

5(4) **(а)ба** - “здесь”. Наречие. В этой форме в ашуйских текстах однажды встречалось. См. стелу А 9(8). Отсутствие в эпиграфической форме элемента **р** явление диалектальное. В форме **абра** - “здесь” см. в МАСл 4, 6, 25.

6(1) **(д)бжьазз(ы)н** - “затерялся совсем”. Финитная форма прошедшего неопределенного времени (аффикс - н) от глагольной основы **бжьаз**. В эпиграфической форме звук **з** спирализован в **з**. Явление спирализации аффрикаты в ашуйских текстах уже встречалось. См. спатула б 5(3) и спатула е 2(1) в обоих случаях в бзыбской форме **з'→з**. Эпиграфическая **з₁** как показывают тексты, передавала либо геминату **зз → зз** разного смыслового значения, либо напряжённость звука. В данном случае разумелась вероятно гемината **зз → зз** в которой первое **з(→з)** относилось к основе, а второе **з(→з)** являло собой модальный аффикс **з(а)** со значением “совсем”, “окончательно”, “совершенно”. Иначе говоря эпиграфическая форма **(д)бжьазз(ы)н** могла означать: “затерялся совсем”. Показатель класса человека отсутствует. См. комментарий к табл. Д 1(2). Силлаб **жь** в ашуйских текстах в этой специальной для него фигуре встречен впервые. Она представляет собой графический вариант силлаба **ж**. См. Дополнение III.

6(2) **пада** - “плетенки без” (т. е. “жилища без”). Абхазское жилище представляло собой первоначально, как указывают этнографы, плетёный из прутьев шалаш, обмазанный глиной. Схематическое изображение жилища-шалаша в ашуйском письме представляет силлаб **йа** (см. силлабарий 1, № 15). Ныне “плетение”, ретроспективно “плетенка” в абхазском и абазинском языках произносится с придыхательным **ц** - **царá**, а не со смычногортанным. В прошлом отвлечённые имена, как показывают ашуйские тексты, обозначались чистой основой без аффикса **ра**. Смычногортанное **п** в м. **ц** вероятно явление не столь диалектальное, сколько историческое т. е. более древнее.

7(1) **лаҭа** - “север”. (Срав. совр. **лаҭа**). В ашуйских текстах северное местоположение Абхазии по отношению к Библи указано также в тексте стелы А XIX в. до н. э. См. комментарий к ней 2(4).

7(2) **Ла** - одна из областей древней Абхазии. См. комментарий к табл. Д 2(1).

7(3) В прориси М. Дюна на этом месте пропуск. На памятнике выбоина. Вероятное слово воспроизведено по содержанию фразы: **[н ж~] - [(и)н(ы)жь {т}]** - “он оставил”. Здесь была финитная форма аориста с вероятно отсутствующим конечным **{т}**. Объяснение этому факту см. в комментарии к табл. Д 14(4).

7(4) **р(ы)ўа** - “своих сородичей”. **Р(ы)** - местоименный притяжательный аффикс мн. ч. - “их” (своих). **Уа** - “сородич”. Слово уже встречалось, см. выше 4(2). То что слово в первом случае написано через **ў** (силлаб 1, № 7) а во втором - через **ў₁** (силлаб 1, № 9) говорит о графической неустойчивости письма.

8(1) **гь(ы)** - “его”. Восьмая строка наполовину разрушена. Это хорошо видно по прориси М. Дюнана. Сохранилась часть строки текста первым словом которой я полагаю местоимение притяжательное 3 л. ед ч. класса мужчин “его” в форме **гь(ы)**, что является графическим вариантом к эпиграфическому **г₁~(ы)** в спатуле е 1(3) и фонетическим вариантом к совр. убых. **га** - местоимению и местоименному аффиксу 3 л. ед. ч. - “его”. (Vogt, р 223). См. также Дополнение III.

8(2) **ўа** - сородич. Слово уже встречалось, см. выше 4(2) и 7(4).

8(3) **(а)раз** - “искренний”. Ср. абх. **áраз** - “искренний”. Слово в тексте дано в лигатуре силлабов **р₁з**, которая читается сверху вниз и справа налево. См. дополнение III, 3. После фразы: **гь(ы) ўа(а)раз ...** “его сородич искренний”... вероятно следовало имя этого сородича и указание на его общественное положение или профессию, как это можно читать, например, в 9-ой строке текста.

9(1) **Ла** - Одна из областей древней Абхазии. См. комментарий к табл. Д 2(1).

9(2) **ы** - местоименный показатель 3 л. ед. ч. класса мужчин - “он”. В этой форме уже встречался см. выше 1(1).

9(3) **цагъа** - “гордость”. Совр. абх. **(а)цагъара**. В ашуйском языке отвлечённые имена существительные употреблялись в чистой основе, аффикс **ра** очень редок. Следует отметить историчность **гь→гъ**, в ашуйских текстах обычную. Слово **цагъа** в текстах встретилось до этого случая дважды, но как собственное имя “Гордый”. См. его в надписи на Майкопской плитке XIII.-XII вв. до н. э., 3(1) и в очерке 19, (4), среди клейм гончаров Гагрского района Абхазии времен поздней античности. Следует обратить внимание на графическую разновидность силлаба **г₁~** в форме **≡**, при обычной **▭**. См. силлабарий 1, № 72, а также Дополнение III.

9(4) **С'агъа** - “Сагя”. Личное имя. В ашуйских текстах однажды встречалось, но с начальным с вм. бзыбского **с'**. См. стелу Г. 3(3). Ныне это имя неизвестно.

9(5) **(а)ц(ы)зза** - “вождь”, “предводитель ватаги”. В этом слове **зз** обозначили геминату. Слово встречалось в очерке 20, 2(1) в несколько ином звучании и там же объяснено.

9(6) **(д)т(ə)ў[п]** - “сидит”. См. совр. абх. **дтəууп**. Глагол состояния “си-

дит” дан в финитной форме настоящего времени. В отношении отсутствующего показателя класса человека д см. комментарий к табл. Д 1(2). Смычногортанный п ассимилировался в соседстве со следующим придыхательным ц и поэтому не написан. Это слово конечное в 9-ой строке надписи перенесено в 10-ю строку, где и стоит первым.

10(1) **цс’а** (совр. бзыб. **цсы́**, лит. **цсы**) - “мертвец”, “мёртвый”. В тексте надписи вм. слова бзыб. **цс’ы** дан схематический рисунок “ели”, название которой являлось омонимом к слову “мертвец”. См. Дополнение III. Слово “ель” произносилось **цс’а** (лит. **цса**), следовательно слово “мертвец” произносилось в ту пору **цс’а**. На слове “мертвец” лежал запрет, его вслух произносить и писать буквенно нельзя, поэтому оно заменено омонимом “ель”. Изображение “ели” как силлабопиктограммы в тексте этой надписи не единственное. Есть ещё три силлабо-пиктограммы (см. ниже), подтверждающие мою догадку, что силлабопиктограммы Майкопского кургана употреблялись в надгробных надписях. См. «Введение» к этой книге. Следует также обратить внимание на то, что “ель” была растением Кавказа, Абхазии, а не Ливана. Это лишний раз говорит о кавказском происхождении псевдоиероглифического библского письма. Подтвердит это и силлабо-пиктограмма дольмена (адамра). См. ниже.

10(2) **ўада** - “сородич большой” (переносно - “знатный”). **Уа** - “сородич”, (см. выше 4(2)) **да** - “большой”. См. комментарий к табл. Д 10(5).

10(3) **(а)дамра** - “дольмен”. В тексте словесно не назван, а вместо него изображена передняя стена дольмена с круглым отверстием (лазом) в ней. См. здесь. Дополнение III. Вероятно, на слове **адамра** лежал запрет как и на слове “мертвец”, “мертвый”, впоследствии утраченный. Изображение дольмена в надписи лишний раз говорит о кавказском происхождении ашуйского письма. См. также здесь 10(2). При раскопках Библа проф. М. Дюнаном дольменов не найдено.

10(4) На камне небольшая лакуна. Текст фразы подсказывает, что здесь следует поместить статический глагол “сидеть” в настоящем времени: [дитауп]. Мертвецов в адамре хоронили сидя, прислонив к стене.

10(5) **(а)бр(ы)**- “это”. Могла быть и полногласная форма слова ***абар(ы)**- “это”. Слово дано в лигатуре силлабов b_1p_1 , которая читается справа налево. См. Дополнение III, 3.

10(6) **Ла** - название одной из областей древней Абхазии. См. комментарий к табл. Д 2(1).

10(7) **гъа**- “род”. Первоначально: “семя”. Здесь употреблено в расширительном значении. В несколько ином звучании см. его выше 3(2).

10(8) **цшьа** - “священный”. В тексте надписи слово табуировано и гра-

фически изображено числом “четыре”, в виде четырёх единиц. См. здесь. Дополнение III. Четыре в абхазском **цшьба**. Вероятно во времена надписи, при счете вещей до 10-ти, основа этого слова употреблялась и без нумератива -ба, как **цшьа**.

10(9) **т(ы)ц(а)** - “место”. Совр. **тыц**.

11. Эта строка текста совершенно не читабельна. См. прорисовку М. Дюнана здесь рис.2.

12(1) **т(ə)ла** - “страна”. Слово в текстах неоднократно встречалось.

12(2) **ц(ы)т(ə)** - “предок”, букв. “впереди” (**цы**), “сидящий” (**тə**), разумеется “находящийся”. В тексте множественное число без показателя множественности, который в ашуйских текстах встречен всего один раз.

12(3) **р(ы)** - “их”. Притяжательное местоимение 3 л. мн. ч.

12(4) **цса** - “душа” (совр. **цсы**). В тексте надгробная речь идёт о душах умерших, а поскольку говорить о них словесно было запрещено, в надписи вместо слова “душа” дана силлабопиктограмма “птицы”. См. Дополнение III. Словесно в те отдалённые времена “птица” была в ашуйском языке омонимом слова “душа”. Сходный рисунок “души - птицы” см. в силлабопиктограмме на плече 2-го серебряного сосуда Майкопского кургана, здесь в Очерке 1-м с. рис. . В том же очерке дана и этимология совр. абх. слова “птица” - **цсаа**.

12(5) **р(ы)** - “их”. См. выше 12(3).

12(6) **с'(ра)** - “заклятия” (клятвы). Ашуйское слово “заклятие” (клятва) с основой **с'** происходит от глагола (бзыб.) **(а)с'(ра)** - “бить”, “колотить” (по чему-либо). Ашуйцы клялись, ударяя о землю, отсюда в тексте табл. Д: “**Аин(ы) (а)с'—** о землю **Аи бью!**”, переносно: “землёй **Аи** клянусь!” См. комментарий к табл. Д 41(3). Поставленный мною в скобки при эпиграфическом **с'(ра)** аффикс **(ра)** имеет отвлеченное значение. См. здесь 9(3). Ныне употребляется другое слово: **аныс, акура, аныкура, ашəи, ашəира** - означает “проклятие”, “клясться”.

12(7) **(ы)л(ы)л[у]а** - “из слышны”. Глагол **л** - “доносится”, “слышится” (о звуке) в форме причастия настоящего времени на -**ў(а)**. В аффиксе звук **ў** ассимилирован предшествующим ему звуком **л**. Преверб **л(ы)** имеет элативное значение “изнутри чего либо”, в данном случае “из страны” (**тəла**). Об ассимиляции звука у соседствующим со звуком **л** см. в текстах комментария к надписи А 4(5). В тексте надписи вероятно древняя форма выражения настоящего времени причастием. Генко (с. 161-162), комментируя образование настоящего времени на -**ўйд** (официальное написание -**итI**), писал, что оно «представляет собой фонетически сильно искаженное первоначальное сочетание причастия настоящего времени состояния, например: **сцауа** с формантом **ид**». Факультативность форманта **ид (= тI)** в

настоящем времени им отмечена в кувинском говоре: **сцо(тГ)**. Для абхазского Генко приводит в качестве примера: «абх. **йысахЛауайтГ** (= **йысахуайт**) - “я слышу” от причастия **йысахЛауа** (=И) - “то, что я слышу” + **итГ**”. Глагольная основа **ю** - “доносится”, “слышится” в надписях однажды встречалась. См. комментарий к спатуле и 5(7). После этого слова в надписи стоит фразораздел.

Тринадцатая строка, повидимому, продолжает фразу 12-й строки. Текст этой строки в начале её и в конце разрушен. От начала строки сохранился силлаб $z_1 = zz$, а от конца строки - силлаб $t_2 = t_1$

13(1) **зза** - “прежде”. Силлаб z_1 в данном случае характеризовал напряженный звук. См. здесь комментарий 6(1).

13(2) **[избанда]** - “потому что”, “ведь”. Читается предположительно.

13(3) **т(ә)(ра)** - “рабство”. В ашуйских текстах отвлечённые существительные как правило выражались чистой основой без аффикса **-ра**.

13(4) **Ла** - название области древней Абхазии. См. комментарий к табл. Д 2(1).

13(5) **(и)ап(ы)м ...** (совр. йапым) - “(в) обычае не (было)” ... Смычногортанный **п** вм. придыхательного **ц**, как это ныне, вероятно явление историческое. См. выше 6(2). Факт исторически нуждается в дальнейшем подтверждении.

13(6) ... **т** Конечный силлаб строки, перед ним лакуна.

Перевод эпитафического текста надписи на современный абхазский язык.

(1) Иара(2)иалагаз(3) Батаа рыгъа (=рыжэла)изы. (4) Иара ауацэа имауп. (5) Ашэы дгыцит, дгылда ара (6) дыбжьаззеит оныда. (7) Лагъа Ла инижът рыуацэа. (8) Иара иуа раз ... (9) Ла ипагъа Сагъа цыза дтэоуп (10) Ацсы-иъа ду адамра [дтэоуп], абри (=ари) Ла жэла ипшьа тып (11)... (12) Ртэыла абацэа (=цытэцэа) рыцсы рыпшэи ылыоуеит. (13) .... **заа** [избанда] атэра Ла иапымызт.

Перевод текста на русский язык.

Ему, что начал Батовых род. У него сородичи имеются. Он выходец из Ашуи, без земли, здесь он затерялся совсем без жилища. На севере в Ла он оставил своих родичей. Его родич искренний (араз) ... В Ла его гордость апыза Сагя сидит. Мертвец его сородич в адамре [сидит]. Это в Ла родовое священное место. Из страны отцов (предков) их душ проклятия оттуда слышатся, ... [потому что] раньше в Ла рабство не было в обычае ...

Дополнение III.

Силлабарий ашуйского древнего (абхазо-абазино-убыхского) языка.

1. Дополнительные знаки письма и их варианты.

№№ п/п	Оригинальный хабит знаков письма		Транскрипция знаков письма	Раскрытие силлабического значения письма знаков (первичная)
	В текстах Библа	В текстах Ашуи		
1	2	3	4	5
89			ы	ы
90			ф	фа
91	Ж		ж~	жъа
92	☐	☐	г ₁ ~	гъа

Надбуквенный и надстрочный знак — указывает, как можно судить по надписи к, на имя личное, помещаясь перед или над силлабом с которого это имя начинается.

2. Силлабопиктограммы, употребляемые вместо силлабов в надгробной надписи 1

1. ц' а - (ель) вм. ц' ы (< ц' а) - "мертвец" (бзыб.)
2. вм. "адамра" (могила - дольмен).
3. цшъа -(4) вм. цшъа - "священный"
4. цса (птица) вм. цсы (< цса) - "душа"

3. Дополнительные лигатуры

№№	Оригинальный хабит лигатур		Транскрипция и чтение лигатур	Раскрытие силлабического состава лигатур	Направление и место лигатур в тексте
	хабит	состав			
1	2	3	4	5	6
1			р ₁ з	(а)раз	Справа налево и сверху вниз в 8 строке надписи
2			б ₁ р ₁	(а)бры	Справа налево в 10 строке надписи

Послесловие.

Предлежащий труд, «Открытие и дешифровка древнейшей письменности Кавказа» был закончен мной поздней осенью 1975 года. В 1978 году, когда работа находилась в типографии издательства «Наука» в Ленинграде, я дополнил моё исследование ещё одной надписью, найденной во время археологических раскопок в сел. Нижняя Эшера Абхазской АССР. См. Дополнение I. Труд должен был выйти из печати в первом квартале 1979 года.

По независящим от меня причинам работа не увидела света. Нашлись ученые, которые в силу своей национальной ограниченности никак не могли допустить того, чтобы небольшой, но весьма древний, автохтонный кавказский народ - абхазы в лице своих предков ашуйцев, оказался вдруг создателем древнейшей письменности Кавказа и виновником появления её на Ближнем Востоке, в древней Финикии, в Библие.

Набор книги был рассыпан.

Прошло девять лет и сейчас, когда я имею возможность опубликовать исследование, считаю себя обязанным сообщить читателю ряд дополнительных эпиграфических, этнографических и археологических данных, подтверждающих или развивающих мою прежнюю точку зрения.

В июле 1980 года, весьма заинтересованный в моём исследовании, первооткрыватель библского псевдоиероглифического письма, которое я называл ашуйским, французский учёный, профессор Морис Дюнан, прислал мне оттиск из *Bulletin du Musée de Beyrouth*, t. XXX. (1978 г.), где оказались опубликованные им две новых библских надписи, уже известного нам теперь ашуйского письма.

Надписи литерированные им буквами к и I, мною прочтены, прокомментированы и включены в эту книгу. Дополнение II, очерк 21, табл. XXI и XXII. Обе надписи надгробные. До сих пор надписей подобного «жанра» мы не имели. Возможно, конечно, что надгробной надписью была Эшерская (см. в этой книге: Дополнение I), но поскольку начало её отбито, быть уверенным в этом не приходится.

Каменные блоки с надписями были изъяты проф. М. Дюнаном из стен разрушенной персидской крепости ахеменидского времени. Где находился ашуйский некрополь, с которого они были взяты, как строительный материал, мы не знаем и поэтому, к сожалению, не можем судить о способе захоронения погребенных.

В обеих надписях написано, что умершие были выходцами из Ашуи, а в надписи 1 указано, что Ашуя находилась по отношению к Библи на севере. Такое же указание сделано в тексте стелы А XIX в. до н. э. См. здесь текст стелы 2(4).

Ашуйцы помнили родину, возносились мыслями к ней.

Особенно богата этнографическими сведениями надпись I. Изображение лицевой стороны плиточной адамры (дольмена) с круглым лазом в ней, указание в тексте на то, что мертвецы хоронились в сидячем положении, что мертвецами были большие (великие) члены рода и что место захоронения было священным, всё это является хорошим подтверждением того, что мы знаем о дольменных захоронениях по археологическим данным.

Приведу здесь в переводе на современный абхазский язык текст 9-й и 10-й строк надписи I из которых извлечены эти сведения: «Ла ипагья Сагья цыза дтэоуп. Ацсы - иуа ду адамра [дтэоуп], абри (= ари) Ла жола ицшыа тьц. - В Ла его гордость апыза Сагя сидит. Мертвец его знатный сородич в адамре [сидит]. Это Ла родовое священное место».

Временем строительства дольменов на западном Кавказе археологи считают примерно 2300-1700 гг. до н. э. Наиболее старые памятники ашуйского (древнего абхазо-абазино-убыхского) письма относятся к этому же времени. По характеру «буквенных» силлабов и силлабо=пиктограмм надгробную надпись I я отношу к началу II тысячелетия до н. э. Захоронение в дольменах в ту пору было реальностью, поэтому его изображение и появилось в надписи I.

Существует мнение, что дольменная культура на Западном Кавказе не была автохтонна, что она была принесена извне. Говорят при этом чаще осторожно. Не просто заимствована культура, а её идея.

Одним из поборников иноземного происхождения дольменной культуры на Западном Кавказе (и Абхазии) является исследователь этой культуры археолог В. И. Марковин. В своей работе «Дольмены Западного Кавказа» (М. 1978) он категорически утверждает (с. 285), что «дольменная культура не имеет своих генетических корней среди древностей Прикубанья и Причерноморья» (подчеркнуто мною, Г. Т.)

Позволю себе не согласиться. Обращу внимание на то, что на территории Западного Кавказа и в особенности в Абхазии жилища мёртвых строились по образу и подобию жилищ для живых.

Носители дольменной культуры были анимистами. Они верили, что после смерти их жизнь продолжается.

В Абхазии, например, наиболее древней формой бытового жилища была круглая плетенка с остrokонечной крышей (акуацэ).¹²⁸

Обнаруженный Л. Н. Каменевым у ст. Новосвободной (бывш. Царской) в 1869 г. многогранный, а по сути дела круглый, дольмен повторяет собой в камне абхазскую акуацэ.¹²⁹

За акуацэ идёт в быту более позднее по времени четырехугольное, так-

же плетёное жилище без фундамента с двухскатной (а затем и четырёхскатной) крышей (**абыца - тдзы**). Среди дольменных строений его копирует в какой-то мере обнаруженный археологом Н. И. Веселовским в 1898 г. подкурганый двухкамерный дольмен с двухскатной крышей, опять-таки у ст. Новосвободной.¹³⁰

Не осталась неповторенной в дольменном строительстве и интересная в историческом отношении переходящая форма бытового жилища от **акуацэ** к **абыца - тдзы**. Этнограф И. А. Аджинджал пишет об этом жилище так: «переходным видом (от круглого Г. Т.) к жилищу «абыца - тдзы» является постройка четырёхугольной формы с закругленными углами ... Боковые стены снаружи укреплены дубовыми столбами, прочно поставленными к ним, крыша двухскатная ...» В этом доме, как указывает далее этнограф, «передний конец крыши обычно выступал, образуя небольшой открытый навес. В середине задней стенки, на высоте 1,4 м вырезался небольшой просвет, размером 0,5 x 0,5 м... Это жилище не имело потолка, а только потолочный настил, как у «акуацэ»». ¹³¹

Читая эти строки этнографа И. А. Аджинджала нельзя не вспомнить встроенный в могильную яму деревянный дольмен Майкопского кургана, в котором был погребен садзовский царь из рода Ачы (Ачбовых). См. в этой книге Очерк 1-й.

Могила имела форму продолговатого четырехугольника с закругленными углами и вогнутыми стенками. Стенки могилы были обложены деревом, совершенно сгнившим ... По углам могилы стояли деревянные столбы, неглубоко врытые в дно могилы. Сверху могила покрывалась деревянным помостом, с насыпанным на него слоем земли примерно 0,1 м толщиной. Этот слой в свою очередь покрывался другим помостом, большего размера, чем первый и далеко выходящим за края могилы. Сооружение это было трёхкамерным. Майкопское захоронение завершалось курганной насыпью высотой 10,65 м. Не напоминала ли строителям подкурганного деревянного дольмена эта курганная первоначально конусообразная насыпь крышу хорошо им знакомого **акуацэ** ?

Несомненно все описанные выше типы абхазских жилищ имел в виду и Ш. Д. Инал-Ипа, когда утверждал местное происхождение дольменной культуры, начиная с Майкопского захоронения. Он писал: «овальная могильная яма, перекрытая деревянными брусками может в какой-то степени служить своего рода прототипом надземных каменных усыпальниц - дольменов, среди которых также встречаются круглые постройки. А на последнем этапе Майкопской культуры появляются и настоящие подкурганые дольмены с двухскатной и плоской крышами (Новосвободненский могильник конца III тысячелетия до н. э.).» ¹³²

Нельзя не сказать, чтобы исследователи дольменной культуры вовсе не обращали внимания на связь жилищ мёртвых с жилищами живых. Такую связь увидел в своё время, например, А. Ф. Лещенко в работе «Матеріали до орнаментики дольмеів на північно - західньому Кавказі»,¹³³ когда писал, что «четырёхугольный дольмен представляет собой копию плетёных абхазских и менгрельских домов с навесом, пристроенным к передней стене... А круглые дольмены нужно считать копиями круглых плетёных хижин».

Не отрицал этой связи в недавнем прошлом и археолог В. И. Марковин, когда писал о двухкамерных подкурганых дольменах с двухскатной крышей. «Эти дольмены по форме копируют жилые постройки и, очевидно, являются отражением реально существовавших жилых домов».¹³⁴ Ну, а если, хотя бы, «очевидно», то почему же всё-таки В. И. Марковин через четыре года, совершенно отказался от этой мысли? Когда читаешь книгу В. И. Марковина 1978 г., особенно её последнюю главу, то всё становится понятным. Давняя «болезнь» преобладающего влияния Востока (а иногда и Запада), влияния подавляющего местную культуру, «болезнь» которой заражаются почти все археологи, не обошла и В. И. Марковина. В последней главе работы «Дольмены западного Кавказа» он пишет: «В своей гипотезе я исходил из возможности частичной миграции строителей дольменов на территории Западного Кавказа. Перенос «идеи строительства дольменов» в чистом виде, без перемещения людей очень трудно представить. Плавание жителей Западного Кавказа в сторону Средиземноморья, где они могли бы воспринять каноны возведения дольменов, было затруднено в первую очередь противодействующими морскими течениями. Наши современники отправляясь в морские путешествия на довольно примитивных судах, и сейчас ещё пользуются морскими течениями».¹³⁵

Хочу обратить внимание читателя на то, что автор обходит полным молчанием вопрос о мореплавании и кораблестроении у абхазов хотя по этому вопросу существует достаточная литература.¹³⁶

Что предки абхазов - ашуйцы были истари дружны с морем говорит не только самое древнее название Абхазии - Ашуя, букв. Помория, но и присутствующие почти во всех публикуемых ашуйских текстах название морского корабля гба, известное до сих пор. Ашуя была морским путём тесно связана с Финикией. Если бы этого не было, как мог сказать бежавший из Ашуи в Финикию раб: «Не ошибутся те, переправятся что, Цату (в) (т. е. в Финикию) рабы люди» (См. здесь спатулу ф, 6(2)-7(5)).

Спатула ф относится к XIX в. до н. э. Она современна строительству дольменов.

Как филолог, историк языка и духовной культуры скажу: когда заимствуется вещь или даже идея вещи, то вместе с ними входит в быт название этой вещи. Название дольмена у абхазов слово не чужое, своё, абхазское, исторически применительно к абхазскому языку -ашуйское. Звучит оно адамра,¹³⁷ в бзыбском диалекте адымра (ББД, с. 121). Чтобы установить, старую, утерянную словом его внутреннюю форму (значение) нужно произвести элементарный филологический анализ этого слова. Полагаю, что во II тысячелетии до н. э., к которому я отношу надпись 1, слово звучало так же как и ныне. Аргумент выдвигаю один. Адамра слово религиозное, связанное с культом мёртвых предков, в своё время святое, а потому как большинство слов подобного типа во времени устойчивое. Есть живой пример. У абхазов существует до сих пор слово молиться: (а)шьапка (МАСл 97, а) которое с этой же основой шьяпк и с этим же значением налицо в молитве ашуйских рабов в Библие, в XIX в. до н. э. около 4000 лет до нашего времени. См. в этой книге текст спатулы и З(2).

Адамра сложно-составное слово (т. наз. композита). Оно состоит из следующих словоформ (силлабов): а - да - м - ра.

Начальное а - является указательным местоименным определенным артиклем (членом) с ретроспективным значением: “этот”, “эта”, “это”. Второй компонент слова -да- (бзыб. -ды-) представляет древнюю ашуйскую форму слова “большой”, “великий”. Из современных ашуйских языков оно сохранилось в этой форме в абазинском в слове хъада - “главарь”, ретроспективно: хъа - “голова”, - да - “большая”. То же и в абхазском слове хада. Ашуйское слово -“большой”, “великий” в его отношении к современному абх. (а)дыу - этимологизировано мной в этой книге (см. текст надписи Д 10(5). Об ассимиляции да в ды уже в ашуйском языке см. здесь текст Эшерской надписи 1(2). Слово да - “большой”, “великий” выступает в композите адамра не как определение, а как имя существительное с отвлечённым значением: “величина”. Отвлечённые имена существительные в ашуйском языке употреблялись в форме чистой основы, как это можно видеть, например, в слове “человечность” в тексте надгробной надписи к (см. здесь З(3)).

Третий компонент слова -м - представляет собой консонант причастной (глагольно-именной) основы -ма- (в дальнейшем редуцированной в -мы → -м-) слова (а)-ма-ра - “иметь”. Вместе с предыдущим словом да - употреблённом в значении “величие”, основа ма (→ м) составляла словесный комплекс “величие имеющий” (великий). Слово было образовано по тому же типу, как и слово лев - “силу имеющий” (сильно). См здесь Очерк 1, стр. 94).

Последним, четвёртым компонентом слова **адамра** является - **ра**, широко распространенный в прошлом и ныне ещё продуктивный суффикс с двумя значениями: локативным (местным) и собирательным.

Подводя итог лексико-грамматическому анализу слова **а- да-м-ра**, мы можем сказать, что в далёком прошлом оно в устах ашуйцев означало: “это величие имеющих (= великих) место”. Так как в **адамре** (дольмене) хоронили несколько родовых покойников, наличие местно-собирательного суффикса -**ра** в слове полностью оправдано.

В 10-й строке текста 1, которую я привёл выше, сказано, что место захоронения т. е. **адмара** было священным. Слово “священный (абх. (а)цшьа) в надписи табуировано - написано не в «буквенно»-силлабическом письме (ц₁ш~), а выражено числовой силлабо-пиктограммой — 4, основа которой омонимична слову “священный”.

Погребенные в **адамре** ашуйцы были духовными наследниками майкопской культуры т. е. по мировосприятию были солнцепоклонниками. Их трупы посыпались (освящались) красным суриком, реже жёлтой охрой, символизирующей свет и цвет солнца. По-абхазски основа слова “красный”, “рыжий” - **цшь** (← **цшьа**) является той же, что и основа слова “священный”. “Красное” было “священным” и применительно к месту захоронения, запретным словом. Отсюда и силлабо-пиктограмма в тексте.

Из текста 9-ой и 10-й строк видно, что погребенные в **адамра** находились в сидячем положении.

Забвение несомненной связи жилищ для живых с жилищами для мёртвых ведет к тому, что кое-что в дольменном «инвентаре» оказывается загадочным и необъяснимым, хотя об этом «загадочном» нетрудно было бы догадаться. В. И. Марковин пишет, например: « В область догадок может увести нас и то небольшое количество углей, которое сопровождает погребение во всех типах дольменов и при всех вариантах захоронений.»¹³⁸

В жилищах живых абхазов, этих далёких потомках дольменной культуры, во всех типах их жилищ от круглого до четырехугольного центром жилища, его священным местом, является очаг.¹³⁹ Без очага не было жилища. Угли, наличные в дольменах всех типов, символизируют очаг. Приходится сожалеть о том, что ритуал захоронения в дольменах нам неизвестен.

Это всё, что я могу сказать по данным языка и этнографии дополнительно об **адамре**.

Что касается иноземного происхождения дольменов, то в заключение замечу, что проф М. Дюнан, который на протяжении многих лет вёл раскопки в Библие, не обнаружил в Финикии дольменных сооружений. Когда

бежавшие или проданные в Финикию ашуйцы, умирали здесь, над ними не возводили дольмен (адамра). Они были рабы. На родине, в Ашуе, их также не хоронили в адамрах. Классовая дифференциация в наземной жизни продолжалась и в жизни загробной. Вожди племён хоронились в курганах, в подкурганных дольменах. Менее знатные в наземных дольменах. Об этой классовой дифференциации общества майкопской и дольменной культур забывать нельзя.

В своё время мне пришлось ознакомиться с интересной для моего исследования информацией в массовой печати. В газете «Известия» от 10 октября 1984 г. № 284, в разделе «Новости», в статье «Золото из древнего кургана», корреспондент из Ленинграда сообщал: «Интересные экспонаты привезли члены Кубанской экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР ... Отряд Кубанской археологической экспедиции проводил раскопки древнейших майкопских курганов. Предметы извлечённые из богатых погребений подтверждают существование на этих территориях развитой цивилизации, расцвет которой приходится на третье тысячелетие до нашей эры.» (Подчеркнуто мной Г. Т.).

Развитая цивилизация предполагает наличие государственности и письменной культуры. Как показывают публикуемые в этой книге тексты, носители майкопской и дольменной культур обладали и государственностью и письменностью. Местом зарождения их была северо-западная территория древнейшей Абхазии - Ашуи.

По общественному строю древнейшая Абхазия - Ашуя была рабовладельческим государством архаической формации. Ее хозяйство зиждилось на рабском труде. Была широко развита работоторговля. В древней Финикии, в Библие, существовала даже своего рода колония из проданных, а отчасти и бежавших туда рабов. Это они, эти рабы, принесли в Библию с Кавказа древнее письмо, которое открыл проф. М. Дюнан, назвав его библским псевдоиероглифическим и которое я называю, после его дешифровки, ашуйским.

Обо всём этом я говорил во «Введении» к этой книге десять лет назад и вынужден повторить.

Материал для характеристики общественного строя Ашуи я извлёк в основном из эпиграфики. Мне помогала археология и этнография.

Работа моя началась с нашумевшей в своё время Майкопской плитки. См. Очерк 10. Брошенная археологом Е. И. Крупновым фраза о том, что на этой плитке я «прочитал надпись на современном абхазском языке»¹⁴⁰ была чистой нелепостью, подхваченной некоторыми другими моими противниками, хотя Крупнов и другие не могли не знать о статье «Май-

копская находка», опубликованной в «Литературной газете» ещё 21 декабря 1963 г. Владеющие абхазским языком, известные абхазские историки Г. Дзидзария, Ш. Д. Инал-Ипа и М. Трапш по поводу Майкопской надписи тогда писали, что её «текст вполне доступен пониманию современного абхаза». Понятен он был потому, что «термины высеченные на ней принадлежат к древнейшему словарному составу абхазского языка, некоторые из них связаны с тотемическими представлениями, с эпохой так называемой «военной демократии», а послелог «кны» является неоппоставимым ни с какой другой лингвистической системой, характерным только для данного языка, что имеет особое значение для определения этнической принадлежности языка надписи».¹⁴¹

Мои более поздние анонимные академические рецензенты, стараниями которых эта книга не вышла из печати, могли бы тоже об этом свидетельстве знать, но знать они не захотели.

Предлежащая книга как может видеть читатель состоит на две трети из эпиграфических документов. Все надписи прочтены, каждое слово и грамматическая форма прокомментированы. Фактам даны посильные объяснения археологического, исторического и этнографического характера. Более того, в «Предисловии» я сообщил, что мною «подготовлен к печати «Историко-этимологический документированный словарь ашуйского (древнего абхазо-абазино-убыхского) языка». Он включает в себя более 500 словосочетаний. Закончен в рукописи «Грамматический очерк ашуйского (древнего абхазо-абазино-убыхского) языка». Рецензенты могли этими материалами воспользоваться. Но они также не захотели этого. Почему? Ответ на это дают две выдержки из официальных документов в своё время мне присланных. Это не анонимная рецензия. Это документы, подписанные лицами, возглавлявшими учёные учреждения.

В первом документе, посланном мне ни много ни мало через год после того, как книга была задержана выпуском в свет, говорилось, что выпуск её невозможен потому, что «интерпретация описываемых (мною) памятников затрагивает проблемы приоритета в области культурного развития народов Кавказа и касается сложных вопросов их национального самосознания». Это писал чл. корр. АН СССР Г. А. Степанов, директор Института языкознания АН СССР.¹⁴²

Культурный приоритет какого кавказского народа подразумевал Степанов, он в своем письме не указал.

Разберемся в этом вопросе: я открыл новую, древнейшую на Кавказе письменность, определил (дешифровал) значение знаков этого письма, а по ним язык. Письмо и язык оказались принадлежащими далекому пред-

кам современных абхазов, абазин и убыхов, именовавших себя тогда ашуйцами. Самый древний памятник ашуйского письма датируется по археологическим данным серединой III тысячелетия до н. э., т. е. ему 4.500 лет. Значит, на сегодня исторический приоритет в письме и культуре оказывается у ашуйцев. Если, однако, скажем завтра, у любого другого народа Кавказа, учёные обнаружат, дешифруют и прочтут доселе неизвестное какое-либо новое письмо, которое будет древнее мной открытого или докажут, что прочтённое мною письмо не ашуйское, то исторически культурный приоритет от абхазов, абазин и убыхов перейдёт к этому народу. Причём тут приоритет и стоящие за ним формы национального самосознания? Ведь не обижаются русские, имеющие письменную культуру только с X в. н. э., например, на армян и грузин за то, что они имеют эту культуру с IV и V вв. н. э. Это никак не ущемляет наше русское национальное самосознание. Не коробит русских и отсутствие у нас приоритета в области письменной культуры по сравнению с другими народами Советского Союза. Такова история. Точка зрения Г. В. Степанова на руку только националистам.

Во втором документе, посланном мне в сентябре 1980 г. (после того как я не принял к исполнению академической анонимной рецензии) учёным секретарем Отделения литературы и языка АН СССР д. ф. н. Карауловым,¹⁴³ мне сообщается, что «специалисты сходятся в том, что (мой) общие выводы ... о существовании у абхазов, абазин и убыхов особой разновидности «ашуйской» письменности уже в эпоху энеолита и бронзы - вступает в прямое противоречие с общественно-историческим и культурными условиями, существовавшим на северном Кавказе в середине III-го тысячелетия до н. э. (родоплеменной строй)». Иначе говоря общество было бесклассовым, государственности быть не могло, не могло быть и письменности. Ну, а как же быть в таком случае с реально существующими надписями? А никак. Их оказывается можно прочесть на любом языке. На каком? Рецензенты не знают. В их задачу это не входит. В анонимной рецензии, которую я не цитирую, потому, что она анонимна, есть даже такой пассаж, что звучание силлабов и связное чтение надписей на ашуйском языке я выдумал. Сожалею, что всё оказывается так просто, а я то, зазря потратил на это целых 14 лет!

Из археологической литературы, вышедшей в то время, когда рукопись была в наборе, есть еще одно сочинение, которое нельзя оставить без внимания. В нём рассмотрены некоторые факты, которых касаюсь и я, но интерпретируются они иначе. Я имею в виду сочинение археолога Гурама Лордкипанидзе: «Колхида в VI-II вв. до н. э.»¹⁴⁴

На стр. 26 этого сочинения автор его говорит, что Аполлоний Родосский в своей «Аргонавтике» называет столицей Колхиды ... не абстрактный, мифический пункт, а вполне реальный современный ему город - Κυταίς, расположенный на берегу р. Фасиса, несомненно имеющий отношение, причём самое непосредственное, к грузинскому городу Кутаиси. Аполлоний Родосский указывает, что по левую руку вошедших в Фасис аргонавтов находились Кавказские горы и Аиайский, т. е. колхидский, город Кутаиси (Κυταίδα τε πτόλιν Αίης) II, 126 (Sic). Читаешь эти строки античного автора в русском переводе грузинского археолога и диву даёшься: откуда мог взяться такой нелепый перевод?

Фраза, которую приводит Г. Лордкипанидзе, у Аполлония Родосского налична во II песне, в 1267 строке текста. Академик Груз. АН Гр. Ф. Церетели, блестящий эллинист, переводит эту фразу, как и у Родосского стихом, так: «По левую руку героев были высокий Кавказ и Эи град Китаидский».¹⁴⁵ Никаких комментариев к тексту Гр. Ф. Церетели не даёт. Так же переводит этот текст и наш известный эллинист и эпиграфист акад. В. В. Латышев, но не стихом, а прозой: «Влево от них круто поднимался Кавказ и лежал Китаидский город Эя».¹⁴⁶ Разница в переводе небольшая.

Гр. Ф. Церетели при переводе текста ставит название города в родительном падеже, В. В. Латышев - в именительном. Первый более точен. Аполлоний Родосский писал в гомеровской традиции, а в языке Гомера название города могло стоять в родительном падеже. Образно говоря, Аполлониева фраза в книге Лордкипанидзе переведена «задом наперед». Даже при очень плохом знании древнего греческого языка сделать такой перевод было невозможно. Перед нами намеренный неверный перевод, так называемая фальсификация текста.

Меня заинтересовало откуда мог появиться этот фальсифицированный перевод. Я обратился к переводу текста «Аргонавтики» Аполлония Родосского, сделанному на грузинский язык эллинистом Акакием Урушадзе (Тбилиси, 1970 г., с. 172-173, строка 1267). Именно здесь и оказалась «собака зарыта». Акакий Урушадзе аполлониев текст перевёл тенденциозно. Перевод не отвечает греческому тексту. Но ещё более меня удивили рассуждения Урушадзе в «Примечании 35» к этому греческому тексту: «Здесь хорошо видно, что у Аполлония Родосского Аиа страна, а не город. В «Аргонавтике» во II песне, стих 1267 Κυταίδς πτόλιν Αίης, (в каузативной форме Κυταίδα) ошибочно переведены Латышевым в Scythia-Caucasica как Китаидский город Эя (должно быть: Китаиис город Эи)».

Весьма любопытно, что считая перевод В. В. Латышева ошибочным, А. Урушадзе ничего не говорит об аналогичном переводе на русский язык

этого же греческого текста академиком Груз. АН Гр. Ф. Церетели, как будто его не существует.

Акакий Урушадзе выдаёт желаемое за действительное. Он исправил не только перевод Латышева, но подправил текст и самого Аполлония Родосского. Этого оказалось достаточным, чтобы открыть путь некоторым не знакомым с греческой филологией грузинским учёным строить свои далеко идущие «исторические» выводы, вроде того, как это делает Гурам Лордкипанидзе. Русские учёные, как правило, не знают грузинского языка, не могут проверить откуда «сыр-бор загорелся». При таком положении существует благоприятная почва для распространения фальсификации, что и делается.

Как следует интерпретировать по-абхазски имена собственные аполлоновой фразы «Кутаидский город Айа», читатель может прочесть в этой книге и в моей статье «К истории и семантике этнонимов Восточного Причерноморья 'Αχαιοί, Ζυγοί, 'Ηνι'οχοί.¹⁴⁷

Что касается имени Айа, то оно на земле древней Ашуи-Абхазии имело два значения: одно широкое, обозначавшее горную территорию, другое узкое, употреблявшееся для названия города, крепости.

До последнего времени мне оставалось неясным абхазское происхождение этого слова. Как я уже писал в комментарии к публикуемой здесь ашуйской надписи к, мне в этом помог труд абхазского этнографа Ц.М.Бжания. Оказывается словом **аиара** абхазы до сих пор называют прогреваемые солнцем южные склоны гор, на которых они селятся.¹⁴⁸ Это их исконное слово.

Далёкие предки абхазов колхи-ашуйцы боготворили свою землю, поклонялись ей и клялись ею. Клятва «Айн(ы) (а)с! “Аи землёй клянусь!” которой оканчивается текст таблички Д XIX в. до н. э., означало первоначально: “О землю Аи бью!” Чем били при клятве мы не знаем, но вероятнее всего алабацей. Если бы глагольная форма (а)с'(ра) - “бить” (бзыб.) имела в этой фразе прямое значение “клясться” то фраза переводилась бы и словами: «Аи богом (ны) клянусь!».

Однако оказывается боготворили не только землю (ны) вообще, но и горную землю (**аи**). Слово **аи** имело два значения: “горная земля” и “бог”.

Слово **аи** (← **аиа**) в значении главного языческого божества Аитар до сих пор известно в абхазском, букв.: “Аи-дающий”. А в форме **аиа** как божество земли он сохранен в языке соседями с ашуйцами (→ **абхазами**) сванами. Аиа мишьладег - “воскресный день Аи” - говорят сваны.¹⁴⁹

Но почему у сванов? На нынешней территории сваны - пришельцы. Раньше здесь жили ашуйцы и называли эту землю: шьэаны - “ашуйская

земля”. Вопрос этот исследован в статье молодого абхазского учёного В. Е. Кварчия, который совершенно справедливо заключает: «Пришельцы картвельского языкового корня вытеснили ашуйцев из этих горных мест, частично ассимилировали, но сами при этом потеряли своё первичное самоназвание, приняв в качестве его название страны аборигенов-ашуйцев. Несомненно, отсюда идут все старые языковые встречи у сванов с абхазами». ¹⁵⁰ Совершенно прозрачный в лингвистическом отношении анализ этнонима Шэаны - “Свания” делает предельно ясным то положение, которое заключено в нижеследующей фразе археолога Гурама Лордкипанидзе: «Археологические данные свидетельствуют о заселении современной территории Сванетии уже в среднебронзовую эпоху, а материальная культура не дает каких-либо существенных расхождений по основным областям Западной Грузии (грузины так обычно называют Абхазию - Г. Т.), так что очень трудно археологически доказать наличие сванских племен в окрестностях Фазиса в VI-II вв. н. э.» ¹⁵¹

Действительно «очень трудно ... доказать», т. к. и Свания и окрестности Фазиса в это время были заселены колхами-ашуйцами.

Работа над ашуйскими надписями продолжалась и все те годы, пока рукопись ждала своего времени для выхода в свет. Прояснялись детали, истинное, а не предположительное значение некоторых слов, казалось давно его утратившего. В надписи Д, повествующей об исторических событиях, происходивших во время её создания, ¹⁵² топоним северо-западной Ашуи **кэба**, разъяснен мной в предлежащей книге, так: **кэба** - (“Кба”) - название общины, находившейся на северо-западной окраине области Ла, в районе р. Мзымты. В исторической и географической литературе в русской адаптации известно название «Кбааде» - “Красная поляна”. По-абхазски **кэба** адэы - “Поляна Кэба”. Инал-Ипа (ИАЭ. 238) связывает топоним **кэба** с фамилией Гунба ← Губа. Этимология надумана. Если даже силлаб **ба** признать в **кэба** за фамильное окончание, то в абхазском и абазинском языках силлаб **кэ** фонетически никак не мог перейти в **гэ(гу)**. Вероятнее думать, что **кэба** это старое название одной из абазинских общин, в дальнейшем исчезнувшей.

В настоящее время могу определенно сказать, что ашуйское название **кэба** убыхско-абхазское, в котором **кэ=кэы** имеет значение убых. “лохматый”(Vogt, 173, 1553), а **ба** фамильное абхазское окончание. Собственно, по-абхазски это имя звучало бы Бытэба- “Бутба”. В этой же таблице Д, начиная с 17 строки и далее, мы узнаём, что царя Пту пленил некто (А)згІэаба Бът (Адзюаба Бут) и, что он, выгодно продав Пту в Анапе как раба, похвалялся этим ни где-нибудь, а в Кба (строки 25-26); далее

(строки 31-32) говорится, что Адзюаба среди жителей Кба из-за этого своего поступка «уважение потерял».

В комментарии к тексту табл. Д 16(4) я высказал предположение, что имя **Азэаба** || **АзгІэаба** было народным прозвищем этого злодея, изничтожившего письменность и продавшего в рабство светоча Ашуи Пту. Я сравнил это прозвище тогда с бзыб. **а-з'оа** - “чума”, абаз. **азгІэа** - ‘болезнь’.

Ныне можно заключить совершенно точно: Владельцем селения Кэба-адэы (так по-абхазски и по-убыхски) был **Бутба** (**Бытэ=ба**), по прозвищу “чумный” (**аз'оаба** ← **азоаба**). В тексте табл. Д, когда даётся его полное имя на первое место выдвигается прозвище **АзгІэаба**, а на второе имя **Бут**. Здесь же замечу, что это имя дано в тексте в редкой для ашуйского языка форме с частичной регрессивной несмежной ассимиляцией звуков (из **Бытэ**) и к тому же со смычногортанным т.

В другой надписи, известной под названием Майкопской, получившей после публикации её в ВДИ мировой резонанс, есть имя царя транскрибируемое как **Мгп**, в дальнейшем по уточнении **М₁г₁п**. Это имя раскрылось мной как **Мран**, теперь **Мараны**; в обоих случаях “Солнце-бог”.

Читать в дальнейшем имя **Мран**, как **Мараны**, позволили мне ашуйские библские тексты, опубликованные проф. М. Дюнаном и окончательное определение звучания силлабов письма.

Мараны действительно было вторым, почётным именем ашуйского царя Пту, поборника и может быть создателя самого письма. Реальное событие о пленении его в устье р. Ла (**Лапста**) и продажа в Анапе в Библи, лишь со временем превратилось в легенду, в миф о борьбе некоего солнечного героя за справедливость, за правду вообще. Чудесное имя **Мараны** - “Солнце-бог” в живой речи уже не этимологизируется. Из ашуйской языковой среды в абхазской форме **Амран** оно стало эпонимом у осетин и грузин. Кочующие мифы в устном творчестве не новость.

Ныне когда ашуйских текстов мы имеем достаточно, когда не в одном, а в нескольких из них Пту-Мараны представляется личностью исторической, хотя и легендарной, можно внести некоторые поправки и дополнения к тому, что писалось об имени **Мараны** в первых публикациях Майкопской надписи.¹⁵³

Тогда я высказал мнение, что это «второе имя царя было его тронным именем и в этом смысле являлось *po me p sacrum*».¹⁵⁴

Оказалось действительно священным, но не по-царски самоприсвоенным, а общенародным и поэтому перешедшим в легенду.

При наличии ашуйских текстов (табл. Д, табл. Ц, стелла А, спатулы б и ф) фольклористам есть над чем подумать. Возможность, можно сказать, редчайшая.

В последнем случае, в связи с чтением и толкованием имени Мараны - "Солнце-бог", я как исследователь и дешифровщик письма не могу не заметить того, что я читал это имя как **Mgn** ещё тогда, когда мною не были прочтены библские ашуйские тексты, написанные тем же письмом, что и Майкопская надпись. В результате упорного многолетнего труда силлабы были в своём звучании окончательно определены. Это дало возможность правильно читать тексты. Связь между Майкопской надписью и ашуйскими текстами Библа оказалась полной. В дешифровке это очень важно. Я не потерпел фиаско и мне приятно сказать моей обширной абхазской аудитории, которая всегда ожидала моих очередных сообщений и внимательно меня слушала: «всё обстоит в порядке».

Весьма любопытно отметить тот факт, что Майкопская надпись, эта первая находка письменного памятника ашуйского (древнего абхазо-абазино-убыхского) письма на Кавказе, тогда понимаемого как колхидский извод финикийского письма, сильно взволновала читающую публику многих национальностей нашей обширной страны. Первая газетная информация о ней В. Пачулия, появилась 27 ноября 1963 г. в «Советской Абхазии», за ней последовали другие, хотя сама надпись ещё не была опубликована. И вот тогда-то появилась одна любопытная корреспонденция, о которой сейчас нельзя не вспомнить, поскольку в академических кругах вдруг встал и, как оказывается, до сих пор не исчез вопрос о приоритете письменной культуры среди народов Кавказа.¹⁵⁵

В журнале «Крестьянка», в № 7 за июль 1964 г. появилась статья корреспондента Ю. Юрьева, под заглавием: «Древнейший алфавит». Статья небольшая, а поэтому я позволю привести полный её текст: «Джавахетский хребет в центральной Грузии; Быстрые реки, суровые громады гор. Здесь, близ посёлка Дманиси, экспедиция археологов во главе с доктором исторических наук Отаром Джапаридзе раскопала древний могильник. Под камнями, снятыми с помощью бульдозера, учёные нашли искусно сделанные украшения из золота и серебра, оружие, посуду, колесницу, похожую на боевую повозку древних египтян. Удалось определить точный «возраст» находок: пять тысяч лет!

Затем последовало ещё более удивительное открытие. На стенах доктор Джапаридзе заметил странные знаки. Что это? Джапаридзе внимательно пригляделся к плитам. В размещении знаков наблюдалась несомненная закономерность. Квадраты с одинаковыми начертаниями иногда стояли рядом, иногда повторялись в разных местах. Так повторяются буквы в строчках. Письменность? Причём не примитивная, иероглифическая, в которой понятия изображены рисунками, а более совершенная, подобная нашей, где

каждый звук обозначен определённым знаком. Считалось, что первый алфавит появился около четырёх тысяч лет тому назад в Финикии. Выходит, что не эта страна, а Грузия - родина алфавита.

Сейчас ученые заняты расшифровкой древнейшего алфавита мира». (Подчеркнуто везде мною Г. Т.).

Вот вам и приоритет в области письма на Кавказе, о котором так ревностно беспокоился директор Института языкознания АН СССР проф. Г. В. Степанов.¹⁵⁶ Чего же более желать? Только говорить, что «Грузия родина алфавита» можно будет только тогда, когда письмо (если это письмо) будет дешифровано и язык его окажется грузинским.

Во всём этом странным оказывается то, что за 20 с лишним лет после этой публикации так и не появилось на свет ни одной надписи на этом древнейшем алфавите, как нет и самой надписи. Несомненно, это была утка, выпущенная для того, чтобы как-то ослабить впечатление, которое произвела на читателей и учёных находка и дешифровка Майкопской надписи древнего абхазского письма. Утка не удалась.

Заканчивая этими словами моё многолетнее исследование я надеюсь на благосклонное отношение к нему моих читателей - любителей письменности и на серьёзное вдумчивое отношение к нему учёных.

Июнь 1987 г. Ленинград.

Г.Ф. Турчанинов и судьба его научного наследия

Изучение эпиграфических памятников Кавказа явилось одним из самых значительных направлений в многогранной научно-исследовательской деятельности Г.Ф.Турчанинова. Заинтересовавшись этой проблемой еще в 1940-х годах, когда была изучена и опубликована выполненная буквами греческого алфавита средневековая кабардинская надпись¹, Г.Ф.Турчанинов в дальнейшем уже не оставляет эпиграфических изысканий. Постоянно углубляя и расширяя сферы своего исследовательского поиска, он внес столь значительный вклад в изучение исторических памятников письменности народов Кавказа, что лишь эта грань его научного наследия по праву ввела Г.Ф.Турчанинова в ряд корифеев мировой кавказоведческой науки.

В общенаучном контексте исследования Г.Ф.Турчанинова продолжили те традиции эпиграфического изучения Кавказа, которые к тому времени были накоплены в русской науке. Эти традиции были достаточно богатыми. Уже первые исследователи региона поражались обилию находок разнообразных надписей, которые фиксировались во многих, часто высокогорных и малодоступных, районах Кавказа. Разнообразен был материал, содержащий эпиграфические фрагменты (камень, керамика, дерево, ткани), равно как и предметы, на которые наносились письма (строительные блоки, надгробные плиты, домашняя утварь, одежда).

Характерной чертой исторических памятников кавказской эпиграфики является их многоязычие: надписи делались на греческом, латинском, арабском, персидском, турецком, грузинском и других языках. Существует огромное количество надписей, выполненных на коренных языках региона, однако с использованием иноязычных алфавитных систем. Накопление соответствующего эпиграфического материала и его последующее изучение дало немало возможностей для решения как собственно эпиграфических проблем, так и для исследований в области истории, археологии, этнографии и культурологии Кавказа².

В этом аспекте изысканиям Г.Ф.Турчанинова принадлежит видное место в развитии наших знаний по эпиграфическому кавказоведению. Начиная с 1940-х годов стали появляться небольшие, но емкие статьи ученого, в которых объект изучения - конкретный письменный памятник - подвергался тщательному и всестороннему анализу, что позволяло делать глубокие, порой неординарные выводы. Характерной чертой исследовательского метода Г.Ф.Турчанинова было привлечение к анализу сопряжен-

ного с памятником широкого историко-лингвистического и этно-культурного фона, вне которого, по убеждению Г.Ф.Турчанинова, зачастую невозможно дать адекватную палеографическую, семантическую и историко-культурную характеристику объекта.

Впрочем, эти исследовательские установки Г.Ф.Турчанинова полностью укладывались в общепринятые концептуально-методологические принципы, достаточно рано и прочно утвердившиеся в русской эпиграфике.

В то же время, как справедливо отметила З.М.Габуния, эпиграфические исследования Г.Ф.Турчанинова «открывают новую страницу истории народов Северного Кавказа, выдвигают много интересных проблем»³. В данном случае известный знаток истории лингвистического кавказоведения имела в виду цикл замечательных работ Г.Ф.Турчанинова, связанный с дешифровкой и комплексным анализом ряда письменных памятников Кавказа. Эти работы, которым Г.Ф.Турчанинов отдал почти тридцать лет своей жизни, составляют блестящую и одновременно драматическую страницу его научной биографии. Они неоднократно дарили ученому счастье исследовательских озарений и в то же время стали источником переживаний, волнений и тревог, хотя уже тогда было ясно, в том числе для самого Георгия Федоровича, что многие вызвавшие их обстоятельства были весьма далеки от академических интересов подлинной науки.

Осенью 1963 г. Г.Ф.Турчанинов ознакомился с найденной в районе г.Майкопа каменной плиткой, на которой были нанесены письменные знаки. Работа по изучению и дешифровке памятника продолжалась несколько лет, после чего Г.Ф.Турчанинов счел возможным обнародовать ее результаты⁴. По мнению исследователя, на камне оказалась надпись, выполненная псевдоиероглифическим библским письмом несколько своеобразной формы, которая была обозначена, как колхидский извод письма. Предпринятые попытки дешифровать текст с помощью финикийского, эламского, шумерского, а впоследствии и адыгского языков, не увенчались успехом. Между тем текст «свободно и хорошо уложился в абхазскую речь», что для Г.Ф.Турчанинова стало определяющим аргументом при лингвоэтнической атрибуции памятника. Возраст последнего был определен XIII-XII вв. до н.э.

Г.Ф.Турчанинов не относился к типу ученых, которые до последнего момента тщательно скрывают свои исследования и формирующиеся выводы. В противоположность этому еще до завершения основного объема работ в своих печатных и публичных выступлениях он охотно делился деталями своего исследовательского поиска, возникающими в этой связи гипотезами и соображениями, так что предварительные результаты тур-

чаниновских изысканий оказались достаточно хорошо известны научному сообществу. Уже тогда они вызывали оживленные споры и дискуссии: проблема обсуждалась, в частности, на заседании Ученого совета Абхазского института языка, литературы и истории осенью 1963 г., на одной из секций VIII Международного конгресса антропологических и этнографических наук летом 1964 г. в Москве, на всесоюзной научной сессии по итогам этнографических и антропологических исследований в Баку в 1965 г., на других научных встречах и собраниях. Появились и печатные отклики, причем если лингвисты - И.И.Мещанинов, И.Н.Винников и др. - были достаточно осторожны в своих оценках, то историки, археологи и этнографы выступили яростными оппонентами Г.Ф.Турчанинова.

Первым откликнулся Е.И.Крупнов. Он обратил внимание на необходимость тщательного археологического обследования как самого памятника, так и места его находки, а заодно поставил под сомнение правомерность чтения фрагмента по-абхазски. При этом главный аргумент Е.И.Крупнова против идеи «кавказского» происхождения памятника состоял в том, что к концу II тыс. до н.э. местные племена находились на стадии первобытнообщинного строя и, следовательно, у них не существовало предпосылок для зарождения письменности, даже с использованием чужого алфавита, так как она (письменность) «вызывается только потребностями классового общества и даже государства»⁵.

После опубликования работы Г.Ф.Турчанинова полемика еще более накалилась. С серьезными критическими возражениями выступил И.М.Дьяконов. Он отрицал сходство майкопских знаков с древнебиблейской письменностью. Ясно прослеживаемые совпадения отдельных графем были объявлены им случайными, а Г.Ф.Турчанинов обвинен в произвольном членении майкопских знаков на отдельные составляющие с целью их подгонки к протобиблейским образцам. Кроме того, по мнению И.М.Дьяконова, сама дешифровка Э.Дормом и А.Йирку древнебиблейского письма, на которую опирался Г.Ф.Турчанинов, не может быть признана удовлетворительной. И.М.Дьяконов увидел также противоречие между фонетической системой абхазского языка и ее отражением в турчаниновской интерпретации майкопской надписи⁶.

Скептическое отношение к работам Г.Ф.Турчанинова продемонстрировали П.У.Аутлев и Л.И.Лавров. Первый поставил под сомнение датировку майкопской плитки, отнеся ее лишь к III в. н.э.⁷, второй выступил по более широкому кругу спорных вопросов. По мнению Л.И.Лаврова, отсутствие археологических свидетельств о наличии древнего поселения в районе места находки свидетельствует не в пользу гипотезы Г.Ф.Турча-

нинова. Он отрицал наличие абхазского этнического элемента на Северном Кавказе и критически оценил историко-лингвистические построения автора⁸.

Ситуация требовала, чтобы критикуемый вступил в полемику с оппонентами. Тем временем в 1971 г. в Ленинграде вышла книга Г.Ф.Турчанинова «Памятники письменности языков народов Кавказа и Восточной Европы», на страницах которой ученый вновь опубликовал свою работу, посвященную изучению майкопской плитки (в вариант, опубликованный в свое время в ВДИ, были внесены лишь незначительные изменения). Однако работа увеличилась за счет новой части, посвященной графологической, лингвистической и исторической интерпретации надписи на керамической плитке из Сухума, которую Г.Ф.Турчанинов, датировав II в. до н.э., рассматривал как образец позднейшего развития майкопского (древнеабхазского) письма.

Публикация этих материалов явилась недвусмысленной демонстрацией того, что, несмотря на критику коллег, ученый уверен в собственной правоте. Одновременно в предисловии к «Памятникам» Г.Ф.Турчанинов дал и письменный ответ своим оппонентам.

Анализ ответных полемических выступлений Г.Ф.Турчанинова показывает, что в наибольшей степени он был «задет» критической рецензией И.М.Дьяконова. В своем ответе Г.Ф.Турчанинов вновь уточнил свои позиции по вопросам палеографии как письменности древнего Библа, так и собственно майкопской надписи, указав, в частности, что последняя отразила древнее состояние абхазского языка, вследствие чего прямые сопоставления с его современной фонетической системой неправомерны.

Отвечая на схолатические возражения Е.И.Крупнова, Г.Ф.Турчанинов, оставаясь в своей аргументации, по понятным причинам, в рамках догм исторического материализма, заявил, что считает «майкопское» общество эпохи бронзы классовым и, следовательно, готовым к восприятию письменности⁹.

Выход в свет «Памятников» не означал прекращения работы Г.Ф.Турчанинова над рассматриваемой проблемой. Наоборот, он был полон творческих сил, исследовательского энтузиазма, стремления расширить и углубить предметное поле своих изысканий. Так, в начале 1970-х годов Г.Ф.Турчанинов работает над монографической темой «Очерки истории лексикологии абхазского языка»¹⁰. Одновременно он продолжал исследования, связанные с майкопскими письменами. Как это часто бывает, критические баталии с оппонентами послужили катализатором исследовательского поиска, попыток найти новые объективные доказательства,

подтверждающие авторскую правоту. С другой стороны, критические замечания нацеливали на уточнение и перепроверку некоторых из авторских положений, постулированных на страницах «Памятников».

Очередной этап исследовательской работы Г.Ф.Турчанинова свершился 1 июля 1975 г., когда Ученый совет Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР утвердил к печати рукопись новой монографии ученого «Открытие и дешифровка древнейшей письменности Кавказа». Не без некоторой авторской запальчивости Г.Ф.Турчанинов следующим образом характеризовал полученные им научные результаты: «В книге дешифруются и исследуются надписи, устанавливающие существование на Кавказе доселе неизвестной цивилизации и созданного в ее недрах силлабического письма, принадлежащего предкам абхазов, абазин и убыхов, которые некогда называли себя ашуйцами, а страну свою Ашуйей. Древнейшими археологическими реалиями ашуйской цивилизации были майкопская, дольменная и колхидская культуры. Письменные памятники ашуйского языка охватывают период с середины III тыс. до н.э. по IV-V вв. н.э.»¹¹

Тем временем рукопись обросла потребным количеством рецензий и была сдана в ленинградскую часть издательства «Наука», которое анонсировало ее выход в свет в 1978 г. Уверенность, что книга выйдет в срок, была столь велика и непоколебима, что в отчете о научно-организационной и научно-исследовательской работе Ленинградского отделения Института языкознания за 1978 г. монография Г.Ф.Турчанинова «Открытие и дешифровка древнейшей письменности Кавказа» была указана в качестве изданной¹².

Однако книга не вышла в определенные издательством сроки. Не вышла она и позднее. Сейчас трудно восстановить все перипетии этого дела, тем не менее известно, что в адрес издательства из Тбилиси поступило письмо, в котором труд Г.Ф.Турчанинова был подвергнут тотальной критике, а в заключении содержалось категорическое требование не допустить выхода монографии в свет. Тбилисский напор был настолько силен, что трусоватое ленинградское издательство пошло на попятную. Книга Г.Ф.Турчанинова была изъята из набора, все договоры односторонне расторгнуты, а обязательства забыты.

Итак, интересы науки, авторская воля, ожидания читателей и прочие «малосущественные» обстоятельства оказались бессильны перед закулисными письмами, начальственными звонками и хитросплетениями интриг. Судьбу рукописи решали отныне иные силы. Казалось, что они непобедимы, а потому рукопись не могла и не должна была увидеть свет. В Тбилиси вновь начинали и выигрывали первыми.

Между тем, враждебность и настороженность, с которыми в Грузии были встречены работы Г.Ф.Турчанинова, имеют свое объяснение: исследования ученого вступали в коренное противоречие с принятой в грузинской историографии концепцией освещения исторического прошлого своего и сопредельных коренных народов региона. В соответствии с этой концепцией, Грузия представлялась ведущей исторической силой на Кавказе, влияние которой имело решающее значение для протекавших здесь политических и культурных процессов. Генезис цивилизационных форм социальной жизни на Кавказе (государственность, письменность, развитые формы хозяйствования, художественные достижения и т.п.) связывался непременно с территорией Грузии и предками грузин. Соответственно, остальные народы Кавказа вступали на историческую стезю гораздо позже картвелов, приобретая индивидуальные этно-культурные черты в результате медленного и постепенного вычленения из родо-племенного хаоса, немало пользуясь при этом культуртрегерством грузин.

Отсюда понятно, что исследования Г.Ф.Турчанинова, ставившие под сомнение главнейшие постулаты грузинской историографии, не могли не вызвать контраргументации со стороны ее представителей¹³. При этом ситуация «усугублялась» еще и тем (по существу - прежде всего тем), что исследования Г.Ф.Турчанинова попутно «разрушали» и другую концепцию грузинской историографии, связанную на этот раз с трактовкой истории Абхазии и абхазо-грузинских отношений.

В свете этой концепции, прошлое Абхазии рассматривается как неотъемлемая принадлежность национальной грузинской истории, а сама Абхазия на всем протяжении своего исторического развития как периферийная, но органическая часть единого грузинского этно-политического организма. Ныне грузинская историография признает абхазов отдельным народом (в 1940-х - начале 1950-х гг. они рассматривались лишь в качестве этнического подразделения грузин), однако политическое и культурное прошлое абхазов трактуется лишь в контексте истории Грузии, вне которой собственно абхазская история якобы лишена корней и какой-либо самостоятельности. Вполне понятно, что абхазам отказывают также в исторической индивидуальности и национальной культуре; последняя оттесняется в сферу фольклорно-этнографических образцов, профессиональные же формы объявляются опять-таки проявлением локального своеобразия общегрузинской культурной традиции.

Оставаясь одним из важнейших течений в современной грузинской историографии, данная концепция под влиянием определенных исторических обстоятельств обрела зловещий характер вполне оформившейся по-

литической теории. Ее агрессивный пафос был ориентирован отнюдь не на туманное историческое прошлое, а открыто служил циничным целям практической политики. Концепция исторической зависимости Абхазии от Грузии была призвана обосновать естественность и закономерность пребывания Абхазии (Абхазской АССР) в составе Грузии (Грузинской ССР), объяснить подчиненное положение Сухуми в системе административного устройства социалистической Грузии. Навязчивое утверждение о нерасчлененности грузино-абхазской истории снимало вопрос о праве абхазского народа на политическое самоопределение, а постулат об изначальном доминировании на территории Абхазии грузинской культуры делал оправданным административные меры по ее дальнейшей коренизации.

Любая печатно или публично высказанная альтернативная позиция по данному вопросу подвергалась немедленному шельмованию и ругани. Поэтому неудивительно, что исследования Г.Ф.Турчанинова, обосновывавшие величайшие культурные достижения древнеабхазского этноса, обретенные вне зависимости от политического или культурного влияния Грузии, были враждебно встречены как тбилисскими властями, так и адептами официальной грузинской историографии. Последние поспешили вступить в бой - в Ленинград полетело злосчастное письмо.

Однако за судьбой рукописи Г.Ф.Турчанинова внимательно следили в Абхазии. Там было хорошо известно об изысканиях ученого, поэтому выход в свет его новой книги ожидался с нетерпением и интересом. Последовавшие перипетии, связанные с фактическим запретом книги, вызвали широкий общественный резонанс, причем в массовом сознании абхазов вся ситуация приобрела знаково-символическое значение как очередное свидетельство антиабхазской политики тбилисских властей, а также тенденциозной, фальсификаторской позиции грузинской историографии. Именно в таком значении «дело Турчанинова» упоминалось в известных программных документах абхазского национального движения¹⁴, об этом же говорил известный абхазский писатель, один из лидеров абхазского движения А.Н.Гогоуа в своем нашумевшем выступлении в журнале «Дружба народов»¹⁵.

В Тбилиси это породило новый виток антитурчаниновской кампании. Г.Гиоргадзе назвал работы Г.Ф.Турчанинова «плодом безудержной фантазии», а его утверждения «лженаучными». Недоумевая, почему в Абхазии настаивают на публикации рукописи Г.Ф.Турчанинова, он утверждал, что она «будет полна научно бездоказанными положениями и гипотетическими суждениями». При этом, - что особенно умиляет, - Г.Гиоргадзе якобы заботился о престиже советской науки, «честью которой дол-

жны дорожить все ее представители»¹⁶. К компании присоединилась М.Лордкипанидзе. Добросовестно перечислив мнения уже известных нам оппонентов Г.Ф.Турчанинова, считающих точку зрения исследователя «научно не обоснованной», она назидательно подчеркнула, что «памятников абхазской письменности ранее конца 19 в. история не знает»¹⁷. Много внимания уделено Г.Ф.Турчанинову и в коллективном ответе грузинских историков на т.н. «Абхазское письмо»¹⁸. Однако авторы ответа не утруждали себя поисками новых аргументов, потому что его «турчаниновская» часть текстуально почти полностью совпадала сopusом Г.Гиоргадзе.

Г.Ф.Турчанинову не суждено было увидеть свою рукопись напечатанной. До самого конца он отказывался признавать какую-либо значимость тех причин, по которым ей было отказано в жизни. «Книга исследует только письменные памятники четырех- и трехтысячелетней давности, и никакого отношения к взаимоотношениям народов на территории исторической и современной Абхазии не имеет и никак их не характеризует»¹⁹, писал он, пытаясь спасти свое детище. Однако аргументы, которые естественны для истинного ученого, смешны и наивны в глазах тех, кто охраняя престиж идеологии, делает вид, что озабочен престижем науки. Между тем, ничто не наносит большего удара по ее престижу, чем практика закулисных писем - «рецензий», подменяющих открытую и свободную дискуссию.

Г.Ф.Турчанинов желал именно этого - открытой и свободной дискуссии. Он понимал, что его работы, вносящие слишком резкие и радикальные изменения в устоявшиеся представления, не могут не вызвать критики, скепсиса и возражений, но - сам яркий и тепераментный полемист, - он был готов отстаивать обоснованность своих позиций.

Вне зависимости от истинности или ошибочности точки зрения Г.Ф.Турчанинова, майкопская плитка, подлинность которой все же признается большинством исследователей, является свидетельством важнейшей, но, увы, до конца еще не познанной страницы культурной истории древнего Кавказа. «Закрытие» книги Г.Ф.Турчанинова повлекло за собой выпадение из сферы исследовательского интереса кавказоведческой науки и самой проблемы майкопских писем, что нанесло непоправимый ущерб ее развитию. Необходимы новые усилия специалистов - прежде всего, конечно, языковедов, но также и представителей широкого спектра исторических дисциплин, для того, чтобы приблизиться к окончательному разрешению майкопской загадки. Естественно, что успешное продвижение по этому пути невозможно без знакомства с фундаментальными исследованиями Г.Ф.Турчанинова, которые в полной мере должны быть введены в научный оборот.

Это важнейшая причина, которая стимулировала появление в свет настоящего издания. Вторая вытекает из убеждения в необходимости покончить с величайшей несправедливостью, которая была допущена в отношении Г.Ф.Турчанинова. Отказ исследователю в возможности опубликовать результаты своих изысканий не может быть оправдан никакими соображениями политической или идеологической целесообразности. К сожалению, в истории науки есть немало примеров, когда научное наследие ученого возвращалось к читателю только после смерти автора. У данного издания такая же судьба. Способствуя его выходу в свет, мы воздаем долг благодарной памяти замечательному ученому-кавказоведу Георгию Федоровичу Турчанинову.

*Ю.Д.Анчабадзе,
Руководитель Московского исследовательского
центра абхазоведения*

¹ Турчанинов Г.Ф. Кабардинская надгробная надпись греческого письма конца XV в. (1581 г.) // Сообщения АН Грузинской ССР. Тбилиси. 1944. V(3).

² Обзор истории находок и изучения эпиграфики Кавказа в русской науке см.: Лавров Л.И. Введение // Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 1. Надписи X- XVII вв. М. 1966.

³ Габуния З.М. Научные портреты кавказоведов-лингвистов. Нальчик. 1991. С. 208.

⁴ Турчанинов Г.Ф. Древнейший письменный памятник Кавказа // Вестник древней истории. 1965, N 3; 1966, N 2.

⁵ Крупнов Е.И. О загадочной майкопской надписи // Вопросы истории. 1964. N 8.

⁶ Дьяконов И.М. Майкопские письма (К методике работы дешифровальщика) // Вестник древней истории. 1966. N2.

⁷ Аутлев П.У. К вопросу о возрасте Майкопской плиты // Вестник древней истории. 1966. N 2.

⁸ Лавров Л.И. К попытке чтения майкопской надписи // Советская этнография. 1967. N 2.

⁹ Сегодня данная аргументация у автора звучала бы, возможно, иначе, так как в соответствии с современными научными представлениями очевидно, что возникновение письменности отнюдь не детерминировано наличием социальной стратификации в общественном устройстве и функционированием государственных институтов. Инки, создавшие мощную империю, оставались по существу бесписьменными, в отличие от владевших письменностью майя и ацтеков. В то же время этнография знает немало обществ, где государственная организация как таковая не сложилась, но письменность существует, например в традиционном социуме затерянного в океанских просторах Полинезии о.Пасхи (знаменитая «кохау ронго-ронго»). Письменность появляется вместе с усложнением

культурных, цивилизационных характеристик общества, того, что Г.Ф.Турчанинов не совсем удачно назвал «этническая полнота». В этом смысле «майкопское» общество вполне могло быть готово к овладению письменной культурой.

¹⁰ Архив РАН. Ф.679, оп. 3, д. 1004, л. 2; д. 1041, л. 21; д. 1135, л. 5.

¹¹ Архив РАН. Ф. 679, оп. 3, д. 1242, л. 7.

¹² Там же. Л. 5.

¹³ Впрочем, в тот период широкой научной общественности было известно лишь одно критическое выступление: Лордкипанидзе Г.Колхида в IV-VI в. до н.э. Тбилиси 1978 . Позднее был опубликован текст рецензии: Гамкрелидзе Т. Об одном открытии профессора Турчанинова // Вечерний Тбилиси. 1989. 7. 04.

¹⁴ Абхазские письма. (1947-1989). Сборник документов. Т. 1. Сухум. 1994. С. 422.

¹⁵ Дружба народов. 1989. № 5.

¹⁶ Гиоргадзе Г. Истина - превыше всего // Заря Востока. 1989. 9.04.

¹⁷ Лордкипанидзе М. Некомпетентность - в ранг истины? // Заря Востока. 1989. 21.07.

¹⁸ По поводу искажения истории грузино-абхазских взаимоотношений (ответ авторам «Абхазского письма») // Заря Востока. 1989. 28.07. На тбилисском политическом лексиконе «Абхазским письмом» называется документ, направленный большой группой абхазской интеллигенции XIX всесоюзной конференции КПСС в 1988 г.

¹⁹ Абхазские письма. С. 200.

Сокращения

- абаз. - абазинский язык.
абж. - абжуйский диалект абхазского языка.
АБРСл - абазинско-русский словарь. Под редакцией Тугова В. Б. М., 1967.
абх. - абхазский язык.
АТ. - Грамматика абхазского языка, Сухуми, 1968.
Аджинджал. - Аджинджал И.А. Из этнографии Абхазии. Сухуми. 1969.
АИЯЛИ. - Адыгейский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Майкоп.
ашхар. - ашхарский диалект абазинского языка.
ББД. - Бгажба Х. С. Бзыбский диалект абхазского языка. Тбилиси, 1964.
бзыб. - бзыбский диалект абхазского языка.
Генко. - Генко А. Н. Абазинский язык. М.-Л., 1955.
География. - Страбон. География в 17 книгах. М., 1964.
Гулия. - Гулия Д.И. Сборник абхазских пословиц, загадок, скороговорок, омонимов омографов, народных примет о погоде, заговоров и наговоров. Сухуми, 1939.
Дирр. - Dirr A. Die Sprache der Ubychen - «Caucasia» Leipzig, 1927, fasc. IV, Leipzig, 1928, fasc. V.
ВДИ. - Вестник древней истории. Москва.
ДА. - Дивихгер Д, Алфавит. М., 1963.
Дьячков-Тарасов. - Дьячков-Тарасов. Мамхеги. Изв. Кавк. отд. Русского геогр. об-ва. 1901, т. XIV, № 1. Тифлис, стр. 238-241.
Евлия Челеби - [Брун Ф.] Путешествие турецкого туриста вдоль по восточному берегу Черного моря - Записки Одесского об-ва истории и древностей, 1875, т. IX, Одесса.
ИАН. - Известия Академии Наук.
ИГАИМК - Известия Государственной Академии истории материальной культуры. Ленинград.
Инал-Ипа - Инал-Ипа Ш.Д. Абхазы (историко-этнографические очерки), 2-е перераб. доп. изд. Сухуми, 1965.
Инал-Ипа. ИЭА. - Инал-Ипа Ш. Д. Страницы исторической этнографии абхазов. Сухуми, 1971.
Инал-Ипа. ОБС - Инал-Ипа Ш. Д. Очерки по истории брака и семьи у абхазов. Сухуми, 1954.
ИЭ. - Историческая энциклопедия. Москва.
ИЭСОЯ, I. - Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I, М.-Л., 1958.

- Клычев.** - **Клычев Р.Н.** Глагольные суффиксы направления в абазинском и абхазском языках. Черкесок, 1972.
- КСИА.** - Краткие сообщения Института археологии. М.
- ЛАД.** - **Ломтатидзе К. В.** Ашхарский диалект и его место среди других абхазо-абазинских диалектов. Тбилиси, 1954.
- Люлье.** - **Люлье Л. Я.** Черкесия. историко-этнографические статьи. Краснодар, 1927.
- МАК.** - Материалы по археологии Кавказа. Москва.
- МАР.** - Материалы по археологии России. СПб-Пгр.
- МАСл.** - **Марр Н.** Абхазо-русский словарь. Л., 1926.
- Месарош - Mészáros J/ Die Pákhy-Sprache Ancient Oriental Civilization,** 1934, №9. Budapest-Chicago.
- МК.** - **Верещагин Н.К.** Млекопитающие Кавказа. История формирования фауны. М.-Л., 1959.
- ОАК.** - Отчеты Археологической Комиссии. СПб-Пгр.
- РАСл.** - Русско-абхазский обратный словарь (По Абхазско-русскому словарю Н. Я. Марра, с указателем к нему, сост. В. Кукба и А. Хашба, под ред. К. Дондуа. Л., 1928 /
- РВА.** - **Джанашия Н.** Религиозные верования абхазов. ХВ. 1915. т.IV, в. 1, СПб.
- СА.** - Советская археология. Москва.
- СМАА.** - Сборник материалов по археологии Адыгеи. Майкоп.
- ТАИЯЛИ.** - Труды Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа, Акуа-Сухуми.
- ТАНИИ.** - Труды Абхазского научно-исследовательского института. Сухум.
- ТППЯ.** - **Турчанинов Г. Ф.** Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Л., 1971.
- ТЧНИИ.** - Труды Черкесского научно-исследовательского института. Черкесск.
- У.** - **Услар К.** Абхазский язык. Тифлис. 1887.
- убых.** - **убыхский язык.**
- Услар.** - **Услар П. К.** О языке убыхов. Приложение к Этнографии Кавказа. Языкознание, I, Тифлис, 1887.
- ХВ.** - «Христианский Восток», СПб. - Пгр.
- Чарая.** - **Чарая П.** Об отношении абхазского языка к яфетическим. СПб, 1912.
- ШАА.** - **Шакрыл К. С.** Аффикация в абхазском языке. Сухуми, 1961.
- Шхаровский.** - см. ашхар.
- ЯУ.** - **Генко А.Н.** О языке убыхов. ИАН, VII серия, 1928, № 3.

3(6). - В «Комментариях» к текстам первая цифра показывает строку текста, вторая в скобках слово строки.

= - знак равенства.

[ ] - квадратные скобки применяются при восстановлении слова или части его.

|| - параллельно существующие формы.

* - предполагаемая форма.

← или → - стрелка показывает исходную форму

{ } - отмечает диалектальную факультативность звука.

Силл. - силлабарий; цифра при сокращении указывает на рубрику.

DBGr. - Dunand, M. Byblia Grammata, II, Beyrouth, 1945.

Dumézil, I - Dumezil, G. La langue des Oubykhs, Paris, 1931.

Dumézil, II - Dumezil, G. La verbe «oubykh», Paris, 1975.

FF - Forschungen und Fortschritte, Nachrichtenblatt der deutschen Wissenschaft und Technik. Berlin.

Jensen - Jensen, H. Die Schrift in Vergangenheit und Gegenwart. Berlin, 1958.

Jg. - Jahrgang

SC - Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. I, вып. I, 1890, СПб; Т. II. вып. 1, 1904, СПб.

Syria - «Syria» Revue d'Art oriental et d'Archeologie. Paris.

Vogt - .Vogt, H. Dictionnaire de la langue Oubykh, Oslo, 1963.

ZDMG - Zeitschrift der Deutschen Morgen elandischen Gessellschaft, Leipzig,

Список литературы и примечания автора

- 1 Изд-во «Наука», Л., 1971, стр. 115-116.
- 2 Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1975, с. 487.
- 3 Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска, т. 2, / Екатеринодар, 1913, с. 13.
- 4 Лавров Л. И. Этнографический очерк убыхов. АИЯЛИ, Майкоп, 1968, т. VIII, с. 6.
- 5 Dunand M. *Byblia Grammata*, II Beyrouth, 1945.
- 6 ВДИ, 1965, N 3; 1966, N 2.
- 7 ТППЯ, 11-42.
- 8 Ныне она называется Аквинская (Сухумская) 1-я строительная надпись. См. здесь сноску 9.
- 9 Акуа - национальное название столицы Абхазской АССР. По-русски Сухум. В дальнейшем, поскольку в моем исследовании идет речь о письменной культуре предков абхазов, в тех случаях, когда памятник окажется найденным в их исконных местах, я буду именовать его национально: Аквинский, (Сухумский), Цандрипшский и т. п.
- 10 ТППЯ, с. 115-116.
- 11 См. здесь 82.
- 12 Уваров П. С. Могильники Северного Кавказа. МАК, вып. XIII, М., 1900, с. 15-16, табл. IV, рис. 3 и 4; Трапш М. М. Памятники колхидской и скифской культур в селе Куланурхва Абхазской АССР, [Сухум], 1962, с. 29 и след. рис. с. 31. Слова абх. и=куа=га, абаз. къуага по составу своему достаточно прозрачны: в абх, и= старый именной показатель класса вещей (в абазинском слове он отсутствует), абх. и абаз. куа||кIуа - "бронза", заключительный компонент слова га хорошо устанавливается абхазским, абазинским и убыхским языками в значении "твердый", "крепкий". Итак, куа=га || кIуа=га это "крепкая бронза", она же "бронзовый топор". В связи с последними двумя значениями слова, срав. абх. "железный топор" и "железо", по-абхазски обоих случаях аиха.
- 13 В урартской письменности не было графического знака для звука о. См. Меликишвили Г. А. Урартский язык. М., 1964, с. 22.
- 14 Климов Г. А. Кавказские языки. М., 1965, с. 25.
- 15 Соловьев Л.Н. Новый памятник культуры связей Кавказского Причерноморья в эпоху неолита - стоянка Воронцовской пещеры. ТАИЯЛИ. т. XXIX, 1959; Анчабадзе З.В. История и культура древней Абхазии. М., 1964, с. 120 и след.; Воронов Ю.Н. Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969, с. 74
- 16 Анчабадзе З.В. Очерк этнической истории абхазского народа. Сухум, 1976, с. 21
17. В отношении термина кашак (осет. кэсэег) положение четко сформулировано В.И. Абаевым: «Происхождение термина не установлено». ИЭСОЯ, с. 588-589. Термин кэсэег (кашак) не выходит за пределы средних веков. Попытку этимологии этого этнонима см. у меня в статье: «Ономастические этюды.» 1. Осет. кэсэег - черкес, кабардинец (Сб. Лингвистические исследования, 1975. Иссле-

дования до грамматике языков народов СССР. М., 1975, с. 145-150, 153-154. Местным, но по времени более древним, чем кэсээг, оказывается и этноним ацшил || ацсил. Надеюсь, что в недалеком будущем я смогу обнародовать в печати моё мнение по этому вопросу.

18 Фармаковский Б. В. Архаический период в России. 2. Майкоп. МАР, вып. 34, Пгр., 1914, с. 50-78, табл. XX-XXIX.

19 См. здесь. Очерк 1. Фонетизированные силлабо=пиктограммы на серебряных сосудах Майкопского кургана. с. 80

20 Этимология эта принадлежит местному археологу В.С. Орелкину. Я целиком ее принимаю.

21 См. здесь, текст с. 98

22 Инал=Ипа. ИЭИ, с.250

23 Столяр А.Д. Мешоко - поселение майкопской культуры. СМАА, вып. II, с. 73-98. Поселение Мешоко датируется А.Д. Столяром последнею четвертью III тыс. до н. э.

24 См. здесь с. 169-176

25 В XIX в. н. э. от большого когда-то племени АИ оставались жалкие остатки в виде айбговцев, обитавших в верховьях р. Псоу. См. комментарий к тексту табл. Д 10.(1). К племени Аи принадлежал и легендарный колхский царь Айэт (бук. «из Аи») из мифа об аргонавтах.

26 Амза (Луна) была божеством мужчин. См. РВА, с. 82-94.

27 Более пространно по этому вопросу см. ниже на с. 32.

28 См. «Проблемы абсолютного датирования в археологии». М., 1972. Статья Колчина Б. А. и Шер Я. А. Абсолютное датирование в археологии, с.7, рис. 4, где применением радиоуглеродного метода уточняются исторические даты культуры древнего Египта, ориентируясь на которые, М. Дюнан во время своих раскопок датировал библские письменные памятники.

29 "Ich bin der Meinung, dass die Leuter von Maikop, die sich dieser Schrift bedienten, in der Zeit von 2000-1800 v. Ch. vom Kaukasus nach Syrien gewandert sind und in der uralten Stadt Bylos eine neue Heimat gefunden haben. Da diese babylonische Keilschrift damals noch nicht so verbreitet war wie 500 Jahre später, schrieben in der Sprache des damaligen Byblos, das heisst Kanaanäisch. Es war eine gleiche Wanderung wie die der Träger der Chirbet=Herah=Keramik (See von Tiberias), die, wie wir heute wissen, um 2400 v. Ch. auch vom Kaukasus über Anatolien und Syrien nach Palästina gewandert sind, nach der einzigen Landbrück von Asien nach Afrika. Wir dufen uns den Verkehr in jenen alten Zeiten gar nicht so klein vorstellen. Dies ist meine Ansicht zur Sache». (Личный архив автора)

30 ТППЯ. с. 115-116

31 ТППЯ, с. 25

32 См. здесь. Очерк 1, с. 91

33 См. здесь. с. 177-179

34 ТППЯ. с. 11-12. В популярной форме история этой дешифровки изложена в переведенной на русский язык книге Эрнста Добльхофера. Знаки и чудеса (М. 1963, гл. VI, стр. 268-273).

- 35 Irku, F. Wortschaz and Grammatik der gublichen Inschriften. ZDMG. 102, 1952.
- 36 Parrot, A. Edouard Dorme (1881-1966). Revue d'Assyriologie et d'Archeologie orientale, Paris, 1966, N 1, p. III.
- 37 ВДИ. 2, 1966, стр. 104.
- 38 DBGr. pp. 88 al.
- 39 Fridrich, J. Geschichte der Schrift, Heidelberg, 1966, S. 59.
- 40 DBGr. p. 92.
- 41 "Les rapprochements avec mes pseudo=hieroglyphs sont assez surprenants. Mais ce qui gêne, c'est la distance du temps qui sépare ces écritures. Mais il faut reconnaître aussi que les relations de Bybles avec le Caucase remontent pour la métallurgie au début du deuxième millénaire. Et mes pseudohieroglyphs ont pu être en usage un bon demi-millénaire.
- Je souhaite que vous poursuiviez actuellement vos études sur ces écritures et que vous nous donniez bientôt des précisions sur les inscriptions du l'Abkhazie.» (Из письма от 27 декабря 1972 г.) - Личный архив автора.
- 42 Ввиду того, что убыхский язык подвергся сильной инфильтрации со стороны черкесской (адыгской) речи, убыхские фонетические параллели в силлабарии приводятся мной ограниченно. Убыхские примеры сосредоточены в комментариях к текстам памятников.
- 43 Из литературы, см.: DBGr., pl. XX, a, pp. 146-147, pl. XVI, a, b, pp. 148-149; fig. 49; p. 152, fig.; p. 156, fig. 51; p. 160, fig. 52 (tabl.); Jensen, S. 266, Abb. 237; S. 275, Abb. 251; S. 276, Abb. 252. АБРС., стр. 481. табл.; ББД., стр. 93, табл.; ДА., стр. 283, , рис. 137, табл.
- 44 ОАК. 1897, СПб., с. 2-11, рис. 1-41. Описание захоронения дается в основном по этому источнику и Фармаковскому Б. В. См. Архаический период в России. 2. Майкоп - МАР, 34, Пгр., 1914.
- 45 Из этой литературы укажу в хронологическом порядке на следующие работы: Tallgren, A. M. Die Kupfer und Bronzezeit in Nord - und Ostrussland. Helsingfors, 1911, in Suomen Muinais Meistoyhdis tyksen Aikakouskirya (Finska Fornminnes fu reningeus Todskrift) XXV, S. 200 usw.; Фармаковский Б. В. Архаический период в России, стр. 50-78. табл. XX-XXIX; Иессен А. А. 1) К хронологии «Больших Кубанских курганов» СА, 1950, т. XII, стр. 157-200; 2) Тезисы не сессии Академии Наук СССР. - ВДИ, 1962, №4, сто. 179; Формозов А. А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М.. 1965, стр. 64-158; Mantzevitsh Anastasia. Sur quelques objets du tumulus de Maikop - Alba Julia. MCMLXXI [1971]/ In Acta Musei Apulensis/ Apulum, IX, p. 103-127. Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975, гл. V. Майкопская культура, стр. 197-335.
- 46 Аульэ П. Ошъаде итхъд. (История Майкопского кургана). (На адыг. яз.) СМАА, 1972, 1972, т. III, Майкоп, стр. 134. Курган находился на пересечении Курганной и Подгорной улиц, где ныне д. № 23/264. На месте скрытого кургана на доме утверждена памятная доска с надписью: «В этом районе в 1897 г. под руководством известного русского археолога Николая Ивановича Веселовского произведены раскопки Майкопского кургана.»

47 Композита (а=)шьапык(=ра) гесп. (а=)шьапк(=ра) образована из трех компонентов: шья(→шьы) - “рассвет”, пы(→(а=)фы) - ‘молния’ ик(=ра) - “ловить”, “хватать”. Первый компонент сохранился в абаз. шьымта - ‘утро’, букв.: шьы (←шья) - “рассвет”, =мта(абх. (а)амта) - “время”), второй компонент сохранен в абх. а=фы - ‘молния’, звучавшем в древности, как подсказывают ашуйские тексты, - а пы т.к. звука ф в языке в ту пору еще не было (см. комментарий к табл. Ц4(1). Вероятно брызги первых лучей восходящего солнца воспринимались как молнии. Последний, третий компонент композиты - к(=ра) - “ловить”, “хватать”, не требует пояснений. Более обширная этимология глагола (а) шьяпк(=ра) дана мной в подготовленной к печати работе: «Историко=этимологический документированный словарь ашуйского (древнего абхазо=абазино=убыхского) языка.»

48 Фармаковский Б. В. Цит. соч., с. 56.

49 ИЭ. 1965, т. VIII, с. 911. Статья: Майкопский курган.

50 статья ИЭ.

51 Столяр А. Д. Мешокос - поселение Майкопской культуры. СМАА, т. II, Майкоп, 1961, с. 73-98.

52 Древние гробницы вождей на Кавказе. Некоторые аспекты социологической интерпретации. В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973, с. 102-112.

53 Цит. соч. с. 102.

54 Кушнарева К. Х. К вопросу о социальной интерпретации некоторых погребений южного Кавказа. КСИА, М., 1937, № 134, с. 13.

55 Массон В.М. Цит. соч., стр. 112. Имеются в виду племена археологической «Майкопской культуры».

56 Иессен А. А. Золото Кавказа. ИГРМК, 1935, № 110, с. 171-172. Разрядка моя. - Г. Т.

57 К критике политической экономии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2, т. 13, стр. 137.

58 См. например Черных Е. Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966.

59 Исключение составляют убыхи, потерявшие некоторую долю своего древнего языка при смешении с черкесами.

60 Напомню исследователям майкопских сосудов, что произведенный непосредственно после раскопок Н. И. Веселовского химический (металлургический) анализ серебра обнаружил в нем: серебра 97,29 %, золота 0,64 %, меди 1,81 %, хлора, серы, свинца 0,26 %. (ОАК за 1897 г. СПб., 1900, с. 7, сноска). Данные анализа показывают, что в этом случае мы имеем дело не с искусственным сплавом, а с природным соединением.

61 Так назвал этого зверя Н. И. Веселовский. ОАК, 1897, с. 8.

62 Турчанинов Г. Ф. Майкопская надпись XIII-XII вв. до н. э. ТППЯ. Л., 1971, с. 11-34.

63 Dunand V. *Vyblia Grammata*, II, Beyrouth, 1945. Здесь и далее я придерживаюсь датировок предложенных М. Дюнаном. О возможных коррективах см. во «Введении» к книге.

64 Каким было первообразное имя “лев” в абазинском и убыхском также неизвестно. В абазинском оно ныне заимствовано из кабардино=черкесского - ас-льян, в убыхском слово “лев” не зафиксировано.

65 Формозов А. А. Археологические исследования пещер в верховьях реки Белой, в Краснодарском крае. СМАА, т. II, с. 46 (палеозоология костей принадлежит Н. К. Верещагину).

66 Громов В. И. Палеонтологическое и археологическое обоснование континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР. (Млекопитающие, палеолит). Труды Ин-та геологических наук, 1948, вып. 64, геолог, серия. № 17, с. 427.

67 Верещагин Н. К. Млекопитающие Кавказа. История формирования фауны. М.-Л., 1959. Сокращенно: МК., с. 370,519. Следует иметь ввиду, что привлекая для иллюстрации своего мнения изобразительные материалы Майкопского кургана Н. К. Верещагин пользуется старой датировкой кургана - II тыс. до н. э.

68 Очерки истории Адыгеи. Майкоп, 1957, с. 19. Текст принадлежит археологу Н. В. Анфимову.

69 Инал=Ипа Ш. Д. Страницы исторической этнографии абхазов. Сухуми, 1971, стр. 250 и след. (Сокращенно ИЭА)

70 Мунчаев Р. М. Бронзовые псалии майкопской культуры и проблема возникновения коневодства на Кавказе. Сб. Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973, с. 71-76.

71 МК стр. 329. Мнение Б.В. Фармаковского (Цит. соч. стр. 59), что на сосуде изображен дикий осел (онагр) ныне нужно считать устаревшим.

72 МК стр. 519.

73 В абазинском это слово изменилось в чэ.

74 Аджинджал И. А. Из этнографии Абхазии. Сухуми, 1969, стр. 15; Инал=Ипа Ш. Д. К вопросу о матриархально=родовом строе. ТАИЯЛИ, вып. XXV, Сухуми, 1954. стр. 246-250, № 8, 249-250.

75 Дмитриева Е. Л. Фауна неолитической стоянки Мешоко - СМАА, т. II, стр. 99-100.

76 В убыхском это слово в форме жэа сохранилось в названии “оленя” и “косули” (Vogt, 221, 2344).

77 МК с.382

78 Инал=Ипа Ш. Д. Страницы исторической этнографии абхазов (ИЭА) стр. 286 (таблица)

79 Генко А. Н. О языке убыхов. ИАН, 1928, УП серия № 3, с. 239-240. (Сокращенно ЯУ).

80 Палеозоология в данном случае опять работает на нас. Среди костей древней фауны энеолитической стоянки Мешоко оказываются в достаточном количестве кости и свиньи, и коз и овец. Эти животные в хозяйстве были обычными. Дмитриева Е. Л. Фауна энеолитической стоянки Мешоко. СМАА, II, с. 99.

81 ИЭ, т VIII, с. 911;ФармаковскийБ.В.Цит.соч.с. 72.

82 Mantzevitch, A. Цит. соч.

83 Медведь по=убыхски мышэа, абх. (а)мшэ, абаз. мшэы. Абхазский и абазинский языки подсказывают, что название было табу, букв. означавшее: мы-“не”, -шэа- “страшный”. В связи с тем, что в бзыбском диалекте абхазского языка (МАСл. 102, а) существует форма (а)сэа(ра)- “страшиться”, “бояться”, можно предполагать, что для названия “медведь” существовала также форма “мысэа”. В данном случае имеется ввиду бурый медведь (*ursus actors* L), который весьма распространен на Кавказе. Для эпохи культуры майкопского кургана кости его засвидетельствованы на энеолитической стоянке Мешоко (СМАА), т II, 99). См. также у Верещагина Н. К. в МК 265.

84 Dumezil, G. *Lalangue des Oubykhs*, Paris, 1931, p. al.

85 Следует иметь в виду, что в ашуйском письме древнейшего периода аффикс определенности а=- при именах был распространен весьма ограничено и даже при собственных именах мог не обозначаться, почему я и ставлю а при (а)шэы в скобки.

86 ЯУ. Цит. соч. с. 239-240.

87 Современное восточно=черкесское (кабардинское) название Кубани Псыжь - “Старая река” представляет собой народную этимологию непонятого Пшыз.

88 Фармаковский Б. В. Цит. соч., с. 74.

89 Г. А. Меликишвили в статье «Наименование города Фасиса и вопрос об этническом составе населения древней Колхиды (ВДИ, 1966, 1, с. 82-86) пытается, как и некоторые другие исследователи, видеть основанный греками, как полагают, в промежуток VIII-VI вв. до н. э. город Фасис в грузинском названии города Поти. Мне представляется, что этот вопрос нужно решать по связи с р. Фасис в комплексе таких туземных имен как Айэт, Айа, Кутайа, Амарантские горы и прочих названий, связанных с мифом об аргонвтах и с колхами=ашуйцами.

90 Марр Н. Я. История термина «абхаз», в кн. Марр Н. Я. О языке и истории абхазов М.-Л., 1938, стр. 48.

91 Аполлоний Родосский. Аргонавтика, кн. 2, строки 399-401, SC. I, 413.

92 Фармаковский Цит. соч., стр. 73-76.

93 Там же. Цит. соч., стр. 75.

94 Там же. Цит. соч. стр. 68.

95 Палеозоолог Н. К. Верещагин также находит, что контурные изображения козлов на серебряном сосуде Майкопского кургана весьма напоминают собой западнокавказских горных козлов (*capra caucasica severizovi*), т. е. туров. (МК, 364). Горный козел на Кавказе весьма древен. Он известен уже в палеолите.

96 В фоветизированных силлабо=пиктограммах фонетического отражения не нашли. См. ниже также

97 Дело не только в омонимии слов. В абхазском устном народном творчестве душа человека часто представляется в образе птицы. См., например, Инал=Ипа Ш.Д. Об абхазских нартских сказаниях. ТАНИИ, 1949, т. XXIII, стр. 1Q2.

98 А.Л. Лукин. Эшерская находка, ТАИЯЛИ, XVII, Акуа - Сухуми, 1956. с.156-159, рис. табл. XI с. 177.

- 99 МК.с. 281.
- 100 Там же, стр.281.
- 101 ЛукинА.Л. Эшерская находка с. 157-159.
- 102 Следует учитывать существовавшую в ашуйском языке, как иногда то и в современном абхазском, мену в употреблении губных б -п, б -пэ.
- 103 SC, 413, II, p. 395-400.
- 104 SC, 422, IV, p. 272-293.
- 105 Струве В. В. Предисловие к книге: Эрнст Добльхофер. Знаки и чудеса. М., 1963, с. 11.
- 106 Джапаридзе О. М. К этнической истории грузинских племен поданным археологии. Тбилиси, 1976, с. 340. (На груз. языке с русским резюме). Подчеркнуто мной - Г. Т.
- 107 Инал=Ипа Ш. Д. Вопросы этно=культурной истории абхазов. Сухуми, 1976, стр. 422 и след. Подчеркнуто мной.
- 108 Труды Отдела первобытной культуры Гос. Эрмитажа, т. 1, Ленинград, 1941, с. 80-81, рис. 10.
- 109 Цит. соч. с. 23 и 24.
- 110 Ю. Н. Воронов. Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969, с. 46, п. 57.
- 111 Цит. соч. с. 80.
- 112 ББД. с. 241, 408.
- 113 Шервашидзе Л. А. Повесть о городе взятом волнами. Сухуми, 1967, с. 60.
- 114 DBGr. pp. 152-155. 200. ppl. XV, a.
- 115 Инал=Ипа Ш. Д. Абхазы. Сухуми. 1965, стр. 250; ББД. 212.
- 116 Калантадзе А. Археологические памятники Сухумской горы. Сухуми, 1953, с. 82.
- 117 ЛукинЛ. А. Материалы по археологии Бзыбской Абхазии. Труды Отдела первобытной культуры Гос. Эрмитажа, т. I, Л., 1941, с. 64, табл. XVIII, рис. 1.
- 118 ТППЯ,стр.16-17.
- 119 Н. Я. Марр указывает а=пы - "громовержец" при абжуйском (джгерском) а=фы и бзыбском (калдахварском) а=фы. (МАСл, 77, б).
- 120 Пользуясь возможностью выразить здесь мою признательность В.С. Орелкину за сведения об археологическом комплексе.
- 121 Письмо от 22 марта 1969 г.
- 122 Воронов Ю. Н. Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969" с. 79-80.
- 123 ББД, с. 331, сноска 1.
- 124 Генко А. Н. Абазинский язык.М.-Л., 1955.
- 125 Инал-Ипа Ш. Д., 418.
- 126 Известия Абхазского ИЯЛИ, 1972, Тбилиси, с. 98-112.
- 127 Шамба Г. А. Предварительные итоги работ на Эшерском городище. КСИА, № 151, М., 1977, с. 27.
- 128 И. А. Аджинджал. Из этнограф Абхазии. Сухуми, 1969, с. 44
- 129 См. его рисунок в цитированной книге В. И. Марковина, с. 21, рис. 5, 1.
- 130 См. его рисунок в цитированной книге В. И. Марковина, с. 62, рис. 25, 5.

- 131 И.А. Анджиджал, цит. соч. с. 53,54. (Подчеркнуто мной Г. Т.)
- 132 Ш. Д. Инал-Ипа. Страницы исторической этнографии абхазов. Сухуми. 1971, с. 55.
- 133 В кн. Антропология, в. IV. Київ, 1931.
- 134 В. И. Марковин. Очерк изучения дольменов Прикубанья и Причерноморья. СМАА, т. III. Майкоп, 1974, с. 40.
- 135 В. И. Марковин. Цит. соч. с. 319. (Подчеркнуто мной Г. Т.)
- 136 Г.А. Дзидзария. Из истории мореходства в Абхазии, Труды Сухумского гос. пединститута, XII, 1959, с. 85-104; Ш. Д. Инал-Ипа. О мореплавании в Абхазии в античный период и феодальную эпоху. Труды абхазского института языка, литературы и истории, в. XXX. Сухуми 1960, с. 73-92; Ш. Д. Инал-Ипа. Новые данные по истории мореходства в Абхазии. В кн. Страницы исторической этнографии абхазов, с. 189-211.
- 137 Ш. Д. Инал-Ипа. Страницы исторической этнографии абхазов. Сухуми, 1971, с. 48.
- 138 В. И. Марковин. Цит. соч. с. 231. (Подчеркнуто мной Г. Т.)
- 139 Отсюда культ очага. Г. Т.
- 140 Е. И. Крупнов. О загадочной Майкопской надписи. Вопросы истории, №8, 1964.
- 141 Подчеркнуто везде мною. Г. Т.
- 142 Письмо из Института языкознания АН СССР от 18 XII-1979 г. № 14405-01 675.
- 143 Письмо Отделения литературы и языка АН СССР от 9 сентября 1980 г. № 14400 - 359-040,1
- 144 Тбилиси, 1978. Изд-во «Мецниереба».
- 145 Аполлоний Родосский. Аргонавтика. Перевод, введение и примечания Григория Филимоновича Церетели. Тбилиси, 1964, ее. 136-137, с. 1266-1267.
- 146 Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. I, СПб. 1890, с. 417, строки 1266-1267.
- 147 Лингвистические исследования. 1978. Проблемы фонетики, диалектологии и истории языка. М., 1978, ее. 195-198.
- 148 Из истории хозяйства и культуры абхазов. Сухуми, 1973, 150.
- 149 Ц. Н. Бжания. Цит. соч. с. 150, примечание. В связи с этим есть возможность переосмыслить царское имя «Айэт» (см. с. 31, прим. 23). Имя можно с достаточным вероятием понимать не как происходящий «из Аи» т. е. Айский, а как «(богу) Аи принадлежащий» resp. «(бога) Аи раб». Имя «Аиат» могло быть также, как и имя «Мараны» помен sacrum т. е. священным именем.
- 150 В. Е. Кварчия. об абхазских антонимах - «осетин», «сван». Сб. «Вопросы кавказской филологии и истории». К 80-летию доктора филологических наук Г. Ф. Турчанинова. Нальчик, 1982, с. 49.
- 151 Гурам Лордкипанидзе. Цит. соч. с. 22.
- 152 По археологической датировке первооткрывателя библского (ашуйско-го) письма проф. М. Дюнана она относится к XIX в. дон. э.
- 153 ВДИ, 1965, №3, с. 97-108; 1966. № 2, ее. 82-98; ТППЯ с. 11-34.
- 154 т. е. священным именем. ТППЯ, с. 26.
- 155 См. ниже с. 238. Подчеркнуто мною Г. Т.
- 156 См. ниже с. 239.

«Последний из могикан» ленинградской школы кавказоведения	5
Предисловие	18
Введение	25
Силлабарий (рубрики 1, 2, 3, 4)	42
Комментарий к рубрике 1 силлабария	50
Силлабарий (рубрика 5)	57
Комментарий к рубрике 5 силлабария	58
Памятники ашуйского (древнего абхазо=абазино=убыхского) письма и языка	
Табл. I. К Очерку 1.	63
Очерк 1. Фонетизированные силлабо=пиктограммы на серебряных сосудах Майкопского кургана (середина III тысячелетия до н. э.)	65
Табл. II. К Очерку 2.	93
Очерк 2. Бронзовая табличка Д из Библа (XIX в. до н. э.) Текст, комментарий, перевод	
Табл. III. К очерку 3.	120
Очерк 3. Бронзовая спатула б из Библа (XIX в. до н. э.) Текст, комментарий, перевод	
Табл. IV. К Очерку 4.	125
Очерк 4. Стела А из Библа (XIX в. до н. э.) Текст, комментарий, перевод	
Табл. V. К Очерку 5.	135
Очерк 5. Бронзовая табличка Ц из Библа (XIX в до н. э.) Текст, комментарий, перевод	
Табл. VI. К Очерку 6.	148
Очерк 6. Бронзовая спатула ф из Библа (XIX в до н. э.) Текст, комментарии, перевод	
Табл. VII. К Очерку 7.	154
Очерк 7. Бронзовая спатула и из Библа (XIX в. до н. э.) Текст, комментарий, перевод	
Табл. VIII. К Очерку 8.	162
Очерк 8. Бронзовая спатула е из Библа. (XVII-XVI вв. до н. э.). Текст, комментарий, перевод	
Табл. IX. К Очерку 9.	165
Очерк 9. Стела Г из Библа (не датирована) Текст, комментарий, перевод	
Табл. X. К Очерку 10.	169
Очерк 10. Майкопская строительная надпись в новом чтении (XIII-XII вв. до н. э.) Текст, комментарий, перевод	
Табл. XI. К очерку 11.	176

Табл. XI. К очерку 11.	176
Очерк 11. Надпись на реверсе бронзовой спатулы Асдрубала из Библа (XI-X вв. до н. э.).	
Текст, комментарий, перевод	
Табл. XII. К Очерку 12.	180
Очерк 12. Надпись на бронзовой печатке из с. Синапли Гудаутского района Абхазии. (Рубеж - начало I тысячелетия до н. э.)	
Текст, комментарии, перевод	
Табл. XIII. К Очерку 13.	183
Очерк 13. Аквинская (Сухумская) 1-я (строительная) надпись в новом чтении. (II в. до н. э.)	
Текст, комментарии, перевод	
Табл. XIV. К Очерку 14.	186
Очерк 14. Монограмма ашуйского письма на золотой монете базилевса (царя) Саулака (Саулаха) в новом чтении (II в. до н. э.)	
Текст, комментарии, перевод	
Табл. XV. К Очерку 15.	187
Очерк 15. Аквинская (Сухумская) 2-я надпись (рубеж - I в. н. э.).	
Текст, комментарии, перевод	
Табл. XVI. К Очерку 16.	189
Очерк 16. Два граффито на черепке Аквинской (Сухумской) амфоры (II-IV вв. н. э.)	
Текст, комментарий, перевод	
Табл. XVII. К Очерку 17.	192
Очерк 17. Две надписи на сосудах с урочища Апианча в районе Цебельды (III-V вв. н. э.)	
Текст, комментарий, перевод	
Табл. XVIII. К Очерку 18.	194
Очерк 18. Надпись на пряслице с урочища Апушта в районе Цебельды (IV-V вв. н. э.)	
Текст, комментарий, перевод	
Табл. XIX. К Очерку 19.	196
Очерк 19. Клейма и меты ашуйских гончаров на обломках сосудов из Гагрского района Абхазии (поздняя античность)	
Текст, комментарий, перевод	
Дополнение I.	
Табл. XX. К Очерку 20.	209
Очерк 20. Фрагменты надписи с городища Нижняя Эшера Сухумского района (III-II вв. до н. э.)	
Текст, комментарий, перевод	
Дополнение II	
Табл. XXI. К Очерку 21.	213
Очерк 21. Надписи к и l на каменных блоках из Библа.	

Текст, комментарий, перевод	
Табл. XXII. Надгробная надпись 1 из Библа	216
Текст, комментарий, перевод	
Дополнение III	
Дополнительные знаки письма и их варианты	224
Послесловие автора	225
Г.Ф. Турчанинов и судьба его научного наследия	240
Сокращения	250
Список литературы и примечания автора	253

Лицензия ЛР № 017273 от 04.03.98 г.

Технический редактор - Колесников В.Н.

Фото-редактор - Шканин Д.О.

Сдано в набор - 16.XI.1998 г.

Подписано в печать - 02.04.99 г.

Формат 84x108 1/12

Тираж - 1000 экз.

Цена договорная.

Заказ № 82

Отпечатано в типографии ООО «Агент»,
129343, Москва, проезд Серебрякова, 14/1

тел. 187-09-18

E-mail: abaza@cityline.ru